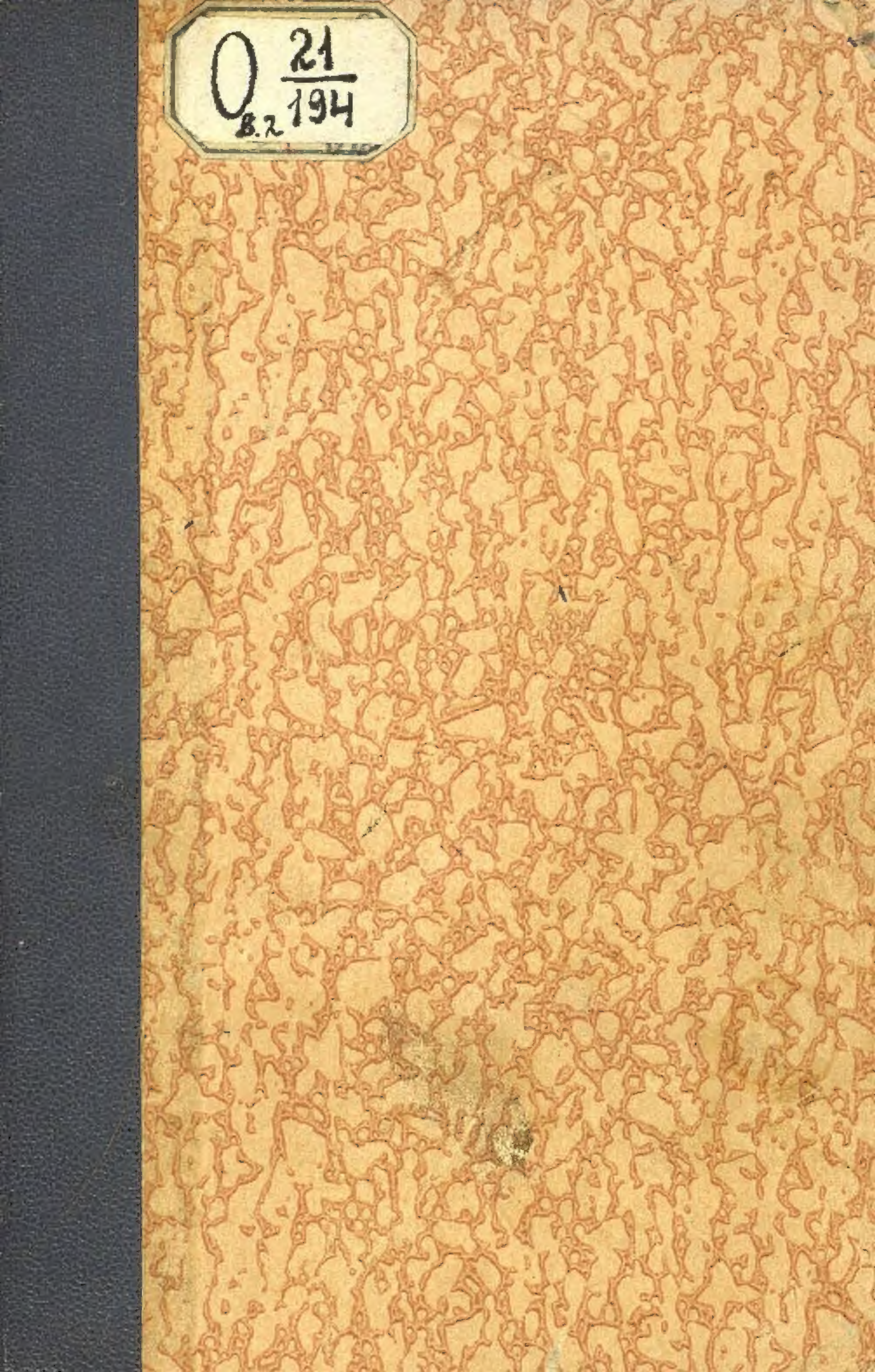
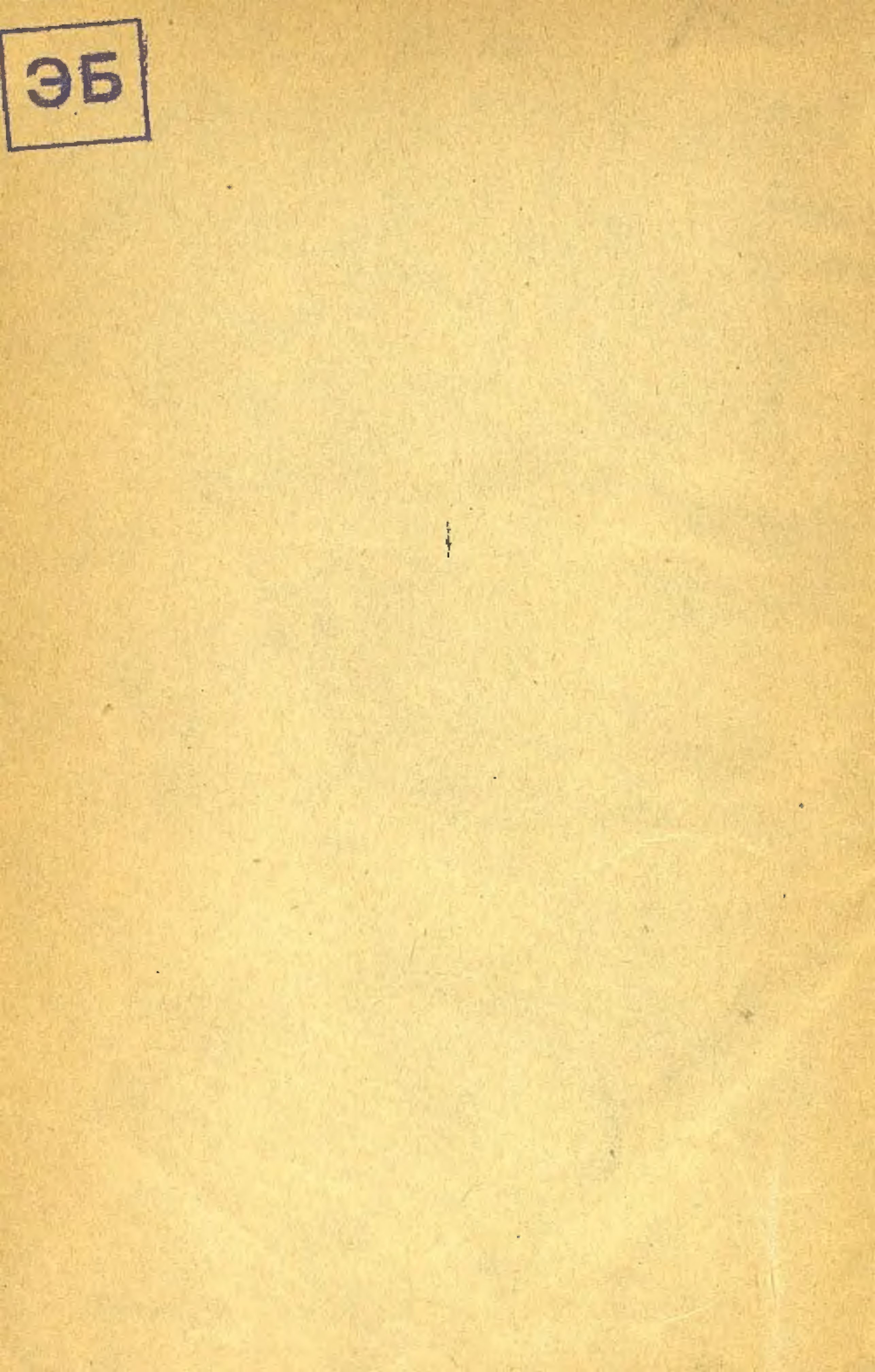

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

КРЫМА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ ТАВРИДЫ.

В. Х. КОНДАРАКИ,

члена Императорскихъ обществъ: Русскаго Географическаго, Московскаго древне-русскаго искусства, Одесскаго исторіи и древностей и др.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

1883

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ

КРЫМА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ ТАВРИДЫ.

В. Х. КОНДАРАКИ,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ: РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА, ОДЕССКАГО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ И ДР.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.
Типографія В. В. Чичерина, Моховая, домъ Каразинина, № 26
1883

2007041524

Предисловіе.

8 апрѣля этого года исполнится ровно сто лѣтъ съ того знаменитаго дня, когда мудрая императрица Екатерина II приказала принять Таврическій полуостровъ подъ скиптръ Россійской державы.

Съ тѣхъ поръ наше господство въ немъ не прерывалось ни на минуту и страна эта дѣйствительно сдѣлалась лучшею жемчужиною въ Россійской коронѣ. Благодарное дворянство Таврической губерніи, взвѣсивъ заслугу этой царицы, признало священнымъ долгомъ испросить Высочайшее соизволеніе на сооруженіе ей памятника въ губернскомъ городѣ Крыма и памятникъ этотъ, безъ сомнѣнія, будетъ принадлежать къ лучшимъ произведеніямъ зодчества XIX вѣка.

Чѣмъ и какъ отзовется по этому поводу остальная Россія—мы не знаемъ, но если вспомнимъ, чего ей стоило татарское господство въ Крыму, сколько она пролила изъ за него и въ немъ дорогой крови своихъ сыновъ, то надо полагать, что память о великой государынѣ искренно будетъ почтена. Мы не сомнѣваемся также, что геніальные уроженцы Крыма Айвазовскій и Куюнджи ознаменуютъ этотъ отрадный день какимъ-нибудь произведеніемъ своей блистательной кисти, что земство наше въ свою очередь принесетъ приличную памяти жертву и что всѣ обитатели Тавриды съ восторгомъ вознесутъ къ небу молитву какъ о той, которая предоставила имъ возможность пользоваться благами присоединенной страны, такъ равно и о тѣхъ государяхъ, которые ничего не щадили и не щадятъ для процвѣтанія этого роскошнаго и богатаго края.

Просоединяясь къ послѣднимъ, я скромно приношу на алтарь моего отечества 10 томовъ, написанныхъ въ теченіи многихъ лѣтъ о прекрасной Тавридѣ. Изъ нихъ первые три составляютъ сборникъ историческихъ картинъ отдаленныхъ эпохъ съ такими подробностями, которыя, для непосвященныхъ въ относительное значеніе ихъ, покажутся не выдерживающими строгой критики. Авторъ не осмѣлится возражать противъ этого, но онъ считаетъ долгомъ заявить, что, владѣя массою замѣтокъ дѣдовъ и зная съ дѣтскаго возраста туземныя нарѣчія, въ теченіи всей почти жизни въ Крыму, тщательно записывалъ всѣ полумиѳическія преданія, легенды и сказки, относящіяся къ этой странѣ сначала изъ любопытства, а потомъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ дополненія и разъясненія историческихъ событій. Насколько этотъ трудъ пригодился ему, — предоставляется судить тѣмъ, которымъ хорошо знакомо прошлое Тавриды съ ея смутными преданіями о давно минувшихъ вѣкахъ или тѣмъ, которые въ каждой строкѣ ея краткихъ лѣтописей сознаютъ, что маленькая по пространству область эта, благодаря своему географическому положенію, прошла, такъ сказать, черезъ всѣ главныя фазы общечеловѣческой жизни отъ до-исторической культуры до современныхъ плодовъ цивилизаціи, являясь то грозною, населенною безпощадными варварами, то дружелюбною, то въ связи, то въ зависимости, то въ торговыхъ сношеніяхъ съ древнею Азіею, Греціею, Римомъ, Византіею, Кавказскими и Славянскими народами.

Въ остальныхъ же семи томахъ благосклонный читатель найдетъ все, что, по нашему мнѣнію можетъ самымъ подробнымъ образомъ ознакомить его съ страною какъ въ естественномъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

МИТРИДАТЪ ПОНТІЙСКІЙ

царь (Керченскій) Пантикапейскій.

(Историческая картина перваго вѣка до Р. Х.).

Въ то время, которымъ начинается нашъ разсказъ, по берегамъ Чернаго моря красовались великолѣпныя греческія эмпоріи: Ольвія, Тирасъ, Ѳеодосія, Боспоръ, Херсонесъ, Фанагорія, Танаисъ, Каркинитисъ и другія, которыя имѣли постоянное сообщеніе съ древнимъ цивилизованнымъ міромъ и содѣйствовали просвѣщенію окружавшихъ ихъ кочевыхъ племенъ, извѣстныхъ подъ разными именами. Такъ напр., по словамъ Геродота, около Ольвіи номады назывались эллинскими скифами или Калипидами, а въ сосѣдствѣ прочихъ городовъ они получили болѣе благозвучныя имена. Что многіе изъ этихъ разноплеменныхъ скифовъ интересовались греческою мудростію, это доказывается тѣмъ, что цари ихъ: Скилисъ, Аѳеасъ и другіе вели переписку съ жителями Византіи на греческомъ языкѣ, а Анахарсисъ удивлялъ даже грековъ своею мудростію.

Но нигдѣ въ такой степени не благопріятствовала грекамъ судьба въ сношеніяхъ съ скифами, какъ на берегахъ теперешняго Керченскаго пролива, гдѣ у нихъ появились такія колонія, которыя могли спорить въ богатствѣ со многими лучшими городами метрополіи. Если царь скифскій Скилисъ, увлеченный жизнію и обстановкою жителей Ольвіи, имѣлъ въ ней великолѣпный дворецъ, украшенный статуями, сфинксами и грифами изъ бѣлаго мрамора и любилъ въ немъ проводить нѣкоторое время, то не подлежитъ сомнѣнію, что и скифскіе цари Тавриды имѣли свои чертоги въ Пантикапеѣ, безспорно платившей имъ первоначально извѣстнаго рода дань, что подтверждается сказаніями Іордана и Діона Хризостома,

утверждавшими, что Эллины получали право на поселенія въ Тавридѣ съ дозволенія туземцевъ.

Быть не можетъ, чтобы эти туземцы, слѣдя за возрастающимъ числомъ народонаселенія въ этихъ эмпоріяхъ, не предпринимали надлежащихъ мѣръ, чтобы не допустить ихъ до порабощенія всей страны. И вотъ они рѣшаются поставить постоянную стражу для наблюденія за ними въ несокрушимыхъ временемъ казармахъ, которыя названы криптами или пещерными городами первобытнаго человѣка, тогда какъ первобытные люди, какъ извѣстно, селились въ лѣсахъ, гдѣ имѣли возможность добывать себѣ средства къ жизни и кромѣ этого не обладали желѣзными орудіями, при помощи которыхъ высѣкались эти пещеры.

И, въ самомъ дѣлѣ, крипты эти встрѣчаются почти вездѣ около поселеній иностранныхъ выходцевъ и положительно свидѣтельствуютъ, что они созданы людьми, владѣющими желѣзными орудіями.

Нѣкоторые изъ современныхъ намъ писателей предположили, что эти искуственныя пещеры служили мѣстомъ жилища первобытныхъ людей. Но неужели двѣ, три сотни небольшихъ пещеръ могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ галоктофаговъ Тавриды?

Эта идея заставляетъ насъ серіознѣе взглянуть на дѣло и положительно вывести заключеніе, что крипты предназначены были для мѣстопребыванія очередной стражи Тавро-скифовъ, имѣющей наблюденіе за жителями иностранныхъ поселеній, а именно Мангупскіе и Инкерманскіе за Иракліотами Херсонеса; Качикальенскіе и Тепекерманскіе за горными Таврами, а встрѣчающіеся въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ около Керчи за Пантикапейцами.

Тавро-Скифы занимали всѣ почти степныя пространства Тавриды, начиная отъ втораго вала Босфорскаго царства до Каркинита и до Инкерманскихъ скалъ. Царь ихъ Скирулъ, основавъ себѣ новую резиденцію на вершинѣ недоступной скалы, на мѣстѣ теперешняго Чуфутъ-кале и, назвавъ его Неаполисомъ (или инымъ именемъ *), разсчитывалъ покончить жизнь свою мирно, но

*) По Страбону у этихъ скифовъ было три укрѣпленія подъ названіемъ: Плакіа, Неаполисъ и Хавонъ.

судьбѣ угодно было нарушить покой его предпослѣднихъ дней жизни печальною судьбою одного изъ великихъ монарховъ Азіи, знаменитаго Митридата-Евпатора, вынужденнаго перенести свою резиденцію на сѣверо-восточную окраину теперешняго Керченскаго полуострова. Вотъ объ этомъ монархѣ, измѣнившемъ первобытный патріархальный образъ правленія Таврики и накликавшемъ въ нее римскіе легіоны, мы намѣрены повѣдать читателю кромѣ историческихъ событій и такія свѣдѣнія, которыя должны близко ознакомить его съ бытомъ народонаселенія нѣкогда славной Пантикапеи, которой суждено было въ концѣ-концовъ увидѣть отчаянный скрежетъ зубовъ несокрушимаго царя Понтійскаго, для котораго сильнѣйшіе яды служили лакомствомъ, а битвы развлеченіемъ, и который долженъ былъ умереть здѣсь по волѣ сына и подданныхъ въ тотъ моментъ, когда онъ мечталъ восторжествовать надъ великимъ Римомъ, не подозрѣвая того, что римляне ни на минуту не выпускали его изъ вида и, безъ сомнѣнія, имѣли шпіоновъ, которые наблюдали за всякимъ предпріятіемъ этого желѣзнаго монарха и по мѣрѣ возможности старались разстраивать его планы и надежды сдѣлаться обладателемъ міра.

1.

Только что выглянули первые лучи солнца изъ за Босфора Киммерійскаго и озлатили зеркальную поверхность пролива, по берегамъ котораго уже забѣгали рыбачьи лодки, какъ въ Пантикапейскую бухту вошелъ на всѣхъ парусахъ большой корабль съ обломками Пароскаго мрамора, заказаннаго обществомъ скульпторовъ для изваянія статуй.

На суднѣ этомъ, въ числѣ нѣсколькихъ случайныхъ пассажировъ одинъ пользовался особеннымъ уваженіемъ шкипера, какъ чистокровный эллинъ съ филантропическими наклонностями, посвятившій всю жизнь свою на служеніе человѣчеству.

Когда корабль приблизился къ пристани и послѣдовали обыкновенные допросы, откуда, съ чѣмъ и кѣмъ онъ прибылъ, судохозяинъ подалъ на маленькой дощечкѣ краткій отчетъ и представилъ начальнику порта до-

стопочтеннаго пассажира своего въ качествѣ философа изъ Аѳинъ.

— Мраморъ ты можешь сдать хозяевамъ — отвѣчалъ начальникъ — но философа мы примемъ сами и предоставимъ ему все необходимое отъ лица гражданъ, въ нарочно воздвигнутой для почтенныхъ гостей ксенодохіи (гостинницѣ).

— А еслибъ я предпочелъ, другъ, жить у васъ на собственныя средства? спросилъ дидактикъ.

— Этимъ поступкомъ ты оскорбилъ бы гражданъ нашихъ — отвѣчалъ находившійся случайно на пристани эллинархъ (воевода).

— Въ такомъ случаѣ веди меня, куда знаешь: я не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы оскорблять добрыхъ людей.

Сказавъ это, *перпатигъ* *) вышелъ на пристань съ небольшимъ мѣшкомъ, въ которомъ заключалось все его дорожное имущество. Это былъ высокій мущина лѣтъ 45, нѣсколько сгорбившійся, съ орлинымъ носомъ, большими черными глазами, оттѣненными длинными рѣсницами и неестественно большимъ ртомъ. Осмотрѣвшись по сторонамъ съ какимъ-то злорадствомъ, онъ безмолвно послѣдовалъ за однимъ изъ стражниковъ, которому приказано было отвести его въ городскую ксенодохію, находящуюся на площади, какъ бы съ цѣлью сдѣлать ее доступною для всѣхъ гражданъ.

— Добро пожаловать, божій странникъ—сказалъ завѣдывающій гостинницею старичекъ — милости просимъ къ утреннему завтраку; у меня сегодня очень хорошая муруна (осетрина) и не дурное вино. Но если ты предпочитаешь другія породы рыбъ, то я подамъ тебѣ кефаль, камбалу и превосходныхъ бычковъ.

— Все, созданное богами для питанія нашего тѣла, безразлично хорошо. Спасибо за гостепріимство!

Съ этими словами перпатигъ послѣдовалъ за завѣдывающимъ гостинницею, которому сообщилъ за завтракомъ, что онъ недавно выѣхалъ изъ Аѳинъ, что его зовутъ Страбономъ, вѣчно скитающимся по міру.

---

*) Т. е. ходящій, бродящій. Не слѣдуетъ смѣшивать этого слова съ перипатетиками, державшимися отдѣльнаго философскаго толка.

— А какому толку ты придерживаешься?

— Я пантеистъ въ душѣ, но не отвергаю вліянія духовныхъ или такъ сказать импровизированныхъ силъ въ видѣ любви, изобилія, счастія, бури, огня и т. п.

— Ты будешь учить или передавать свои вѣрованія пантикапейцамъ?

— Я охотно передаю свои убѣжденія всѣмъ, кто изъявляетъ согласіе выслушивать ихъ.

— Э, пріятель, лишь бы языкъ твой болталъ, а слушателей всегда будетъ много.

Послѣ завтрака Страбонъ вышелъ на крылечко гостепріимнаго дома и началъ осматривать знаменитый въ Таврикѣ городъ, въ которомъ въ настоящее время царствовалъ замѣчательнѣйшій изъ царей земныхъ, жестокій врагъ римлянъ, Митридатъ Евпаторъ, за которымъ сохранялось имя Понтійскаго.

Раздумывая объ участи этого жестокаго василевса, загнаннаго справедливою судьбою въ это ничтожное царство, перипатигъ не замѣтилъ, какъ подошла къ крылечку молодая дѣвушка божественной красоты и положила къ нему на плечо руку.

— Мнѣ только что передали о твоемъ пріѣздѣ, мудрецъ—заговорила она—и я захотѣла первою выслушать твой совѣтъ.

— Неужели въ этой странѣ не умѣютъ цѣнить такой безподобной красоты, что ты вынуждена искать совѣтовъ у иностранцевъ.

— Бываютъ случаи, когда свои дѣлаются пристрастными судьями и лукавыми совѣтниками—отвѣчала красавица.

— Чѣмъ же я могу тебѣ служить?

— Тремя словами, если это не отяготитъ тебя.

— Не смотря на то, что рѣдко кому изъ философовъ удавалось постановить совѣтъ или рѣшеніе въ трехъ словахъ, я постараюсь буквально исполнить твое желаніе. Разскажи мнѣ теперь, въ чемъ состоитъ твое горе?

— Видишь ли, за мною одновременно ухаживаютъ 88 жениховъ. Всѣ они люди очень знатные и богатые и всѣ угрожаютъ мнѣ смертью, если я откажу имъ. Я никого изъ нихъ еще не люблю и готова отказаться отъ

всѣхъ, не смотря на крайнюю бѣдность нашу, но престарѣлые родители желаютъ, чтобы я предпочла самаго богатаго и самаго знатнаго, не подозрѣвая того, что въ тотъ моментъ, когда меня повезутъ въ богатой колесницѣ по городу къ вѣнцу, я буду убита остальными 87-ю. Научи меня, какимъ образомъ спасти себя и удовлетворить родителямъ?

— Это значитъ, что ты рѣшаешься выйти замужъ за кого бы то ни было?

— По-неволѣ приходится сдѣлаться рабынею одного или остаться навсегда дѣвушкою.

— Даю тебѣ слѣдующій совѣтъ: розыграй себя въ лоттерею.

— Ты отвѣтилъ, дѣйствительно, тремя словами но будетъ ли это удобно?

— Не только удобно, но и выгодно для тебя. Ты властна назначить женихамъ громадную плату за билетъ и пріобрѣсти одновременно мужа и большое состояніе.

— Ты правъ, мудрецъ. Дай только счастіе мнѣ Афродита, а я безъ тебя, философъ, не буду праздновать моей свадьбы. Сказавъ это, прекрасная Гепепира еще разъ коснулась плеча чужеземца и быстрыми шагами возвратилась въ свое убогое жилище.

— Ты опять вѣрно ходила къ какой-нибудь скифской сивиллѣ? спросила мать, увидѣвъ раскраснѣвшіяся щеки дорогаго дитяти своего.

— Ну, на этотъ разъ я имѣла дѣло съ аѳинскимъ мудрецомъ—отвѣчала красавица съ самодовольною улыбкою.

— Что-жъ онъ тебѣ совѣтывалъ?

— Такую вещь, которая никогда не пришла-бы въ голову всѣмъ нашимъ гностикамъ. Онъ посовѣтывалъ мнѣ въ одно и тоже время сдѣлаться богатою и выйти замужъ за того, который суженъ мнѣ богами.

— Какимъ же образомъ можно этого достигнуть?

— Очень просто: розыграть себя въ лоттерею, какъ обыкновенную, но рѣдкую вещь.

— И ты рѣшилась на это, не испросивши напередъ согласія у твоего отца.

— Отецъ мой навѣрно не станетъ препятствовать моему единственному выходу на дорогу счастія.

Въ это время въ комнату вошелъ престарѣлыйРитанисъ.

— Я не могъ продать сегодня ни одной глиняной статуэтки—сказалъ онъ съ горечью. Съ тѣхъ поръ, какъ воцарился у насъ этотъ Митридатъ-Евпаторъ, всѣ почти помѣшались на завоеваніи Ромы и отдаютъ ему лишнее золото на безумное предпріятіе. Охъ, милая моя Гепепира, еслибъ тебѣ поскорѣе выйти замужъ, чтобы обезпечить насъ насущнымъ пропитаніемъ. Мои издѣлія въ настоящее время не въ ходу, а я ни къ чему другому неспособенъ.

— Твоя Гепепира задумала кромѣ выхода замужъ за богатаго гражданина и сама сдѣлаться богачкою— сказала мать.

— Ты разсказываешь мнѣ, добрая женщина, какіе-то миѳы, которыхъ я не намѣренъ теперь слушать.

— Мать моя сказала тебѣ совершенную правду и ты убѣдишься самъ, что я достигну одного и другаго— заявила Гепепира.

— Дочь моя, я хочу только спросить: хорошо ли ты обдумала то, на что рѣшаешься? Знаешь ли, что мудрые, принимаясь за дѣло, предварительно изслѣдуютъ не начало, а конецъ его.

— Понимаю, ты боишься, чтобы я не сдѣлалась народнымъ посмѣшищемъ, и чтобы на меня не посмотрѣли, какъ на продажную гетеру? Дѣйствительно, я рискую попасть на языки злыхъ и добрыхъ людей, но какая мнѣ надобность до ихъ безвредныхъ и безполезныхъ толковъ? Мнѣ необходимо дѣйствовать лично на проломъ, чтобы, презирая бури, достигнуть спокойныхъ водъ житейской бухты. Но если я приму всѣ мелкія препятствія за чудовищные образы и утрачу энергію, конечно, тогда паденіе мое неизбѣжно.

— Розыграть себя въ лоттерею! произнесъРитанисъ—это такъ ново и неожиданно для меня, что я не могу сообразить, какъ это возможно сдѣлать и притомъ что скажетъ нашъ почтенный епимелитъ, обязанный строго наблюдать за исполненіемъ законныхъ постановленій.

— Наши законы не воспрещаютъ намъ распоря-

жаться своимъ тѣломъ и свободною по личному усмотрѣнію.

— Но онъ можетъ признать это за дурной примѣръ?

— Я обжалую его предположеніе верховному совѣту.

— Верховный совѣтъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ не соглашается съ теоріями градоправителя въ особенности, когда въ нихъ не ясны благія послѣдствія.

— Я буду защищать право мое въ народномъ собраніи.

— Тамъ тебя подымутъ на смѣхъ, моя бѣдная Гепепира.

— И ты думаешь, что я испугаюсь этого девятаго вала? Нисколько. Я лично пойду къ мудрому Митридату и докажу ему, что Зевсъ никогда не измѣняетъ никакими теоріями основныхъ законовъ, созданныхъ для всей природы, и что цари также должны создать одинъ разъ законы и никогда не измѣнять ихъ, если только желаютъ заставить людей считать ихъ священными и достойными всеобщаго изученія.

— При такой энергіи ты, пожалуй, способна будешь сдѣлать знаменательный переворотъ въ царствѣ—сказалъ съ улыбкою добросердечный отецъ, но вотъ еще одно обстоятельство, котораго ты, дочь моя, можетъ быть не приняла въ соображеніе. Тебя можетъ выиграть какой-нибудь бѣднякъ, у котораго найдется такая сумма денегъ, которая потребуется на пріобрѣтеніе одного только билета.

— Какая мнѣ надобность до этого. Я тогда сама буду обладать огромнымъ состояніемъ и смогу жить, какъ мнѣ будетъ нравиться.

— Почемъ-же ты намѣрена брать за номеръ?

— Полъ таланта.

— А на многихъ ли покупщиковъ ты разсчитываешь?

— Вѣрныхъ у меня 88 человѣкъ, да вѣроятно случайныхъ наберется *додекада* (дюжина).

— И такъ ты явишься обладательницею 50 талантовъ? сказалъ Пританисъ съ улыбкою. Берегись Гепепира, чтобы самъ Меркурій не позавидовалъ твоему богатству и не научилъ всѣхъ хорошенькихъ дѣвушекъ послѣдовать твоей выдумкѣ.

2.

По правиламъ, установленнымъ въ Пантикапеѣ, всѣ философы и проповѣдники въ храмахъ и на площадяхъ обязаны были предварительно являться къ городскому начальнику или спимелиту, обязанному познакомиться съ направленіемъ оратора. Мѣры эти приняты были по примѣру Аѳинъ, гдѣ политическій либерализмъ, религіозное вольнодумство и мистическое шарлатанство, не рѣдко прикрытыя хитономъ мудреца, порождали чрезвычайно непріятныя послѣдствія. Такихъ философовъ обыкновенно старались выпроваживать и они направлялись въ чужія отдаленныя страны въ полной увѣренности безпрепятственно высказывать свои убѣжденія.

Вслѣдствіе чего и Страбонъ обязанъ былъ явиться къ полновластному Хариту, блюстителю благочинія и нравственности и вдобавокъ архиоитониту *) царя.

Епимелитъ принялъ его съ полнымъ радушіемъ и простотою, угостилъ виномъ изъ своей чаши и между прочимъ, какъ-бы изъ любопытства, началъ разспрашивать, въ чемъ будетъ состоятъ его ученіе.

— Ты задалъ мнѣ вопросъ, на который я до настоящаго времени не приготовилъ категорическаго отвѣта, могущаго ясно выразить основную идею моего ученія.

— Но все-же тебѣ не трудно дать мнѣ общее понятіе.

— Я проповѣдую истину, предсказываю въ важныхъ случаяхъ будущность и предупреждаю случайныя несчастія, къ которымъ подготовилъ себя человѣкъ, настолько ослѣпшій, что не замѣчаетъ тропинки въ выходу на обыкновенный путь жизни. Кромѣ этого я изучилъ вліяніе 7 главныхъ планетъ, господствующихъ надъ человѣческимъ родомъ, изъ которыхъ каждая опредѣляетъ новорожденному извѣстнаго рода удачи, наклонности и предѣлъ жизни, если онъ не станетъ злоупотреблять здоровьемъ.

— Какимъ-же образомъ ты распредѣляешь назначеніе каждаго, если обращаются къ тебѣ за прорицаніемъ?

---

*) Чинъ или титулъ этотъ, найденный на древнихъ памятникахъ Керчи, безъ сомнѣнія, имѣлъ значеніе Оберъ-камергера или чего-либо подобнаго этому званію.

— Очень просто: я спрашиваю день рожденія и затѣмъ подвожу подъ свойство и вліяніе той планеты, которая въ тотъ день господствовала надъ міромъ. Такъ напримѣръ предположимъ, что ты родился въ первый день недѣли.

— Ты угадалъ, хотя и случайно. Чтожъ далѣе?

— День этотъ принадлежитъ нашей прелестной Селенѣ и всѣ родившіеся въ понедѣльникъ бываютъ: непостоянны, горды, лживы, лукавы, непослушны, волокиты, бранчливы, но въ тоже время кротки, любезны, гостепріимны и склонны обожать ученіе моего пріятеля Эпикура, въ которомъ я нахожу чрезвычайно много утѣшительнаго для людей умѣреннаго характера. Зная это, дидаскалу не трудно предвидѣть судьбу такихъ людей, но для большей ясности ему надо еще кое-какія свѣдѣнія для вычисленія моментовъ, сопровождающихъ рожденіе. Но вообще рожденные въ первый день недѣли живутъ безъ полнаго удовольствія, никогда не довольствуются обыкновеннымъ, всегда ищутъ чего-то особенно изящнаго, о чемъ-то тоскуютъ, но обыкновенно умираютъ 80 лѣтъ, если не заслуживаютъ мести Хрона за нарушеніе какихъ-либо обязательныхъ законовъ самосохраненія.

— Это ты сказалъ о мущинахъ, но вѣрно женщины остаются безъ назначенія.

— Луна благоволитъ и къ женщинамъ, которыя восхищаются ею, когда влюблены въ идеальныхъ героевъ и ищутъ ихъ въ небесныхъ пространствахъ; но чтобы повѣдать судьбу женщины, надо соображаться со многими ничтожными на видъ знаками и точками, брошенными на ея лицо и тѣло. Я когда-нибудь сообщу тебѣ объ этомъ подробнѣе.

Харитъ предоставилъ право Страбону проживать въ Пантикапеѣ въ качествѣ дидаскала и учить народъ правиламъ мудрости.

Философъ, разставшись съ епимелитомъ, жившимъ на полугорѣ, примыкавшей къ славному городу, пожелалъ взобраться на хребетъ возвышенности, чтобы окинуть взоромъ Босфоръ Киммерійскій и отдаленныя степи, густо населенныя въ то время предпріимчивыми потомками

выходцевъ изъ Милета. Нѣсколько времени спустя онъ приблизился къ громадному камню, какъ будто выросшему изъ земли, надъ отдѣлкою котораго трудилось около десятка камнетесовъ.

— Что вы дѣлаете, друзья мои? спросилъ онъ.

— Тронъ для василевса нашего—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ насмѣшливымъ тономъ. Видишь-ли, воцарившійся надъ нами Митридатъ отнынѣ не вѣритъ въ подвижные троны и повелѣлъ сдѣлать такой, котораго не могли-бы сдвинуть съ мѣста римскіе легіоны. Вотъ на этомъ тронѣ онъ будетъ сидѣть и судить не только насъ, но и всѣхъ обитателей міра.

— Но развѣ ему позволитъ это Іо, превращенная на этомъ мѣстѣ въ корову? замѣтилъ другой насмѣшникъ.

— Какая тамъ Іо—возразилъ третій—Босфоромъ названъ нашъ проливъ только потому, что чрезъ него въ былыя времена переходили быки. Не этихъ-ли быковъ будетъ судить несчастный Евпаторъ?

— Друзья мои вы вздоръ мелите—прибавилъ четвертый—здѣсь не было ни Іо, ни быковъ, а проливъ названъ Босфоромъ по сходству своему съ лежащимъ во всю длину тѣла быкомъ. Но вотъ что, вѣроятнѣе всего, Митридатъ здѣсь будетъ судить наложницъ своихъ, которыя изнемогаютъ отъ прилива крови къ сердцу. Говорятъ, что онъ ревнуетъ даже къ этому естественному явленію молодаго организма.

Каменьщики громко засмѣялись.

„Какая достойная насмѣшка!—подумалъ Страбонъ—неужели всѣ великіе злодѣи дѣлаются посмѣшищемъ въ устахъ этихъ бѣдныхъ, но честныхъ тружениковъ?

Философъ невольно задумался надъ этимъ явленіемъ и молча направился къ крайней оконечности горы.

Въ эту минуту на гору подымался полуубѣленный сѣдинами бодрый и свѣжій старикъ, который по временамъ останавливался, чтобы не уходить далеко отъ тихо идущаго за нимъ молодаго человѣка.

Видъ этого старика съ грозными повелительными глазами настолько понравился Страбону, что онъ присѣлъ на камень изъ желанія взглянуть на него сблизи.

Фу, какъ жарко сегодня—сказалъ старикъ, поровнявшись съ философомъ и садясь съ нимъ рядомъ.

— Да, и въ этой странѣ солнце заботливо относится къ людямъ—отвѣчалъ Страбонъ.

— Ты, вѣроятно, не здѣшній?

— Да. Я прибылъ изъ Аѳинъ.

— Въ качествѣ кого?

Страбонъ еще разъ посмотрѣлъ на старика съ величественными глазами и ограничился назвать себя херомантикомъ и бродящимъ наставникомъ.

— Это недурное занятіе—отвѣчалъ Митридатъ—въ такія времена, когда людямъ не вѣрится въ счастіе. Ты навѣрно будешь пользоваться особеннымъ радушіемъ въ Пантикапеѣ. Не пожелаешь-ли ты начать практику съ меня?

— Я могу ошибиться въ моихъ пророчествахъ—сказалъ Страбонъ, потому что на лицѣ твоемъ сіяетъ счастіе и довольство, противорѣчившія моимъ выводамъ. Вотъ напр. бородавка на нижней части твоей лѣвой щеки служитъ предвѣстницей многихъ печальнымъ неудачъ, а противъ рта безпощадность и склонность къ смертоубійству. А ты между тѣмъ смотришь такимъ счастливцемъ.

— Кто знаетъ, можетъ быть, я испытаю все это въ будущемъ. Продолжай пожалуйста высказывать твои личныя убѣжденія.

— Странно, я вижу еще одну ужасную бородавку въ срединѣ лѣваго уха твоего и пятно на концѣ его. Первая предвѣщаетъ насильственную смерть, а послѣднее смерть отъ чужой руки. Не глупо-ли допустить подобное предположеніе въ отношеніи такихъ почтенныхъ сѣдинъ? А дай-ка мнѣ твою руку. Какъ врачъ опредѣляетъ состояніе крови, такъ и херомантикъ дѣлаетъ это, но съ тою разницею, что первый прислушивается къ ударамъ пульса, а послѣдній къ линіямъ, появляющимся на ладоняхъ.

Старикъ, сильно измѣнившійся въ лицѣ, какъ-то безотчетно протянулъ свою нѣжную руку.

— Величіе и печальный конецъ для вѣчной славы—сказалъ Страбонъ послѣ минутнаго молчанія—какая про-

тивоположность? Но нѣтъ я совершенно сбиваюсь съ толку; ты или великій человѣкъ или всѣ мои многолѣтніе труды не имѣютъ значенія.

Въ это время къ старику подошелъ тотъ молодой человѣкъ, который такъ лѣниво слѣдовалъ за нимъ.

— Присядь, Фарнакъ—сказалъ старикъ—и познакомься съ чужестранцемъ, который поражаетъ меня своими ужасными предсказаніями.

— Очень радъ послушать его—отвѣчалъ молодой человѣкъ. Не скажетъ-ли онъ и мнѣ чего-нибудь ужаснаго?

Философъ взглянулъ на его надменную физіономію и послѣ непродолжительнаго молчанія отвѣчалъ:

— Къ несчастію я читаю на лицѣ твоемъ болѣе плачевныя послѣдствія: ты убьешь роднаго отца твоего и выдашь тѣло его на поруганіе врагамъ, но враги вмѣсто смѣха съ удивленіемъ и почтеніемъ отнесутся къ останкамъ великаго человѣка и ради его славы предоставятъ тебѣ почетное положеніе.

— Колдуны и ворожеи всегда имѣютъ привычки поражать неестественными выдумками слушателей своихъ—отвѣчалъ съ улыбкою Фарнакъ.

— Ты не ошибся-бы, другъ мой, еслибъ я спеціально преданъ былъ этому занятію, но я исключительно преданъ философіи и только въ минуты свободы занимаюсь тѣмъ, что тебѣ кажется шарлатанствомъ.

— Такъ, ты не этимъ только спеціально занимаешься? спросилъ старикъ.

— Я люблю все изящное и все относящееся до блага людей и брожу по міру съ цѣлью быть полезнымъ братьямъ моимъ.

— Ну, этого не замѣтно, чтобы ты походилъ на философа—сказалъ Фарнакъ.

— Чѣмъ-же философы въ твоемъ воображеніи отличаются отъ другихъ людей?

Молодой человѣкъ не съумѣлъ отвѣтить.

— Конечно, мудрыми отвѣтами—поддержалъ старикъ. Ну вотъ напримѣръ: скажи мнѣ чѣмъ монархъ можетъ болѣе всего заслужить благодарность со стороны подданныхъ?

— Самыми естественными постановленіями—отвѣчалъ

Страбонъ—и именно установить обязательныя наставленія, какъ долженъ вести себя каждый гражданинъ въ гигіеническомъ и нравственномъ отношеніи, чтобы считать себя гражданиномъ; какъ онъ долженъ одѣваться, какую пищу употреблять, въ какое время ложиться спать, сколько часовъ работать и какіе проценты получать на обороты свои. Правила эти должны быть неизмѣнны и служить регуляторомъ государственной гармоніи съ тѣмъ, что не исполняющій ихъ не имѣетъ права искать покровительства правительства. Постановленія эти во первыхъ воздержатъ весь народъ отъ глупыхъ и вредныхъ фантазій эксплоататоровъ и наконецъ заставятъ народъ видѣть въ монархѣ своемъ божество, заботящееся обо всѣхъ мелочахъ, служащихъ къ ихъ вещественному благу. Дѣти уважаютъ отца своего только тогда, когда чувствуютъ ежеминутно свою зависимость, сознаютъ доброжелательство и имѣютъ основаніе отклониться отъ соблазнителей, увлекающихъ ихъ въ безнравственность и раззореніе.

— Онъ говоритъ великую правду—сказалъ старикъ, обращаясь къ Фарнаку—современные намъ цари, дѣйствительно, иначе смотрятъ на свое положеніе въ государствѣ. Они забываютъ, что представляютъ неограниченную власть отца семейства, обязаннаго прежде всего выяснить всѣ свои требованія, чтобы заставить дѣтей во всѣхъ мелочахъ видѣть руководящую руку отца. Сказавъ это, старикъ поднялся, чтобы продолжать путь свой. Прощай, другъ мой—прибавилъ онъ, положивъ руку на плечо философа—я буду очень радъ слушать тебя въ храмахъ и гимназіумѣ, если ты будешь туда являться для проповѣди.

Страбонъ пожелалъ ему радостей *). Старикъ съ молодымъ человѣкомъ направились къ каменотесамъ и начали размѣрять отдѣлываемый ими камень. Философъ раза два оглянулся, но не поинтересовался узнать, что люди, бесѣдовавшіе съ нимъ, были Митридатъ царь Понтійскій съ сыномъ своимъ Фарнакомъ.

---

*) Радость желалась даже усопшимъ. На всѣхъ почти памятникахъ, открытыхъ въ Керчи, слово—*радуйся!* служило началомъ эпитафіи.

3.

Величественная Пантикапея, установленная статуями въ священныхъ авлидахъ многочисленныхъ храмовъ, еще подернута была туманомъ, наплывшимъ изъ Меотиды, когда Страбонъ вышелъ изъ городскаго дома и направился на высоты, окружавшія городъ съ юго-западной стороны. Ему предварительно приступленія къ дѣлу, хотѣлось близко ознакомиться съ природою и городами этой богатой и славной мѣстности, чтобы проникнуть, такъ сказать, въ степень вліятельныхъ силъ на умственное развитіе обитателей и подмѣтить, къ чему они могутъ быть болѣе склонны. Судя потому, что онъ держалъ въ катомкѣ провизію дня на два и одѣтъ былъ въ старую тунику, ему желательно было совершить небольшое путешествіе по лучшей части Босфорскаго царства, испытавшаго много историческихъ тревогъ, не смотря на отдаленность свою отъ глазъ цивилизованныхъ народовъ.

Роскошь и богатство Пантикапейцевъ невольно напомнили ему Сирію и Египетъ въ счастливыя времена Антіоха великаго, бывшія такъ недавно еще великими центрами образованности и всемірной торговли. „Тамъ было все—говорилъ съ самимъ собою философъ, кромѣ прочныхъ правилъ житейскихъ и вслѣдствіе этихъ ничтожныхъ съ вида причинъ, несмѣтныя богатства увлекли всѣхъ въ бездонную пропасть изнѣженности, невоздержности и сладострастія. Герои впали въ разслабленіе и обнаружили рабскій духъ, выражавшійся въ самой низкой лести предъ порочными властителями, которые допустили господствовать безграничному разврату, пожравшему безслѣдно всѣ плоды мудрости и вѣковыхъ стремленій филантроповъ. Чего только не было въ Александріи для того, чтобы сосредоточить въ ней образцы искусства и открытій по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній! Но что могъ сдѣлать музеумъ съ своими умственными вкладами и обширными помѣщеніями для ученыхъ и поэтовъ, когда на первое смотрѣли туземцы, какъ на декорацію, а на послѣднихъ, какъ на

увлеченныхъ идеальными мечтами, мѣшавшими пользоваться осязательными благами жизни.

Не въ томъ ли духѣ основалась и Пантикапея, успѣвшая уже пережить такъ много потрясеній? Она также стремится отъ избытка средствъ пользоваться всѣми средствами для того, чтобы не отстать отъ величія лучшихъ городовъ Селевка и Птоломея и, вѣроятно, хуже ихъ окончить послѣднюю строку своей исторіи. Не изумительно ли видѣть здѣсь эти великолѣпные храмы, въ которыхъ не многіе бываютъ, не странно ли жертвовать громадное количество золота на сооруженіе катакомбъ и несокрушимыхъ кимитирій, въ видѣ отдѣльныхъ холмовъ, какъ бы въ подражаніе египетскимъ пирамидамъ!

Что можетъ сдѣлать этому народу несчастный въ величии своемъ деспотъ Митридатъ? Онъ навѣрно и здѣсь день и ночь будетъ обдумывать планъ освобожденія азіатскихъ и греческихъ государствъ, доведенныхъ до отчаянныхъ криковъ безжалостными сборщиками пошлинъ и податей со стороны нашего непобѣдимаго Рима? Несчастный вольнодумецъ! тебѣ не вѣрится, что звѣзда счастія твоего погасла навсегда и что ты желаешь вновь освѣтить ее только твоимъ мощнымъ, но ничтожнымъ пламенемъ въ груди! Ты сдѣлалъ уже все, что можетъ сдѣлать жестокій человѣкъ: ты въ одинъ день умертвилъ 80 т. римскихъ тогатовъ (подданныхъ), неповинныхъ ничѣмъ передъ тобою; тебѣ удалось завладѣть многими римскими союзными землями и послать войска въ Грецію для защиты Аѳинъ, но чѣмъ все это окончилось? Римскіе легіоны приступомъ взяли горделивую столицу и наказали гражданъ ея ужаснымъ кровопролитіемъ; дважды разбили твоихъ полководцевъ, ограбили сокровища Дельфійскаго храма и бросились на тебя самого. Ты вынужденъ былъ отдать имъ флотъ и заплатить громадную контрибуцію за отважную дерзость. Тринадцать лѣтъ спустя ты снова ожилъ и пламя мести вновь ослѣпило тебя несчастнаго. Тебѣ показалось, что неурядицы и раздоры, происходившіе въ главѣ чудовищной имперіи, какъ нельзя лучше благопріятствуютъ возстановленію твоихъ завоевательныхъ плановъ, но не

успѣлъ ты еще захватить главный городъ Кизикъ, какъ налетѣлъ на тебя отважный римскій орелъ въ лицѣ Лукулла и лишилъ тебя даже собственнаго гнѣзда. Ты опять не смирился предъ судьбою и прибѣгнулъ къ зятю своему Тиграну, царю Арменіи, который изъ сочувствія къ тебѣ поднялся войною и кончилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ сдѣлаться вассаломъ Рима. Въ заключеніе ты явился царемъ въ Босфорскомъ царствѣ, однимъ взмахомъ разширилъ его неизмѣнныя первобытныя границы, но вмѣстѣ того, чтобы пользоваться покоемъ и образованіемъ народа, который былъ бы въ состояніи отразить во всякое время врага и сохранить самостоятельность свою, ты навѣрно и отсюда станешь замышлять новый походъ на Римъ въ такомъ же самообольщеніи, какъ Сципіонъ или Ганнибалъ. Это упорство невольно рисуетъ предо мною эмпуза или ламія (злой духъ), жаждавшаго человѣческаго тѣла. Нѣтъ, не тебѣ видно суждено богами освободить эллиновъ отъ кары, заслуженной ими своимъ равнодушіемъ къ основамъ политической самостоятельности! Тебѣ придется бороться теперь не съ Римомъ, а со мною однимъ и я надѣюсь восторжествовать надъ тобою безъ содѣйствія легіоновъ.

Въ такихъ мысляхъ Страбонъ остановился около величественнаго акрополя, къ которому плотно примыкалъ первый городской валъ, предупреждающій внезапный набѣгъ на Пантикапею и другіе города, расположенные къ С.В. Акрополь этотъ представлялъ вполнѣ недоступный замокъ, сложенный изъ громадныхъ обломковъ камня, въ центрѣ котораго находился изящный дворецъ, построенный въ лучшую эпоху Босфорскаго царства. Внизу предъ нимъ разстилалась обширная роща съ храмомъ Афродиты, куда имѣли свободный доступъ во всякое время дня и ночи всѣ безъ исключенія молодые и старые люди, прибѣгавшіе къ жрецамъ и весталкамъ, истолковывающимъ волю богини и имѣвшимъ громадное вліяніе преимущественно на женщинъ. Не многимъ дальше къ западу выглядывала въ глубинѣ прорванной человѣческими усиліями горы огромная кимитирія предпослѣдней династіи царей, къ которой, до появленія Митридата, никто кромѣ жрецовъ не имѣлъ права подходить.

Страбонъ, увлеченный восхитительною картиною мѣстности, озлащенной первыми лучами выходящаго солнца, какъ-то безсознательно опустился на землю и направилъ глаза на лежащее предъ нимъ пространство.

Предъ его глазами разстилалась прелестная безпредѣльная равнина, мѣстами украшенная искуственными холмами, точно съ цѣлью напоминать, что подъ ними спитъ непробуднымъ сномъ вѣрующій въ безсмертіе свое юноша или старикъ, скопившій заранѣе средства для могилы такого устройства съ тѣмъ, чтобы ни дерзкая, ни мстительная рука не осмѣлилась надсмѣяться надъ безотвѣтными его останками. Въ промежуткахъ этихъ одинокихъ кимитирій, стелились пышные ковры посѣвовъ хлѣбнаго зерна, которые колыхались точно эгейскія волны и клонили душу къ размышленію о великой заботливости земли о тѣхъ разумныхъ существахъ, которыхъ она балуетъ своими вымыслами и затѣмъ превращаетъ въ частицу свою, чтобы дать мѣсто новому поколѣнію полюбоваться на свои безчисленныя, всемірныя прелести. Но, увы, между всѣмъ этимъ ни единаго деревца, ни единаго кустарника! Какъ будто великій духъ, господствовавшій надъ этимъ царствомъ, находилъ невозможнымъ допустить горделивыхъ растеній, чтобы предупредить зависть съ одной стороны и надменность съ другой.

Страбонъ навелъ глаза на терявшіяся въ дали дороги, которыя, какъ бѣлыя ленты, касались краями своими обширныхъ поселеній, рисующихся на блѣдно голубомъ небосклонѣ. На нихъ показались уже пѣшіе и верховые, вѣроятно, имѣющіе надобность въ покровительствѣ Эскулапа или Афродиты. „Бѣдные счастливцы! мелькнуло въ умѣ философа, вы привыкли вѣрить, что божество говоритъ устами жрецовъ, и отдаете этимъ ненасытнымъ властелинамъ вашихъ идей послѣдній, не легко доставшійся заработокъ, цѣнности котораго они никогда не поймутъ. Но вы срослись съ вашими грабителями и сами бы побили каменьями того, кто дерзнулъ бы осудить эту язву, которая именемъ божества выманываетъ изъ среды вашей лучшихъ и честнѣйшихъ женщинъ, чтобы удовлетворить своей прихоти, но въ тоже время

заставить ихъ вѣрить въ особенное благоволеніе божества, соединенное съ непостижимыми для обманутыхъ расчетами.

Минуту спустя глаза чужестранца перенеслись на синеву водъ, огибавшихъ съ трехъ сторонъ эту счастливую полосу земли. Озлащенныя искрами восходящаго солнца воды эти при изумрудномъ коврѣ степи никогда не казались ему такъ очаровательными, какъ теперь при багровомъ заревѣ разсвѣта. Въ страшномъ понтѣ Эвксинскомъ онъ не замѣчалъ болѣе враждебныхъ человѣчеству наклонностей и ему казалось, что въ мрачныхъ глубинахъ его живутъ прелестныя и добрыя сирены, готовыя обожать такихъ людей, которые не любятъ зла, и каждому съумѣютъ дать совѣтъ жить по своимъ естественнымъ направленіямъ также счастливо и беззаботно, какъ живетъ вся природа по однажды выработанному закону.

Выждавъ полнаго восхода солнца, Страбонъ медленными шагами спустился съ горы и направился къ сѣверо-востоку. Ему говорили, что въ этомъ углу царства находятся прекрасные, промышленные города, дѣятельностію которыхъ обогащаются богатые граждане Пантипакеи. Ему хотѣлось бросить между ними горсть сѣмянъ, чтобы воспользоваться при надобности ихъ грубыми силами.

4.

Эпимелитъ Харитъ, только что возвратившійся отъ Митридата Евпатора, которому подробно доносилъ о происходящемъ въ столицѣ, засталъ на обширной террасѣ передъ домомъ своимъ молодую дѣвушку, которая такъ поразила его красотою своей, что онъ не могъ произнести ни одной изъ тѣхъ любезностей, которыми имѣлъ обыкновеніе угощать молодыхъ женщинъ, изрѣдка навѣщавшихъ его по необходимости.

— Я, дочь здѣшняго бѣднякаРитаниса пришла къ тебѣ, архонтъ,*) съ просьбою, сказала Гепепира такимъ сладкимъ голосомъ, что епимелитъ ожидалъ, чтобы она

*) Слово это и нынѣ употребляется между греками въ качествѣ нашего: господинъ, старшій или главный распорядитель.

продолжала говорить. Соблаговолишь ли ты выслушать меня или ты находишься подъ вліяніемъ безпокойныхъ мыслей?

— Въ какомъ бы ни былъ настроеніи духа человѣкъ, отвѣчалъ Харитъ, но увидѣвши такое существо, какъ ты, не можетъ злиться на судьбу.

— Ты превозносишь меня, Эпимелитъ, какъ любятъ это дѣлаютъ всѣ добрые филантропы. Но будешь ли ты настолько благосклоненъ къ удовлетворенію моей просьбы, которая впрочемъ касается меня самой.

— Каждому человѣку въ нашемъ царствѣ предоставляется полное право распоряжаться самимъ собою, если это не принесетъ вреда другимъ.

— Я не знаю постановленій нашего верховнаго совѣта во многихъ отношеніяхъ и боюсь показаться нарушительницею ихъ.

— Въ чемъ же ты имѣешь надобность?

— Видишь ли, архонтъ, я имѣла несчастіе одновременно почти получить предложеніе отъ 88 жениховъ, которые предлагаютъ мнѣ руку свою и каждый, какъ бы сговорившись предварительно, грозитъ мнѣ смертью, если я откажу ему. Я пришла въ ужасъ и мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ остаться навсегда дѣвицею. Конечно, не имѣй я бѣдныхъ старыхъ родителей, средство это было бы самое разумное; но къ несчастію выходитъ наоборотъ: мнѣ необходимо выйти замужъ.

— Кого же ты рѣшилась выбрать?

— При такихъ обстоятельствахъ опасно было бы выбирать и я предпочла розыграть себя въ лоттерею. Пусть выиграетъ меня тотъ, кому это суждено Афродитою. Такова по крайней мѣрѣ воля божества, истолкованная мнѣ однимъ мудрецомъ.

— Если само божество требуетъ этого, то естественно, что я съ своей стороны не осмѣлюсь давать тебѣ другаго совѣта и первый готовъ попытать свое счастіе выиграть такую безподобную красавицу, если ты не станешь дѣлать разницы между молодостію и пожилыми годами.

— Вещь, предназначенная для продажи, не разбираетъ купцовъ.

— Почемъ же ты опредѣлила номеръ билета?

— Въ полъ-таланта.

— Подай мнѣ записную книжку.

— Эпимелитъ, взявши въ руку тетрадь, предложилъ, Гепепирѣ, чтобы она сама указала ему, которые занять номера и въ какомъ ей угодно количествѣ.

— Ни за что, отвѣчала она, это можетъ впослѣдствіи вызвать твое неудовольствіе.

— Ну, хоть одинъ, остальные я предоставляю себѣ.

Гепепира, подумавъ немного, указала на 4-й.

— Но я попрошу тебя на всякій случай для памяти написать своеручно на послѣдней страницѣ книги, что этотъ номеръ я сама указала тебѣ или проще, что ты взялъ его на мое же счастіе.

Харитъ подписалъ 10-ть номеровъ, сдѣлалъ требуемую дѣвушкою замѣтку и отправилъ за нею съ двумя рабами 5-ть талантовъ золотомъ и серебромъ.

— Вотъ тебѣ и начало моего предпріятія, сказала Гепепира родителямъ, указывая на деньги. Если самъ епимелитъ подписалъ такую сумму въ обольщеніи сдѣлаться моимъ мужемъ, то люди болѣе состоятельные и болѣе влюбленные отдадутъ за меня все свое состояніе.

— Это правда, дочь моя, и мнѣ приходится удивляться, какъ это представитель власти и защитникъ законовъ дозволилъ такую рискованную для всѣхъ игрў. Конечно, теперь не время намъ думать объ этомъ, а надо спѣшить окончаніемъ ея, чтобы не дать возможности развиться толкамъ и пересудамъ, которые могутъ дойти до слуха Митридата, считавшаго волю свою выше разрѣшенія епимелита.

— Я уже думала объ этомъ и рѣшила, что ты, мой добрый отецъ, сегодня же наймешь для насъ лучшее въ городѣ помѣщеніе, а я завтра приглашу одновременно явиться ко мнѣ всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ предложеніе. Каждый изъ нихъ подумаетъ, что я отвѣчу ему изъявленіемъ согласія, но когда они будутъ на лицо, я съумѣю заставить ихъ убѣдиться, что мнѣ не представляется возможности избранія супруга, иначе-какъ по средствомъ жребія между всѣми гражданами столицы безъ различія возраста, состоянія и положенія.

— Дочь моя, ты повидимому не уступаешь въ умственномъ отношеніи Аѳинской Аспазіи.

— Женщины кажутся глупыми только до тѣхъ поръ, пока не рѣшаются дѣйствовать, но однажды взявшись за дѣло, онѣ не отстаютъ отъ умнѣйшихъ мущинъ. Аспазія имѣла отличныхъ друзей, вслѣдствіе чего и поприще ея было шире, но мы живемъ въ Пантикапеѣ и состоимъ въ зависимости отъ воинственнаго Митридата, которому нужны богатыри, стратеги и такіе отважные полководцы, какъ любимецъ его Діофанъ, готовый метаморфировать даже дѣвушекъ.

Въ эту минуту на порогѣ дверей Пританиса показались двѣ пожилыя скифки, періодически посѣщавшія городъ съ цѣлію предсказывать будущность, лечить, колдовать и т. п.

— Не желаютъ ли добрые хозяева узнать сокровенныхъ тайнъ, спросила одна изъ нихъ, или поручить намъ больныхъ?

— Не больныхъ, а здоровыхъ надо полечить, шутя сказала Гепепира, видишь ли: я коварнымъ образомъ обманута и нахожусь въ непріятномъ положеніи сдѣлаться матерью, не будучи женою.

Скифки вошли въ комнату и присѣли на полу.

— Просьбу твою я готова сейчасъ же удовлетворить, отвѣчала знахарка, и вынула изъ кармана длинное веретено и коробочку съ какимъ-то сѣрымъ составомъ, клейкимъ и тягучимъ, какъ мастика. Достаточно немного пропустить этого состава, который имѣетъ свойство всасываться въ тѣло и цѣль достигается безъ всякихъ страданій.

— Нѣтъ, мать моя, спрячь твои средства, я не за тѣмъ тебя пригласила. Мнѣ хотѣлось бы узнать мою будущность.

— Какимъ способомъ ты желаешь это знать: посредствомъ священныхъ прутиковъ ивы или просто на плодахъ земли нашей-кормилицы? Сопровождающая же меня старушка отлично умѣетъ читать судьбу людей на ладоняхъ руки. Избирай любое.

— Я заплачу вамъ щедро и испытаю всѣ способы

вашей мудрости. Какъ тебя называютъ? спросила Гепепира, обращаясь къ старшей лѣтами.

— Если ты спросишь у прибережныхъ жителей Меотиды Хрисаву, короткорукую знахарку, то всѣ тебѣ укажутъ на мою хижину. Послѣ отвѣта она подала хозяйкѣ два липовыхъ прутика, поручивъ ей задумать то, что она желаетъ. Затѣмъ помѣшала ихъ съ другими и, перепутавъ пальцы корою ивы, подбросила ихъ кверху и начала внимательно всматриваться въ положенiе, направленiе и бока каждой палочки.

— Странно, начала она, ты вчера была бѣднѣе меня, а чрезъ три дня сдѣлаешься богаче всѣхъ женщинъ въ своемъ городѣ и такъ высоко станешь, что и Афродида позавидуетъ твоему положенiю. Но берегись, чтобы злодѣи не отомстили тебѣ въ томъ храмѣ, гдѣ ты такъ усердно будешь восхищаться забавами людей.

— Ну, а ты, что мнѣ скажешь, пока Хрисава отдохнетъ? обратилась Гепепира къ второй сивиллѣ.

Скифка приказала ей предварительно поднять волосы со лба.

— А, ты кромѣ хиромантiи занимаешься и метопоскопiею? *) спросила Гепепира.

Скифка начала слѣдующаго рода поясненiе:

Большой лобъ признакъ неповоротливаго, лживаго, но смѣлаго человѣка; четыреугольный — великодушнаго и храбраго; кругловатый — сердитаго, лѣниваго и несправедливаго; впалый лобъ—слабаго и трусливаго; малый — непостояннаго, глупаго и несговорчиваго человѣка; посредственный лобъ свидѣтельствуетъ о храбрости, мудрости и умѣнiи жить въ согласiи; лобъ съ морщинами представляетъ суроваго, великодушнаго и глубокомысленнаго человѣка; а лобъ безъ всякихъ линiй показываетъ такихъ, которымъ суждено умереть насильственною смертью. Я описала тебѣ красавица всѣ признаки метопоскопiи и тебѣ не трудно будетъ избрать подходящiй къ твоему лбу.

— Я ничего почти не поняла и не могу сообразить сама.

*) Отъ словъ *метопонъ* лобъ и *скопiя* размышленiе.

— Очень жаль, что ты заставишь мнѣ сказать, что ты обладающая красотою, умомъ и счастіемъ вынуждена будешь погибнуть насильственною смертью.

— А какъ это скоро случится? спросила поблѣднѣвшая Гепепира.

— Этого не прочитаешь на лбу. Подай мнѣ лѣвую руку твою. Ну, нѣтъ, ты успѣешь еще насладиться коекакими удовольствіями жизни.

— Отчего же я погибну? спросила съ улыбкою Гепепира.

— Этого я тебѣ не могу сказать въ точности, но ты должна знать, что если натуральная линія совсѣмъ крива и прорѣзывается другою, то предвѣщаетъ склонность къ прелюбодѣянію и смерть отъ меча или яда, а если линія жизни въ концѣ развѣтвляется, то предвѣщаетъ ипохондрію и также насильственную кончину. Все это у тебя ясно обозначается. Но кромѣ этого посмотри сама: линія, идущая отъ средины ладони, у тебя тянется до втораго сустава средняго пальца, а это означаетъ смерть послѣ заточенія; затѣмъ твоя трапезная линія раздваивается на концѣ и одна вѣтвь ея подымается вверхъ къ указательному пальцу, что предсказываетъ роскошную и свободную жизнь, переполненную всевозможныхъ пагубныхъ удовольствій, послѣ испытанія которыхъ нечего болѣе желать и поневолѣ приходится завидовать нищимъ, одареннымъ тысячами умѣренныхъ желаній и потребностей, влекущихъ ихъ къ жизни. Я все сказала тебѣ—прибавила Скифка, опустивъ глаза какъ бы подъ вліяніемъ грустныхъ событій. Надѣюсь, что Хрисава будетъ счастливѣе меня на земныхъ произведеніяхъ.

Гепепира повернула глаза къ короткорукой сивиллѣ, которая не замедлила вынуть изъ крошечнаго узелка бобы, соль, камешки и т. п., потрусила ихъ въ рукахъ, три раза обвела вокругъ головы молодой дѣвушки и бросила предъ собою.

— Ничего не можетъ быть счастливѣе тебя—сказала она; все будетъ въ твоей власти и счастіе твое будетъ сопровождать тебя до тѣхъ поръ, пока ты сама не возстанешь противъ него и уклонишься отъ благодѣтеля своего.

Да дарують же боги тебѣ умѣнье пользоваться прекраснымъ назначеніемъ. Сивиллы поднялись съ мѣстъ и, получивъ золотую монетку, не безъ изумленья вышли изъ бѣдной лачужки, гдѣ повидимому не цѣнили золота.

— Еслибъ я предвидѣла, что насъ наградятъ по царски—сказала Хрисава спутницѣ своей—я передала бы ей много кое-чего еще.

— А я—отвѣчала послѣдняя — посовѣтовала бы ей въ крайности, чтобы избѣгнуть рядъ несчастій, замкнуть ихъ на замокъ и бросить его въ дворъ недруга, а ключъ закинуть въ глубину моря.

5.

На слѣдующій день Гепепира занимала обширное помѣщеніе, примыкавшее къ авлидѣ роскошнаго пантикапейскаго храма, воздвигнутаго въ честь Эскулапа. Авлида или дворъ этотъ установленъ былъ прекрасными изображеніями этого божества, къ которымъ ежедневно приходили многіе поклонники, не имѣвшіе лишнихъ средствъ для принесенія другихъ даровъ главному кумиру, находившемуся внутри капища.

Видѣть такое число людей въ теченіи всего дня, то съ печальными, то съ сіяющими отъ радости лицами для молодой дѣвушки, жившей до настоящаго времени въ глухой улицѣ, казалось большимъ развлеченіемъ. При этомъ она могла познакомиться съ жрецами, которые казались ей какими-то высшими существами, недоступными для бѣдныхъ гражданъ, признаваемыхъ немногимъ выше рабовъ. Проще, она сравнивала ихъ съ тѣми всесильными миногами, которые по разсказамъ моряковъ останавливали на бѣгу большіе корабли и увлекали ихъ въ бездны морскія. Затѣмъ она ихъ представляла себѣ царственными львами въ семьѣ обыкновенныхъ людей, хотя и вѣрила въ существующія преданія, что самый гордый изъ этихъ львовъ не могъ переносить равнодушно пѣнія пѣтуха.

Нѣтъ сомнѣнія, что теперь эти миноги и львы сочтутъ за особенное удовольствіе смотрѣть на нее, когда она выставитъ голову свою на священную авлиду, чтобы слѣдить за ихъ священнодѣйствіями. Иначе и не

можетъ быть—говорилъ ей тайный голосъ—потому что ни Фидій, ни другіе великіе художники не изобразили такой величественной красоты, которою она обладала и которую, не смотря на тщательное скрытіе, все-таки открыли 88 богатыхъ людей различныхъ возрастовъ, которые, вѣроятно, подобно рыси обладали способностію видѣть сквозь стѣны *). При этомъ въ памяти ея мелькнули предсказанія скифокъ, тайна неотразимаго вліянія свѣтилъ небесныхъ, дѣйствіе симпатіи и вообще всѣ толки атомистической философіи.

„И такъ звѣзда моя скоро должна осіять славную Пантикапею—думала Гепепира—прочь глупая застѣнчивость, основанная на предположеніи, что даже трупы женщинъ, вслѣдствіе врожденной стыдливости, брошенные въ море, должны плавать спиною вверхъ! Я докажу, что и послѣ смерти поплыву спиною внизъ. Отецъ мой говоритъ, что Аспазія была великая женщина, но онъ не подозрѣваетъ бѣдняга, что дочь его превзойдетъ эту могущественную женщину. Съ этими убѣжденіями молодая гречанка вышла къ отцу своему и, подавая ему списокъ жениховъ своихъ, торопила пригласить ихъ раньше заката солнца.

Одѣвшись въ роскошную тунику и бросивъ на плечи и спину длинные волосы свои, Гепепира подошла къ металлическому зеркалу и начала всматриваться въ станъ свой и каждую черту лица.

— Не смотри на себя долго—замѣтила мать—ты легко можешь сглазить себя самое.

— Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ ты сама: случалось-ли тебѣ на своемъ вѣку видѣть живое или скульптурное созданіе красивѣе меня? Говори, *мана* (мать), смѣло, потому что я отнынѣ не дитя и сама могу отличить прекрасное отъ хорошаго и хорошее отъ дурнаго.

— Для меня ты прекраснѣе всего міра.

— А для другихъ, какъ ты полагаешь?

— Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе найдутъ тебя красавицею. Я помню, что отецъ твой, когда мы были богаты, всегда ставилъ въ опочивальню нашу самые краси-

---

*) Вѣрованіе древнихъ грековъ.

вые цвѣты и заставлялъ меня по цѣлымъ днямъ смотрѣть и любоваться ими. На вопросъ мой, для чего онъ дѣлаетъ это, Пританисъ отвѣчалъ: „въ роду моемъ всегда рождалась первою дочь и я желаю, чтобы дочь моя не уступала въ красотѣ лучшимъ цвѣтамъ“. Впослѣдствіи, когда я почувствовала себя не въ полномъ здоровьи и начались разныя прихоти, несвойственныя мнѣ раньше, добрый отецъ твой заявилъ всѣмъ, окружавшимъ меня, что беременной женщинѣ все прощается, потому что малѣйшее противорѣчіе можетъ повліять на тѣлесную красоту будущаго человѣка. Слова свои онъ подтверждалъ требованіями Гиппократа, котораго считалъ божественнымъ филантропомъ, и многими другими доказательствами въ родѣ того, что такая-то произвела на свѣтъ мальчика, имѣвшаго большое сходство съ обезьяною, волчонкомъ, съ вывороченными ногами, съ слѣдами ударовъ, отпечатками виноградныхъ кистей, вѣтками смородины на одномъ ухѣ, а грушею на щекѣ. Подъ вліяніемъ такихъ вѣрованій онъ просилъ всѣхъ говорить со мною только о красотѣ, цвѣтахъ и пѣнѣ морской и немедленно удовлетворять каждому моему желанію и въ такомъ случаѣ, еслибъ даже я потребовала отрѣзать носъ или ухо у одного изъ его рабовъ. Вотъ, дочь моя, при какой обстановкѣ я произвела тебя на свѣтъ.

— На чемъ-же основывалъ свою метафизику мой отецъ? спросила Гепепира.

— Онъ всегда твердилъ, что у беременной женщины отражаются желанія въ потребностяхъ матеріала для созданія человѣка и что не удовлетворить всякому требованію ея значитъ не достроить постройку или отразить на ней отпечатокъ того предмета, который требовался.

— А послѣ рожденія моего онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ искусственнымъ мѣрамъ для развитія красоты и формъ?

— Онъ постоянно купалъ тебя въ молокѣ ослицъ и заставлялъ упражняться въ гимнастикѣ. Точно готовилъ тебя для олимпійскихъ игръ или для украшенія царскаго трона. Но потомъ, когда мы лишились корабля нашего со всѣми средствами къ жизни, онъ началъ то-

миться тоскою и со стыда рѣшился переѣхать въ этотъ несчастный городъ, гдѣ занялся лепкою масокъ и статуэтокъ; но не смотря на крайніе недостатки свои всегда пріобрѣталъ рукописи и посвящалъ тебя въ великія познанія, какъ-бы въ надеждѣ, что рано или поздно ты должна осчастливить нашу старость.

— Онъ не ошибся, мать моя, и ты увидишь сама, что мнѣ не суждено переносить печальныя назначенія бѣдныхъ людей. Я слышу постоянно какой-то таинственный голосъ, говорящій, что я рождена повелѣвать и наслаждаться жизнію, насколько это доступно человѣческимъ силамъ. Всѣ эти 88 жениховъ нисколько не стѣснили бы меня, еслибъ могли ужиться между собою. Я съумѣла бы управлять ими и угождать себѣ и имъ самымъ обыкновенныхъ образомъ тѣмъ болѣе, что всѣ они съ пріятными наружностями и готовы на всякія жертвы для меня.

Старуха покачала головою и тихо отвѣчала:

— Дочь моя, женщина только тогда счастлива, когда можетъ любить только одного человѣка. Все остальное удваиваетъ ея страданія. Будь же благоразумна и не ищи ничего не нужнаго для цѣли жизни.

Наставленіе это заставило гордую Гепепиру отвернуться отъ матери и подойти къ окну, выходящему на главную городскую площадь, по четыремъ сторонамъ которой красовались величественные храмы, испускающіе непрерывныя струи ароматичнаго ѳиміама. Площадь, установленная множествомъ каменныхъ скамеекъ и колоннъ для выставки правительственныхъ распоряженій, какъ-то невольно остановила ея вниманіе.

Нѣсколько молодыхъ скифовъ, этихъ вольныхъ сыновъ степей, сидя на легкихъ лошадкахъ, осматривали выведенныхъ на продажу невольницъ, которыя повидимому очень имъ нравились. Дальше играли въ шарики дѣти и отчаянно нападали на всѣхъ, кто дерзалъ переходить начерченную ими линію; лѣвѣе лежали огромныя пирамиды арбузовъ и дынь, только что привезенныхъ изъ Іопіи *), а потомъ широкая мостовая, усыпанная пес-

---

*) Нынѣ Таманскій полуостровъ.

комъ и нерѣдко превращаемая въ гипподромъ или ристалище мѣстныхъ любителей лошадей. Мостовая эта огибала кругомъ площадь, представляющую совершенно правильный кругъ, отъ котораго въ видѣ радіусовъ шли узкія улицы, густо обставленныя красивыми постройками, которыя выкрашены были разноцвѣтными глинами. На всѣхъ этихъ улицахъ господствовалъ полный покой.

„О, еслибъ я могла оживить этотъ народъ—думала она—Пантикапея превратилась бы въ самую веселую столицу міра, но увы у меня не достаетъ.... Гепепира тяжело вздохнула и повернулась къ матери.

— *Мана*—сказала она—можно ли у боговъ нашихъ узнать, что будетъ съ нами чрезъ мѣсяцъ?

— Не иначе, дочь моя, какъ посредствомъ сна у жертвенника того божества, отъ котораго зависитъ наша будущность. Не говоритъ ли объ этомъ великій Гомеръ, что Юпитеръ посылаетъ людямъ сны не напрасно, и благочестивый Эней о тѣни отца своего Анхиза, являвшагося ему каждую ночь съ скорбью на лицѣ, чтобы заставить покинуть прелестную Дидону. Не тому же вліянію подчинилась Аѳалія, жаждавшая умертвить своего внука? Вспомни при этомъ мудраго Платона, который утверждалъ, что во время ночной тишины геніи, разсѣянные по эѳирныхъ странамъ, слетаютъ къ смертнымъ, напечатлѣваютъ на ихъ душахъ мысли, свободныя отъ всего чувственнаго, и передаютъ имъ повелѣнія боговъ. Наконецъ божественный Гиппократъ настолько былъ убѣжденъ въ вліяніи сновъ и въ соотношеніи ихъ съ нашимъ состояніемъ, что предписываетъ различныя средства для избѣжанія ихъ вреднаго дѣйствія. Мнѣ даже самой разъ въ жизни, когда твой отецъ заболѣлъ и я выставляла его напрасно цѣлый мѣсяцъ на улицу, чтобы прохожіе подали совѣтъ, пришлось провести ночь въ храмѣ Эскулапа.

— И онъ сообщилъ тебѣ свою волю?

— Да, мнѣ указано было средство, которое въ самое непродолжительное время возстановило силы твоего отца.

— Ты любишь меня, мана? сказала Геспира, подошедъ къ старушкѣ.

— Что это за вопросъ, неужели ты въ этомъ сомнѣваешься?

— Если ты любишь меня такъ, какъ любила отца моего, то пойди въ храмъ Афродиты и переночуй у жертвенника ея. Я ужасно хочу знать мою будущность.

— Охъ, дочь моя, а я какъ-то боюсь, чтобы мнѣ не сообщено было печальное назначеніе. Не лучше ли не знать горя, пока оно не постигаетъ человѣка.

— Еслибъ я предчувствовала горе, я не предлагала бы тебѣ этого. Иди смѣло и будь увѣрена, что богиня благоволитъ ко мнѣ.

— Пожалуй, если ты увѣрена въ этомъ.

— Да, я увѣрена вполнѣ.

6.

Солнце скрывалось уже за отдаленными курганами, когда Пританисъ передалъ Гепепирѣ, что чаши съ ѳиміамами уже погасли и всѣ женихи ея состоятъ на лицо.

„О Геліосъ — прошептала она, бросивъ взглядъ на заходящее свѣтило дня — освѣти меня лучемъ счастія! съ этими словами она вступила въ свой атріумъ или пріемную комнату, переполненную гостями.

При появленіи этой величественной женщины, съ красотою которой ничто не могло сравниться, всѣ разступились. Гепепира медленными шагами приблизилась къ высокому сидѣнію и громогласно объявила, что намѣрена говорить. Публика молчаливо присѣла.

— Архонты — начала она, ставши въ позу повелительницы — вы всѣ оказали мнѣ великую честь предложеніемъ руки и вѣчнаго союза. Къ прискорбію моему эти предложенія послѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что я окончательно растерялась. Какъ дѣвушка не богатая, понятно, что я быть можетъ рѣшилась предпочесть того, кто предоставилъ-бы мнѣ болѣе обезпеченія, но къ несчастію мнѣ нельзя было рѣшиться и на это, не подвергнувшись мести. Что же мнѣ оставалось дѣлать, чтобы не оскорбить своей судьбы и не озлобить тѣхъ, которые явились ко мнѣ болѣе, чѣмъ съ дружескими предложеніями? Я думала и ничего не могла

придумать утѣшительнаго до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ иностранныхъ философовъ не сказалъ мнѣ: ты должна разыграть себя въ лоттерею, чтобы никого не возстановить противъ себя. Кому же ты достанешься, тотъ будетъ твой мужъ, суженый богами.

— Твой наставникъ былъ великій и справедливый человѣкъ! отвѣчали нѣкоторые изъ присутствующихъ.— Мы согласны съ нимъ и беремъ номера.

Гепепира положила на мраморный столъ записную тетрадь, которая быстро исписана была именами увлеченныхъ ею пантикапейскихъ богачей.

— Теперь, архонты—сказала невѣста — вы должны возвратиться домой и завтра прислать деньги, чтобы получить билеты на право участія въ лоттереѣ, которая имѣетъ быть вами же разыграна ровно чрезъ три дня.

Гости съ шумомъ и затаенными надеждами на счастіе поспѣшили выйти, чтобы приготовить плату и не лишиться почему-либо своего права. Слѣдя изъ окна за ихъ веселымъ движеніемъ на площади, Гепепира не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ пожилой человѣкъ; но когда онъ началъ твердыми шагами подступать къ ней, она быстро оглянулась и спросила, не Пританиса ли ему нужно видѣть?

— Я сейчасъ узналъ—отвѣчалъ старикъ, что здѣсь разыгривается въ лоттерею дѣвушка и мнѣ захотѣлось попытать мое счастіе.

— Дѣвушка эта — я. Но едвали у тебя достанетъ средствъ бороться съ первостепенными богачами Пантикапеи, которые взяли по десяти, а нѣкоторые и по 20 номеровъ. Потрудись заглянуть самъ вонъ въ ту книгу, которая лежитъ на мраморной доскѣ.

Старикъ молчаливо посмотрѣлъ въ тетрадь.

— Я, дѣйствительно, не богатъ—отвѣчалъ онъ—но на три послѣднихъ номера у меня хватитъ средствъ.

Сказавъ это, онъ написалъ огромными буквами въ трехъ клѣткахъ, пропущенныхъ другими слѣдующее странное имя: *Евпаторъ безсмертный.*

Я сегодня же пришлю слѣдуемыя деньги—прибавилъ онъ и молча удалился.

Гепепира долго смотрѣла ему въ слѣдъ.

„Вотъ будетъ несчастіе—думала она—если судьба захочетъ сдѣлать меня рабынею или женою такого бѣдняка и вдобавокъ старика! При этой мысли разлетѣлись всѣ ея лучезарныя фантазіи и она начала томиться безотчетною грустью. Ей недавно мечтавшей о счастіи и широкой жизни, о первенствующей роли и всеобщемъ поклоненіи народа, теперь съ ужасомъ представлялся бѣдный сварливый старикъ съ повелительнымъ и надменнымъ лицомъ, который навѣрно станетъ держать ее въ заперти и завладѣетъ, по праву господина, даже пріобрѣтенными ею лично деньгами. Послѣднее предположеніе бросило ее въ жаръ. Она вполнѣ сознавала, что, продавши себя, дѣлалась рабынею того, кто пріобрѣталъ ее по жребію. Геспира быстро перешла къ взвѣшиванію своего положенія въ роли рабыни.

Роль эта въ данное время была въ крайне незавидномъ положеніи, хотя нѣкоторые и соглашались съ мнѣніемъ извѣстнаго стоика Эпиктета, что мудрецъ и въ рабствѣ истинно свободенъ,- но большинство держалось Аристотеля, сомнѣвающагося даже въ существованіи добродѣтели у человѣка, по несчастію или случайно сдѣлавшагося рабомъ, и въ такихъ случаяхъ, когда онъ пользовался самыми дружественными отношеніями господина. Даже важная должность, поручаемая рабу, не облагораживала и не измѣняла его въ нравственномъ отношеніи, а между тѣмъ отъ этихъ рабовъ зависѣла нравственность будущей аристократіи со всѣми перенятыми отъ раба пороками, такъ какъ воспитаніе дѣтей исключительно поручалось рабамъ.

Намъ извѣстно, что въ рабство могли попадать и и аристократы, какъ добыча морскихъ пиратовъ. Эти корсары, по свидѣтельству многихъ древнихъ писателей, дѣлали высадки на сосѣднихъ берегахъ, захватывая безъ различія обывателей и путешественниковъ, и продавали ихъ на чужую сторону; но кромѣ ихъ и губернаторы провинцій пользовались правомъ продавать въ рабство ввѣренныхъ ихъ попеченію жителей. Чтоже касается правъ военной добычи, то въ примѣръ приведемъ, что въ одномъ Эпирѣ, послѣ низложенія Персея, продано было въ рабство 150 т. человѣкъ, а изъ цар-

ства Митридита Понтійскаго жестокій Лукуллъ набралъ ихъ такое множество, что любой человѣкъ продавался по 4 драхмы (около 1 рубля).

Вслѣдствіе этого богатые, закупая огромное число этихъ несчастныхъ, превращали ихъ, смотря по способностямъ, въ ремесленниковъ, поваровъ, художниковъ, наставниковъ, писцовъ и ученыхъ, и настолько гордились ими, что даже послѣ смерти сберегали ихъ прахъ въ урнахъ съ надписями о занимаемыхъ ими должностяхъ. Благодаря этимъ рабамъ и ихъ удивительной способности писать скоро, одновременно писались подъ диктовку сотни экземпляровъ сочиненій лучшихъ или любимыхъ писателей, которыя съ жадностію разхватывались любителями изящнаго и благодаря этому перешли въ потомство и сберeглись до нашихъ временъ.

Эта сторона рабства не такъ казалась ужасною Гепепирѣ, но ее страшило то, что господинъ былъ полнымъ распорядителемъ жизни рабовъ своихъ и пользовался правомъ казнить ихъ публично или отдавать на съѣденіе рыбъ, звѣрей и собакъ. Къ этому рабъ не имѣлъ права обижаться, еслибы даже его оскорбили ударомъ люди сторонніе; не смѣлъ думать объ отдыхѣ въ праздничные дни и вдобавокъ служилъ вѣчною мишенью брани и жестокихъ шалостей воспитываемыхъ имъ львенковъ. Но что если она будетъ перепродана въ другія руки и осуждена на вѣчный машинальный трудъ?

При этой мысли у молодой красавицы затрепетало сердце и помутилось въ глазахъ. Она представляла себѣ приблизительно тотъ ужасъ, который выразилъ въ нижеслѣдующихъ словахъ оселъ Апулея, попавши въ булочную: „что за отверженные люди! кожа изрѣзана кнутомъ и росписана багровыми рубцами, спина въ струпьяхъ и едва прикрыта лохмотьями, лобъ клейменный, голова до половины обрита, на лицахъ безобразная блѣдность, вѣки изъѣдены дымомъ и густымъ паромъ, а глаза едва смотрятъ на свѣтъ.“

Гепепира застонала и, хлопнувъ себя по лбу, невольно вспомнила слова отца, что впередъ начинанія дѣла слѣдуетъ обсудить конецъ его. При этомъ она

вспомнила зловѣщія предсказанія одной изъ скифокъ и слезы какъ-то невольно вылетѣли изъ глазъ его.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи Приганисъ засталъ дочь свою.

— Ты о чемъ плачешь дитя мое? сказалъ онъ ласковымъ тономъ.

— Я ужасно раскаяваюсь, что послушала иностранца, отвѣчала она съ тяжелымъ вздомъ.

— Раскаяваешься? произнесъ онъ съ удивленіемъ— фи, какое унизительное слово! Еслибъ я сдѣлалъ даже тысячу преступленій безъ умысла, то и тогда утѣшился бы сознаніемъ моей глупости, а ты, кажется, пока не сдѣлала ничего такого, изъ за чего можно скорбѣть и отчаяваться.

— Мнѣ кажется, что я могу попасть не въ жены, а въ рабыни.

— Это не особенно опасно, дитя мое, когда есть чѣмъ выкупаться.

— Но развѣ рабы имѣютъ собственность?

— Если ты будешь умна, то ты оставишь деньги у родителей до того времени, пока утвердишься въ положеніи своемъ.

— И въ самомъ дѣлѣ—вскрикнула она—вѣдь я только послѣ розыгрыша сдѣлаюсь чужою собственностію. Какъ я рада, отецъ мой, что ты зашелъ ко мнѣ.

— Я зашелъ, чтобы сообщить тебѣ, что получилъ деньги за три билета отъ какого-то старичка, который проситъ твоей росписки.

Гепепира не замедлила написать три билета на имя Евпатора безсмертнаго и сама вынесла ихъ къ посланному.

— Кто тебя прислалъ? спросила она.

— Отецъ мой и благодѣтель.

— Мнѣ не это нужно знать. Я спрашиваю, кто твой господинъ и чѣмъ онъ занимается?

— Человѣкъ, какъ мы всѣ, а занимается всѣмъ, чѣмъ долженъ заниматься.

— Онъ женатъ?

— Да.

— Богатъ?

— Богатъ, но не такъ какъ прежде.

— Добръ?

— Смотря съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— А какъ давно онъ прибылъ въ Пантикапею?

— Всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ полномъ предположеніи, что Евпаторъ былъ купцомъ, Гепепира вручила посланному росписки и отправилась къ матери повторить свою просьбу идти на ночлегъ въ храмъ высокочтимой богини.

— Чтожъ мнѣ задумать? спросила мать.

— Помолись ей и попроси, чтобы она повѣдала тебѣ мою будущность. Я такъ желаю знать это, что сгораю отъ нетерпѣнія.

— Должна ли я обѣщать богинѣ какую-нибудь жертву.

— За этимъ не станетъ дѣло, лишь бы она соблаговолила утѣшить меня отрадною вѣстью.

Старушка немедленно отправилась въ отдаленный на нѣсколько стадій отъ города храмъ Афродиты и пала ницъ предъ жертвенникомъ божества. Какъ долго она молилась и проливала слезы, этого никто изъ весталокъ не замѣтилъ. На утро она возвратилась домой и съ сіяющимъ лицомъ передала дочери своей, что, заснувъ у подножья жертвенника, видѣла ее во снѣ въ слѣдующемъ многообѣщающемъ видѣ: „будто на высокомъ тронѣ сидѣлъ могущественный царь, который, снявъ съ головы своей корону, украшавшую его, положилъ у ногъ ея. Вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату Афродита съ большою толпою молодыхъ людей, которые по знаку богини начали преклонять предъ нею колѣна и вымаливать благоволенія.

— Ты всѣхъ ихъ начала прижимать къ груди своей, продолжала старуха, не обращая вниманіе на то, что это не нравилось царю. „Не успѣла ты покончить съ послѣднимъ, какъ отворились боковыя двери и оттуда вышелъ молодой человѣкъ въ царскомъ одѣяніи, который также упалъ къ твоимъ ногамъ. Но ты погрозила ему пальцемъ и приказала удалиться. Обиженный онъ погрозилъ тебѣ и царю своимъ мечемъ и также скоро выбѣжалъ къ ревущей на улицѣ толпѣ, какъ и вошелъ. Я передала сонъ мой одному изъ почтеннѣйшихъ жре-

цовъ и онъ объяснилъ, что ты будешь повелѣвать и царемъ и людьми.

— Благодарю добрую богиню и тебя, *мана*, за отрадную вѣсть. Я не забуду этой милости и постараюсь выразить благодарность мою и жертвами и священными играми, если предвѣщанное сбудется по словамъ жреца.

7.

Митридатъ царь Понтійскій, послѣ долгаго совѣщанія съ полководцами и приближенными о предстоящемъ сокрушеніи скифскаго господства въ центрѣ Тавриды, расположился обѣдать на одной изъ террасъ великолѣпнаго дворца древнихъ Босфорскихъ царей. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа отъ убѣжденія, что безъ особенныхъ усилій и потерь ничтожный уголокъ его владѣній внезапно раздвинется отъ Пантикапеи до Каркинита и отъ Тафроса до Херсонеса и что на этомъ пространствѣ ему не трудно будетъ образовать изъ воинственныхъ обитателей сильную и стойкую армію, готовую вновь помѣряться съ силами римскихъ легіоновъ, которые опустошили его владѣнія и заставили бѣжать, какъ труса и ничтожнаго человѣка въ отдаленную страну.

Этотъ великій государь, не придававшій значенія ни одной изъ человѣческихъ слабостей, никакъ не могъ равнодушно переносить своихъ неудачъ противъ римлянъ и до настоящаго времени не переставалъ придумывать планъ образованія сильной арміи, которая слѣпо подчинилась бы убѣжденію его, что Римское могущество сосредоточено въ Римѣ и что его возможно съ ничтожными сравнительно силами сокрушить только въ столицѣ. Идея эта казалась ему неподлежащею сомнѣнію. Оставалось только сформировать отважную армію. Для достиженія послѣдняго Митридатъ воспользовался обращеніемъ къ нему херсонесскихъ жителей, просившихъ защитить ихъ отъ безпрестанныхъ набѣговъ скифовъ, основавшихъ подъ стѣнами ихъ владѣній недоступную крѣпость, имѣвшую возможность высылать безнаказно цѣлые отряды разбойниковъ. Побѣдить этихъ Тавроскифовъ для такого опытнаго государя не представляло ни особеннаго труда, ни особенной надобности, еслибъ

не имѣлось на то настоятельной причины. Порѣшивъ употребить на это всю армію свою, состоявшую изъ 60 т. человѣкъ подъ начальствомъ лучшаго полководца Діофана съ тѣмъ, чтобы онъ утвердился въ окрестностяхъ Херсонеса и позаботился бы о сформированіи другой арміи для дальнѣйшихъ дѣйствій, Митридатъ какъ бы возродился послѣ долго-временныхъ нравственныхъ страданій и старался выразить это въ веселой бесѣдѣ за трапезою.

— Вчера предъ вечеромъ—говорилъ онъ—послѣ личнаго осмотра Босфорскаго вала я возвращался домой и присѣлъ отдохнуть около авлиды храма Эскулапа. Какъ вдругъ изъ одного изъ сосѣднихъ домовъ вывалила толпа молодыхъ людей, которые, не узнавъ меня въ моемъ походномъ нарядѣ, громко заговорили о какой-то необыкновенной красавицѣ, рѣшившейся розыграть себя въ лоттерею. Всѣмъ вамъ извѣстно, что красота, какъ мать высшихъ образовательныхъ силъ и сердечныхъ утѣшеній, всегда была моимъ кумиромъ. Увлеченный восторгами молодежи я рѣшился провѣрить ихъ своими глазами. И дѣйствительно, мнѣ никогда не приходилось видѣть такой величественной красоты во всѣхъ ея мелочахъ ни въ натурѣ, ни въ скульптурѣ и ни на изображеніяхъ антропографовъ, зоографовъ *) и т. п. олицетворителей естества. Я до такой степени былъ пораженъ этой дѣвушкою, что будь мнѣ 21 годъ, быть можетъ, рѣшился-бы на насиліе. Но въ мои лѣта, конечно, не прибѣгаютъ къ такимъ мѣрамъ и я ограничился тѣмъ, что забралъ послѣдніе оставшіеся три номера.

— И вдругъ ты выиграешь эту красавицу — сказалъ Діофанъ—чтобы наградить преданнаго тебѣ полководца за полную побѣду надъ Тавро-скиѳами.

— Я никогда не награждалъ моихъ полководцевъ женами—отвѣчалъ монархъ съ неудовольствіемъ, на томъ основаніи, что считалъ ихъ всѣхъ совершеннолѣтними и настолько разумными, что они сами могутъ выбрать жену по вкусу своему.

— Въ такомъ случаѣ я самъ пойду и запишусь на

*) Человѣкописцевъ и скотописцевъ.

томъ основанiи, что мой климатерическiй годъ *) сошолъ и несчастiе мое на женщинъ должно измѣниться.

— Ого, мой возлюбленный полководецъ, какъ я вижу, ты началъ покланяться Пиѳагору—замѣтилъ царь.

— Я былъ-бы плохой стратегъ, еслибъ не основалъ всѣхъ моихъ дѣйствiй на математическихъ расчетахъ. Какая-бы иначе цѣль могла руководить верховное божество въ созданiи мiра, семи главыхъ планетъ, семи металловъ, семи чудесъ, семи мудрецовъ, въ семимѣсячномъ сформированiи зародыша и т. п.? Или развѣ всѣмъ неизвѣстно, что 63 лѣтнiй возрастъ человѣка есть самый критическiй, какъ семь разъ взятое 9-ть?

— Дiофанъ, Дiофанъ, ты меня пугаешь, потому что я приближаюсь къ этому роковому числу лѣтъ.

— Тебѣ, любимцу боговъ, нечего бояться превратностей счастiя. Тебѣ суждено свыше испытать рядъ неудачъ, чтобы научиться сдѣлаться избавителемъ мiра и вторымъ Александромъ Македонскимъ.

— Сбудется-ли эта завѣтная идея человѣка, не разъ уже обманувшагося,—не станемъ теперь думать, когда предъ нами явилась такая восхитительная дѣвушка. Право, Дiофанъ, я окончательно поссорюсь съ Венерою, если и она подумаетъ возстать противъ меня на закатѣ моихъ дней.

— Что-же государь мой сдѣлаетъ съ этою красавицею, если она достанется ему по волѣ божества?

— Я тебѣ говорилъ уже, что все изящное доставляетъ мнѣ безконечное наслажденiе, такъ сказать оживотворяющее мой духъ. Гомеръ для меня божественъ способностiю даже щиту придать прелесть, Тимомахъ, въ своихъ изображенiяхъ неистовствующаго Аякса и дѣтоубiйцы Медеи, великъ тѣмъ, что не представляетъ предъ нами перваго свирѣпствующимъ, а въ то время, когда онъ, измученный неистовыми подвигами, сидитъ въ глубокомъ размышленiи и вся сила его недавняго бѣшенства отражается въ стыдѣ, ощущаемомъ имъ, а вторую не въ моментъ совершенiя убiйства, а когда ея мате-

---

*) Древнiе греки седьмой и десятый годъ считали несчастными. Слово *климаксъ* означаетъ въ переводѣ лѣстница, ступень въ смыслѣ перiодъ.

ринская любовь еще борется въ ней со злобою. Въ этихъ изображеніяхъ, которыя могли-бы оскорблять доброе чувство, при всякой другой постановкѣ, неожиданно являются высокимъ образцомъ нѣмой и одновременно говорящей поэзіи. Что-же касается розыгрывающейся дѣвушки, то это живая поэзія и говорящая живопись и самое лучшее твореніе творца вселенной. Могу-ли я, какъ государь и цѣнитель всего лучшаго, оставаться равнодушнымъ къ такому предмету, который долженъ облагораживать и возвышать достоинство человѣка?

— Но, она, какъ ты говоришь, молода и, слѣдовательно, пожелаетъ имѣть мужа одинакаго возраста.

— Это естественно и прилично для всякой дѣвушки. Но одна жертва со стороны всего народа, чтобы поддержать въ хорошихъ чувствахъ и намѣреніяхъ царя, не можетъ казаться жестокостью. Однако я говорю такими словами, какъ будто эта дѣвушка уже досталась мнѣ по жребію. Къ сожалѣнію я взялъ меньше номеровъ въ сравненіи даже съ епимелитомъ города, а другіе захватили по 20 билетовъ.

— А знаетъ-ли красавица, что въ лоттереѣ ея участвуетъ нашъ государь?

— Я не сказалъ ей этого и запретилъ даже говорить моему вѣрному Фелону, который носилъ деньги. Но кто знаетъ, женщины бываютъ крайне любопытны и можетъ быть что подпись моя, Евпаторъ безсмертный, выдастъ меня. А вотъ кстати идетъ и Харитъ—прибавилъ Митридатъ, указывая на епимелита—онъ всевѣдущъ и можетъ сообщить намъ объ этомъ.

Эпимелитъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій занялъ указанное ему мѣсто.

— Ну, что новаго въ нашей оградѣ? спросилъ государь.

— Важнаго ничего, да и мелочей гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно. Вопервыхъ мнѣ сообщили, что прибывшій изъ Аѳинъ философъ Страбонъ, о которомъ я уже докладывалъ тебѣ, до того поразилъ народъ въ нашихъ провинціальныхъ городкахъ, что жрецы убѣдительно просятъ меня отозвать его изъ ихъ округовъ.

— На что-же они жалуются?

— Причинъ не выставляется.

— Въ такомъ случаѣ и вины не должно быть—отвѣчалъ царь. — Я отлично знаю, что жрецы не любятъ безкорыстныхъ наставниковъ народа, не обращай вниманія на ихъ лукавыя выходки. Затѣмъ, что ты скажешь еще? Не появились-ти у насъ римскіе шпіоны, чтобы провѣдать про мое житье-бытье и поразузнать, какой я имъ подготовляю подарокъ? Смотри, Харитъ, въ оба, ты долженъ быть у меня *дипломатомъ* *) и не допустить ни одного изъ нихъ возвратиться въ отечество. Это моя первая заповѣдь испытаннымъ друзьямъ.

— Римляне, государь, настолько напуганы этою заповѣдью, что боятся проѣзжать мимо твоего царства.

— Этого я по крайней мѣрѣ всегда желалъ, чтобы обезоружить ихъ однимъ именемъ моимъ, когда наступитъ минута расплаты со мною. Ну, что же еще новаго?

— Въ Пантикапеѣ одна бѣдная дѣвушка, по имени Гепепира, дочь лепщика масокъ и статуэтокъ Пританиса, вслѣдствіе желанія избавиться отъ угрозъ 88 жениховъ, сдѣлавшихъ ей одновременно предложенія, испросила у меня позволенія розыграть себя въ лоттерею. Я не имѣлъ ни малѣйшаго права отказать ей въ виду того, что каждый грозилъ ей смертью за отказъ.

— Ты поступилъ очень благоразумно. Но какимъ образомъ могла явиться такая умная находчивость у молодой дѣвушки?

— Она воспользовалась совѣтомъ того Страбона, на котораго жалуются теперь жрецы.

— А, теперь я понимаю, что мудрецъ этотъ принадлежитъ къ особеннаго рода замѣчательнымъ людямъ! Ты пожалуйста заставь его явиться или самъ приведи ко мнѣ. А знаешь ли ты, что и я записался въ лоттерейной книгѣ этой Гепепиры, но къ сожалѣнію только на три номера. Не можешь ли ты перепродать мнѣ хоть одинъ изъ твоихъ билетовъ, такъ какъ число три мнѣ никогда не нравилось.

— Изволь, государь — отвѣчалъ епимелитъ, вынимая

*) Съ греческаго: человѣкъ съ двойными глазами.

изъ кармана всѣ билетовъ—выбирай любой. Митридатъ протянулъ руку и случайно взялъ номеръ 4, т. е. тотъ самый, который ему выбрала сама Гепепира.

— Ну, сдѣлай на немъ передаточную надпись и поди къ Фелону за деньгами.

Харитъ повиновался.

— Добрый старикъ — сказалъ Митридатъ, когда онъ удалился — еслибъ ты зналъ, что я именно желалъ занять этотъ номеръ въ лоттерейной книгѣ, какъ бы по какому-то предчувствію, ты можетъ быть не рѣшился бы съ такою готовностію отдать мнѣ его. Что если этотъ номеръ выиграетъ?

— Я полагаю, что Харитъ сдѣлается тогда твоимъ врагомъ—отвѣчалъ съ улыбкою Діофанъ.

— Ну, я этого не пожелалъ бы, потому что онъ пользуется въ Босфорскомъ царствѣ большимъ довѣріемъ, чѣмъ мы всѣ съ нашимъ войскомъ.

8.

Три дня спустя царь Митридатъ проснулся въ мрачномъ расположеніи духа и навѣрно остался бы на весь день недовольнымъ, еслибъ неожиданно не чихнулъ на лѣвую сторону. Тѣлохранитель его Акафъ, обрадованный этимъ событіемъ, не замедлилъ, преклонивъ колѣно, привѣтствовать государя съ предстоящимъ благополучіемъ.

— Спасибо, мой пріятель—отвѣчалъ монархъ не безъ удовольствія—я какъ-то по наслѣдству привыкъ вѣрить, что чиханіе на лѣвую сторону предвѣщаетъ удовольствіе, а между тѣмъ наши великіе учители, Аристотель и Гиппократъ, совсѣмъ другаго мнѣнія. Первый въ своихъ проблемахъ чиханія, хотя и считаетъ его даромъ боговъ и совѣтуетъ чтить его, какъ нѣчто священное, но старается доказать, что оно свидѣтельствуетъ о здравіи чихнувшаго, а послѣдній, какъ врачъ доказываетъ, что оно полезно для беременныхъ женщинъ и для страждующихъ летаргіею, каталепсіею, икотою и т. п.

— Все несомнѣнно приносящее благо — отвѣчалъ Акафъ—примѣняется каждымъ къ его трактату. Развѣ Киръ Великій обманывался въ этомъ знаменіи боговъ?

Развѣ Ѳемистоклу не предсказалъ великій жрецъ передъ Саламинскою битвою полной побѣды только потому, что кто-то чихнулъ на лѣвую сторону, когда онъ приносилъ жертвоприношеніе на кораблѣ своемъ?

— Ты правъ, а такъ какъ сегодня предстоитъ большая битва за красавицу Гепепиру, то надо полагать, что побѣда останется за мною. Признаться мнѣ никогда самому не приходилось наблюдать за чиханіемъ, но сегодня я замѣчу это и если оно удастся, то приму къ свѣдѣнію и сочту за благопріятное предвѣстіе. Вотъ, что, Акафъ, я сегодня пошлю тебя съ билетами моими присутствовать при розыгрышѣ. Если красавица достанется мнѣ, ты пригласишь ее въ свой домъ и затѣмъ уже приведешь ко мнѣ. Но смотри, не открывай ей моего имени, такъ какъ я хочу удивить ее внезапностію. Мы ее усыпимъ и перенесемъ во дворецъ съ цѣлью удивить и обрадовать будущностію.

Ровно въ полдень Акафъ, облеченный нарочно въ изношенное платье, отправился въ домъ, занимаемый Гепепирою. Масса народа занимала всю улицу такъ густо, что царскій тѣлохранитель могъ протѣсниться впередъ только благодаря физической силѣ. Въ комнатѣ онъ встрѣтилъ почти всѣхъ богатыхъ молодыхъ людей столицы, разсматривающихъ приготовленныя дощечки для лоттереи, которыя заботливо пересчитывались и складывались въ урны, охраняемыя лично епимелитомъ*). Гепепира сидѣла въ отдаленномъ углу и какъ богиня наблюдала за суетнею поклонниковъ, не дерзавшихъ приближаться къ ней.

Многіе изъ вошедшихъ въ залу требовали прибавить еще сотню номеровъ, обѣщая разобрать ихъ сейчасъ же, но Харитъ отвѣчалъ, что этого не можетъ дозволить ни правосудіе, ни тѣ лица, которыя разобрали номера въ видахъ личнаго интереса. Заявленіе это передано было недовольными Гепепирѣ, но она торжественно объявила, что съ сегодняшняго утра не располагаетъ болѣе никакими правами надъ собою.

---

*) Въ древности лоттерея дѣлалась слѣдующимъ образомъ: брались по числу номеровъ дощечки или палочки и на одной изъ нихъ показывался предметъ.

— Я считаю себя рабынею съ того времени, когда не осталось ни одного свободнаго номера въ моей записной книгѣ—отвѣчала она—но пока рабынею всѣхъ подписавшихся. Если всѣ пожелаютъ удовлетворить вашему предложенію, то тогда и я вправѣ буду исполнить требованіе моихъ господъ.

Вслѣдъ затѣмъ двѣ весталки, приглашенныя изъ сосѣдняго храма, надвинувъ на брови свои широкія повязки, опредѣлявшія ихъ профессію, заняли мѣста у урнъ и начали вынимать номера. Глубокое молчаніе не прерывалось ни единымъ звукомъ. У всѣхъ выставлены были уши нѣсколько впередъ, вытянуты лица и оживлены глаза какимъ-то однимъ общимъ блескомъ, значеніе котораго невозможно было объяснить, не имѣя предъ собою ясной причины.

Акафъ, который видѣлъ всѣ азіятскіе народы, съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на этихъ прекрасныхъ потомковъ несчастнаго Милета, у которыхъ нравственное величіе совокупилось въ двухъ безграничныхъ крайностяхъ: въ вѣчной неизмѣнной страсти къ удовольствіямъ и непреклонной ненависти къ врагамъ ея. Ихъ видъ съ ясно сдержаннымъ чувствомъ пламенной страсти напоминалъ ему статую Лаокоона, терзаемаго ужасными змѣями, противъ жала которыхъ воля и разсудокъ оказывались совершенно безсильными.

„Ну, съ такими людьми—мечталъ тѣлохранитель Митридата—намъ трудно будетъ сокрушить римлянъ. Да и врядъ-ли они могутъ быть заинтересованы великими планами моего отважнаго монарха.

— Номеръ четвертый? возвѣстила громко весталка, прерывая мысли Акафа, не слушавшаго до настоящаго времени пройденныхъ пустыхъ номеровъ.

— Гепепира! отвѣчала сосѣдка ея, передавая билетъ въ руки епимелита.

Всѣ присутствующіе съ блѣдными лицами начали оглядываться и искать глазами счастливца.

Акафъ тихо и спокойно выступилъ впередъ и подалъ прекрасной дѣвушкѣ врученный ему билетъ, но Гепепира, взглянувъ на его ужасный ростъ и крайнее безо-

бразіе, положительно окаменѣла на своемъ мѣстѣ. Съ Харитомъ произошло почти тоже самое.

— О, Афродита, наконецъ вскрикнула дѣва, подымаясь съ мѣста—какъ жестоко ты подводишь тѣхъ, кто съ пламенною душою обращается къ тебѣ! Но я не убоюсь твоей гнусной насмѣшки и съумѣю насладиться жизнію и безъ твоихъ милостей. Прочь вѣра моя въ тебя, я могу считать и себя такою же богинею, какъ считаютъ тебя всѣ суевѣрные и глупые люди. Ну, чего же ты не берешь свою рабыню? — обратилась она къ Акафу.

Тѣлохранитель протянулъ свою лапу и, не говоря ни слова, увелъ красавицу.

Всѣ съ ужасомъ слѣдили за нимъ, не зная, откуда и какимъ образомъ попалъ въ среду богатыхъ людей этотъ ничтожный гигантъ. Одинъ только Епимелитъ узналъ его, но и у него такъ болѣло сердце, что пришлось бѣгомъ возвратиться домой, чтобы свободно предаться раскаянію о продажѣ дорогаго билета, указаннаго ему самою красавицею.

Нѣсколько времени спустя Гепепира приведена была въ небольшой домикъ, гдѣ принята женою Акафа съ особеннымъ почтеніемъ и радушіемъ.

— Надѣюсь заслужить любовь моихъ господъ — проговорила дѣвушка—я буду работать день и ночь, насколько хватитъ у меня силъ. Если же они пожелаютъ отпустить меня на свободу, то родители мои охотно выплатятъ имъ десять тысячъ драхмъ.

Вмѣсто отвѣта хозяйка принесла ей завтракъ и сильно прижала къ груди своей.

— Кушай, дитя мое, и не скорби о судьбѣ своей, потому что будущее зависитъ не отъ насъ.

Гепепира, не бравшая со вчерашняго дня ничего въ ротъ, налила полный потыръ вина и выпила его съ кускомъ хлѣба. Сладкій напитокъ чрезвычайно понравился ей.

— Ну, такъ постой, я тебя угощу виномъ, которое пьетъ нашъ царь—сказала жена Акафа — мнѣ недавно подарила его цѣлый сосудъ одна изъ служанокъ Митридата. Я скрыла его отъ мужа моего, потому что всѣ

сладости вредятъ ему. Сказавъ это, добрая хозяйка принесла и поставила глиняную амфору на столъ.

Бойкая дѣвушка, у которой явилось уже веселое настроеніе духа, не замедлила набрать второй потыръ и съ наслажденіемъ осушила его.

— Какая прелесть—сказала она—я и не подозрѣвала въ винѣ такого отраднаго вкуса.

— Ага—раздался голосъ Акафа—наша гостья изволитъ веселиться. Ну, угости и меня твоими красивыми руками. Кто знаетъ, можетъ быть и я когда-нибудь пригожусь тебѣ.

Гепепира набрала потыръ и поднесла гиганту; но онъ, приложивъ его къ губамъ, по знаку жены возвратилъ красавицѣ, сказавъ, что сладкихъ винъ не можетъ пить. Хозяйка поспѣшила поставить на столъ другой сосудъ, который Акафъ и поднялъ къ устамъ.

— Ну, чего ты пожелала-бы отъ меня? спросилъ онъ заботливымъ тономъ—имѣй въ виду, что я служу при одномъ полководцѣ въ качествѣ оруженосца и тѣлохранителя, а при случаѣ обязанъ исполнять и роль палача.

— Чего же я могу просить отъ палача? спросила она съ недовѣріемъ; затѣмъ, подумавъ немного, прибавила— если тебѣ придется убивать меня, то вспомни, что я просила тебѣ сдѣлать это такъ, чтобы я не узнала о разлукѣ моей съ жизнію.

— Исполню, непремѣнно — отвѣчалъ—Акафъ—и оба какъ бы въ залогъ обѣщанія выпили вина.

— Что за мрачныя мысли у такой молодой дѣвушки? вмѣшалась хозяйка. Ты, Акафъ всегда сведешь добрыхъ людей на грустныя мечты. Лучше иди въ свою комнату и оставь насъ немного поболтать. Мущинамъ приличнѣе быть въ своемъ обществѣ.

Акафъ не противорѣчилъ.

— Теперь ты должна скушать чего-нибудь мяснаго— обратилась она къ Гепепирѣ, у которой начали смыкаться глаза.

— Твое вино меня усыпляетъ — отвѣчала дѣвушка— я не могу болѣе владѣть собою, а между тѣмъ хотѣлось-бы выпить еще одинъ потыръ съ кусочкомъ соленой икры.

Хозяйка поднесла одно и другое къ устамъ Гепепиры.

— Да, увеличатъ боги твое благосостоянiе отвѣчала гостья, подымаясь съ мѣста — о, укажи мнѣ какое-нибудь мѣстечко, чтобы заснуть; а потомъ уже я примусь за работу.

Хозяйка взяла за руку Гепепиру и отвела въ свою опочивальню. Койка, на которую дѣвушка легла, представляла носилки. Лишь только красавица заснула и наступила ночь, Акафъ въ сопровожденiи четырехъ сильныхъ товарищей вошелъ въ эту комнату и, накинувъ на спящую черное покрывало, заботливо вынесъ ее на улицу и всѣ направились къ дворцу Митридата.

9.

Въ это время горделивый обладатель Босфорскаго царства только что вышелъ изъ великолѣпно убранной комнаты, размышляя, какое впечатлѣнiе можетъ произвести роскошь на бѣдную дѣвушку, которая внезапно очнется въ его дворцѣ и будетъ окружена толпою служанокъ. Къ нему на встрѣчу выступилъ Страбонъ и, почтительно привѣтствуя, заявилъ, что является по приказанiю епимелита.

Да, мнѣ кажется, что я уже встрѣчался съ тобою— сказалъ Митридатъ.

— Я также припоминаю, что видѣлъ лицо подобное твоему на сосѣдней горѣ, около камня, превращаемаго въ несокрушимый тронъ великаго монарха.

— И ты не узналъ во мнѣ, мудрецъ, несчастнаго государя?

— Ты несчастенъ развѣ тѣмъ, чего добиваются другiе. Какая мнѣ надобность до личныхъ неудовольствiй, когда я заслужу такую же память, которую прiобрѣлъ себѣ и Александръ Македонскiй!

— Неужели ты убѣжденъ въ томъ, что отдаленное потомство станетъ помнить имя того, который, не обладая достаточною силою, лѣзъ въ борьбу съ дракономъ?

— Не въ силѣ сила, государь. Ты великъ величiемъ идеи; ты великъ тѣмъ, что жаждешь дать свободу народу, который, подпавъ подъ чужеземное иго, не можетъ открыть крыльевъ, чтобы носиться надъ землею и тво-

рить своего рода чудеса. Ты желалъ снять съ грековъ ярмо, которымъ они прижаты къ землѣ и обязаны съ ежеминутными проклятіями трудиться, чтобы насыщать ненасытнаго побѣдителя.

— Ты правъ, мой гость; иди же за мною, я желаю побесѣдовать съ тобою. Давно-ли ты выѣхалъ изъ Аѳинъ и въ какомъ настроеніи находится эллинскій народъ къ римлянамъ?

— Народъ изнемогаетъ подъ тяжестью налоговъ; все золото и серебро въ образцовыхъ произведеніяхъ древности захвачено воинами и обращено на украшеніе враждебнаго оружія; скульпторы, ораторы, философы разошлись въ темные закоулки или направились въ Римъ служить рабами и вдохновлять геніальностію поработителей. Словомъ Эллада начала умирать какъ-бы въ желаніи отдать и свой духъ вновь пробужденной націи.

— Ты разсказываешь мнѣ все то, что я предвидѣлъ и усиливался не допустить. О, какъ я желалъ спасти несчастныя Аѳины!

— Твою услугу мы всѣ оцѣнили, но сами боги были противъ насъ.

— Надо постараться умилостивить ихъ, потому что я, пока живъ, не откажусь отъ освобожденія грековъ отъ римлянъ. Рядъ несчастій лишилъ меня средствъ, но не уменьшилъ вражды. Я пріютился въ отдаленномъ уголкѣ міра въ надеждѣ, что и здѣсь мнѣ удастся составить могущественную армію, которая послѣдуетъ за мною въ горделивый Римъ и сотретъ его съ лица земли, чтобы возвратить Аѳинамъ первенствующее значеніе. Я говорю тебѣ это не изъ пустаго тщеславія, а изъ желанія, чтобы ты оказалъ мнѣ и съ своей стороны содѣйствіе. Видишь-ли, въ Пантикапеѣ и окрестныхъ городахъ народъ исключительно находится въ зависимости жрецовъ и совершенно отвыкъ отъ того воинственнаго духа, которымъ гордились его предки. Тебѣ предстоитъ пошатнуть это довѣріе и вдохнуть въ нихъ любовь и сочувствіе къ единовѣрцамъ. Входи-же во всѣ храмы и проповѣдуй безъ стѣсненія все, что придетъ тебѣ въ голову и прежде всего противъ могущества жрецовъ.

— Все сказанное тобою согласуется съ моими убѣж-

деніями и если ты не имѣешь прибавить ничего болѣе, то я оставлю твой дворецъ.

Митридатъ молчалъ. Въ эту минуту слуга поднесъ къ нему дорогой вѣнчальный поясъ, которымъ государь имѣлъ обыкновеніе опоясывать своихъ наложницъ.

— Нравится-ли тебѣ, Страбонъ, искусство здѣшнихъ женщинъ вышивать жемчугомъ? спросилъ монархъ, поднося философу дорогой поясъ.

— Для меня интереснѣе было-бы узнать, кому онъ предназначается въ даръ?

— Случайно выигранной мною въ лоттерею дѣвушкѣ, которую я изъявилъ желаніе сдѣлать своею женою. Мнѣ кажется, что ты съ нею знакомъ.

— Я, дѣйствительно, одной молодой красавицѣ посовѣтовалъ розыграть себя въ лоттерею, но та обѣщала пригласить меня на свадебный пиръ.

— Это та самая Гепепира, дочьРитаниса; но такъ какъ я не имѣю обыкновенія праздновать пріема женщинъ въ домъ мой, то тебѣ придется извинить ее и ограничиться хорошимъ завтракомъ у меня.

Страбонъ вышелъ. Онъ узналъ все, что нужно было знать шпіону.

— Ну, что принесли мою послѣднюю жену? спросилъ царь у стоявшаго у дверей слуги.

— Ее внесли въ то время, когда я вошелъ сюда съ поясомъ.

Митрадатъ, сдѣлавъ знакъ удалиться слугѣ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, затѣмъ, взявъ вѣнчальный подарокъ, направился къ Гепепирѣ, которая продолжала спать крѣпкимъ сномъ. Остановившись предъ красавицею, этотъ великій цѣнитель изящнаго, началъ всматриваться въ каждую жилку этого прекраснаго существа: ея дѣвственное чело, какъ бы украшенное дѣвственнымъ олицетвореніемъ эфира, прикрытое мѣстами золотистымъ шелкомъ кудрей, не уступало въ правильности и бѣлизнѣ ни единой божественной статуѣ, вышедшей изъ подъ рѣзца неподражаемаго Фидія, ея бѣло-снѣжныя ланиты съ розовымъ отливомъ издавали какой-то ѳиміамъ, возбуждающій бурныя движенія въ душѣ; ея ослѣпительная мраморная грудь, точно играла

двумя пѣнистыми валунами; эта скромная, стыдливая поза, эта грація во всемъ станѣ, эти длинныя густыя рѣсницы, обогнутыя тончайшимъ шнуркомъ бровей—все въ общемъ олицетворяло идеальное сновидѣніе воспріимчиваго художника и поэта.

„О, какъ жаль, что я встрѣтилъ ее въ теперешнемъ моемъ возрастѣ—подумалъ Митридатъ съ тяжелымъ вздохомъ—какъ должна быть упоительна любовь такого существа и какъ мнѣ будетъ отнынѣ тяжело прижимать къ груди своей эти чудныя перси съ полнымъ сознаніемъ, что я буду противенъ ей. Чего бы я не далъ теперь, чтобы сдѣлаться вновь юношею? и въ памяти его живо воскресли воспоминанія молодыхъ лѣтъ. Предъ нимъ послышались звуки ночнаго соловья, котораго трели и переливы перестали уже занимать его; предъ нимъ вновь показалась та луна, на которую онъ смотрѣлъ, полный непостижимаго обожанія; предъ нимъ мелькнуло два, три эфирныхъ существа, съ которыми онъ нѣкогда наслаждался отъ всей души и сердца и считалъ себя счаствѣйшимъ изъ всѣхъ созданій земли.

„Я буду обладать ею, продолжалъ онъ мечтать, но, увы, не въ качествѣ друга, а какъ господинъ ненавидимый настолько, насколько онъ будетъ любить и благоговѣть. Я превращусь и самъ въ раба, но и это не улучшитъ моего положенія, потому что мнѣ будутъ мстить за мое право, созданное людьми, чтобы дать порядокъ, но не нарушать порядковъ природы. Грустно и тяжело сознавать, что всему даже и самому отрадному есть предѣлъ... да, я буду любить и благоговѣть предъ тобою безъ взаимнаго участія и наслаждаться лицезрѣніемъ съ большимъ удовольствіемъ не тогда, когда ты игривою болтовнею и рѣзвостью станешь плѣнять всѣхъ, кто будетъ смотрѣть на тебя, а когда сонъ сомкнетъ твои плѣнительные глаза и сердце перестанетъ биться подъ вліяніемъ стороннихъ чувствъ. И къ чему создала природа эту старость съ ея морщинами и сѣдинами и немощами? Развѣ мы не можемъ умереть въ образѣ свѣжихъ юношей въ столѣтнемъ возрастѣ? Какая цѣль у ней была безобразить свое прекрасное созданіе послѣ каждаго прожитаго года? Не лучше ли бы улучшать и

доводить его до совершенства силы и красоты, гармонировавшихъ съ опытностію?

Митридатъ склонился на колѣна и положилъ свою сѣдую голову на грудь спящей красавицы, но минуту спустя отскочилъ, какъ ужаленный. „Нѣтъ я не унижусь до того, сказалъ онъ, чтобы дать волю господства страстямъ. Для меня ничего болѣе не остается, какъ лукавить и скрывать любовь, чтобы къ презрѣнію не присоединить насмѣшекъ. Сказавъ это, онъ возложилъ на спящую вѣнчальный поясъ, но не ограничиваясь и этимъ, онъ пошелъ и принесъ лучшую діадему, которою увѣнчалъ прелестное чело дѣвственницы.

— Эльписъ, сказалъ царь, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату и обращаясь къ старшей изъ рабынь, я возложилъ поясъ и діадему на Гепепиру. Ты навѣрно теперь понимаешь, въ какое она званіе возведена и какъ слѣдуетъ всѣмъ обращаться съ нею. Но такъ какъ она ничего этого не знаетъ, то ты должна ей объяснить все. Усыпительное, данное ей Акафомъ, прекратитъ свое дѣйствіе не раньше полуночи. Надѣюсь, что ты успѣешь вовремя явиться къ ней.

— Приказаніе повелителя моего всегда было священно для Эльписы, отвѣчала рабыня.

Волнуемый грустными мыслями Митридатъ возвратился въ любимую комнату, принялъ по обыкновенію порцію яда, что дѣлалъ со дня восшествія на престолъ съ цѣлію гарантировать жизнь отъ отравы, потомъ открылъ окно и предался размышленіямъ; но чѣмъ больше ему хотѣлось думать о прошломъ или будущемъ, тѣмъ сильнѣе и упорнѣе предъ глазами его являлся божественный образъ выигранной имъ дѣвушки.

„И къ чему вручила мнѣ судьба это существо — думалъ онъ—не ясно ли, что это насмѣшка надъ угасающимъ пламенемъ сердца? Не есть ли это злое намѣреніе прибавить къ ранамъ моимъ, новую язву и новую скорбь къ безсилію тѣла? Какой же я несчастный человѣкъ! Все, все, что для меня было наслажденіемъ, всегда отравляло мнѣ жизнь. И надо было мнѣ услышать объ этой лоттереѣ, увидѣть эту волшебницу, отобрать счастливый билетъ отъ преданнаго мнѣ Харита и очу-

титься около этого чудовища красоты, чтобы въ заключеніе потерять силу воли и сдѣлаться игрушкою въ ея дѣтскихъ шаловливыхъ рукахъ!... Минуту спустя царь говорилъ почти громко: неужели ты, котораго отвагѣ и храбрости будутъ удивляться народы во всѣ времена, ты боишься пострадать отъ пещинки съ бриллiантовымъ сіяніемъ? Страбонъ навѣрно сказалъ бы: какая мнѣ надобность до того, что будетъ она думать и желать, мнѣ приличнѣе прежде всего позаботиться о собственныхъ удовольствіяхъ.

Утѣшившись наконецъ, Митридатъ отправился на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы на зарѣ выѣхать къ арміи, которая приготовлена была къ нашествію на Тавроскиѳскія владѣнія.

10.

Гепепира дѣйствительно пробудилась послѣ полуночи въ предположеніи, что она находится въ опочивальнѣ Акафа. Принявъ сидѣвшую у ногъ ея женщину за хозяйку дома, она тихо попросила воды.

— Слушаю, повелительница моя, отвѣчала Эльписъ и подала ей въ золотой кружкѣ вмѣсто воды прохладительный напитокъ.

Отвѣтъ этотъ изумилъ дѣвушку. Освѣжившись, она пришла въ себя и начала осматриваться, но чѣмъ болѣе смотрѣла, тѣмъ болѣе изумлялась окружавшему ее великолѣпію.

— Гдѣ я нахожусь? вскрикнула она, приподнявшись.

— Въ дворцѣ великаго царя Митридата—отвѣчала ей служанка.

Гепепирѣ показалось, что все это происходитъ во снѣ и она подняла руку, чтобы протереть глаза. Рука ея дотронулась до діадемы, которую она поднесла къ глазамъ, и ужаснулась при блескѣ алмазовъ.

— Кто возложилъ на меня этотъ вѣнецъ? спросила она невольно.

— Царь Митридатъ—отвѣчала Эльписъ.

Гепепира опустила руку на грудь и невольно подняла жемчужный поясъ.

— Это странно—сказала она—вѣнчальный поясъ на дѣвушкѣ!

— Ничего нѣтъ страннаго, отвѣчала служанка, такъ какъ госпожа моя сдѣлалась женою своего государя.

При этихъ словахъ Генепира вскочила на постели и, сверкнувъ глазами, потребовала отъ дерзкой объясненія.

— Я могу не многое сказать моей повелительницѣ, отвѣчала хладнокровно Эльписъ, мнѣ извѣстно только, что государь выигралъ въ лоттерею дочь Пританиса и, нашедъ ее достойною быть его подругою, возложилъ на нее вѣнчальный поясъ и діадему, приказавъ намъ признавать ее за повелительницу нашу.

— Какимъ же это образомъ могло случиться, если я выиграна какимъ-то оруженосцемъ или палачемъ?

— Я ничего этого не знаю.

— Отчего же господина моего нѣтъ около меня?

— Государь, вѣроятно, давно спитъ и далекъ мысли восторгаться своимъ счастіемъ.

— Когда же я могу увидѣть его?

— Тогда, когда онъ доставитъ это счастіе своей супругѣ.

— Молодъ ли государь мой?

— Нѣтъ, онъ пожилой, но здоровый и пріятный мущина.

— И не былъ женатъ?

— Напротивъ у него пять женъ, но онѣ не молоды, потому что живутъ съ нимъ съ первыхъ дней царствованія.

— Это значитъ, что я могу разсчитывать на его снисходительность?

— Я тѣхъ же убѣжденій, если онъ своеручно возложилъ на тебя вѣнчальный поясъ и діадему.

Генепира находилась въ какомъ-то неестественномъ состояніи. Поднявшись съ ложа своего, она какъ-то недовѣрчиво оглядывалась во всѣ стороны.

— Не прикажетъ ли мнѣ чего-нибудь госпожа моя? спросила Эльписъ.

— Я хотѣла бы умыться.

Желаніе это моментально было исполнено. Нѣсколько рабынь вошли съ роскошными чашами и мягкими

губками. Всѣ онѣ нашли себѣ занятіе около прелестной дѣвы. Одна возилась около одной руки, другая чистила ногти на другой, третья извивалась около ногъ и комната наполнилась запахомъ ароматической воды. Затѣмъ началось чесаніе и убираніе волосъ. Гепепира не спускала глазъ съ металическаго зеркала, которое держала предъ нею рабыня.

Сердце ея трепетало и отъ удовольствія и отъ нетвердой увѣренности въ счастіи. Она готова была молиться и благодарить Афродиту, которую оскорбила преждевременно, но языкъ у пей не шевелился.

— Завтракъ поданъ, объявила вновь вошедшая въ комнату пожилая женщина.

Гепепира машинально перешла съ всѣми окружавшими ее дѣвушками въ другую комнату и расположилась за низенькимъ столикомъ, придвинутымъ къ роскошной софѣ.

Эльпись налила ей въ золотой потыръ вино и, попробовавъ его предварительно сама въ доказательство отсутствія отравы, не иначе подала госпожѣ, какъ опустившись на одно колѣно и сказавъ громко:

— Кушайте на здоровье.

Сказанное сію произнесли и всѣ остальныя также съ колѣнопреклоненіемъ.

Гепепира съ наслажденіемъ осушила уже успѣвшій понравиться ей напитокъ, котораго она раньше не имѣла ни средствъ, ни возможности отвѣдывать. Очаровательный напитокъ взволновалъ ея кровь и міръ, казавшійся ей нѣсколько часовъ тому назадъ мрачнымъ и печальнымъ, нынѣ представлялся въ видѣ божественнаго разсвѣта съ нѣжно-голубымъ небомъ, усѣяннымъ миллионами прелестныхъ амуровъ, игравшихъ въ теплыхъ волнахъ эфира.

Удовлетворивъ аппетиту своему, Гепепира отпустила всѣхъ служанокъ, за исключеніемъ одной, которая поразила ее своею бойкостію и расторопностію. Оставшись съ нею наединѣ, царская наложница, приказавъ ей сѣсть у ногъ своихъ, начала разспрашивать, кто она такая по происхожденію, давно ли служитъ при дворцѣ Митридата и т. п.

— Меня зовутъ Саломія, отвѣчала дѣвушка, я происхожу изъ іудеевъ, которыхъ здѣсь, какъ, вѣроятно, тебѣ извѣстно, очень много. Оставшись сиротою, послѣ смерти отца моего, я вынуждена была идти въ наймы, чтобы помогать бѣдной матери моей, на попеченіи которой остаются еще четыре дѣвочки и которая, со времени новой династіи на Пантикапейскомъ престолѣ, не можетъ достаточно зарабатывать отъ своего искусства.

— Чѣмъ же она занимается? спросила Гепепира.

— Она умѣетъ поддерживать красоту женщинъ и не допускать ихъ формъ до безобразія.

— Это прекрасное занятіе. Если мнѣ удастся заслужить расположенность царя, то я постараюсь обезпечить ее хорошимъ содержаніемъ. Такая женщина необходима будетъ мнѣ, чтобы первенствовать по крайней мѣрѣ наружностію предъ соперницами моими, которыхъ я быть можетъ никогда не увижу. Но ты, вѣроятно, видѣла ихъ?

— Онѣ живутъ въ акропольскомъ дворцѣ и каждая имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе. Всѣхъ ихъ я видѣла много разъ, но ни одна не сравнится съ твоею свѣжестію и красотою.

Продолжая въ такомъ родѣ разговоръ, до слуха Гепепиры долетѣли звуки мѣдныхъ трубъ и тимпановъ.

— Это что означаетъ? спросила она, подбѣгая къ окну.

Вдали показались сотни костровъ, чрезъ которые перескакивали вооруженные люди.

— Это означаетъ — отвѣчала Саломія — что царскіе воины отправляются въ походъ.

— Для чего же они перепрыгиваютъ чрезъ огонь?

— Для того, чтобы предохранить себя отъ всякаго рода чаръ и заразительныхъ болѣзней.

Тѣмъ временемъ звуки военныхъ трубъ пробудили Митридата, который, приказавъ подать себѣ лошадь, поскакалъ къ арміи, чтобы напутствовать ее добрыми пожеланіями и присутствовать при жертвоприношеніи.

Діофанъ, которому ввѣрена была армія для завоеванія Неаполиса, въ которомъ имѣлъ резиденцію тавроскиоскій царь Скирулъ, завидѣвъ издали своего монарха, выѣхалъ къ нему на встрѣчу и шутя сказалъ, что по-

кидасть Пантикапею прежде полученія яблока, проколотаго гвоздикою *).

— Ты намекаешь мнѣ на выигранную дѣвушку? отвѣчалъ царь — но вѣдь это случайность, которую я не искалъ самъ.

— Дѣйствительно, ты не искалъ, но я не знаю, почему мнѣ кажется, что эта случайность не поблагопріятствуетъ тебѣ. Прежде всего ею ужасно оскорбленъ епимелитъ, который кажется до безумія успѣлъ влюбиться въ эту дѣвушку.

— Ну, такъ-какъ я не имѣю никакого основанія ревновать его, то я постараюсь доставлять ему ежедневно случай лицезрѣть его предметъ обожанія.

— Удовлетворитъ-ли его это? Но для меня красивыя женщины со времени Троянской войны всегда казались предвѣстницами ужасныхъ событій и я ужасно боялся поселять ихъ около себя.

— Это твое личное убѣжденіе, но я имѣлъ уже нѣсколько случаевъ въ жизни, которые памятны мнѣ, какъ лучшія страницы изъ моей неудачной жизни.

— Да благословятъ тебя и теперь боги — отвѣчалъ съ грустью Діофанъ —я ухожу по повелѣнію твоему и. вѣроятно, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока мнѣ удастся возвратиться къ тебѣ.

— Нѣтъ, я этого не допускаю, въ полномъ убѣжденіи, что тебѣ не потребуется долгаго времени на завоеваніе скиѳовъ и сформированія изъ нихъ и жителей Херсонеса сильной арміи. Что касается меня, то я надѣюсь не отстать отъ тебя. Всѣ мои зятья и родственники уже заявили готовность свою оказать мнѣ помощь, но я не особенно надѣюсь на иноземныя войска и не потребую ихъ, пока моя армія не будетъ доведена до 120 т. человѣкъ, способныхъ перенести походъ отъ Херсонеса до Рима. Послѣ полученія отъ тебя благопріятныхъ извѣстій, я немедленно приступлю къ постройкѣ флота на берегахъ Кавказа и заготовленію провіанта. На все это потребуется отъ меня не болѣе

*) Этимъ приглашали древніе греки на свадебные пиры. Обычай этотъ практикуется ими и въ наше время.

шести, семи мѣсяцевъ. Если-же и ты управишься съ варварами въ теченіи этого времени, то мы очень скоро будемъ готовы къ нашему величайшему и, безъ сомнѣнія, послѣднему предпріятію.

— Кого-же ты намѣренъ оставить вмѣсто себя въ Таврикѣ?

— Я рѣшилъ своеручно короновать сына моего Фарнака, такъ-какъ послѣ этого предпріятія, если мнѣ оно не удастся, я намѣренъ бросить корону и жить гдѣ-нибудь въ качествѣ простаго гражданина. Но все это я пока храню въ глубокой тайнѣ и не желалъ-бы, чтобы никто кромѣ тебя одного зналъ мои мысли.

Въ эту минуту Митридатъ съ любимымъ полководцемъ своимъ находились передъ войскомъ, уже окончившимъ перескакиваніе чрезъ огонь и ставшимъ передъ воздвигнутымъ наскоро въ степи жертвенникомъ, гдѣ воскуривались ѳиміамы, дымъ которыхъ подымался ровнымъ столпомъ къ небу.

— Побѣда будетъ за нами!—кричали воины—жертва наша пріемлется богами! *Зито*! (живи) нашъ василевсъ!

Эти радостные крики вскорѣ пробудили весь городъ и отрадно раздавались въ ушахъ Гепепиры, которая не отрывала глазъ своихъ отъ всадника на бѣломъ конѣ и который, по словамъ Саломіи, былъ ея будущій обладатель, Митридатъ Понтійскій, тотъ самый царь, неудачи и несчастныя битвы котораго заставляли два три года тому назадъ плакать ея родителей. Проскакавъ бодро, великій царь спѣшился и началъ присматриваться къ лицамъ всѣхъ, идущихъ на битву.

— Спасибо тебѣ, Діофанъ—сказалъ онъ, покончивши осмотръ—ты прекрасно сдѣлалъ, что приказалъ всѣмъ воинамъ сбрить бороды. Я знаю на опытѣ, что скиѳы наровятъ прежде всего схватиться за бороду противника.

— Я никогда, государь, не забываю моего великаго учителя въ дѣлахъ войны, Александра Македонскаго, и дѣлаю все то, что дѣлалъ онъ. Этою ничтожною съ вида шуткою императоръ покорилъ часть Индіи съ такою ничтожною арміею, которую туземцы могли бы

безъ оружія за бороды увести въ плѣнъ, но къ удивленію они столкнулись съ безбородыми и вынуждены были бѣжать.

— Желаю, чтобы и тебѣ удалась эта разумная мѣра. Теперь возлюбленный мой, Діофанъ, выслушай мое послѣднее приказаніе. Ты долженъ пройти въ Херсонищу не степями, гдѣ могутъ наносить тебѣ вредъ скифы, а морскимъ берегомъ Таврики, занятой, какъ, вѣроятно, и тебѣ извѣстно, болѣе образованными соплеменниками, безъ сомнѣнія, выходцами изъ Вифаніи, которыхъ мы неоднократно встрѣчали уже въ портовыхъ городахъ юго-восточной части понта Эвксинскаго и которые безпрестанно являются въ Пантикапею съ произведеніями своей страны. Люди эти показались мнѣ очень миролюбиваго нрава и сочувствующими нашимъ идеямъ. Ты кланяйся отъ меня ихъ топархамъ и заявляй, что пройдешь ихъ владѣнія безъ корыстныхъ цѣлей, не обидишь никого и что я чрезвычайно буду радъ, если они изберутъ меня своимъ защитникомъ. Это доставитъ имъ несравненно больше покоя на случай столкновеній съ кочующими номадами или морскими пиратами, которые не рѣдко показываются передъ ихъ поселеніями и грабятъ ихъ безнаказанно. Вообще ты употреби всѣ мѣры, чтобы заставить ихъ присоединиться къ нашему царству и постарайся показать войско наше съ хорошей стороны. Впрочемъ на тавровъ пока не слѣдуетъ тебѣ тратить много времени, потому что они впослѣдствіи сами вынуждены будутъ искать нашего покровительства. Намъ всего важнѣе захватить херсонесцевъ, а для достиженія этого ты долженъ очень осторожно дѣйствовать. По моему мнѣнію тебѣ предстоитъ чрезвычайно дружественно отнестись къ архонту и гражданамъ и смотрѣть во всѣ глаза, чтобы воины наши не затѣвали безпорядковъ и не тщеславились преимуществами своими, и немедленно приступить къ постройкѣ акрополя внѣ города подъ предлогомъ постоянно наблюдать за скифами и держать войско наготовѣ, чтобы при надобности встрѣтить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Херсонесцы съ радостью примутъ это предложеніе изъ одного желанія не имѣть въ домахъ своихъ моихъ вои-

новъ и сами помогутъ тебѣ выстроить казармы. Когда ты достигнешь этого, постарайся сдѣлать имъ опись и подробно извѣстить меня о числѣ ихъ судовъ и средствъ. Затѣмъ помни, что не слѣдуетъ предпринимать никакого дѣйствія безъ обоюднаго согласія съ ихъ представителями власти. Намъ необходимо убѣдить ихъ, что мы не считаемъ ихъ за другое племя и готовы проливать свою кровь, какъ за родныхъ братьевъ. Когда они убѣдятся въ этомъ, тебѣ не трудно будетъ согласить ихъ дѣйствовать съ нами за-одно и жертвовать тѣмъ, что потребуется. Надѣюсь, что такими мѣрами они безсознательно отдадутся въ наше подданство. При этомъ ставлю тебѣ въ обязанность на случай сокрушенія Скирула съ его полудикими отрядами воздвигнуть на городской площади великолѣпную статую на память грядущимъ вѣкамъ. Статую поставь на большомъ пьедесталѣ и сдѣлай на немъ подробную надпись въ честь божества и въ честь херсонесскихъ жителей, достойно отстоявшихъ свою свободу съ нашими войсками подъ твоимъ начальствомъ. На случай, если въ Херсонесѣ не найдутся хорошіе рѣзчики надписей, ты пришли ко мнѣ извѣстіе и я пошлю лучшаго изъ Пантикапейскихъ мастеровъ. Ты знаешь, что мы не имѣемъ достойныхъ поэтовъ, которые могли бы прославлять наши дѣйствія, но за то найдутся скульпторы и рѣзчики, которые повѣдаютъ наши подвиги на камняхъ, не подвергающихся сокрушенію. Ты, мой вѣрный другъ, давно уже заслужилъ безсмертіе и я буду въ восторгѣ, если въ настоящее время тебѣ удастся воздвигнуть себѣ надпись *). Будь здоровъ, желаю тебѣ полнаго счастія! Затѣмъ Митридатъ пожелалъ того же своимъ войскамъ и при крикахъ *зито* василевсъ! вскочилъ на коня и помчался къ городу.

Гепепира слѣдила за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ былъ видѣнъ.

---

*) Въ 1881 году при раскопахъ въ Херсонесѣ найденъ пьедесталъ отъ мѣдной статуи, подтверждавшій сказанія исторіографа Страбона объ этомъ событіи. На надписи этой значится имя полководца Діофана.

11.

Гепепира, слѣдившая за Митридатомъ до того времени, пока онъ скрылся вдали съ войсками, возвратилась на свое ложе и начала раздумывать свое будущее положеніе въ домѣ этого престарѣлаго для нея мужа. Сначала ей показалась тяжелою такая жизнь, но вдругъ мысли ея прояснились.

„Неужели я не могу повліять на него—подумала она. Отецъ мой всегда говорилъ, что сильный и могущественный звѣрь смиряется предъ самыми немощными животными и именно: слонъ передъ бараномъ, левъ передъ пѣтухомъ, ворона предъ совою и что даже вліяніе это подмѣчено между растеніями. О, нѣтъ какъ-бы онъ ни былъ могущественъ, я съ перваго дня постараюсь выговорить себѣ свободу, потому что имѣю къ этому достаточно основаній: номеръ, выигравшій меня, есть мой собственный. Слѣдовательно, я могу принадлежать ему только добровольно.

Митридатъ, лично проводившій войска свои въ походъ, возвратился во дворецъ послѣ полудня и, позавтракавъ, легъ отдухнуть. Пробудившись, онъ прежде всего вспомнилъ о Гепепирѣ.

„Сегодня я буду ночевать въ ея комнатѣ — подумалъ онъ, приказавъ призвать своего цирульника.

— Я хочу сегодня казаться свѣжѣе и бодрѣе — сказалъ сурово царь.

Цирульникъ употребилъ всѣ свои познанія и настолько успѣшно, что Митридатъ нѣсколько разъ посматривалъ въ металлическое зеркало.

— Я сегодня буду обѣдать съ женою моею—сказалъ Митридатъ, когда Эльписъ явилась спросить, не время ли накрывать на столъ.

Естественно, что заявленіе это передано было Гепепирѣ, у которой въ первый разъ какъ-то странно затрепетало сердце.

Въ урочный часъ поданы были свѣчи и повелитель Пантикапеи очутился предъ наложницею своею, которая преклонила предъ нимъ колѣно и поцѣловала его руку.

— Узнала наконецъ—спросилъ онъ, улыбаясь—того, кто подписался Евпаторомъ на твоей книгѣ?

— Благодарю, государь, за оказанную милость, но я не могу сообразить до настоящаго времени, какимъ образомъ я могла попасть въ твой дворецъ?

— Это совершилось очень просто; я послалъ вмѣсто себя моего оруженосца и тѣлохранителя Акафа съ приказанiемъ взять тебя, если выиграетъ мой номеръ. Выигравши, онъ отвелъ тебя въ свой домъ, а потомъ мнѣ захотѣлось удивить тебя переносомъ во время сна.

— Я не то спрашиваю, царь. Меня выигралъ номеръ четвертый то есть номеръ, принадлежащiй мнѣ самой или вѣрнѣе указанный мною епимелиту. Чтобы доказать тебѣ это, я попрошу взглянуть на его собственноручную запись. Сказавъ это, дѣвушка подала Митридату записную тетрадь.

— Что же слѣдуетъ изъ этого? спросилъ государь съ легкимъ неудовольствiемъ.

— Ничего кромѣ того, что я имѣю нѣкоторое право пользоваться моею свободою.

— И, вѣроятно, отказаться быть моею женою?

— Ну, отъ этого едвали откажется какая-либо женщина—отвѣчала игривымъ тономъ красавица.

Лице Митридата просiяло.

— Чего же ты желаешь?

— Я хочу, чтобы ты не смотрѣлъ на меня, какъ на рабыню, чтобы я пользовалась полною свободою и жила такъ, какъ этого пожелаю.

— Все, все предоставлю тебѣ, моя красавица — сказалъ царь, прижимая ее къ груди — если ты утѣшишь меня твоимъ нѣжнымъ взоромъ, твоею сладкою улыбкою и искренними дружескими объятiями. Я сдѣлаю тебя моею Венерою, Дiаною и генiемъ счастiя; я буду покланяться и благоговѣть предъ тобою, если ты съумѣешь убаюкать меня твоими ласками.

Гепепира вмѣсто отвѣта обогнула шею повелителя и отъ всей души напечатлѣла два поцѣлуя на его сiяющихъ, но не пламенныхъ глазахъ.

Обѣдъ начался и кончился виномъ: Гепепира и Митридатъ въ чрезвычайно счастливомъ настроенiи отпра-

вились въ опочивальню. Но въ тотъ моментъ, когда государь почувствовалъ около себя упоительное дыханіе олицетворенной розы, въ глубинѣ души его зашевелилось какое-то безотчетное тяжелое предчувствіе, въ которое и онъ подобно всѣмъ современникамъ своимъ вѣрилъ, какъ въ религіозный догматъ. Не говоритъ ли Гомеръ, что нѣжнаго и мужественнаго Гектора постигъ внезапный страхъ, когда, вырываясь изъ объятій Андромахи, онъ въ этомъ предчувствовалъ близость своей смерти, а неустрашимый Турнъ совершенно превратился въ труса предъ тѣмъ, когда долженъ былъ пасть подъ мечемъ Энея? „Фи—какой вздоръ лѣзетъ мнѣ въ голову—сказалъ про себя царь—можетъ ли такое чудное созданіе принести кому-либо вредъ? но тутъ же въ памяти его мелькнуло, что Ахиллъ былъ убитъ жалкимъ трусомъ Парисомъ. Между тѣмъ дыханіе становилось все пламеннѣе и пламеннѣе и послышалось учащенное біеніе сердца. У Митридата помутилось все въ глазахъ и рука его обхватила эластичное тѣло дѣвственницы, достойной поклоненія. Старикъ превратился въ пламеннаго юношу, дрожалъ и не могъ вымолвить ни слова... Дочь простаго бѣдняка сводила съума великаго духомъ царя, предъ именемъ котораго трепеталъ самый отважнѣйшій изъ всѣхъ властителей Азіи.

— И такъ ты призналъ меня за жену свою съ полными правами на свободу?—шептала красавица.

— Да, да ты будешь и моею царицею — съ трудомъ проговорилъ Митридатъ.

— Но, для царицы такого убранства, какое я встрѣтила здѣсь, очень не достаточно. Я желаю, чтобы меня окружали въ миніатюрѣ всѣ прелести міра, чтобы все соотвѣтствовало моему высокому положенію и моей власти. Мнѣ необходимы лучшія статуи, лучшія художественныя произведенія изъ золота и серебра, я хочу, чтобы всѣ полы, софы и стѣны моихъ комнатъ убраны были тигровыми и барсовыми мѣхами, я желаю видѣть у себя жрецовъ, философовъ, скульпторовъ словомъ всѣ лучшіе предметы и всѣхъ лучшихъ людей міра.

— Я все могу предоставить тебѣ. Ну, положи на меня твою руку.

Но красавица вмѣсто того, чтобы внять желанію очарованнаго царя, внезапно вскочила на ложѣ съ обнаженною бѣлоснѣжною грудью и, склонивши чело на мраморную руку, проговорила:

— О какая же я неблагодарная дочь, я предаюсь счастію въ то время, когда мои несчастные родители, не вѣдая ничего о судьбѣ, постигшей меня, быть можетъ, въ настоящую минуту клянутъ небо и землю, полагая, что я изнемогаю въ страданіяхъ.

— Отчего же ты не позаботилась объ этомъ? заботливо спросилъ Митридатъ.

— Я считала себя безъ всякихъ правъ въ твоемъ дворцѣ.

— Ну, это дѣло не трудно поправить. Я сейчасъ пошлю нарочнаго съ извѣстіемъ, что Гепепира нынѣ въ дворцѣ и избрана царемъ Митридатомъ въ свои подруги.

— Ты окажешь мнѣ большое одолженіе.

Волею-неволею государю пришлось одѣться и исполнить обѣщаніе. Но лишь только онъ возвратился, Гепепира объявила, что не сомкнетъ глазъ, пока посланный не возвратится съ отвѣтомъ.

— Я полагаю, прибавила она, что мать моя настолько будетъ поражена моимъ счастіемъ, что не замедлитъ сама прійти, чтобы удостовѣриться въ справедливости.

Заявленіе это не понравилось государю, но такъ какъ оно казалось естественнымъ, Митридатъ вынужденъ былъ оставить подругу свою и перейти въ другія комнаты, чтобы не присутствовать при родительскихъ восторгахъ.

Предположеніе Гепепиры оправдалось. Не только мать, но и старый Пританисъ огласили дворецъ криками радости. Нѣжной дочери приходилось своеручно угощать различными винами и явствами добрыхъ родителей. Только въ полночь эти внезапные гости возвратились домой и предоставили нетерпѣливому монарху занять свое ложе.

— Теперь я совершенно спокойна душою, сказала Гепепира и вѣрю, что ты будешь любить свою свободную рабыню.

Сказавъ это, она прижалась къ государю и обогнула

его полудряхлый станъ съ такою силою, что къ старику точно по волшебству, возвратились лучшіе годы молодости.

12.

Сегодня Страбонъ обѣщалъ совершить чудо, сказалъ Митридатъ, входя къ Гепепирѣ. Не желаешь ли ты присутствовать при этомъ?

— Какого рода чудо?

— Въ Пантикапеѣ у одного изъ членовъ верховнаго совѣта не такъ давно заболѣла единственная дочь странною болѣзнью, которую приписываютъ грѣхамъ родителей. Она онѣмѣла и вдобавокъ осталась съ поднятыми руками къ небу. Эта 16-ти лѣтняя дѣвушка до настоящаго времени находилась въ храмѣ Эскулапа, но изнеможенные молитвами жрецы не могли принести ей никакого пособія и въ то время, когда потребовали отъ родителей взять ее домой, какъ-то случайно узналъ объ этомъ Страбонъ и предложилъ свои услуги.

— Конечно, конечно, я пойду съ тобою, сказала Гепепира.

Меня должны видѣть всѣ бывшіе женихи мои, меня должны узнать Пантикапейцы отъ самаго лучшаго до послѣдняго раба. Я хочу явиться предъ ними въ моемъ вѣнчальномъ поясѣ и дорогой діадемѣ!

— Неужели тебя интересуетъ настолько этотъ изнѣжившійся народъ съ его пороками и заблужденіями?

— Онъ изнѣжился и опорочился потому, что бывшіе цари и архонты развратили ихъ. Но отецъ мой всегда приписывалъ имъ чистоту эллинской крови и способность къ великимъ подвигамъ. Онъ называлъ ихъ славнымъ кораблемъ безъ рулеваго. Слѣдовательно, отъ тебя зависитъ дать этому кораблю направленіе.

— Нѣтъ, моя возлюбленная Гепепира, я погруженъ въ другія болѣе важныя предпріятія и не намѣренъ сокращать жизни моей надъ этими мелочами. Я гость въ Таврикѣ и предназначаю царство это въ удѣлъ сыну моему Фарнаку, который постарается, ради собственнаго блага, переобразовать ихъ отъ ногтей до послѣдней волосинки.

— Такъ ты не хочешь царствовать въ этихъ прелестныхъ мѣстахъ?

— Здѣсь мнѣ тѣсно, я привыкъ повелѣвать неизмѣримымъ государствомъ, я люблю вліять на міръ царей, на судьбу царствъ, для меня интересны только тѣ мѣста, которыя освящены великими событіями. Здѣсь же для меня нѣтъ ничего роднаго, всѣ кажутся скиѳами. Это только случайная пристань, къ которой я временно приблизился, чтобы исправить мой корабль, потерпѣвшій крушеніе. Но какъ только онъ будетъ починенъ и снаряженъ, я вновь пущусь искать утраченнаго положенія. Ты будешь моею руководящею звѣздою, ты займешь великое мѣсто около меня и имя твое съ благоговѣніемъ будетъ произноситься въ отдаленныхъ поколѣніяхъ.

Гепепира почти не слышала послѣднихъ восторженныхъ фразъ государя. Мысли ея сосредоточивались на Фарнакѣ, будущемъ царѣ Босфорскаго царства. Онъ рисовался предъ нею молодымъ, прекраснымъ юношею съ живыми повелительными глазами, полнымъ силы, энергіи и геройской красоты. Тихо вздохнувъ, она перешла въ свою комнату, чтобы приготовиться къ первому выходу изъ дворца. Мысль, что супругъ ея считаетъ Пантикапейцевъ развращенными, ужасно не нравилась ей, привыкшей любоваться издали роскошью и веселыми играми народа, казавшагося ей въ высшей степени и приличнымъ и счастливымъ, но молодая женщина, отчужденная обстоятельствами отъ среды этого народа и сама рожденная съ зачатками порока, не могла знать близко согражданъ своихъ.

Чѣмъ же были въ это время пантикапейцы? Вотъ ужъ много десятковъ лѣтъ, какъ послѣдніе цари ихъ со всѣми представителями власти сами содѣйствовали къ развращенію народа и не заботились обновлять разлагавшейся крови въ ихъ организмѣ. Народъ, подавленный сначала лихоимствомъ и угнетеніями, внезапно почуявъ свободу, отвергъ всѣ нравственныя достоинства и сосредоточился на однихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, могущихъ предоставить широкое поле для физическихъ наслажденій. Науки, художества и религія могли быть

удѣломъ только бѣдняковъ, обязанныхъ по необходимости выманивать себѣ пропитаніе отъ любителей роскоши; на заѣзжихъ философовъ смотрѣли, какъ на актеровъ, мимиковъ, помѣшавшихся отъ недостатка средствъ къ жизни на выработанныхъ для личнаго утѣшенія идеяхъ; тогда какъ каждый человѣкъ обязанъ жить по собственному разуму и дѣлать все то, что ему пріятно, или къ чему онъ склоненъ. Вслѣдствіе такого разгула свободной фантазіи въ Пантикапеѣ до появленія Митридата бродяжничество, воровство, неповиновеніе къ старшимъ и всѣ виды обмана никого не удивляли и казались естественными явленіями, приличными извѣстнаго рода спеціалистамъ. Во всѣхъ почти ксенодохіяхъ и винныхъ погребахъ можно было слышать, какъ такой-то ограбилъ корабль или мастерски укралъ за столомъ у богача золотой потыръ, но обысканный хозяиномъ при выходѣ, долженъ былъ возвратить его съ сожалѣніемъ и извиненіемъ, что не имѣлъ возможности лучше скрыть похищенное. Большинство изъ этихъ людей были крайне нужны богачамъ, которые, боясь потерять въ нихъ исполнителей своихъ прихотей и надобностей, не только не укоряли ихъ въ безнравственныхъ поступкахъ, но скорѣе поощряли къ болѣе ловкимъ дѣйствіямъ. У зажиточныхъ гражданъ одно было стремленіе: обладать всѣмъ, что могло возбудить въ ближнемъ зависть, что доставляло ему удобство и довольство. Пока онъ не нуждался ни въ чемъ, для него храмы съ жрецами и весталками казались мѣстами сборныхъ пунктовъ, которые приличнѣе было бы перенести въ болѣе обширныя общественныя зданія. Епимелитъ, верховный совѣтъ, народное собраніе и царь—это ни что иное, какъ люди, обязанные заботиться только о томъ, чтобы избравшіе ихъ граждане не встрѣчали никакихъ препятствій жить по собственной волѣ. На жрецовъ, имѣвшихъ громадное вліяніе, эти богачи смотрѣли, какъ на вѣрное оружіе для достиженія такихъ желаній, которыхъ нельзя было достигнуть ни золотомъ, ни насиліемъ безъ риска поплатиться жизнію. Эти служители алтарей направляли людей неподкупныхъ и честныхъ къ совершенію злодѣяній въ видѣ требованія самого божества; они безъ всякаго

стыда и боязни объявляли примѣрнѣйшимъ женамъ, что должны отдаться такому-то и что тогда только получатъ то, чего просятъ отъ божества.

Митридатъ, замѣтившій съ первыхъ дней появленія въ Пантикапеѣ всѣ эти ужасы, употребилъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы дать новую жизнь и новое направленіе, но онъ сознавалъ свое безсиліе на этомъ поприщѣ и притомъ въ его мысляхъ господствовала другая всепоглощающая идея и онъ вмѣсто законодателя являлся полководцемъ, обязавшимъ всѣхъ безъ исключенія запастись боевымъ оружіемъ и изучать способы самозащиты и пораженія враговъ. Этому государю казалось, что только философы могутъ возстановить нравственность, и съ этимъ убѣжденіемъ онъ приказалъ принимать и содержать ихъ на свой счетъ. Первымъ серіознымъ мудрецомъ со времени его явился Страбонъ, но въ чемъ состоитъ его ученіе? Не шарлатанъ ли это Аѳинскій, не нашедшій себѣ въ отечествѣ пріюта и послѣдователей, возмечтавшій создать себѣ славу въ странахъ отдаленныхъ? Мысль эта хотя и мелькнула раза два въ головѣ Митридата, но онъ не желалъ придавать ей особеннаго значенія. Этотъ великій человѣкъ не вѣрилъ, чтобы могли быть другіе учителя кромѣ Аристотеля и Платона. У перваго онъ обожалъ сравненіе человѣка съ пчелою, обязаннаго неутомимо дѣйствовать для общаго блага, у послѣдняго отрицаніе собственности, и даже семьи во имя цѣлаго народа, разсматриваемаго имъ какъ нѣчто самостоятельное, первобытное, какъ стволъ могущественнаго дуба, украшеннаго соединеніемъ частицъ, гармонирующихъ и необходимыхъ для общаго организма, а не въ отдѣльности для себя. Проще Митридату казалось, что высшимъ благосостояніемъ государства должны наслаждаться не одинокія личности, а весь организмъ, отражая наслажденіе настолько въ частицахъ, насколько на долю ихъ можетъ выпадать извѣстная частица. Человѣкъ, не желавшій сочувствовать государственному организму и незаботящійся о стройности цѣлаго, въ его мысляхъ являлся вреднымъ и недостойнымъ оставаться въ средѣ частицъ. Управлять государствомъ могутъ только воины, которые при малѣйшемъ

сопротивленіи имѣютъ возможность употребить силу. Этотъ народъ, привыкшій къ повиновенію съ молодости, съумѣетъ быть подъ старость и градоправителемъ и судьею и навѣрно болѣе станетъ заботиться объ организмѣ, чѣмъ объ отдѣльныхъ частичкахъ его, такъ какъ главная забота правителя должна сосредоточиваться не на косвенныхъ усовершенствованіяхъ вкуса, а на строгомъ поддержаніи потребнаго порядка, ведущаго къ общей конечной цѣли.

Митридатъ былъ врагомъ народнаго богатства, но благоволилъ къ тѣмъ, которые добывали себѣ средства къ жизни честнымъ трудомъ и умѣли цѣнить эти средства и существовать безъ зависимости и крайностей. Но вотъ этого-то сословія онъ почти не встрѣтилъ въ Босфорскомъ царствѣ, гдѣ являлись двѣ крайности или избытокъ или недостатокъ. Этому содѣйствовало самое мѣстоположеніе царства между богатѣйшими странами, изобиловавшими такими продуктами, которые легко пріобрѣтались и еще легче сбывались въ отдаленныхъ государствахъ. Это былъ своего рода Карѳагенъ и Милетъ, у жителей которыхъ было много любви къ родинѣ, но любви эгоиста, готоваго отдать половину состоянія для торжества съ тѣмъ, чтобы не пожертвовать ни одной каплею своей собственной крови.

Такой народъ не могъ заслужить любви Митридата и вотъ почему онъ при первомъ воззваніи къ нему Херсонесцевъ, сохранившихъ свой патріотическій духъ, послалъ всю почти армію свою. Онъ надѣялся слиться съ послѣдними и, сдѣлавшись вновь сильнымъ, отсюда выступить разрушителемъ всемірнаго римскаго государства.

Вотъ подъ вліяніемъ какихъ убѣжденій Митридатъ случайно выразилъ Гепепирѣ свое презрѣніе къ людямъ, которые казались ей достойными обожанія.

13.

У дверей высокочтимаго Эскулапова капища и на всей священной авлидѣ тѣснилось огромное множество народа, ожидавшаго открытія храма, въ которомъ Аѳинскій мудрецъ обѣщалъ исцѣлить такую больную, которой не оказалъ помощи самъ богъ. Народъ, изумленный этою

вѣстью, трактовалъ различно. Одни говорили, что мудрецъ этотъ колдунъ, другіе, что фокусникъ, пускавшій пыль въ глаза, третьи, что великій врачъ и т. п.

— А, что если онъ обманетъ насъ всѣхъ? вдругъ раздался голосъ молодаго рыбака.

— Тогда мы выпроводимъ его каменьями изъ нашего царства—отвѣчало нѣсколько голосовъ.—Сегодня такая благопріятная погода для ловли муруны (осетровъ), а мы отказались отъ заработковъ изъ простаго любопытства.

Вслѣдъ затѣмъ явился Акафъ и громогласно произнесъ, что сейчасъ прибудетъ повелитель его царь Митридатъ съ супругою. Когда передано было это заявленіе жрецамъ, у дверей храма появился Страбонъ въ одеждѣ мудреца, т. е. въ хитонѣ и ризѣ.

— Братья! сказалъ онъ, обращаясь къ массѣ народа—я хочу спасти больную отъ ужасной болѣзни. но если вы малѣйшимъ шумомъ или словомъ нарушите мертвую тишину въ храмѣ, больная не получитъ исцѣленія и вина дальнѣйшихъ страданій ея падаетъ на ваши души. Поклянитесь же Эскулапомъ, что каждый изъ васъ на цыпочкахъ войдетъ въ святыню и никакимъ движеніемъ не потрясетъ храмоваго воздуха.

— Требованіе твое будетъ исполнено въ точности — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Тоже самое Страбонъ потребовалъ и отъ Митридата и Гепепиры, когда вводилъ ихъ въ капище и садилъ на возвышенное мѣсто, вокругъ котораго стояли жрецы и весталки всѣхъ пантикапейскихъ храмовъ. За царемъ вступила публика подъ надзоромъ мудреца, сверкавшаго глазами. Когда всѣ были размѣщены, Страбонъ скрылся за отдаленною перегородкою, сдѣланною на высокомъ помостѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ по приказанію мудреца двѣ весталки вывели на сцену больную дѣвушку, не подозрѣвавшую, что за занавѣсомъ сидитъ огромная масса мужчинъ и, поставивъ ее предъ ванною наполненною теплымъ молокомъ, раздѣвъ догола, поставили лицомъ къ публикѣ и удалились. Въ эту минуту Страбонъ въ мгновеніе ока вздернулъ ширму къ потолку.

Дѣвственница, очутившись внезапно въ естественной наготѣ предъ глазами мужчинъ, по свойственной ея полу и званію стыдливости, вскрикнула и окаменѣвшія руки ея быстрѣе молніи опустились къ оконечностямъ живота.

Ширма опустилась также скоро, какъ и поднялась. Выбѣжавшія весталки сейчасъ-же опустили страждующую въ теплую ванну, гдѣ она свободно развела руками и заговорила

Страбонъ вновь показался предъ народомъ и торжественно объявилъ, что боги возвратили больную въ первобытное состояніе.

Митридатъ и Гепепира привѣтствовали мудреца и обѣщали ему свое покровительство. Народъ зажжужалъ подобно пчеламъ въ ульѣ и началъ расходиться подъ убѣжденіемъ, что городъ ихъ посѣтилъ какой-то необыкновенный человѣкъ. Чудо это въ непродолжительномъ времени сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ обитателямъ столицы и заставило суевѣрнаго Фарнака, наслѣдника Босфорскаго царства пригласить къ себѣ мудреца.

Мы до настоящаго времени не говорили, кто былъ Страбонъ и какое онъ проповѣдовалъ ученіе? Это былъ мудрецъ изъ числа энциклопедистовъ, которые въ то время не пользовались особеннымъ уваженіемъ и причислялись къ числу послѣдователей различныхъ толковъ и дѣйствовали подъ вліяніемъ или личныхъ впечатлѣній или необходимостей. Страбонъ перебывалъ во всѣхъ школахъ, всему учился съ безпредѣльнымъ вниманіемъ, прожилъ много лѣтъ въ Египтѣ и Индіи и посвятилъ себя въ заключеніе просвѣщенію народовъ, отдаленныхъ отъ цивилизованныхъ странъ. Не смотря на то, что онъ казался чуждымъ развлеченій, для него женская красота служила высшимъ благомъ и единственнымъ нектаромъ, услаждающимъ душевныя немощи; затѣмъ онъ вѣрилъ въ благодатную силу вина, возбуждавшаго въ немъ даръ слова и фантазіи въ блистательной обрисовкѣ, которыя болѣе доставляли ему самому наслажденія, чѣмъ слушателямъ, съ трудомъ понимавшимъ его гомеровскій языкъ, когда дѣло доходило до отвлеченныхъ

сравненій. Но это не часто ему удавалось и не всегда требовалось. Ему преимущественно приходилось въ послѣдніе годы ораторствовать у пороговъ храмовъ о мудрости, храбрости, воздержности, и другихъ геройскихъ добродѣтеляхъ, которыя нравились слушателямъ только на языкѣ у другихъ. Такъ онъ дѣйствовалъ публично, чтобы снискать благоволеніе начальниковъ и стариковъ, называвшихъ такихъ философовъ отцами юношества и при удачахъ готовыхъ праздновать въ честь мудреца теофанію, но въ частныхъ кружкахъ, которые Страбонъ болѣе предпочиталъ, онъ или покровительствовалъ всѣмъ видамъ страсти или являлся въ образѣ законодателя, вѣрившаго въ непогрѣшимость свою и надежду увлечь слушателей силою слова, которое иногда было мѣтко и неопровержимо по краткости и ясному смыслу. Сознавая, что аскетизмъ вселяетъ болѣе довѣрія, а молитва и богопочитаніе необходимы для массы, которую слѣдуетъ даже обманывать для блага ея, Страбонъ нерѣдко утверждалъ, что мясная пища не должна быть любима разумными существами; что человѣкъ можетъ быть счастливъ среди скорби и матеріальныхъ недостатковъ и лишеній и что борьба съ ними составляетъ трату жизни на ничтожныя мелочи, которыя побѣждаются только презрѣніемъ ко всему внѣшнему, матеріальному. Въ другихъ случаяхъ онъ утверждалъ, что добродѣтель только есть благо жизни и именно потому, что люди болѣе склонны ко злу и что слабость есть нормальное свойство, соотвѣтствующее пороку; что безсмертіе несомнѣнно въ недоступномъ для человѣка видѣ и т. п.

Чего-же добивался Страбонъ, если онъ жилъ безъ твердаго направленія, безъ выработанной идеи? Можно было предполагать, что онъ всѣмъ наслаждался, во всемъ умѣлъ найти хорошую сторону и желалъ составить себѣ и въ народной массѣ и въ частныхъ кружкахъ выгодное положеніе. Это могло-бы при внимательномъ наблюденіи свидѣтельствовать, что Страбонъ не принадлежалъ къ греческой національности, которая создавала философовъ съ самостоятельнымъ направленіемъ и никогда неизмѣнявшимъ своимъ принципамъ. Но въ Пантикапеѣ ни Митридатъ, ни приближенные его не могли подозрѣ-

вать, что римскій сенатъ, напуганный царемъ Понтійскимъ, станетъ слѣдить за нимъ и его замыслами, чтобы не дать себя въ обиду и во время раздавить живучаго врага; что этотъ сенатъ будетъ посылать къ нему преданныхъ людей, которые зорко будутъ слѣдить за всѣми его дѣйствіями, тщательно скрывая свою національность.

Такимъ-то шпіономъ явился въ Босфорское царство римскій гражданинъ, воспитанный греками и имѣвшій такое сходство съ эллинами, что немыслимо было допускать даже подозрѣнія о непринадлежности его къ греческой націи. Принявъ греческое имя Страбона, этотъ наемный злодѣй поклялся не возвратиться на родину до того времени, пока соотечественники его не получатъ мертваго тѣла Митридата, поразившаго въ Азіи всѣхъ братьевъ и сестеръ его изъ одной только ненависти къ римскому имени. Для болѣе удобнаго достиженія цѣли всего лучше было облечься въ мантію бродящаго философа, пересѣсть въ Греціи на первый отходящій въ Пантикапею корабль и всецѣло посвятить себя такой роли, при посредствѣ которой легко было проникнуть во всѣ слои общества и, дѣйствуя осторожно, заручиться такимъ авторитетомъ, который при удобномъ случаѣ имѣлъ-бы рѣшительное вліяніе.

Впрочемъ Страбонъ съ 25-ти лѣтняго возраста преданъ былъ изученію всего изящнаго и считалъ себя равнымъ лучшимъ греческимъ философамъ, но вмѣсто того, чтобы исключительно предаться въ Римѣ избранной профессіи, онъ, пылая местью къ Митридату, обязался предъ сенаторами покинуть родину и достигнуть мирнымъ и скромнымъ путемъ того, чего не удалось республикѣ достигнуть несокрушимыми силами легіоновъ, т. е. убить или плѣнить желѣзнаго царя, который, пока будетъ существовать на землѣ, не перестанетъ мечтать о сокрушеніи Рима.

Страбонъ, осмотрѣвшій уже Босфорское царство и изучившій подданныхъ Митридата, нашелъ, что небольшая армія, сохранившаяся у него, можетъ вскорѣ утроиться на счетъ сосѣднихъ воинственныхъ племенъ и быть способною къ отважнымъ подвигамъ; что маленькое цар-

ство его можетъ вдругъ раздвинуться и предоставить всѣ средства къ продолжительной борьбѣ, если государю этому удастся пересобразовать на свой манеръ подвластныхъ и заставить ихъ полюбить себя. А такъ какъ это чувство непремѣнно возродится послѣ побѣды надъ Тавро-скиѳами и ненавистными херсонесцами, то для предупрежденія такого опаснаго явленія надобно дѣйствовать на народъ не только въ духѣ ихъ изнѣженности и разврата, но и поощрять къ окончательной потерѣ всего того, что стягиваетъ къ центру или единству, составляющему стройную силу государства.

Страбонъ быстро взвѣсилъ, какія мѣры удобнѣе принять, чтобы правильными путями дойти до цѣли своей. Онъ былъ твердо увѣренъ, что сегодняшнее исцѣленіе дочери богатаго гражданина припишется ему, какъ сверхъестественное чудо, и народъ признаетъ его величайшимъ любимцемъ божества. Слѣдовательно, если ему удастся совершить еще два три такихъ неясныхъ для массы подвига, то всякая проповѣдь его будетъ священнымъ закономъ для Пантикапейцевъ.

При этомъ счастіе настолько поблагопріятствовало ему, что Фарнакъ, котораго знакомствомъ онъ заинтересованъ былъ съ первыхъ дней прибытія въ Пантикапею, но не желалъ самъ искать его, чтобы не возбудить ни чьего подозрѣнія,—въ настоящее время самъ потребовалъ его къ себѣ, какъ человѣка, разумѣется, неимѣвшаго ничего общаго съ государственными дѣлами, но обращающаго невольное вниманіе подвигами въ частномъ быту.

Страбонъ немедленно послѣдовалъ за посланнымъ и всю дорогу передъ глазами его вертѣлась величественная прелесть Гепепиры, какъ-то случайно отдавшейся старику. Ему завидно было, что этотъ варваръ имѣетъ возможность наслаждаться прелестями такого существа и что онъ самъ направилъ это существо въ его объятія.

14.

Мы не станемъ говорить, что Страбонъ узналъ при первомъ взглядѣ того Фарнака, которому онъ такъ безцеремонно предсказалъ убійство роднаго отца.

— Видишь, я принимаю тебя безъ злости — сказалъ царевичъ, разставляя руки. А помнишъ ли, въ какое непріятное положеніе ты поставилъ меня передъ отцомъ, предсказавъ, что я буду убійцею его.

— Я не думалъ ничего дурнаго и если сказалъ что-нибудь подобное, то руководствовался такими признаками, которые заставляли говорить непріятныя для слуха вещи.

Сказавъ это, Страбонъ вперилъ глаза въ молодаго человѣка, чтобы проникнуть въ его затаенныя чувства. И ему не трудно было убѣдиться, что Фарнакъ не питалъ ни особеннаго почтенія къ отцу и ни особеннаго удивленія къ его отважнымъ подвигамъ.

— Ну, объ этомъ не стоитъ и вспоминать, такъ какъ я никогда не вѣрилъ въ херомантію. Съ тобою гораздо пріятнѣе можно провести время въ дружеской бесѣдѣ за потыремъ вина, обожаемомъ всѣми разумными людьми. Съ этими словами Фарнакъ ввелъ своего гостя въ большую комнату, гдѣ находилось много молодыхъ людей.

— Вина гостю для привѣтствія! вскрикнулъ онъ рабамъ, стоящимъ у дверей предъ большими сосудами съ напитками.

Кубки немедленно были налиты и поданы.

— Съ приходомъ, философъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да будутъ милостивы къ вамъ боги всесильные— отвѣчалъ онъ на привѣтствіе — и даруютъ вамъ такую же отраду, какъ славному царю вашему Митридату!

— Ты, кажется, подсмѣиваешься надъ безсчастнымъ отцомъ моимъ? возразилъ Фарнакъ, осушивши потыръ.

— Надо быть совершенно слѣпымъ, чтобы не признать справедливости моихъ словъ. Я обошелъ весь извѣстный людямъ міръ, но признаюсь чистосердечно, что такой красавицы, какъ Гепепира, выигранная Митридатомъ, еще не существовало. Ни одна статуя, ни одинъ цвѣтокъ и ни чья фантазія не можетъ уподобляться такой воплощенной прелести.

— Философъ правъ, филосовъ не ошибается—подтверждали молодые гости.

— А я между тѣмъ еще не видѣлъ этой дѣвушки — сказалъ Фарнакъ.

— Не называй ее дѣвушкой, царевичъ, потому что отецъ твой опоясалъ ее вѣнчальнымъ поясомъ и возложилъ на голову діадему.

— Несчастная Гепепира—замѣтили два, три голоса—ей, вѣроятно, было предназначено завянуть на зарѣ жизни въ сухихъ объятіяхъ старости.

— Старость охраняетъ опытностію своею молодыя души, но не руководитъ ихъ серцами—замѣтилъ Страбонъ. Гепепира найдетъ свое, если достойные любви ея сдѣлаются ей извѣстными своими достоинствами. Воистину говорю вамъ, что я никогда такъ не скорбѣлъ объ угасшей молодости моей, какъ увидѣвши въ первый разъ это чудесное созданіе, и счастливъ тотъ между вами, которому придется дышать выдыхаемымъ ею воздухомъ. Это аромотъ, какимъ и боги еще не наслаждались, это свѣтило, лучи котораго обезсмертили бы и живописца и скульптора и поэта. Завѣряю васъ, что еслибъ Аристотель, Платонъ, Эпикуръ, Зенонъ и божественный Сократъ прожили-бы около такой женщины нѣсколько мѣсяцевъ, каждое изъ словъ ихъ походило-бы на молнію и ученія ихъ вѣчно господствовали-бы надъ умами, а премудрый Эпиктетъ, совѣтовавшій избѣгать супружеской жизни съ цѣлью не омрачать созерцаніе свое постороннимъ вліяніемъ, навѣрно заговорилъ-бы другимъ языкомъ и топталъ-бы ногами роскошнаго и самаго разумнаго, по мнѣнію моему, собрата своего Эпикура, идеи котораго просты, ясны и основаны на томъ, что мы испытали и осязали своими пальцами.

— Ты говоришь о простой дѣвушкѣ, какъ о существѣ, надъ которымъ боги истратили всю изобрѣтательность свою, чтобы воскресить въ отцѣ моемъ пылъ юношескихъ стремленій—сказалъ Фарнакъ съ улыбкою. Пожалуйста не заявляй объ этомъ громко, иначе римскій сенатъ подошлетъ къ намъ убійцу, который лишитъ Пантикапею такой величественной звѣзды. Подайте философу еще потыръ вина!

— Ты смѣешься надо мною, Фарнакъ, но я увѣренъ, что смѣхъ твой потеряетъ свое значеніе, когда ты проведешь съ Гепепирою столько времени, сколько я нахожусь въ твоемъ домѣ.

— Страбонъ говоритъ совершенную правду—поддержали молодые люди—мы дѣлали ей предложеніе, мы участвовали въ ея лоттереѣ, мы видѣли ее сблизи и слышали ея плѣнительный голосъ. Это, дѣйствительно, дѣвушка, которую міръ провозгласилъ бы верховною красотою, еслибъ предстояла въ этомъ надобность.

— Друзья мои—возразилъ Фарнакъ—вы какъ нарочно соединились сегодня всѣ, чтобы заставить меня позавидовать спокойствію моего несчастнаго отца.

— Все, что имѣетъ отецъ, должно перейти въ наслѣдство сыну—отвѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ—къ этому замѣть, что онъ такъ уже старъ, что не можетъ быть мужемъ Гепсипиры. Для него достаточно наслаждаться однимъ лицезрѣніемъ красоты, а ты не лишишь его этого блаженства.

Фарнакъ ничего не отвѣчалъ. Вошедшій рабъ возвѣстилъ, что кушанья поданы и ждутъ потребителей.

Царевичъ поднялся съ мѣста и всѣ гости перешли въ другую комнату съ окнами, выходящими къ Босфорскому заливу, усѣянному множествомъ кораблей.

— Какое наслажденіе повелѣвать всѣмъ, что видятъ наши глаза—сказалъ Страбонъ, подошедъ къ открытому окну.

— Это тогда только пріятно, когда нашъ духъ находится въ блаженномъ настроеніи—отвѣчалъ одинъ изъ гостей.

— А, что надо сдѣлать, чтобы достигнуть такого настроенія? спросилъ Фарнакъ.

— Быть любиму Гепсипирою—шепнулъ ему философъ.

Разговоръ о красавицѣ вновь сдѣлался общимъ.

— Друзья—сказалъ молодой хозяинъ—вы такъ много сказали объ этой дѣвушкѣ, что мнѣ приходится попросить нашего почтеннаго мудреца самымъ подробнымъ образомъ описать ея прелести.

— Высокочтимый Фарнакъ! отвѣчалъ Страбонъ—позволь мнѣ спросить тебя: читалъ-ли ты съ должнымъ вниманіемъ величайшаго изъ художниковъ и поэтовъ Гомера?

— Вопросъ твой удивляетъ меня, мудрецъ. Неужели ты не знаешь, что въ каждомъ домѣ его знаютъ всѣ

дѣти наизусть. Въ Пантикапеѣ даже есть одинъ купецъ, у котораго до 50 писцовъ ежедневно пишутъ подъ диктовку его сочиненія и не успѣваютъ удовлетворить числу закащиковъ. Неужели же сынъ Мидридата Понтійскаго уступитъ въ этомъ отношеніи подданнымъ отца?

— Ты не совсѣмъ понялъ мой вопросъ: я спросилъ это только для того, чтобы сказать тебѣ, что даже этотъ художникъ не нашелъ возможнымъ описывать красоты своей прекрасной Елены и ограничился единственнымъ способомъ представить ее лично въ собраніе старѣйшинъ Троянскаго народа, которые, взглянувъ на нее, порѣшили, что невозможно осуждать сыновъ Трои, что они ведутъ брань за женщину, которая красотою подобна вѣчнымъ богинямъ. Гомеръ безъ сомнѣнія понималъ, что красота есть что-то сверхъестественное, неуловимое, чудное, божественное и только доступное созерцанію. Это совершенно справедливо не только въ живой красотѣ, которая порхаетъ, но даже въ красотѣ, сообщенной рѣзцомъ мрамору. Поймешь ли ты, напримѣръ, всю роскошь статуи Аполлона Бельведерскаго, если я скажу, какія у него формы глазъ, носа, рта и прибавлю къ этому непонятную для многихъ непропорціональность ногъ и бедръ, въ которой глазъ видитъ всю прелесть, являвшуюся недостаткомъ статуи при описаніи ея словами. Не правъ ли былъ и Анакреонъ, желавшій посвятить насъ въ наружность своего Баѳила, заимствуя красивѣйшія черты изъ болѣе извѣстнѣйшихъ художественныхъ произведеній, когда продиктовалъ художнику позаимствовать шею у Адониса, грудь и руки у Меркурія, бедра у Поллукса, чрево у Бахуса и т. д. Да, онъ былъ правъ, потому что люди, знакомые или видѣвшие эти статуи, могли все это олицетворить въ глазахъ мышленія. Но ты никогда навѣрно не видалъ ничего подобнаго Генепирѣ. Какимъ же образомъ я могу уподобить выраженіе ея черныхъ глазъ, то кроткихъ и медленныхъ, покоющихся въ какомъ-то очарованіи, то быстрыхъ и пламенныхъ, какъ игривые лучи солнца на поверхности воды; или съ чѣмъ я могу сравнить ея движенія и различные оттѣнки грацій, когда она улыбнется и млечная бѣлизна ея щекъ подернется тончайшимъ и

едва примѣтнымъ отливомъ розоваго лепестка; когда всколыхнутся точно волны ея перси; когда подбородокъ и ямочки на щекахъ примутъ свойства волшебной силы? Повторяю, что насколько намъ нетрудно выразить безобразіе, настолько недоступно изобразить красоту этого утонченнаго искусства творчества природы.

— Я согласенъ съ тобою Страбонъ—сказалъ Фарнакъ, наливая ему большую чашу вина—но при твоемъ искусствѣ владѣть языкомъ мнѣ кажется, что все-таки можно въ общихъ чертахъ очертить предметъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ.

Осушивъ потыръ, Страбонъ отвѣчалъ:

— Гепепира есть грація въ эфирѣ грацій. Въ ея глазахъ покоится амуръ, въ ея улыбкѣ играетъ амуръ съ харитами, на ея шеѣ, выточенной изъ слоновой кости, олицетворяется нѣга, ниже шеи блаженство, а дальше не имѣется ни словъ, ни сходственныхъ сравненій. Словомъ это цѣлый міръ прелестей, сгруппированныхъ въ одномъ недоступномъ осязанію предметѣ. Это все лучшее земли въ живомъ образѣ совершенствъ; это небесный сводъ со всѣми звѣздами, это отрадная струя воздуха для задыхающагося, это тайна, оживотворяющая немощь духа, это для безвѣрныхъ религія и божество! Ну, понялъ ли ты то, что я хотѣлъ изобразить предъ тобою?

— Теперь я серіозно заинтересованъ по крайней мѣрѣ этою дѣвушкою—отвѣчалъ Фарнакъ, задумчиво наливая вновь потыръ оратора.

15.

Послѣ обѣда всѣ вышли на воздухъ, чтобы наслаждаться вкусомъ вина. Страбонъ говорилъ объ Эпикурѣ и его великомъ намѣреніи доставить человѣчеству полное счастіе и душевное спокойствіе. Философъ возбудилъ рѣчь объ этомъ учителѣ не безъ цѣли повліять вреднымъ образомъ на представителей подданныхъ ненавистнаго ему государя.

— И такъ — говорилъ онъ, оживленный дѣйствіемъ вина—мірозданіе сложилось по необходимости, по собственному броженію дрожжей, безъ малѣйшаго участія

какихъ-то созданныхъ поэтами боговъ. Мы должны вѣрить, что это справедливо и все явилось случайно, безцѣльно, безъ всякаго плана и соображенія изъ вѣчной матеріи, ни одна частица которой не можетъ утратиться, хотя соединенія частицъ, вслѣдствіе вращательнаго движенія не могутъ долго сохраняться въ одномъ предметѣ. Наша душа состоитъ изъ тончайшихъ атомовъ этой матеріи, которые мгновенно разлетаются при разрушеніи тѣла. А такъ какъ это ясно объясняется примѣрами, то человѣкъ долженъ отвергать все и пользоваться полною свободою воли и желаній. Проще, мы должны считать единственнымъ добромъ — наслажденіе, а единственнымъ зломъ—страданіе и стараться доставлять чувствамъ полное довольство, чтобы не допустить страданія. При отсутствіи суевѣрія и предразсудковъ и при умѣренности желаній каждый изъ насъ имѣетъ болѣе права быть счастливымъ, а при наклонности къ добродѣтели, онъ какъ бы наслаждается тѣми послѣдствіями, которыя вытекаютъ изъ послѣдней. Мы должны презирать страданія физическія, потому что они не долговременны и не могутъ нарушать счастливаго настроенія духа. Всего важнѣе умѣть сдѣлать себя независимымъ отъ всего внѣшняго и вѣрить, что ни бѣдность, ни богатство, а спокойствіе составляетъ наше счастіе или внутреннее довольство. Для достиженія этого мы должны наслаждаться всѣмъ, что намъ нравится, что можетъ возбудить отраду, но не скорбѣть, если она прервется, а стремиться найти другое удовольствіе. Жизнью мы должны дорожить, но еслибъ она внезапно превратилась въ длинный рядъ страданій съ неизбѣжною смертью въ заключеніе, то, конечно, лучшее средство поспѣшить покончить съ нею, чтобы не приносить скорби себѣ и друзьямъ и въ особенности друзьямъ, для которыхъ мы должны жертвовать всѣмъ.

— Рѣчь твоя мнѣ знакома, мудрецъ — прервалъ его Фарнакъ—она нравилась и будетъ нравиться всѣмъ тѣмъ, которые жаждутъ полной свободы и говорятъ въ оправданіе своихъ безнравственныхъ поступковъ: я сдѣлалъ это, потому что мнѣ доставляло это наслажденіе. Мудрый Эпикуръ въ душевной простотѣ и крайней филантропіи

не предвидѣлъ, конечно, что ученіе его охотнѣе всего можетъ сдѣлаться достояніемъ людей, склонныхъ къ насилію и всевозможнымъ порокамъ. Поощряя развитіе чувственности и избавляя негодяевъ отъ страха загробныхъ наказаній, этотъ добрякъ не замѣчалъ, что снималъ узду съ свирѣпыхъ животныхъ, которыя попрали бы все лучшее, созданное вѣковыми выводами людей и ему не трудно было достигнуть ужаснаго зла, еслибъ онъ не отвергнулъ религіи и оскорбилъ этимъ чувства народа.

Страбонъ замѣтилъ изъ отвѣта этого, что царевичъ не такъ былъ простъ въ понятіяхъ, какъ онъ полагалъ.

— Чему же ты придерживаешься? спросилъ онъ лукаво.

— Я вѣрю, что весь міръ составляетъ одинъ огромный организмъ и что всѣ отдѣльности есть члены или частицы его, связывающіеся единствомъ оживляющаго начала, которое составляетъ управляющую міромъ необходимость и причину жизни и движенія. Эта необходимость исключаетъ всякую случайность и подчиняетъ себѣ все, что совершается въ мірѣ. Такимъ образомъ божественная сила проникаетъ все и заслуживаетъ почестей не только въ видѣ верховнаго существа, но даже въ второстепенныхъ источникахъ, какъ напр. солнца, земли и т. п.

— Такъ по твоему мы люди не должны пользоваться даже тѣмъ, чѣмъ пользуются козявки, цѣль жизни которыхъ есть одна забота о своемъ удовольствіи.

— Тѣ удовольствія, которыя предоставлены животнымъ и насѣкомымъ, доступны и свойственны людямъ и въ ихъ жизни должны быть противуположные оттѣнки въ видѣ добра и зла и какое-нибудь предпочтеніе между однимъ и другимъ. Я не отвергаю того, что человѣкъ можетъ свободно распоряжаться своими мыслями и фантазіями, пренебрегать скорбями и страданіями, но еслибъ мы всѣ захотѣли исключительно жить по своимъ желаніямъ, то тогда надо допустить коммунизмъ всего пріобрѣтеннаго и всеобщее насиліе. Славный Платонъ сильно погрѣшилъ тѣмъ уже, что вздумалъ допустить коммунизмъ женъ. Хотѣлъ бы я видѣть подобную рес-

публику и въ ней тебя, мой добрый гость, съ молодою женою, которую ты обожалъ бы.

— Ты вѣришь въ храмы, молитвы и мантику? продолжалъ спрашивать Страбонъ.

— Храмы необходимы по моему и мы должны вступать въ нихъ съ благоговѣніемъ; молитва вызываетъ чувства, которыя пробуждаютъ силы сокрушеннаго организма и даютъ ему нормальное направленіе; что касается мантики, то я мало вѣрю въ фатализмъ. Я допускаю только для избранныхъ личностей страшныя преступленія и то тогда, когда они ведутъ ихъ къ важнымъ цѣлямъ.

Этой послѣдней фразы достаточно было Страбону, чтобы имѣть основаніе повѣрить въ то предсказаніе, которое онъ случайно высказалъ Фарнаку при первой встрѣчѣ съ нимъ. Увѣренный въ непоколебимости убѣжденій молодаго человѣка, шпіонъ, сознавши, что онъ вѣритъ въ будущую жизнь и охотно предается безнравственно-заманчивымъ мистеріямъ, рѣшился сдѣлать приступъ съ этой стороны. Примѣры Зевса, бывшаго любовникомъ матери Деметры, сестры Геры и дочери Прозерпины, могли подѣйствовать на Фарнака, но тогда, когда онъ плѣнится красотою Гепепиры и когда ему докажутъ, что великій Аристотель не ошибался, говоря, что добродѣтель сомнительна въ женщинѣ.

Пока мысль эта обсуждалась философомъ, одинъ изъ молодыхъ людей, сильнѣе другихъ почувствовавшій дѣйствіе вина, приблизился къ нему и сказалъ:

— Ты именуешься мудрецомъ и пріѣхалъ въ Пантикапею просвѣщать людей, когда же ты приступишь къ дѣйствію? То, что ты сдѣлалъ сегодня съ больною дѣвушкою, дочерью Перепидаса богача, свидѣтельствуетъ о твоихъ способностяхъ и познаніяхъ.

— Какими бы я ни обладалъ свѣдѣніями, пріятель, мнѣ какъ чужестранцу трудно вести борьбу съ жрецами, которымъ народъ привыкъ болѣе вѣрить.

— Жрецы есть оффиціальные исполнители и охранители установленныхъ порядковъ, отъ которыхъ мы не требуемъ ни особенныхъ умственныхъ способностей, ни даже глубокихъ пониманій догматовъ религіи; но отъ

такихъ людей, какъ ты, мы ожидаемъ многаго. Жрецъ обязанъ священнодѣйствовать, приносить жертвы и непремѣнно обладать значительными средствами для важности и кромѣ этого обладать наружною красотою, а при храмѣ Афродиты хранить въ теченіи всей своей жизни дѣвственность. Исполняя это, онъ пользуется хорошимъ мнѣніемъ и никто не вправѣ требовать отъ него больше. Почему же они станутъ враждовать противъ философовъ, прорицателей и гадателей, которые повсюду пользовались почестями и довѣріемъ царей, если оказывали услуги и оставались не подкупными. Стоитъ только вспомнить, что праотцы наши всѣмъ почти жертвовали въ пользу Дельфійскаго оракула, говорящаго устами Аполлона, чтобы доказать тебѣ, что такіе прорицатели и чудотворцы, какъ ты, могли встрѣтить у насъ, свободныхъ потомковъ эллиновъ, какія-либо препятствія, но, конечно, если ты, предсказавшій случайно Митридату и Фарнаку ужасы, не узнавъ въ нихъ царей, нынѣ присудишь имъ божескія почести изъ подлыхъ разсчетовъ, то тебя побьютъ каменьями, и Пиѳія твоя окажется распутною женщиною. Мы большинствомъ въ настоящее время сдѣлались равнодушными къ религіи, наши храмы заманиваютъ насъ только тогда, когда даютъ торжественныя представленія и веселый характеръ при пиршествахъ и жертвоприношеніяхъ такихъ идіотовъ, которые пригоняютъ отъ стадъ своихъ сотни барановъ, чтобы выставить себя на-показъ предъ тѣми бѣдняками, которые могли принести или пироги или плоды отъ чистаго сердца и, конечно, въ тѣ минуты, когда теряли вѣру въ собственныя силы и ожидали помощи отъ кого-то, который долженъ стоять выше ихъ, который представляется жрецами въ антропоморфической формѣ, воспринимающей божественность послѣ извѣстныхъ формальностей освященія. Не странно ли предполагать, что являясь предъ этими издѣліями человѣческихъ фантазій, намъ достаточно одного омовенія тѣла, чтобы очиститься отъ всѣхъ лежащихъ на насъ тяжелыхъ преступленій холодною водою или кровью животнаго, приносимаго нами въ жертву? Да этого не достаточно для людей, у которыхъ бродитъ разсудокъ и сом-

нѣніе. Намъ нужно знать несравненно больше этого, намъ необходимы чудеса и разъясненія такихъ тайнъ, которыя недоступны понятію обыкновенныхъ людей и создаютъ скептиковъ, потрясающихъ слѣпую вѣру даже въ массѣ народа. Вотъ, еслибъ ты принялъ на себя обязанность направить насъ на такую тропинку, которая открыла бы предъ нами хоть приблизительный образъ будущей загробной жизни.

Страбонъ хранилъ молчаніе. Въ умѣ его созрѣла уже идея о необходимости устройства въ Пантикапеѣ телестеріона или зданія для отправленія мистерій въ видѣ элевзинскихъ въ Аѳинахъ. Ему повѣрилось, что духовный интересъ мистерій при строгой тайнѣ и произвольныхъ фантазіяхъ, можетъ наэлектризовать скептиковъ и сдѣлать ихъ въ его рукахъ орудіемъ для достиженія сокровенной тайны.

— Ты предложилъ мнѣ, пріятель, отвѣчалъ онъ, то, что я думалъ, но не рѣшался сдѣлать по неимѣнію средствъ.

— Средствами мы всѣ располагаемъ и готовы тебѣ пособить. Что напримѣръ тебѣ необходимо?

— Во первыхъ, зданіе такой величины, въ которомъ могло бы помѣститься все лучшее общество вашего города; во вторыхъ, внутреннее переустройство его по моему указанію и наконецъ, деньги для найма сотрудниковъ.

— Довольно; я одинъ изъ близкихъ родственниковъ Перепидаса, который охотно пожертвуетъ тебѣ многимъ за спасеніе единственной дочери. Но кромѣ его Фарнакъ и всѣ, которыхъ ты видишь здѣсь, не откажутся посодѣйствовать къ основанію новаго храма.

Не успѣлъ молодой человѣкъ договорить этихъ словъ, какъ всѣ присутствующіе замахали платками *) въ знакъ

---

*) Мы сказали, что присутствующіе замахали платками. Есть люди, которые отвергаютъ, что древніе употребляли носовые платки. Дѣйствительно, у евреевъ, халдеевъ и ассиріянъ ихъ не было въ употребленіи, но у грековъ и римлянъ они назывались sudarium и служили не для того, чтобы сморкаться, но чтобы вытирать потъ съ носа и лица. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ франты обыкновенно носили по два платка—одинъ въ рукахъ, другой за поясомъ; но сморкаться въ платокъ считалось крайнею неприличностію и неопрятностію. Что это справедливо, мы заключаемъ изъ словъ Ксенофонта, повѣствующаго, что Киръ запретилъ персамъ чихать, сморкаться и плевать, а Платонъ увѣряетъ, что римляне

полнѣйшаго согласія своего на участіе въ потребныхъ расходахъ по устройству телестеріона.

Страбонъ приложилъ руку къ сердцу и обѣщалъ приступить къ составленію смѣты.

— Ты дѣлай свое дѣло, отвѣчалъ родственникъ Перепидаса, а я съ сегодняшняго дня начну собирать деньги и матеріалы. Архонты! вскрикнулъ онъ, поворачиваясь къ товарищамъ, не хотите-ли сейчасъ объявить мнѣ размѣръ той суммы, которую вы пожертвуете на славный телестеріонъ Пантикапеи?

Всѣ молодые люди собрались въ кружокъ. Тѣмъ временемъ Страбонъ удалился подъ предлогомъ скромности и неприличія вмѣшиваться въ чужія дѣла.

16.

Гепепира, только что пробудившись отъ сна, приказала Саломіи подать себѣ зеркало.

— Не правда-ли я кажусь усталою на видъ? спросила она у служанки.—Это не радуетъ однако меня. Чего добраго съ старымъ мужемъ и я состарѣюсь въ какіенибудь два, три года и тогда вынуждена буду скрываться отъ людей. Ты непремѣнно пригласи сегодня твою мать. Ну, а что новаго говорятъ въ столицѣ?

— У всѣхъ на устахъ только ты, моя повелительница. Тобою восхищаются всѣ безъ исключенія; тебѣ приписываютъ, что ты создашь въ Босфорскомъ царствѣ геніальныхъ художниковъ и скульпторовъ, которые сотрутъ съ лица земли славу Протагена *), фидія-Праксителя и Скопаса. Ты видно поразила всѣхъ вчера въ блистательной мантіи съ вырѣзной бахрамой и роскошью волосъ, сдержанныхъ золотыми кольцами.

Молодая женщина тихо вздохнула и сосредоточила свой взглядъ на массу серебряной посуды чеканной

прежде женитьбы старались узнавать, одарена ли невѣста счастливымъ носомъ, не нуждающимся ни въ какомъ способѣ очищенія а Ювеналъ передалъ намъ, что одинъ мужъ требовалъ развода на томъ основаніи, что жена его сдѣлалась ему ненавистною по привычкѣ безпрестанно сморкаться.

*) Извѣстнаго своею картиною Ялисъ, изображавшею куропатку, и другою, изображавшею Сатира. Картины такъ были хороши, что Деметрій не хотѣлъ ради ихъ брать приступомъ той части города, гдѣ онѣ находились.

работы, которую ей прислалъ вчера въ даръ Митридатъ въ знакъ особеннаго благоволенія.

— Саломія, я не встану съ ложа моего, пока ты не приведешь матери твоей—повторила Гепепира.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы служанка оставила всѣ обязанности свои и скрылась изъ комнаты.

Часъ спустя Саломія ввела къ госпожѣ смуглую женщину лѣтъ 40 съ крупными, рѣзко отличающимися чертами лица, которая раболѣпно преклонила колѣно, но бойко привѣтствовала красавицу съ добрымъ днемъ.

— Ты мать моей любимой Саломіи? спросила Гепепира.

— Да, благодаря Бога отцовъ моихъ, я считаю себя очень счастливою быть ея матерью — отвѣчала чистымъ греческимъ нарѣчіемъ еврейка.

— Скажи мнѣ, какимъ образомъ ваше племя попало въ Босфорское царство.

— Я не съумѣю объяснить тебѣ въ точности, но слышала отъ отца моего, что это случилось лѣтъ 600 тому назадъ. Сначала мы обитали въ Сиріи, но впослѣдствіи одинъ изъ Ассирійскихъ царей Пилезаръ, разрушивъ Дамаскъ, перевелъ насъ на рѣку Куру, гдѣ мы, получивъ свободу, перешли въ торговые города Таврики.

— Ты знаешь, вѣроятно, зачѣмъ я призвала тебя, а потому мнѣ нечего повторять. Мое единственное желаніе не потерять красоты до глубокой старости. Все, что ты можешь сдѣлать для этого, дѣлай: что касается вознагражденія, то ты будешь его имѣть съ избыткомъ.

Эсфирь приблизилась къ красавицѣ и, попросивъ ее обнажиться, начала осматривать всѣ части тѣла и въ особенности снѣжную бѣлизну кожи и степень эластичности ея.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросила она, покончивши осмотръ.

— Немного болѣе 18-ти.

— Это лучшій возрастъ для замужества.

— А государю?

— Свыше 62.

— Это несоотвѣтственно, потому что мужчины въ эти лѣта живутъ болѣе воображеніемъ и утрачиваютъ извѣстныя свойства, необходимыя или врожденныя молодости. Эта несоотвѣственность, сколько я и мать моя замѣтили, дурно вліяетъ на здоровье младшаго изъ супруговъ и преждевременно заставляетъ его увядать, а дѣти всегда рождаются слабосильныя. Впрочемъ для опредѣленія этого въ точности мнѣ необходимо знать, насколько сохранился твой супругъ, насколько онъ сластолюбивъ и насколько ты расположена къ нему?

— Онъ силенъ, но я не чувствую къ нему ни малѣйшей расположенности.

— Это хуже всего повліяетъ на тебя. Любовь всегда оказываетъ важныя услуги для красоты. Если тебѣ случалось читать нѣкоторыхъ писателей по этому вопросу, то ты, вѣроятно, вспомнишь, что угреватая и некрасивая Аристона по выходѣ замужъ за любимаго молодаго человѣка, превратилась въ красавицу, не уступавшую прекрасной Еленѣ.

— Боги, чтожъ мнѣ надо сдѣлать, чтобы не разрушиться преждевременно! воскликнула Гепепира.

— У Митридата есть прелестный сынъ Фарнакъ. Отчего-бы ему не уступить тебя?

— Но развѣ это возможно?

— Для царей нѣтъ ничего невозможнаго. Развѣ тебѣ неизвѣстно, что когда Антіохъ влюбился до безумія въ Стратонику, наложницу отца своего Селевка и былъ уже при смерти, то царь, убѣдившись въ словахъ врача Эразистрата, поднялъ больнаго, отдавъ ему Стратонику.

— Этого никогда не допуститъ Митридатъ.

— Тогда тебѣ придется искать женщину гермафродита и заняться лесбійскими играми, подобно славной Сафо, заслуживавшей названіе десятой музы, или быть жертвою нимфоманіи.

— Ну, до этого еще далеко—отвѣчала съ улыбкою Гепепира—а ты пока дѣлай все то, что необходимо для поддержанія моей наружности.

— Прежде всего ты прикажи держать при себѣ нѣсколько десятковъ ослицъ, чтобы ежедневно принимать

ванны въ ихъ молокѣ. Затѣмъ подготовь сосудъ воды Гесперидъ, сосудъ розовой воды, сосудъ ладонной эссенціи и сосудъ хорошо вымоченной пшеницы (крахмалъ). Все это необходимо будетъ для обмываній и присыпаній твоего безподобнаго тѣла. Остальныя средства для поддержанія твоего дѣвственнаго вида я сама принесу завтра. Кромѣ этого я во всякомъ случаѣ изъ гинезическихъ расчетовъ въ отношеніи каллипедики и желанія держать твое настроеніе духа на изяществѣ, совѣтую немедленно обставить твои комнаты лучшими статуями Аполлона, Нарцисса, Кастора, Поллукса, Венеры, Гебы, Минервы и другихъ, и вообще не пренебрегать постояннымъ лицезрѣніемъ всего прекраснаго, которое вліяетъ благотворно на тебя. Ты понимаешь, вѣроятно, сама, что въ наше время физическая красота почти боготворима. А такъ какъ ты безспорно принадлежишь къ числу самыхъ рѣдкихъ женщинъ міра, то при этихъ пособіяхъ отъ тебя могутъ произойти небывалыя существа.

— Развѣ личное достояніе родителей можетъ переходить къ дѣтямъ? спросила Гепепира — мои родители не дали мнѣ ничего изъ своей наружности.

— Это случайность и при томъ твои дѣды могли быть хороши. Мы знаемъ, что дочери Пиѳагора были знамениты философскими дарованіями, а славная Аретея была дочь изящнаго Аристиппа, главы циринейской школы; мать божественнаго Платона происходила изъ рода Солона; Миро извѣстная своими лирическими сочиненіями была дочь Гомера младшаго; Мать Граха была дочь Сципіона; замѣчательная Клеобюлія была дочь одного изъ семи мудрецовъ Греціи; умнѣйшая Памфила, дочь грамматика Стотерида; а большая часть знаменитыхъ художниковъ и скульпторовъ происходили отъ родителей съ такими-же наклонностями и дарами. Если это неоспоримо, то возможно-ли, чтобы отъ тебя, превышавшей людскую красоту, родилось обыкновенное существо?

Гепепира, понявъ, что Еврейка начинаетъ ей льстить, обѣщала все потребованное ею приготовить къ завтрашнему дню.

— Приготовь также и кусокъ воску—добавила Эсфирь.

— А это для чего?

— Для того, чтобы уничтожить на тѣлѣ твоемъ всѣ волоса. Тебѣ гораздо приличнѣе оставаться съ дѣтскимъ тѣломъ.

— Но развѣ это можетъ нравиться другимъ?

— Твой вопросъ доказываетъ, что ты совершенно не знаешь мущинъ, которые любятъ видѣть длинные и густые волоса только на головѣ женской.

— Я ихъ совершенно не знаю, потому что не вела съ ними знакомства.

— Это жаль; а вѣдь у насъ есть такіе красавцы, что не уступятъ и Нарциссу.

— Кто-же это такіе? назови мнѣ хоть одного.

— На мой вкусъ достойнѣе всѣхъ—это Фарнакъ, но въ немъ есть какая-то странность удаляться отъ женщинъ. Одни считаютъ его пресыщеннымъ, но большинство приписываетъ скромности и застѣнчивости, свойственной молодости.

— Это должно быть справедливо, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я вступила въ дворецъ, онъ ни разу не навѣщалъ отца, а между тѣмъ ѣздитъ и ходитъ въ акрополь.

— А видѣлъ ли онъ тебя хоть разъ?

— Кажется нѣтъ, иначе бы и я узнала его.

— Мнѣ говорили—сказала Эсфирь—что онъ въ настоящее время очень сблизился съ какимъ-то Аѳинскимъ философомъ, прибывшимъ въ Пантикапею дѣлать чудеса. Знаю я этихъ философовъ, они всѣ сначала держатся какъ пророки, но потомъ выдѣлываютъ такія безобразія, отъ которыхъ не многимъ поздоровится.

— Ты, кажется, ошибаешься, Эсфирь, въ этомъ. Я его лично знаю и считаю за великаго человѣка.

— Я тоже говорила съ нимъ, повелительница моя, и составила о немъ скверное мнѣніе. Впрочемъ человѣку прилично ошибаться. Не знаю почему, но онъ показался мнѣ способнымъ дѣлать болѣе зла, чѣмъ добра. Тебѣ не трудно будетъ провѣрить мое мнѣніе, если ты пожелаешь этого.

Сказавъ это, Еврейка вышла.

„А что если она права—подумала Гепепира—и въ головѣ ея зароились тысячи заманчивыхъ мыслей. Фарнакъ казался ей именно тѣмъ существомъ, которому она должна принадлежать. Красавица въ сладкихъ мечтахъ вновь заснула.

17.

Двѣ недѣли спустя въ Пантикапеѣ назначены были празднество и жертвоприношенія Митридатомъ по случаю полученныхъ извѣстій отъ полководца Діофана, доносившаго государю своему что дважды, разбивъ Тавровъ и овладѣвъ всѣми укрѣпленіями ихъ, онъ взаключеніе плѣнилъ въ Неаполисѣ царя ихъ Скилура со всѣми 80 сыновьями и значительнымъ количествомъ золота, которое перевезено на Трахейскій полуостровъ, гдѣ и приступлено уже къ устройству обширной крѣпости во имя его.

Вѣсть эту привезъ юный внукъ государя Хрестіонъ, отца котораго казнилъ Митридатъ за то, что этотъ дерзкій сынъ послалъ Лукуллу золотой вѣнецъ за побѣду, одержанную имъ надъ родителемъ его.

— Спасибо, дитя мое—сказалъ автократъ за добрую новость. Я охотно назначилъ бы тебя архонтомъ Херсоницы, но боюсь, чтобы и ты не послѣдовалъ по стопамъ твоего отца Махареса, которому я вручилъ было управленіе Босфорскимъ царствомъ, но который вмѣсто скорби во время борьбы моей съ римлянами такъ безсовѣстно выразилъ врагу моему радость и дерзнулъ предложить и вѣнокъ, и союзъ. Я этой неблагодарности никогда не забуду. Да и слыхано ли было, чтобы любимый сынъ прославлялъ того, кто лишилъ родителя царства? Этотъ поступокъ болѣе оскорбилъ меня, чѣмъ всѣ испытанныя до настоящаго времени несчастія... Ну, а какъ поживаетъ твой дядя Ксифаресъ? Не успѣлъ ли онъ плѣниться какою-нибудь Скифкою?

— Покорный сынъ вашъ приказалъ мнѣ обнять ваши колѣни и передать, что какъ только всѣ трофеи приведутся въ извѣстность и установлены будутъ налоги на побѣжденныхъ, онъ не замедлитъ самъ пріѣхать для выслушанія дальнѣйшихъ приказаній.

— А позаботился-ли онъ оставить гарнизоны и начальствующихъ въ Тавро-скифскихъ укрѣпленіяхъ съ тѣмъ, чтобы они сознавали мою власть надъ собою и были готовы служить мнѣ?

— Это сдѣлано было самимъ Діофаномъ.

— Чтожъ они согласились выставлять мнѣ войско?

— Твоя слава, дѣдушка, до того чаруетъ ихъ, что они готовы всѣ явиться на твой призывъ.

— Если ты не лжешь, Хрестіонъ, то я пошлю тебя начальникомъ въ Ѳеодосію. Это во первыхъ пріучитъ тебя къ управленію народомъ и наконецъ ты будешь у меня подъ рукою. Надѣюсь, что ты не сдѣлаешь глупости, подобной отцу твоему и съумѣешь понять, что мы находимся въ средѣ народа, враждебнаго нашей династіи.

— Неужели, государь, ты считаешь Пантикапейцевъ враждебными себѣ?

— Я иначе и не думалъ о нихъ со времени бунта и необходимости, заставившей меня поднять противъ нихъ оружіе. Неужели тебѣ неизвѣстно, что Босфорское царство я принялъ подъ свое покровительство и назначилъ имъ въ защитники твоего отца не въ личныхъ интересахъ, а изъ филантропіи къ единовѣрцамъ, терзаемымъ войною и грабежами сосѣдей. И чѣмъ они отблагорили меня? Отецъ твой, увлеченный ихъ неблагодарностію, послалъ жесточайшему врагу моему въ благодарность за сокрушеніе моей арміи золотой вѣнецъ, а они безжалостнымъ образомъ избили мой лучшій отрядъ войска, который защищалъ ихъ кровью своею отъ враговъ. Могъ ли я перенести такую неблагодарность? Возмущенный до глубины души я вынужденъ былъ явиться сюда съ остатками преданныхъ мнѣ людей и наказать злодѣевъ, дерзнувшихъ поднять противъ меня оружіе. Теперь, когда я самъ здѣсь, всѣ показываютъ видъ, что преданы мнѣ, но я знаю, какъ велика эта преданность и ненавижу ихъ въ свою очередь. Но вамъ, кто будетъ царствовать послѣ меня въ Таврикѣ, слѣдуетъ во чтобы ни стало достигнуть этой преданности. Пантикапея какъ мать милезійскихъ городовъ, по мѣстоположенію своему есть самый выгодный пунктъ для народнаго бо-

гатства и основанія громаднаго царства, судя по степени развитія ея обитателей; но для достиженія всего этого нуженъ молодой монархъ съ желѣзною волею. Мое-же дѣло подумать о разсчетѣ съ римлянами, которые сорвали съ престарѣлой головы моей заслуженный вѣнокъ и попрали ногами весь міръ Эллиновъ. Я одинъ только остался, на котораго несчастные собратья мои обращаютъ свои надежды и было бы для отважнаго Митридата ужаснымъ безчестіемъ, еслибъ отъ отрекся отъ этой обязанности и предоставилъ ихъ несчастной случайности порабощенія, которое можетъ сокрушить въ нихъ лучшіе наслѣдственные зародыши.

Пантикапея—продолжалъ Мидридатъ—любима Аѳинами, такъ какъ она ставила ихъ царямъ статуи и чтила наравнѣ съ божественными сынами отечества. Это такая же Аттика на востокѣ, какъ эллинская на западѣ. Она указала древнимъ мореходцамъ путь въ Колхиду, а лучшимъ писателямъ дала сюжеты для великихъ произведеній. Это родная сестра Аѳинъ, богатства которой превысили бы богатства всего міра, еслибъ и здѣсь являлись такіе великіе граждане, какъ въ столицѣ Греціи. Ты посмотри на это изобиліе золота, которое свозятъ сюда съ Кавказа и отдаленныхъ варварскихъ странъ, полюбуйся на плодородіе обоихъ сторонъ Босфора и прилегающихъ земель, посмотри на эти массы разнородныхъ, чудовищныхъ по величинѣ и восхитительныхъ по вкусу рыбъ, на эти неисчерпаемыя озера соли, на эти лѣса Кавказа, на стада барановъ, коровъ, воловъ и лошадей, наполняющихъ городъ и степи, и ты самъ убѣдишься, что мѣстности этой, прилегающей къ понту Эвксинскому, открывающему свободное плаваніе по всѣмъ морямъ, должна предстоять великая будущность и я навѣрно создалъ бы ее, если явился сюда царствовать молодымъ человѣкомъ и еслибъ на мнѣ не лежалъ великій долгъ возстановленія имперіи, созданной Александромъ Македонскимъ.

Но довольно, дитя мое, слушать грезы отживающаго дѣда. Сегодня я назначилъ жертвоприношенія и игры, которыми ты долженъ полюбоваться. Когда-нибудь я передамъ тебѣ и многія другія предположенія и планы

мои въ надеждѣ, что ты, какъ единственный наслѣдникъ моего враждебнаго сына, заслужишь мое благоволенie и будешь царствовать въ той странѣ, которую я самъ дамъ тебѣ въ удѣлъ. Иди-же теперь въ свой скифскiй дворецъ, который я подарилъ твоему отцу, отдохни и старайся подобно дядѣ твоему Фарнаку сближаться съ Пантикапейцами.

Юноша вышелъ. Митридатъ спустился на террасу дома и долго, долго не спускалъ съ него глазъ. Въ первый разъ въ жизни въ немъ зашевелилось какое-то состраданiе при встрѣчѣ съ внукомъ, котораго онъ отдалъ Дiофану въ полное распоряженiе и не хотѣлъ никогда видѣть. Но это было первородное дитя любимаго имъ сына, которому онъ мечталъ передать свою славу и великолѣпныя владѣнiя въ надеждѣ заслужить обыкновенную по крайней мѣрѣ сыновнюю любовь и благодарность, а сынъ этотъ, предположивъ, что римскiй полководецъ окончательно сокрушилъ его отца, вмѣсто мести отправилъ дорогой побѣдный вѣнокъ врагу. Что его могло заставить нанести такую ужасную обиду отцу въ минуты несчастiя? Какая неестественная причина могла вынудить его къ такому позорному дѣйствiю, которое, вѣроятно, перейдетъ въ исторiю и будетъ стоять для обоихъ несокрушимымъ памятникомъ ненависти и вражды между отцомъ и сыномъ.

„Да—думалъ Митридатъ—исторiя не ошибется, если скажетъ, что первородный сынъ мой ненавидѣлъ меня за то, что я былъ деспотомъ, великимъ жаждою завоеванiй, мстительнымъ, честолюбивѣйшимъ и самымъ рѣшительнымъ изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ государей... Приговоръ ея будетъ справедливъ, но въ душѣ я сожалѣю, что послѣ этого печальнаго событiя лишился всякой привязанности къ остальнымъ сыновьямъ моимъ. Въ ихъ взглядахъ я не могу читать ни малѣйшей преданности, я имъ не вѣрю и не могу переносить ихъ долгаго присутствiя. Но къ этому несчастному Хрестiону, лишенному родительской ласки и служившему Дiофану чуть-ли не рабомъ, я хотѣлъ бы протянуть мои объятiя, еслибъ не вопiяла кровь моя къ безбожному поступку его отца!.. Слезы потекли по блѣднымъ щекамъ

старика и тяжелый вздохъ вырвался изъ его желѣзной груди.

18.

Мы сказали раньше, что Митридатъ по случаю присоединенія всей Таврики къ своимъ владѣніямъ приказалъ устроить различныя празднества и жертвоприношенія по капищамъ. Послѣднихъ въ Пантикапеѣ насчитывалось до 15-ти. Одни изъ нихъ воздвигнуты были общинами, а другія частными лицами. Важнѣйшими по красотѣ были въ честь Меркурія, Аполлона, Діаны Эфесской, Деметры, Өесмофоры *), Пана, Афродиты (Венеры), Эскулапа, Агротеры, Астры, Нептуна и другихъ. Въ каждомъ изъ храмовъ этихъ находились статуи божества съ дощечками, на которыхъ написаны были имена скульпторовъ **). Статуи увѣшаны были драгоцѣнными дарами, которые впослѣдствіи или продавались для увеличенія средствъ капища или употреблялись на внутреннюю отдѣлку ихъ. У подножія ихъ размѣщались небольшіе торсы или жертвенники на досчатыхъ помостахъ, подъ которые входили нагими приносящіе жертву съ тѣмъ, чтобы сбѣгавшая съ жертвенника кровь обдавала ихъ съ головы до ногъ. До божественныхъ статуй никто не смѣлъ прикасаться, за исключеніемъ жрецовъ и весталокъ. Святость ихъ настолько признавалась несомнѣнною, что еслибъ весталка согрѣшала противъ чести, то статуи эти отъ стыда закрывали себѣ глаза своими руками, чѣмъ и возвѣщали народу объ ужасномъ преступленіи клятвопреступницы, обязанной сохранять свое цѣломудріе

При каждомъ изъ храмовъ этихъ были или рощи или большія авлиды (дворы), прорѣзанныя широкими аллеями, установленными различнаго рода памятниками въ видѣ барельефовъ. Вотъ въ этихъ авлидахъ угощался бѣдный людъ жертвеннымъ мясомъ и другаго рода приношеніями, которыя превышали потребности служителей храма. Здѣсь также происходили различнаго рода священныя игры съ призами отъ имени божества.

---

*) Церера Законодательница.

**) Дощечки эти назывались у древнихъ грековъ Πτυχίον.

На жертвы и празднества Митридатъ отпустилъ значительную сумму денегъ, приказавъ жрецамъ объявить народу, что отнынѣ скифы и Херсонесцы, которые безнаказно издѣвались надъ Пантикапеею, сложили предъ нимъ оружіе и будутъ въ полной зависимости отъ него.

Царь предполагалъ, что на устраиваемое имъ пиршество непремѣнно явятся не только всѣ жители Пантикапеи, но даже и со всѣхъ сосѣднихъ городовъ и селеній, вслѣдствіе чего и Гепепира, облачившись въ самый дорогой нарядъ, выѣхала въ роскошной колесницѣ съ намѣреніемъ объѣхать всѣ сборные пункты; но къ удивленію ей ни при одномъ храмѣ не пришлось встрѣтить представительную часть общества. Вездѣ были только одни бѣдняки, нуждающіеся въ пособіи, вдовы и сироты или изнуренные невольники, которыми переполнены были дворы богатыхъ пантикапейскихъ купцовъ. Гепепира, недовольная такимъ равнодушіемъ гражданъ къ великому событію, хотѣла было возвратиться во дворецъ, какъ вдругъ вспомнила о храмѣ Венеры, находящемся внѣ города и какъ-то безотчетно повернула лошадей своихъ по направленію къ этому капищу. Вскорѣ предъ нею показался роскошный акрополисъ и низменная равнина, прикрытая пушистою зеленью деревъ, въ центрѣ которой стоялъ храмъ той богини, которая такъ милостиво отнеслась къ ней. По мѣрѣ приближенія до слуха ея долеталъ народный гулъ и мелькали между деревъ толпы народа.

„Такъ вотъ куда собрались наши паликари (молодежь) — мелькнуло въ ея воображеніи и она тронула вожжами лошадокъ своихъ, чтобы ускорить ихъ бѣгъ. Но почему именно они собрались сюда, а не къ богинѣ войны? Неужели только потому, что здѣсь пріятнѣе въ прохладѣ деревъ и гораздо болѣе мѣста для игръ? Обдумывая эти причины, царская наложница не замѣтила какъ въѣхала въ священную авлиду и остановилась предъ воротами, у которыхъ стоялъ въ одеждѣ мудреца Страбонъ и около него прекраснѣйшій молодой человѣкъ въ туникѣ, сверхъ которой наброшена была широкая мантія изъ дорогой матеріи“.

Страбонъ не замедлилъ приблизиться къ Гепепирѣ и помочь ей сойти съ колесницы.

— Ты во время прибыла красавица, чтобы олицетворить благодѣтельницу твою — сказалъ философъ — всѣ представители Пантикапеи были убѣждены, что ты прiѣдешь сюда и съ ранняго утра ожидаютъ тебя. Я увѣренъ, что увидѣть тебя для нихъ важнѣе завоеванiя десятка царствъ.

Гепепира, поправивъ свой роскошный котурнъ и золотое проволочное ожерелье съ большимъ медальеномъ, окруженнымъ эмалевыми розетками и чашечками на золотыхъ цѣпочкахъ, въ центрѣ котораго изображалась голова Минервы, быстро соскочила съ колесницы. Не успѣла она сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ къ ней подошелъ эпимелитъ священныхъ обрядовъ, агрономъ торговли, начальникъ гимназiй, хилiархисы (тысячники), лохосы или предводители дружинъ и многiе другiе сановники и каждый, привѣтствуя по своему, подвели ее къ прелестному павильону, спереди котораго на огромномъ золоченомъ щитѣ написано было: „постановлено царемъ, совѣтомъ и народомъ праздновать побѣду".

Въ павильонъ вступилъ и занялъ возвышенное мѣсто тотъ прекрасный молодой человѣкъ, котораго она замѣтила у въѣздныхъ воротъ. Онъ былъ блѣденъ и держалъ себя надменно. Нѣсколько времени спустя къ нему подошелъ и сѣлъ рядомъ юноша лѣтъ 20-ти веселаго и бойкаго характера. Большинство изъ представителей власти держались около этихъ молодыхъ людей въ почтительномъ разстоянiи. Одинъ только Страбонъ не отходилъ отъ Гепепиры.

— Кто эти молодые люди? спросила она у мудреца.

— Какъ, неужели ты не знаешь сына и внука славнаго твоего мужа?

— Я никогда не встрѣчала ихъ въ дворцѣ нашемъ.

— Правда, правда, я было и забылъ, что великiй Митридатъ ужасно ревнивъ.

— Но развѣ можно ревновать къ дѣтямъ своимъ?

— У великихъ людей нерѣдко бываютъ странныя понятiя, которымъ мы обязаны подражать, но разумѣется на столько, чтобы не раздражать ихъ.

— Что ты этимъ желаешь сказать?

— То, что мы должны сочувствовать имъ въ присутствіи ихъ, а дѣлать и жить такъ, какъ намъ пріятно. Если одинъ изъ насъ имѣетъ право желать чего-либо, то и другой мнѣ, кажется. долженъ пользоваться этимъ правомъ.

— Но всегда ли это возможно и доступно? спросила красавица, вновь направивъ свои чудные глаза на Фарнака.

— Всегда—отвѣчалъ Страбонъ—но для этого необходимо умѣніе, осторожность и быстрота соображенія.

— Къ несчастію не всѣ обладаютъ этими дарами.

— Такіе люди должны руководствоваться совѣтами другихъ.

Гепепира поняла тайную мысль философа и повернула разговоръ на то, что онъ ни разу не посѣтилъ ее.

— Видишь ли, красавица моя, почему я не дѣлаю этого: во первыхъ Митридату не понравится мой самовольный приходъ, а во вторыхъ, что я теперь очень занятъ подготовленіемъ божественныхъ мистерій, которыя откроютъ много великаго и утѣшительнаго для подданныхъ твоего мужа. Въ мистеріи эти я разумѣется допущу только самыхъ избранныхъ и надежныхъ филантроповъ.

— И женщины будутъ въ нихъ учавствовать?

— Да; но только тѣ, которыя красотою могутъ равняться богинямъ.

— Очень жаль, что при этомъ условіи я не могу принести тебѣ пользы, а мнѣ очень хотѣлось бы отблагодарить тебя за добрый совѣтъ.

— Напротивъ я болѣе другихъ нахожу тебя достойною играть роль Афродиты, но мнѣ кажется, что мужъ твой никогда не допуститъ этого.

— А я тебѣ скажу, что это зависитъ вполнѣ отъ меня, но, конечно, я не пожелаю участвовать съ людьми, сомнительнаго поведенія.

— Я сказалъ уже, что въ таинствахъ могутъ учавствовать только избранные.

— Назови мнѣ кого-нибудь.

— Это воспрещается по правиламъ мистеріи, но если

ты поклянешься не выдать меня, то я назову тебѣ только двухъ.

Любознательная Гепепира поклялась.

— Важнѣйшая роль будетъ принадлежать Фарнаку— сказалъ онъ шопотомъ—а вторая прекраснѣйшему брату его Ксифаресу, котораго пока нѣтъ въ Пантикапеѣ, но который имѣетъ пріѣхать въ непродолжительномъ времени. Судя по тѣлосложенію и красотѣ этого послѣдняго, онъ можетъ быть въ мистеріяхъ въ качествѣ бога силы и бога войны.

— Въ такомъ случаѣ и я буду съ вами — отвѣтила рѣшительнымъ голосомъ Гепепира.

19.

Разговоры въ павильонѣ прерваны были звукомъ храмоваго барабана, вслѣдъ за которымъ послышалось нѣжное пѣніе подъ аккомпаниментъ флейтъ, семиструнныхъ лиръ и арфъ. Массы народа, не спускавшаго глазъ съ Гепепиры, раздвинулись и заняли края широкой аллеи, чтобы предоставить мѣсто для движенія процессіи перенесенія жертвенника изъ храма на помосты въ авлидѣ. Въ главѣ шествія шелъ съ отличительными знаками своего достоинства блюститель священныхъ обрядовъ съ золотымъ змѣеобразнымъ обручемъ на шеѣ и изъ тогоже металла браслетами; за нимъ четыре весталки съ повязками надъ глазами въ бѣлыхъ котурнахъ съ діадемами изъ электрума, (янтаря) украшенными грифонами, оленями, лавровыми листьями и т. п. изображеніями, несли на легкихъ носилкахъ мраморную крышку жертвенника. На полуобнаженныхъ рукахъ ихъ были браслеты съ выдавленными изображеніями Венеры съ амуромъ, а на шеѣ пряжки съ кошачьми головами, державшими во рту крупныя жемчужины. Длинныя серьги ихъ изображали крылатыхъ геніевъ, а на золотыхъ перстняхъ изображенъ былъ амуръ со стрѣлою въ рукѣ.

За ними тихо передвигалъ ноги величественной наружности жрецъ съ священною повязкою, сіяющею драгоцѣнными камнями, окруженный пѣвчими и музыкантами, а въ заключеніе храмовая прислуга.

Какъ только жертвенный престолъ былъ установленъ на помостѣ, началось жертвоприношеніе. Первый сосудъ крови поданъ былъ Фарнаку и Хрестіону, которые съ набожностію опустили въ него руки. Послѣ нихъ сосудъ поданъ былъ Гепепирѣ, сдѣлавшей тоже самое. Отъ нея принялъ его Страбонъ, желавшій передать министрамъ Митридата, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, въ павильонъ ворвался изъ толпы молодой атлетъ и, выхвативъ его изъ рукъ мудреца, заявилъ громко, что послѣ Гепепиры иноземцы не имѣютъ права освѣщать себя жертвенною кровью, освященною вторично ея пальцами.

— Слышишь, красавица, какого мнѣнія народъ о тебѣ—сказалъ Страбонъ—ты должна непремѣнно учавствовать въ моихъ мистеріяхъ, чтобы укрѣпить этихъ несчастныхъ въ религіи, которую они теперь исповѣдуютъ шутя.

Пока приносилась жертва и простонародіе толпилось подъ помостами, ловя брызги крови, раздались звуки трубы, вызывающей охотниковъ принять участіе въ лампадидроміи или бѣганіи съ зажженными факелами въ рукахъ. Игра эта считалась наиболѣе приличною для нѣжнѣйшей богини и въ ней могли учавствовать всѣ безъ исключенія совершеннолѣтніе молодые люди, не бывшіе женатыми. Все искусство въ этой игрѣ состояло въ томъ, чтобы перегнать на большомъ разстояніи всѣхъ и первымъ прибыть къ жертвеннику съ непотухшимъ факеломъ въ рукахъ. Это требовало кромѣ быстроты въ ногахъ и особеннаго умѣнія обращаться съ огнемъ. Въ игрѣ могли принимать участіе четыре партіи, вслѣдствіе чего жертвенникъ устанавливался обыкновенно на перекрестѣ двухъ широкихъ дорогъ, чтобы каждая партія имѣла свое противоположное направленіе.

Гепепирѣ никогда не приходилось видѣть раньше этой игры, а потому она съ нетерпѣніемъ ожидала начала ея.

Вскорѣ послѣ окончанія жертвоприношеній выставлены были золотые потыри или кубки, предназначенные въ призъ играющимъ.

— Не пожелаешь-ли и ты добавить съ своей стороны какого-нибудь подарка? спросилъ Страбонъ у прелестной наложницы.—Я увѣренъ, что за пріобрѣтеніемъ его бросятся всѣ молодые люди.

— Но чтоже я могу выставить, когда при мнѣ нѣтъ ничего—отвѣчала красавица.

— Я на мѣстѣ твоемъ не пожалѣлъ-бы ни серегъ, ни запястья, ни браслета. Этихъ вещей достаточно будетъ всѣмъ четыремъ сторонамъ, чтобы не возбудить антагонизма.

Гепепира улыбнулась и молча сняла съ пальца перстень, на которомъ изображенъ былъ ребенокъ, ѣдущій на козлѣ верхомъ съ кистью винограда. Затѣмъ сняла изъ ушей серги, изображающія пѣтуха съ подвѣсками миніатюрныхъ лягушекъ, и въ заключеніе ожерелье, подаренное вчера Митридатомъ. Принявъ всѣ эти вещи, философъ громкимъ голосомъ заявилъ молодежи, вращавшейся около павильона, что Гепепира, нѣжнѣйшая и прекраснѣйшая изъ подругъ царя, предлагаетъ къ дарамъ супруга и свои собственныя вещицы, снятыя тутъ-же, въ награду болѣе ловкимъ паликарямъ.

При заявленіи этомъ воздухъ огласился радостными криками и всѣ почти молодые люди начали приготовляться къ состязанію.

Вещи эти Страбонъ разложилъ около четырехъ кубковъ.

Въ эту минуту Гепепира замѣтила, что Фарнакъ сбросилъ съ себя мантію и подошелъ къ той сторонѣ жертвенника, гдѣ выставленъ былъ ея перстень. Потомъ при звукѣ трубы онъ удалился со многими другими вдаль, откуда предполагался бѣгъ.

„Неужели и онъ будетъ учавствовать въ игрѣ? спрашивала сама себя красавица. Неужели отецъ не далъ ему даже потыря, которымъ онъ заинтересовался? Гепиперѣ ужасно хотѣлось остановить царевича, но Страбона не было около нея.

Часъ спустя раздался снова звукъ трубы и въ воздухѣ послышался запахъ факеловъ.

— Сторонись! сторонись! кричали блюстители порядка.

Къ жертвеннику поднялся эпимелитъ, жрецъ и всѣ весталки. Послышался гулъ шаговъ. Гепепира не отводила глазъ съ того направленія, откуда ожидала Фарнака, казавшагося ей мало способнымъ къ быстротѣ движенія.

Новые крики: бѣгутъ! бѣгутъ! заставили красавицу выдвинуться впередъ. Издали она узнала Фарнака, идущаго на ряду съ двумя передними соперниками. У молодой женщины какъ-то странно забилось сердце и напряглись жилы, точно она сама учавствовала въ бѣгѣ и насиловала послѣднія силы. Дальше она не выдержала и начала махать рукою.

Фарнакъ замѣтилъ эти знаки и, какъ бы вдохнувъ новую силу и энергію, взмахнулъ факеломъ и, оставивъ далеко соперниковъ, въ одну минуту добѣжалъ до жертвенника и дрожащею рукою вставилъ въ него пылающій факелъ.

— Царевичъ выигралъ всѣ призы! закричалъ народъ, онъ раньше всѣхъ пришелъ!... Всѣ призы отдать ему!..

На крики эти Фарнакъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Взявъ только предназначенное его сторонѣ, онъ кубокъ отдалъ жрецу въ пользу храма, а перстень надѣлъ на мезинецъ. Затѣмъ, надѣвъ поданную ему мантію, удалился изъ священной авлиды.

„И не удостоилъ меня даже взглядомъ! подумала Гепепира. Мысль эта навѣрно оскорбила бы ее, еслибъ ей не пришло въ голову то, что онъ ради перстня ея состязался съ людьми, не подходящими къ его высокому званію. „Нѣтъ, рѣшила она, я, вѣроятно, плѣнила его, но онъ не хочетъ или боится выразить этого.

Гепепира, послѣ раздачи остальныхъ призовъ, сопровождаемая Страбономъ и веселыми пѣснями молодежи, возвратилась къ колесницѣ своей.

— Ты посѣтишь меня на дняхъ? спросила она, прощаясь съ мудрецомъ,

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я не сдѣлаю этого, пока не получу приказанія отъ повелителя твоего.

— Ты будешь имѣть его.

— Въ такомъ случаѣ я не заставлю тебя ожидать

больше того времени, сколько слѣдуетъ употребить отъ моего жилища до твоего дворца.

Красавица тронула лошадокъ и быстро помчалась по равнинѣ къ столицѣ, которая ей казалась дремлющей въ какой-то сладкой нѣгѣ.

Митридатъ, узнавъ отъ наложницы своей, съ какой холодностію Пантикапейцы приняли его праздникъ, тогда же постановилъ перевести сюда нѣсколько поселеній изъ болѣе преданныхъ ему народовъ.

Мысль эту онъ передалъ министрамъ съ приказаніемъ немедленно выполнить ее. Впослѣдствіи по этому приказанію явились въ Таврику одно поселеніе Сарматовъ и одна партія Языговъ и Василійцевъ, сильно преданныхъ этому монарху.

20.

Мы сказали, что Страбонъ затѣялъ для достиженія враждебныхъ цѣлей своихъ основать въ Пантикапеѣ телестеріонъ или зданіе для отправленія мистерій или драматическихъ миѳовъ изъ религіозныхъ преданій. Телестеріоны въ то время существовали въ Египтѣ и мѣстами въ Греціи, но ужъ не пользовались особеннымъ почетомъ и довѣріемъ, такъ какъ допускали различныя уловки шарлатанства, подвергавшіяся осмѣянію разумныхъ людей *) Плутархъ говоритъ намъ **), что въ мистеріяхъ не убѣждали доводами и не сообщали ничего такого, что могло бы склонить духъ къ вѣрѣ. Въ это вѣрилъ и Страбонъ, но онъ былъ убѣжденъ, что если дать другую обстановку этому предпріятію и допустить къ присутствованію народныхъ вожаковъ впечатлительной природы, то не трудно будетъ достигнуть блистательныхъ результатовъ растлѣнія нравовъ.

И дѣйствительно, кто могъ бы въ Пантикапеѣ сразу понять его сокровенныя мысли и кто отказался бы смотрѣть на боговъ и богинь, разсказывающихъ о такихъ вещахъ, которыя или осуждались или не доступны были понятіямъ скептиковъ?

*) У Евсевія въ его Praeparatio Evangelica приведены мнѣнія Эномая Гадарскаго изъ сочиненія послѣдняго φοραγοντων т. е. уловки шарлатановъ древности въ религіозномъ отношеніи.

**) См. de def. oracul. c. 22.

Страбонъ при усердной помощи молодыхъ богачей успѣлъ уже приспособить зданіе и обдумать, въ какомъ духѣ поставить первое дѣйствіе, чтобы вызвать со стороны Митридата и нѣкоторыхъ строгихъ членовъ верховнаго совѣта одобреніе. Для него очень кстати было приглашеніе Гепепиры, чтобы повидаться съ царемъ. Къ удовольствію своему за нимъ пришелъ на другой же день Акафъ и не иначе вышелъ, какъ съ нимъ.

— Ты, кажется, чуждаешься меня, сказалъ автократъ, садя философа около себя.

— Государь, ты дѣлаешь много чести бѣдняку, который не долженъ нарушать твоихъ важныхъ мыслей. Но, я считаю за особенное счастіе явиться на зовъ твой.

— Ну, какъ идутъ твои дѣла и доволенъ ли ты Пантикапейцами?

— Къ сожалѣнію, я долженъ донести тебѣ, что Пантикапейцы заслуживаютъ состраданіе, какъ люди, отвергающіе будущую жизнь и сомнѣвающіеся во всемъ священномъ. Я употребляю всѣ мои усилія, чтобы укрѣпить ихъ въ вѣрѣ, что важно и въ государственномъ отношіи, но къ сожалѣнію успѣхи мои почти не замѣтны. Не будь моя славная родина въ настоящее время подъ тяжолою пятою ненавистныхъ римлянъ, я признаться, не оставался бы здѣсь ни одного дня.

— Но неужели ты не можешь придумать чего-нибудь такого, которое вліяло бы на нихъ болѣе, чѣмъ слова?

— Я придумалъ говорить съ ними языкомъ боговъ. Это единственное, кажется, средство, которое постепенно можетъ возбуждать въ нихъ религіозное размышленіе и убѣждать, что всѣ мы должны признавать господство надъ нами верховныхъ силъ и что цари земные есть избранники этихъ невидимыхъ силъ и должны уважаться, какъ владыки и полубоги. Къ подобнымъ мѣрамъ, какъ извѣстно, прибѣгали уже въ Греціи Пиѳагоръ, Филиппъ Македонскій, Дмитрій Поліоркетъ, и многіе другіе великіе филантропы и телестеріоны, въ которыхъ происходили эти мистеріи, не только были разрѣшены правительственною властью, но считались государственною святынею, оберегаемою строгими законами.

— Я, кажется, однажды и самъ присутствовалъ на этихъ мастеріяхъ—отвѣчалъ Митридатъ—и вынесъ очень пріятное впечатлѣніе. Ты оказалъ бы Пантикапейцамъ большое блага, еслибъ съумѣлъ повести это дѣло удачно.

— Я раза два въ жизни моей, государь, руководилъ этимъ дѣломъ и мнѣ только не достаетъ твоего соизволенія, чтобы телестеріонъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ зрѣлища представителей общества твоей столицы.

— Съ моей стороны ты не встрѣтишь никакихъ препятствій, но только извини, если я откажусь отъ присутствія на представленіяхъ, такъ какъ я составилъ себѣ свою религію и не хочу разочаровываться въ ней.

— Нѣтъ, автократъ, если ты не посѣтишь съ перваго раза мой храмъ, то онъ не будетъ освященъ представителемъ божественныхъ силъ на землѣ и разрушится, не оставивъ слѣдовъ.

— Разъ пожалуй, но только не больше. А вотъ что: не согласится ли моя жена Гепепира имѣть въ твоемъ телестеріонѣ постоянную ложу. Это будетъ очень полезно для нея. Пойди на ея половину и постарайся заманутъ ее, а я во всякомъ случаѣ не прочь оказать тебѣ матеріальное пособіе. Сказавъ это, Митридатъ позвалъ Саломію и поручилъ ей свести мудреца къ ея госпожѣ.

— Доволенъ ли ты, что я исполнила свое обѣщаніе? спросила Гепепира, когда философъ сѣлъ около нея.

— Какъ не быть довольнымъ при мысли, что даже царскій сынъ не удостоивается чести быть около тебя.

— Это зависитъ отъ нихъ.

— О, если только отъ нихъ, то мнѣ кажется, что Фарнакъ вѣчно лежалъ бы у ногъ твоихъ.

— Фарнакъ? сказала она съ улыбкою. Да это какой-то надменный и холодный человѣкъ. Онъ не удостоилъ меня даже взглядомъ за кольцо, которое я сняла съ руки своей.

— А между тѣмъ взялъ его и навѣрно будетъ беречь, какъ святыню.

— Скорѣе какъ память одержанной побѣды.

— Изъ словъ твоихъ, *купела* *), я вывожу только то, что ты не умѣешь цѣнить въ мущинѣ скромность, застѣнчивость и сдержанность.

Слова эти изумили Гепепиру, потому что она, дѣйствительно, не подозрѣвала въ мущинахъ этихъ качествъ.

— Конечно—продолжалъ Страбонъ—еслибъ Фарнаку приходилось чаще видѣться съ тобою, то онъ перемѣнился бы въ обращеніи.

— Но развѣ этого не возможно достигнуть?

— Для умныхъ людей нѣтъ ничего невозможнаго и если ты желаешь быть знакомою съ нимъ подъ условіемъ, что царь не узнаетъ ничего, то я первый предоставлю тебѣ это удовольствіе.

— Да я хотѣла бы—отвѣчала Гепепира, опустивъ глаза.

— Теперь я скажу въ свою очередь, что желаніе твое я исполню такимъ образомъ, что самые проницательные наблюдатели не откроютъ этого.

— Неужели ты сможешь это сдѣлать? спросила молодая женщина такимъ тономъ, что опытному человѣку не трудно было догадаться, насколько она была заинтересована особою, о которой шла рѣчь.

— Выслушай же меня внимательно и сама сообрази насколько это въ моей власти. Я устраиваю въ Пантикапеѣ телестеріонъ и уже получилъ отъ мужа твоего не только гарантію и вспомоществованіе, но даже и обѣщаніе его, что ты будешь имѣть въ немъ свою постоянную закрытую отъ любопытныхъ глазъ ложу. Отъ этой ложи я могу провести тайный ходъ, которымъ ты станешь принимать, кого желаешь. Понятно, что Митридатъ не будетъ отпускать тебя одною, но стражъ, оберегающій входъ и выходъ твой, будетъ оставаться за дверьми, которыя ты станешь запирать съ внутренной стороны.

— И ты увѣренъ, что Фарнакъ будетъ приходить ко мнѣ на бесѣду?

---

*) Красавица; но слово это невсегда присвоивалось красавицамъ, а всѣмъ вообще молодымъ дѣвушкамъ изъ хорошаго общества.

— Въ этомъ я ручаюсь тебѣ головою моею.

— Отлично; я не пропущу ни одного случая бывать въ твоемъ телестеріонѣ.

— Но этого мнѣ не достачно, ты должна хоть одинъ разъ учавствовать въ игрѣ нашей, въ качествѣ Венеры.

— Этого мнѣ, кажется, не позволитъ царь.

— Я упрошу его, тѣмъ болѣе, что ты будешь на его глазахъ. Твое участіе послужитъ поводомъ перваго какъ бы случайнаго знакомства съ Фарнакомъ.

— Это не дурно придумано и я охотно возьму на себя эту роль. Иди же къ царю и ходатайствуй, а за будущую услугу позволь мнѣ наградить тебя. Сказавъ это, она подала Страбону большой кошелекъ, набитый золотыми монетами.

— Я не беру, купела, вознагражденій за совѣты и наставленія, но деньги эти пригодятся мнѣ для моего предпріятія. Да будетъ жизнь твоя безпредѣльна! На дняхъ я надѣюсь принести тебѣ роль твою.

Страбонъ возвратился къ Митридату и съумѣлъ выпросить у него позволеніе, чтобы Гепепира въ первый день представленія учавствовала въ мистеріяхъ.

— Я разрѣшу это только одинъ разъ—отвѣчалъ монархъ—во первыхъ для того, чтобы поощрить твое полезное предпріятіе и наконецъ потому, что при дѣйствіи ея самъ буду находиться; но съ тѣмъ, чтобы вторично ты не надѣялся бы на ея услуги.

— Государь, мнѣ необходимо для начала только участіе такихъ особъ, но затѣмъ явятся тысячи желающихъ.

21.

Римскій шпіонъ, возвратившись домой, началъ обдумывать планъ піесы, которую слѣдовало бы разыграть въ присутствіи автократа и членовъ верховнаго совѣта, которые навѣрно явятся посмотрѣть на небывальщину. Первое представленіе должно было быть строго нравственно-религіозное. Съ чего же лучше начать? Конечно, съ объясненія о происхожденіи людей, что и принято было въ извѣстныхъ ему телестеріонахъ. Такимъ образомъ Страбонъ рѣшилъ сразу взяться за Діониса За-

гревса, котораго убиваютъ титаны по приказанію Геры, законной жены Зевса. Озлобленный этимъ варварскимъ поступкомъ, Зевсъ, хотя и онъ не былъ законнымъ отцомъ убитаго ребенка, поражаетъ молніею титановъ, успѣвшихъ однако поѣсть Діониса. Отъ ударовъ небеснаго огня титаны превращаются въ пепелъ, изъ котораго и порождаются люди, поневолѣ соединившіе въ себѣ добрыя наклонности Діониса и злую природу титановъ. Страбонъ хорошо зналъ, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ миѳъ на воспріимчивую фантазію грековъ и въ какомъ восторгѣ отъ подобныхъ сценъ были Исократъ, Пиндаръ и Софоклъ.

Во второмъ актѣ мнимый мудрецъ порѣшилъ выставить на показъ всѣхъ важнѣйшихъ боговъ и богинь, судившихъ дѣянія злыхъ и добрыхъ людей и опредѣлявшихъ награды и жестокія наказанія. Въ этомъ актѣ роль Венеры должна была имѣть самое важное значеніе, потому что ни единый человѣкъ не могъ не согрѣшить передъ нею. Въ дополненіе къ этому, Страбону хотѣлось показать Меркурія и скульптора и какой-нибудь примѣръ родительской строгости къ недостойнымъ сыновьямъ. Для перваго онъ находилъ приличнымъ сюжетъ изъ басни Эзопа *), а для послѣдняго поступокъ Алтеи **). Этимъ онъ мечталъ закончить первое представленіе, для будущихъ же драмъ и трагедій у него имѣлись разнообразные сюжеты изъ орфическихъ книгъ.

Страбонъ разсчитывалъ несравненно больше выиграть внѣшнею обстановкою сцены, чѣмъ содержаніемъ пьесъ, а потому онъ обращалъ особенное вниманіе на освѣщеніе, декорацію, костюмы и красоту боговъ, ихъ голосъ,

---

*) Въ баснѣ этой говорится, какъ однажды Меркурій, желавшій узнать, насколько его уважаютъ и цѣнятъ, зашелъ въ мастерскую къ одному ваятелю и, подошедъ къ статуѣ Юпитера, спросилъ: во сколько ты цѣнишь этого бога?—Въ одну драхму—отвѣчалъ художникъ.—А Юнону?—Также въ одну драхму. — Ну, а этого бога, отъ котораго исходитъ весь барышъ? — Если ты купишь первыхъ двухъ—отвѣчалъ ваятель—то этотъ пойдетъ въ придачу.

**) Алтеѣ, женѣ Энея, царя Калидонскаго, при рожденіи Мелеагра одна изъ парвъ предсказала, что новорожденный умретъ, какъ только истлѣетъ горящая на очагѣ головня. Мать въ испугѣ потушила головню и спрятала ее. Много лѣтъ спустя Мелеагръ поубивалъ въ ссорѣ дядей своихъ, тогда возмущенная мать, чтобы наказать сына, бросила головню въ огонь и онъ погибъ въ ужасныхъ мученіяхъ.

манеру и позы, на торжественность музыки и пѣнія, танцы, мимику, видѣнія и т. п., которые должны были потрясать впечатлительныя нервы и казаться чудеснымъ дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ.

Къ участію въ мистеріяхъ онъ также рѣшился допустить всѣхъ тѣхъ боговъ, которые избраны Пантикапейцами для поклоненія по насущнымъ требованіямъ народныхъ нуждъ, а молитвамъ придать характеръ магическаго заклинанія, но въ тоже время повести дѣло, такъ, что богамъ этимъ нѣтъ никакой надобности до людской нравственности и ихъ жизни между собою, если только они будутъ угождать имъ жертвоприношеніями и подобаемыми почестями въ храмахъ, чтобы не возбудить обиды и оскорбленія надменностію. Что касается идеи о загробной жизни, то онъ хотѣлъ послѣ перваго представленія совершенно осмѣять ее тѣми внутренними убѣжденіями, что самые благодѣтельные люди не желаютъ и боятся смерти и что всѣ надгробныя надписи повѣствуютъ о потерѣ удовольствій жизни.

Обсуждая все это, Страбонъ не оставилъ въ пренебреженіи и пневматику Герона Александрійскаго, разъяснявшую, какъ дѣлали чудеса въ храмахъ въ видѣ огненныхъ явленій, таинственныхъ звуковъ, грома и молніи, явленія духовъ и тѣней, ручьевъ вина и т. п. Въ его воображеніи рисовались и ассирійскіе амулеты, которые могли бы обогатить его, и надежда обладать красавицами Пантикапеи, которымъ богъ приказалъ бы проводить ночь въ храмѣ *).

Сладкія мысли Страбона прерваны были входомъ Фарнака съ другимъ молодымъ человѣкомъ, гораздо выше его ростомъ, съ живыми отважными глазами.

— Это мой братъ Ксифаресъ, только что прибывшій изъ Херсоницы — сказалъ царевичъ — мы возвращаемся съ нимъ изъ храма и по дорогѣ зашли узнать, получилъ ли ты позволеніе отъ царя на открытіе телестеріона?

— Не только разрѣшеніе и матеріальное вспомоще-

---

*) Въ Александріи жрецъ Сатурна часто прибѣгалъ къ такимъ требованіямъ и ни одна изъ обманутыхъ женщинъ не догадывалась, что изъ статуи, открывавшейся особеннымъ механизмомъ, выступалъ обыкновенный человѣкъ.

ствованіе, но даже согласіе на то, чтобы Гепепира учавствовала въ первомъ представленіи.

— Неужели? да это невѣроятная перемѣна въ его нравѣ.

— Эту женщину братъ мой настолько возноситъ за красоту—заговорилъ Ксифаресъ—что заставляетъ и меня желать быть участникомъ въ твоихъ мистеріяхъ, чтобы видѣть ее сблизи.

— У меня есть одна роль свободная и именно Мелеагра, сына Алтеи—отвѣчалъ философъ—если хочешь, я предоставлю ее тебѣ.

— Не хотѣлось бы мнѣ кончить жизнь мою въ подобной роли, но если ужъ нѣтъ другой, то надо будетъ по необходимости согласиться. Пришли мнѣ слова, чтобы я успѣлъ ихъ заучить.

— А мнѣ какую ты предназначаешь роль? спросилъ Фарнакъ.

— Ты будешь исполнять три роли. Въ первой явишься Зевсомъ, во второй Меркуріемъ и въ заключеніе Бахусомъ.

— Только Бахусомъ безъ рогъ. Это украшеніе мнѣ не особенно нравится.

— Бахусу, хотя и слѣдуетъ діадема и рога, но ни одинъ изъ хорошихъ скульпторовъ не изображаетъ его съ этими аттрибутами, а обыкновенно прикрываютъ его голову плющемъ или виноградными листьями.

— Если такъ, то я имѣю основаніе противорѣчить твоему назначенію, сколько мнѣ помнится, этотъ божокъ долженъ быть съ рожками.

— Повторяю тебѣ, что у него рожки не изображаются съ того времени, какъ у Ѳивянъ установленъ былъ законъ, повелѣвающій художникамъ подражать всему прекрасному и запрещающій подъ страхомъ наказанія дѣлать безобразія. Сказавъ это, Страбонъ предложилъ Фарнаку послѣдовать за нимъ въ слѣдующую комнату, чтобы показать маленькую статуэтку Бахуса.

Когда они очутились вдвоемъ, философъ началъ увѣрять его, что Гепепира положительно увлечена имъ и жаждетъ свиданія.

— Изъ чего ты заключаешь это?

— Изъ ея собственныхъ словъ.

— Но развѣ она не страшится гнѣва моего отца?

— Этого не замѣтно. Я утѣшилъ ее тѣмъ, что ложа ея будетъ имѣть потаенный ходъ, въ который смѣло могутъ входить желаемые люди, не подвергаясь наблюденіямъ со стороны любопытныхъ.

— И она не разгнѣвалась на тебя за такую свободную рѣчь?

— Нисколько. Это такая наивная и простосердечная женщина, что готова благодарить даже враговъ за минутное развлеченіе.

— Такихъ по моему слѣдуетъ предохранять отъ пагубныхъ увлеченій, это дѣтская черта.

Страбонъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка, которому такъ нравилась Гепепира.

— Когда же ты думаешь открыть твой телестеріонъ?
спросилъ Фарнакъ, возвращаясь къ брату.

— Я думаю, что все будетъ готово не раньше трехъ недѣль. Въ настоящее время я занятъ обсужденіемъ множества мелочей, которыя долженъ передать для исполненія художникамъ и различнаго рода техникамъ, а затѣмъ мнѣ придется разъяснять роли, чтобы не допустить ошибокъ и нарушенія необходимыхъ правилъ.

— Не пожелаешь ли ты имѣть меня помощникомъ твоимъ? сказалъ Ксифаресъ—я сегодня явлюсь къ отцу моему съ отчетомъ, а потомъ, вѣроятно, на-долго останусь безъ всякихъ занятій. Все же это дѣло доставитъ мнѣ развлеченіе.

— Ты окажешь мнѣ большое одолженіе и надѣюсь, самъ ознакомишься со многими предметами, которые заинтересуютъ тебя.

— Я непремѣнно явлюсь завтра — подтвердилъ Ксифаресъ, разставаясь съ философомъ.

Когда молодые люди вышли, Страбонъ злобно прослѣдилъ глазами за Фарнакомъ.

„Дуракъ же ты—говорилъ онъ про себя — влюбленъ по виски, а церемонится. Плевать мнѣ на тебя! Твой братъ, безъ сомнѣнія, поступитъ благоразумнѣе и пронзитъ душу варвара безъ малѣйшаго состраданія.

22.

Царь Митридатъ, упоенный ласками Гепепиры, которую обожалъ всѣми послѣдними ласками души, въ добромъ и веселомъ настроеніи предался непокидавшей его мечтѣ о снаряженіи флота и огромной арміи, когда тихими шагами вошелъ къ нему Ксифаресъ.

— Наконецъ я дождался тебя, мой возлюбленный сынъ, — сказалъ автократъ, протягивая ему руку для поцѣлуя—что ты привезъ мнѣ отраднаго?

— Все исполнено отлично: скифы окончательно побѣждены и охотно изъявили согласіе платить дань и выставлять по требованію твоему вооруженные отряды. Херсонесцы также обложены данью съ обязательствомъ отдавать подъ военныя надобности свои суда и лично учавствовать въ походахъ. Всѣ они до такой степени обрадованы освобожденіемъ отъ враговъ своихъ, что готовы поставить тебѣ статую на площади Аксіи.

— Мнѣ не нужны ихъ статуи при жизни, а нужны ихъ руки и мужество. А какъ скоро по твоему мнѣнію Діофанъ покончитъ съ акрополемъ?

— Мнѣ кажется не раньше мѣсяца. Впрочемъ наши войска очень удобно расположены въ городѣ и укрѣпленіяхъ и пользуются общимъ расположеніемъ.

— А Діофанъ чѣмъ занимается?

— Онъ неутомимо работаетъ надъ сформированіемъ новыхъ отрядовъ и посвящаетъ ихъ въ тайны военнаго искусства.

— Сколько оказалось судовъ въ Херсоницѣ, годныхъ для большаго груза и отдаленнаго плаванія?

— Около 200. Ксифаресъ представилъ при этомъ отцу подробную вѣдомость о трофеяхъ и приблизительномъ числѣ какъ скифовъ, такъ равно и Херсонесцевъ со всѣмъ ихъ имуществомъ.

Митридатъ прочелъ ее съ особеннымъ вниманіемъ и отъ удовольствія потеръ руки.

— Теперь мы должны, не теряя ни минуты, приступить къ сформированію сильныхъ отрядовъ изъ народонаселенія Іоніи *), Босфора и Ѳеодосіи. Такимъ образомъ

*) Таманскій полуостровъ.

если къ тому, что мы будемъ имѣть, пришлютъ и затья наши свои войска, то я не замедлю выступить къ будущей веснѣ въ походъ.

— Ты опять затѣваешь, отецъ, войну? спросилъ Ксифаресъ, взглянувъ на его сѣдину.

— Неужели это тебя удивляетъ? вскрикнулъ царь, подскакивая съ мѣста—или ты считаешь меня на столько уже ничтожнымъ и негоднымъ человѣкомъ, что я долженъ покорно пережить тотъ позоръ, который нанесли мнѣ римляне?

— Я не считаю несчастіе войны за позоръ.

— Это тебѣ не трудно сказать только потому, что ты не испыталъ того, что испыталъ твой отецъ. Я былъ повелителемъ лучшей части міра въ то время, когда присоединилъ къ царству своему Виѳинію, Колхиду и Каппадокію, когда моими войсками наводнена была сѣверо-западная часть Азіи, когда понтъ Эвксинскій покрытъ былъ моими судами и когда славный мой полководецъ Архелай былъ полнымъ хозяиномъ въ Аѳинахъ и большей части Греціи. Чѣмъ же это кончается? Архелай разбитъ при Херонеѣ и Орхоменѣ, а я вынужденъ былъ не только отказаться отъ всѣхъ завоеваній, но выдать Суллѣ весь наличный мой флотъ и двѣ тысячи талантовъ серебромъ и золотомъ и кромѣ того подвергнуть невинныхъ жителей рабству и ужасной контрибуціи. Такія кровныя обиды, сынъ мой, не забываются и не могутъ быть забыты. Я не могъ тогда показаться предъ моими подданными и день и ночь трудился надъ планомъ возвратить потерянное. Десять лѣтъ я изнемогалъ и наконецъ, воспользовавшись подлостью Никодима Виѳинскаго, вздумавшаго въ месть мнѣ отказать царство свое римлянамъ, чтобы обставить меня ихъ легіонами, я рѣшился завладѣть этимъ царствомъ, какъ бывшимъ уже моею собственностію. Слѣдовало ли римлянамъ препятствовать мнѣ въ такомъ дѣлѣ, которое я обязанъ былъ сдѣлать ради спокойствія монархіи? Конечно нѣтъ. Но эти жадные и ненасытные люди снарядили противъ меня безчисленные легіоны и на этотъ разъ я чуть-чуть не лишился даже собственныхъ земель, за обращеніемъ которыхъ въ римскую провинцію дерзкіе при-

слали было уполномоченныхъ. Прошло еще восемъ лѣтъ, но въ то время, когда мнѣ казалось, что ненавистные враги забыли обо мнѣ, внезапно явились Помпей и Глабріонъ съ двумя сильнѣйшими арміями, противъ которыхъ немыслимо было сопротивленіе. Я бѣжалъ не изъ трусости, но изъ расчетовъ заманутъ враговъ въ удобныя для истребленія мѣста, но и этого мнѣ не удалось достигнуть. Армія моя разбѣжалась и только ничтожное число послѣдовало за мною въ Іонію и сюда. Все это совершилось 20 мѣсяцевъ тому назадъ, когда ты безпечно проживалъ у сестеръ своихъ. Нѣтъ, сынъ мой, я изъ могилы буду силиться встать, чтобы отмстить тѣмъ, которые отравили мою жизнь и довели меня до такого ничтожества. Скажи Фарнаку и Хрестіону, что чрезъ мѣсяцъ первый изъ нихъ приметъ начальство надъ Босфорскими легіонами, а послѣдній надъ Ѳеодосійскимъ отрядомъ; что же касается тебя, то ты будешь командовать скифами, съ которыми успѣлъ уже познакомиться. Я прикажу министрамъ моимъ первыхъ созвать въ Пантикапею, а послѣднихъ сгруппировать въ Херсонесѣ и непремѣнно подготовиться съ ранней весны къ походу.

— Куда же ты намѣренъ направиться?

— Прямо въ Римъ, потому что я положительно убѣдился, что гиганта надо поражать прямо въ сердце въ то время, когда онъ снимаетъ свое оружіе и въ самоувѣренности предается своимъ наслѣдственнымъ порокамъ,

— Послѣднее предположеніе твое совершенно основательно, но вспомни, отецъ, Ганнибала. Онъ находился близко къ Риму, а между тѣмъ сколько неудачъ вытерпѣлъ, не достигнувъ цѣли?

— Этотъ великій человѣкъ научилъ меня мудрости и я постараюсь предупредить всѣ тѣ неудачи, которыя зависятъ отъ нашего невниманія къ великому предпріятію.

Ксифаресъ собирался уже уйти, какъ вдругъ на порогѣ показалась Гепепира, бросившая на него пристальный взглядъ и остановившаяся, пользуясь тѣмъ, что Митридатъ, сидѣвшій спиною къ дверямъ, не могъ ее замѣтить. Величественная красота поразила молодаго

человѣка до того, что онъ боялся пошевилиться, чтобы не испугать волшебное видѣніе.

Царская наложница не выдержала этого взгляда и, боясь выразить свое смущеніе предъ Митридатомъ, сочла болѣе удобнымъ скрыться. Ксифаресъ узналъ въ ней ту женщину, о которой разсказывалъ съ такимъ увлеченіемъ братъ его Фарнакъ.

Простившись съ отцомъ, молодой человѣкъ, точно опьяненный, машинально направился къ Страбону, отъ котораго, конечно, не сочелъ нужнымъ скрыть своихъ впечатлѣній.

— А хотѣлось-бы тебѣ пользоваться ея любовью? спросилъ внезапно мудрецъ.

— Ты говоришь глупости, почтенный философъ—отвѣчалъ царевичъ—могу ли я искать расположенности женщены, которая обязана любить моего жестокаго и неумолимаго отца? Да онъ за одинъ преступный взглядъ прикажетъ разорвать ее на части.

— Подобныхъ угрозъ боятся только дѣти, а не женщины, убѣжденныя въ могущественной красотѣ своей. Я положительно убѣжденъ, что Митридатъ находится въ полной зависимости отъ ея прихотей и никогда не рѣшится оскорбить ее даже словомъ.

— Ну, кто знаетъ ближе моего отца, умѣющаго казаться воплощенною добродѣтелью, тотъ не повѣритъ твоимъ словамъ.

— Спорить мнѣ не прилично съ тобою, но помни, что если ты познакомишься съ Гепепирою, то она полюбитъ тебя и не скроетъ этого чувства отъ отца твоего.

— Какимъ же образомъ я могу познакомиться съ нею?

— Это не трудно, такъ какъ она будетъ учавствовать въ телестеріонѣ и можетъ согласиться принять на себя роль Алтеи, т. е. мстительной матери Мелеагра.

— Что-жъ потомъ?

— Потомъ она будетъ постоянно посѣщать наши мистеріи и пользоваться неограниченною свободою, такъ какъ въ ложу ея будетъ проведенъ тайный ходъ изъ моего помѣщенія.

— Ты, возмущаешь мою кровь, мудрецъ.

— Совсѣмъ нѣтъ; я сочувствую только молодости и не желалъ-бы, чтобы такое прелестное созданіе попало въ недостойныя руки. Это вѣрно, что она не будетъ довольствоваться дружбою твоего отца и если не найдетъ достойнаго, то предастся рабу. Я сказалъ тебѣ, Ксифаресъ, сущую правду въ полномъ убѣжденіи, что ты не откроешь ее даже брату твоему, который благоговѣетъ предъ Гепепирою, но боится повидимому какихъ-то предполагаемыхъ фурій гнѣва.

23.

Чтобы сколько-нибудь очертить нравъ Ксифареса, мы взглянемъ на него, какъ на лучшій образецъ грека этой отдаленной эпохи. Онъ восхищался своимъ станомъ и здоровьемъ, жаждалъ веселья и сладкихъ винъ, красивыя женщины не покидали его воображенія, въ ушахъ постоянно раздавались или нѣжныя пѣсни или побѣдные клики храбрыхъ товарищей и только одна жизнь съ тревогами и отвагами наполняла его мечты. И могъ-ли бы онъ, рожденный и выросшій въ благодатномъ климатѣ, гдѣ почва плодородна, гдѣ растительность вѣчно свѣжа, гдѣ съ отвращеніемъ смотрѣли на загробную жизнь—думать иначе? И къ чему? Кто былъ счастливѣе его? Вѣдь и боги даже не обладали болѣе возвышенными желаніями. Не встрѣчая въ окружающей его природѣ абсолютнаго зла при свѣтломъ и вѣчно-веселомъ настроеніи духа, Ксифаресъ считалъ себя героемъ природы, для котораго даны одни только наслажденія, наслажденія покровительствуемыя Афродитою и другими богами *). Могъ-ли онъ остаться равнодушнымъ къ такой недоступной, для идеала даже, красотѣ на томъ основаніи, что это юное существо случайно попало въ зависимость отца его, утратившаго давнымъ-давно соотвѣтствующія ему чувства? Какъ не обсуждалъ онъ свое увлеченіе, какъ не старался найти его неприличнымъ для сына, но слова Страбона заглушали въ немъ личные выводы и прелестный образъ Гепепиры все глубже и глубже проникалъ въ міръ его вдохновитель-

---

*) Афродита считалась покровительницею проститутокъ, а Гермесъ услуживалъ ворамъ и обманщикамъ.

ныхъ идей. Съ эгого дня Ксифаресъ ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о той блаженной минутѣ, когда призоветъ его отецъ и когда онъ явится въ мистеріяхъ въ качествѣ сына безпощадной Алтеи.

Нѣсколько дней спустя Митридатъ призвалъ вновь Ксифареса съ тѣмъ, чтобы отправить его въ Іонію, на противоположный берегъ Босфора, для передачи приказаній о заготовлени провіанта для предстоящихъ весною надобностей.

Молодой человѣкъ въ туже минуту отправился во дворецъ, но прежде чѣмъ рука его коснулась дверей въ комнату отца, Саломія сдѣлала ему знакъ слѣдовать за нею. Въ предположеніи, что царь находится въ другомъ отдѣленіи, онъ неожиданно и внезапно очутился предъ Гепепирою съ полуобнаженными плечами.

— Ты сынъ моего благодѣтеля? спросила она, приблизившись къ нему.

— Да, мое имя Ксифаресъ.

— Какой-же у тебя не добрый отецъ, онъ никогда мнѣ не сказалъ ни слова о твоемъ существованіи, а между тѣмъ ты такъ мнѣ понравился съ перваго взгляда!

— Я тоже пораженъ твоею красотою, но сознаю, что ты не создана для меня.

— Кто знаетъ, можетъ быть, я рождена и для тебя. Ты развѣ не знаешь поступка Антіоха къ сыну своему?

— Между Антіохомъ и Митридатомъ существуетъ огромная разница—отвѣчалъ со вздохомъ Ксифаресъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ мы будемъ встрѣчаться въ телестеріонѣ Страбона мудреца, съ которымъ тебѣ не трудно будетъ познакомиться. Мнѣ ужасно надоѣло мое одиночество. Теперь иди къ отцу твоему, но не говори ему, что былъ въ моемъ покоѣ.

— Нѣтъ, красавица, я не выйду отсюда, пока уста мои не приложатся къ твоему ослѣпительной бѣлизны плечу. Быть около такого божества и не вынести на память хоть прикосновенія губами — это не по силамъ моимъ, я скорѣе умру у ногъ твоихъ.

Гепепира приблизилась къ молодому человѣку и шепнула:

— Только поскорѣй уходи.

Ксифаресъ обнялъ ее и вмѣсто одного цѣлый десятокъ пламенныхъ поцѣлуевъ полились изъ устъ его; затѣмъ быстро повернулся и вошелъ къ отцу, занятому глубокими соображеніями.

— А, это ты Ксифаресъ? спросилъ монархъ.—Я сегодня получилъ очень утѣшительное извѣстіе изъ Колхиды и отъ Діофана. Въ первой всѣ почти судохозяева и кораблестроители изъявили полную готовность содѣйствовать мнѣ, а Скифы и Херсонесцы очень рады слѣдовать за мною въ Римъ. Намъ остается только подумать о провіантѣ и другихъ принадлежностяхъ войны. Я уже отдалъ приказанія о заготовленіи всего этого въ Босфорѣ и Таврикѣ, а тебѣ придется завтра съѣздить въ Іонію и лично переговорить по этому поводу съ топархами.

— Получу-ли я отъ тебя еще какія-нибудь приказанія?

— Ничего больше, но мнѣ хотѣлось-бы знать, чѣмъ ты займешься въ Пантикапеѣ до весны, чтобы не привыкнуть къ праздности?

— Я въ настоящее время желаю немного поучиться мудрости у Страбона, который успѣлъ уже прославить себя своими познаніями.

— Это недурно, но я съ нѣкотораго времени что-то недовѣрчиво смотрю на этого философа. Онъ затѣваетъ у насъ телестеріонъ, отъ котораго можно ожидать и много полезнаго и много вреднаго. Для достиженія перваго необходимо много условій; при малѣйшемъ-же уклоненіи отъ строгой выработки, предпріятіе его можетъ принять любострастное направленіе, которому и безъ того здѣшніе люди сильно преданы. Читалъ-ли ты, что въ храмовыхъ рощахъ Астарты всѣ дѣвушки, принимали на себя охотно санъ жрицы для того только, чтобъ подъ видомъ обязанностей своихъ бѣшено предаваться крайностямъ разврата?

— Я читалъ, что это принято было въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи.

— Это дѣлалось въ Азіи, но люди подобные Страбону перенесли этотъ культъ въ Европу въ видѣ праздне-

ствъ и безграничнаго разгула, въ заключеніе принявшихъ таинственный и преступный характеръ, сосредоточенный на приготовленіи ядовъ, и число учавствовавшихъ въ этихъ вакханаліяхъ дошло до такой степени, что мѣстнымъ властямъ приходилось принимать грозныя мѣры для уничтоженія этихъ иноземныхъ вліяній. Я не хотѣлъ-бы, чтобы въ Таврикѣ моей зародились подобныя общества, и потому долженъ поручить тебѣ или Фарнаку строго слѣдить за всѣмъ, что будетъ происходить на этихъ мистеріяхъ.

Говоря это, Митридатъ имѣлъ въ виду, что и Гепепира будетъ сообщать ему все, что будетъ происходить въ телестеріонѣ.

— Заботливость твоя мнѣ понятна, отецъ, и я съ особеннымъ вниманіемъ буду наблюдать за дѣйствующими лицами.

— А ты самъ не примешь участія?

— Мы съ Фарнакомъ изъявили согласіе учавствовать только одинъ разъ, чтобы выразить сочувствіе къ благому предпріятію.

— Этого довольно для царевичей. Затѣмъ я требую, чтобы вы находились въ ложахъ, настолько закрытыхъ, чтобы любопытные не могли наблюдать за вами.

— Почему же ты, отецъ, дозволилъ Страбону основать телестеріонъ, если такъ недовѣрчиво относишься къ его способностямъ и направленію?

— Во первыхъ, потому, что я до сегодняшняго дня вѣрилъ въ него, какъ въ великаго чудотворца и философа образцовой филантропіи, и наконецъ потому, что онъ возбудилъ всеобщую расположенность къ себѣ народа, котораго можетъ переобразовать только тотъ, который очаруетъ его. Этотъ человѣкъ очень дорогъ для насъ, если онъ филантропъ; но если онъ увлечется какимъ-нибудь вреднымъ для другихъ порокомъ, то намъ придется изобличать его въ преступленіи, чтобы имѣть право изгнать или казнить, а я признаться не желалъ-бы сдѣлать этого съ аѳинскимъ гражданиномъ, чтобы не попасть на языкъ его собратій.

Ксифаресъ понялъ, что до отца его дошли кое-какія неблагопріятныя вѣсти о Страбонѣ, но онъ не осмѣ-

лился допрашивать его; между тѣмъ вѣсти эти заключались въ томъ, что преданный Митридату Акафъ узналъ, что Страбонъ нанялъ за городомъ уединенный домикъ и недавно купилъ за большія деньги у могилокопателей трупъ только что умершей 14 лѣтней дѣвочки настолько же красивой наружности, какъ и Гепепира, и скрылъ его такъ мастерски, что ему проникшему въ это зданіе и обшарившему всѣ углы не удалось найти этихъ останковъ. Суевѣрному Митридату показалось, что мудрецъ сдѣлалъ это пріобрѣтеніе съ цѣлью заняться какими-то чарами.

25.

Три недѣли спустя на всѣхъ площадяхъ и многолюдныхъ улицахъ Пантикапеи выставлены были на столбахъ объявленія, призывающія почтеннѣйшихъ гражданъ къ созерцанію религіозныхъ представленій въ телестеріонѣ, воздвигнутомъ мудрецомъ Страбономъ. На объявленіяхъ не было сказано, кто будетъ учавствовать въ мистеріяхъ, но глашатаи не стѣснялись произносить имени Гепепиры, которою восхищались всѣ безъ исключенія. Извѣстно также было, что Фарнакъ съ братомъ своимъ Ксифаресомъ принимаютъ въ дѣлѣ этомъ горячее участіе; а такъ какъ принцы эти и въ особенности Ксифаресъ чрезвычайно были любимы народомъ, то всѣ знавшіе ихъ лично заранѣе хлопотали о пріобрѣтеніи мѣста въ телестеріонѣ.

Въ условленный день и часъ громадное театральное помѣщеніе биткомъ было набито. Митридатъ съ Гепепирою и Акафомъ прибыли позднѣе другихъ и вошли въ совершенно закрытую отъ народа ложу, изъ которой вело нѣсколько маленькихъ отверстій только на сцену.

— Ну, теперь я провожу тебя, сказалъ царь наложницѣ своей, къ Страбону и прикажу Акафу не отходить отъ тѣхъ дверей, гдѣ ты будешь находиться. Предосторожность никогда не бываетъ лишнею.

Гепепира поняла тайную мысль государя, но не противорѣчила ни единымъ словомъ, изъ боязни возбудить подозрѣніе и лишиться свободы на будущее время.

Сдавши подругу свою на руки мудреца и подъ наблюденіе преданнѣйшаго тѣлохранителя, Митридатъ возвратился на мѣсто свое и по осмотрѣ ложи, за дверьми которой легко можно было помѣстить охранную стражу, онъ вывелъ заключеніе, что Гепепира отлично можетъ быть сбережена здѣсь отъ излишнихъ увлеченій, еслибъ даже таковыя представились ей случайно.

Часъ спустя предъ Митридатомъ открылась сцена, до такой степени очаровательная видами на Олимпъ, горы, сады, лѣса и ручьи водъ, что автократъ пришелъ въ восторгъ, который смѣнился благоговѣніемъ, когда послышалось стройное и нѣжное пѣніе множества голосовъ, точно исходящихъ изъ устъ божественныхъ созданій. Голоса эти, подъ аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ, пѣли о счастіи добродѣтельныхъ людей, о безконечномъ удовольствіи на землѣ, о веселіи загробной жизни.

Вдругъ точно волшебствомъ сотни свѣтильниковъ, освѣщавшихъ публику, потухли, а сцена освѣтилась пурпуромъ и первыми лучами восходящаго солнца. Предъ пораженными зрителями появились страшные титаны и жестокая Гера, приказывающая убить невиннаго ребенка Діониса. Злодѣи подхватываютъ прелестнаго мальчика, раздираютъ его на мелкія части и съ жадностію пожираютъ. Ихъ жесты, мимики и длинные монологи, такъ естественны и краснорѣчивы, что всѣ слушаютъ и смотрятъ съ наслажденіемъ. Только что окончился кровавый пиръ, неожиданно появляется въ полномъ величіи Зевсъ. Его сверкающіе глаза и трепетъ виновныхъ, его потрясающій душу крикъ съ проклятіями, громъ, молніи, бѣгъ и исчезновеніе въ дыму титановъ, на мѣстѣ которыхъ является груда золы, породившая различные типы людей. Люди эти сейчасъ же начинаютъ выражать свои наклонности, свои страсти и увлеченія, любовь, участіе, гнѣвъ, злость, месть и т. п. Все это произвело на публику не испытанное до этого впечатлѣніе.

Сцена новымъ волшебствомъ погасла и свѣтъ по прежнему перешолъ къ публикѣ. Пѣніе опять послышалось надъ головами зрителей. Но вдругъ все перемѣнилось: на сценѣ появилась другая картина: всѣ боги очути-

лись предъ людьми въ живомъ воплощенiи съ свойственными имъ правами и могуществомъ. Они судили и осуждали по заслугамъ всѣхъ тѣхъ, которые привозились Харономъ. Народъ слушалъ съ трепетомъ различныя преступленiя и добрыя дѣянiя, взятыя прямо изъ жизни ихъ. Вслѣдъ за всѣмъ этимъ на тронѣ появилась Гепепира въ образѣ Венеры, то сверкающая глазами, омраченными негодованiемъ, то ласково улыбающаяся. Ея величественная красота при магическомъ освѣщенiи, ея сладкiй повелительный голосъ, ея наставленiя, какъ долженъ вести себя человѣкъ, чтобы пользоваться ея покровительствомъ, ея нѣжное обращенiе съ гетерами, не щадившими себя для отрады ближняго, при поощрительномъ хорѣ нимфъ, произвело такое упоительное обоянiе на самого даже Митридата, что онъ на минуту считалъ себя обладателемъ богини любви и красоты.

Актъ мести матери, озлобленной противъ сына ея Мелеагра, подкрашенный ужасами раскаянiя въ тотъ моментъ, когда прекратились его страданiя и неподвижно лежало окаменѣвшее тѣло, также не остался безъ громкаго сочувствiя къ несчастному молодому человѣку, въ которомъ публика узнала любимца своего Ксифареса.

Покончивши дѣло свое, Гепепира, успѣвшая въ антрактахъ сблизиться съ мнимымъ сыномъ своимъ и просить его навѣщать ее въ ложѣ при слѣдующихъ представленiяхъ, не замедлила возвратиться къ царю въ сопровожденiи неподкупнаго охранителя.

— Ты сегодня доставила мнѣ такое наслажденiе, моя прелестная Гепепира, сказалъ Митридатъ, что я готовъ подѣлиться съ тобою моимъ царствомъ.

— О, какое бы удовольствiе ты доставилъ мнѣ, еслибъ исполнилъ это обѣщанiе, отвѣчала красавица, лаская сѣдины господина своего.

— Обѣщанiе мое я непремѣнно исполню, если милостивые боги даруютъ мнѣ побѣду надъ врагами моими. Въ моихъ азiятскихъ владѣнiяхъ есть много восхитительныхъ мѣстностей, изъ которыхъ я отдамъ любую въ твое наслѣдственное владѣнiе, если ты останешься утѣшенiемъ моимъ и вѣрною подругою въ одиночествѣ.

— Какъ въ одиночествѣ? У тебя есть жены и сыновья, а ты считаешь себя одинокимъ.

— Жена у меня только одна, къ которой я давнымъ-давно не питаю никакихъ чувствъ и которая живетъ только потому, что ни разу не провинилась. Окружающія ее, мои бывшія наложницы, нынѣ обратились въ домашніе предметы, которые въ крайности могутъ быть полезными и для тебя своею преданностію.

— Ну, а сыновья твои? Отчего ты удалилъ ихъ отъ себя? Неужели они не почитаютъ тебя за отца, давшаго имъ жизнь и высокое положеніе?

— Сказать тебѣ откровенно, Гепепира, я положительно потерялъ любовь къ моимъ сыновьямъ съ того времени, какъ старшій изъ нихъ, котораго я любилъ всѣмъ сердцемъ, обезчестилъ меня предъ цѣлымъ міромъ и будущими поколѣніями. Я пересталъ вѣрить остальнымъ и они мнѣ кажутся совершенно чужими. Правда, бываютъ иногда минуты, когда я желалъ бы прижать ихъ къ сердцу, но лишь только они предстанутъ предъ моими глазами съ своею притворною или естественною холодностію, кровь моя приходитъ въ волненіе и мѣсто прежняго желанія заступаетъ ненависть или полнѣйшее равнодушіе. Не желая быть постоянно подъ вліяніемъ этихъ непріятныхъ чувствъ, я нашелъ удобнымъ для нихъ и для себя жить отдѣльно и призывать ихъ къ себѣ только въ случаяхъ надобности. Чѣмъ меньше я знаю объ ихъ образѣ мыслей и поведеніи, тѣмъ болѣе они возрастаютъ въ моихъ глазахъ. Когда же мнѣ удастся сдѣлать ихъ самостоятельными царями и убѣдиться, что они понимали къ чему я стремился въ теченіи всей моей жизни, тогда только я прижму ихъ отъ всей души къ сердцу моему и вновь сдѣлаюсь тѣмъ нѣжнымъ и безгранично любящимъ отцомъ, какимъ былъ, когда они находились въ люлькѣ. Вотъ, Гепепира, какимъ я являюсь въ настоящее время отцомъ. Какъ государь, я болѣе заслуживаю сожалѣнія. Съ ранней юности я мечталъ вселить въ окружавшихъ меня пламенную любовь къ отечеству и единомысліе. Личными трудами я хотѣлъ показать примѣръ обожать науки и искусства, облагораживавшія достоинства людей, я изучилъ

22 нарѣчія, я былъ антропографомъ, скульпторомъ, ораторомъ, поэтомъ, я изучилъ тайны жрецовъ и началъ царствовать съ сознаніемъ моего превосходства надъ другими и убѣжденіемъ, что подданные мои станутъ слѣдовать по указаннымъ мною путямъ, а всѣ цари прильнуть къ моимъ совѣтамъ и руководству; но что же оказалось? тѣхъ, которыхъ я приблизилъ къ себѣ, надо было отравить за то, что они захотѣли отравить меня. Я сдѣлалъ это тайно и съ того времени вынужденъ былъ пріучать натуру мою къ сильнѣйшимъ ядамъ, чтобы не сдѣлаться случайною жертвою облагодѣтельствованныхъ мною людей. Что касается сосѣднихъ царей, то они почувствовали ко мнѣ недовѣріе и начали явно выражать негодованіе за то, что я имѣлъ въ виду сдѣлать ихъ своими братьями и друзьями. Тогда я ожесточился противъ всѣхъ и началъ жить съ наклонностями такого же невѣжи и неблагодарнаго человѣка, какими были ненавистные мнѣ люди. Считая ихъ коршунами, я захотѣлъ сдѣлаться орломъ и буду имъ непремѣнно, если боги продлятъ мою жизнь.

Сказавъ это, Митридатъ поднялся съ мѣста, чтобы возвратиться во дворецъ. Публики не оставалось болѣе въ театрѣ.

26.

Прошло три мѣсяца со дня открытія въ Пантикапеѣ телестеріона. Страбонъ, жившій до этого въ городскомъ домѣ на царскій счетъ, нынѣ обиталъ въ наемномъ зданіи за городомъ и находился въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ представителями всѣхъ сословій. Его приглашали ежедневно на пиры и пирушки, устраивали своего рода вакханаліи и съ особеннымъ удовольствіемъ слушали безнравственныя рѣчи, настоящей цѣли которыхъ никто не понималъ. Изъ всѣхъ друзей, его болѣе другихъ цѣнилъ эпимелитъ Харитъ, пользующійся по прежнему безграничною властью и почтеніемъ въ столицѣ. Что внушало эту расположенность между начальникомъ города и иностраннымъ гостемъ—никто не могъ понять.

По мнѣнію однихъ Страбонъ заслуживалъ этого за

тѣ удовольствія, которыя доставлялъ всѣмъ безъ исключенія своими обаятельными мистеріями, пробудившими народъ отъ апатическаго застоя мыслей; другіе подозрѣвали, что мудрецъ, обладавшій тайнами оживленія обезсиленныхъ организмовъ, оказывалъ въ этомъ отношеніи огромныя услуги ихъ начальнику. Одинъ только престарѣлый мнимархосъ или погребатель умершихъ подозрѣвалъ что-то не ладное въ этой дружбѣ, когда Страбонъ платилъ ему по 100 драхмъ за то, чтобы продержать въ домикѣ своемъ одну ночь тѣла молоденькихъ только что умершихъ дѣвушекъ и затѣмъ возвращалъ безъ всякихъ видимыхъ поврежденій. При всякомъ подобномъ переносѣ тѣла мнимархосъ замѣчалъ, что эпимелитъ Харитъ только тогда разставался съ Страбономъ, когда онъ отвозилъ обратно отпущенное въ гости мертвое тѣло.

Съ какою цѣлью и для чего нужны были дѣтскіе останки философу и эпимелиту? завѣдывающій столичною киметиріею никакъ не могъ понять. Желая проникнуть въ эту тайну, онъ самымъ тщательнымъ образомъ осматривалъ тѣло, какъ при сдачѣ, такъ равно и при пріемѣ его, но не замѣчая положительно никакихъ слѣдовъ прикосновенія ножа, порѣшилъ, что люди эти не станутъ же платить ему напрасно деньги изъ за того только, чтобы осмотрѣть умершую и навѣрно у нихъ есть какая-нибудь важная цѣль. Всего вѣрнѣе, что они извлекаютъ изъ только что остывшаго организма что-то, имѣющее высокую цѣнность; но что именно и какимъ способомъ? это такъ заинтересовало мнимарха, что онъ рѣшился во чтобы ни стало проникнуть въ эту тайну, и на случай, еслибъ оказалось что-нибудь вредное или безнравственное, сообщить другу своему Акафу, никогда не жалѣвшему подѣлиться съ нимъ амфорою царскаго вина. При этомъ завѣдывающій кладбищемъ и похоронами имѣлъ свѣдѣніе, что Харитъ съ того времени, какъ Гепепира попала къ Митридату, ужасно былъ недоволенъ царемъ и всегда старался дурно отзываться о немъ.

Теперь мы обратимъ вниманіе на то, что происходило въ телестеріонѣ послѣ перваго представленія.

Митридатъ, начавшій было сомнѣваться въ Страбонѣ, снова утвердился въ предположеніи, что философъ этотъ далекъ безнравственныхъ идей. При этомъ представленія его не имѣли ничего таинственнаго, могущаго породить вредныя или печальныя послѣдствія. Успокоившись въ этомъ отношеніи, государь очень былъ доволенъ, что Гепепира разъ или два въ недѣлю будетъ развлекаться прекрасными примѣрами изъ національныхъ миѳовъ и съ дѣтскою наивностію передавать ему все, что будетъ видѣть и слышать.

Подъ вліяніемъ этихъ предположеній Митридатъ самъ извѣстилъ Гепепиру о днѣ втораго представленія и лично выпроводилъ ее изъ дворца въ сопровожденіи Акафа, которому заблаговременно приказано было ни подъ какимъ видомъ не отлучаться отъ дверей ложи. Вѣрный оруженосецъ и тѣлохранитель сочелъ за обязанность окинуть взглядомъ помѣщеніе царской наложницы и предложилъ ей на всякій случай запереть двери, чтобы избѣгнуть случайностей. Послѣднимъ онъ хотѣлъ отвлечь ея подозрѣніе, что за нею приказано наблюдать. Гепепира, мечтавшая сама сдѣлать это, конечно, не преминула задвинуть сейчасъ же засовъ и, сбросивъ съ себя мантію, прилегла на мягкую софу.

Какое-то отрадное чувство заставило ее замечтаться. Ксифаресъ вертѣлся у ней предъ глазами, то въ видѣ Аполлона, то въ лицѣ несчастнаго Мелеагра.

„Какое наслажденіе быть любимою ровестникомъ, думала она—точно что-то родное доступное и понятное во всякомъ взглядѣ и прикосновеніи. Чего бы я не дала, чтобы возвратить мою прежнюю свободу? О бѣдность, до какого самопожертвованія ты доводишь и тѣхъ, которымъ представилась бы счастливая будущность!“ Тихій вздохъ какъ-то невольно заключилъ эти мечты и красавица приготовилась придвинуться къ сценѣ; но въ эту минуту послышался у ногъ ея легкій скрыпъ и въ небольшой дверцѣ показалась фигура Ксифареса.

— Тсъ, не пугайся, это я твой несчастный Мелеагръ, пришедшій простить тебѣ за жестокую месть—сказалъ онъ шопотомъ и, не дожидаясь отвѣта, взялъ ее за руку.

Молодая женщина затрепетала, но чрезъ минуту она считала себя счастливѣйшимъ въ мірѣ существомъ. Ни сцена съ богами и миѳами, ни суровое лицо Митридата ничто ее не интересовало болѣе. Эта крошечная ложа показалась ей раемъ, изъ котораго она не вышла бы никогда.

— Ну, мнѣ время отлучиться, чтобы не возбудить подозрѣнія—сказалъ принцъ.

— Какъ, неужели ты вошелъ сюда при свидѣтеляхъ? спросила Гепепира, поблѣднѣвъ.

— Меня никто не видѣлъ, когда я прокрался, но продолжительное отсутствіе можетъ обратить вниманіе Фарнака и товарищей моихъ.

— Кто же указалъ тебѣ этотъ входъ?

— Я раньше получилъ ключъ отъ Страбона.

— О, этотъ Страбонъ, мнѣ кажется, онъ мудрецъ на всевозможныя дѣла. Но какъ бы онъ не выдалъ насъ Митридату? Одна еврейка и именно мать моей служанки Соломіи очень нехорошаго мнѣнія о немъ.

— Не вѣрь простымъ женщинамъ: онѣ всегда почти относятся недоброжелательно къ тѣмъ, которыхъ не понимаютъ. Страбонъ же смотритъ на жизнь и людей самымъ обыкновеннымъ взглядомъ. Онъ видитъ, что ты юная и прекрасная не можешь довольствоваться ласками старика и говоритъ безъ стѣсненія: „ищи себѣ друга и наслаждайся, пока не погасли чувства молодости“. Тоже самое онъ скажетъ и мнѣ и другимъ въ полной увѣренности, что въ истинѣ его словъ никто не станетъ сомнѣваться. Простыя же женщины, привыкшія насиловать свою природу, въ сознаніи, что зло доводитъ неумѣренныхъ и неосторожныхъ до гибели, всегда возстаютъ противъ такихъ людей и готовы поднять на нихъ каменья. Прощай. Надѣюсь, что послѣ завтра мы снова увидимся здѣсь.

Со дня этой роковой встрѣчи свиданія Гепепиры и Ксифареса не прекращались. Молодые люди до того сблизились и полюбили другъ друга, что одно предположеніе о закрытіи телестеріона приводило ихъ въ ужасъ. Но не имъ однимъ казалось это ужаснымъ, потому что во всѣхъ почти закрытыхъ ложахъ происходили подоб-

ныя сцены и свиданія, за устройство которыхъ Страбонъ получалъ хорошее вознагражденіе отъ богатыхъ молодыхъ и старыхъ любителей сердечныхъ впечатлѣній.

Сочувствуя и развивая развратъ, шпіонъ и въ представленіяхъ измѣнилъ первоначальную форму. Держа въ рукахъ своихъ эпимелита, онъ безъ стѣсненія выводилъ на сцену и старался увлекать молодежь буйными выходками противъ властей, давалъ имъ сознавать, что сила государства сосредоточивается въ ихъ рукахъ, что старость обязана почивать на покоѣ и только руководить молодость совѣтами. Отъ всѣхъ этихъ безнравственныхъ примѣровъ, обставленныхъ увлекательными картинами, молодые люди были въ восторгѣ, находя во всемъ этомъ отголосокъ своихъ наклонностей и неподлежащія сомнѣнію истины.

27.

Тѣмъ временемъ первые зимніе холода уже прошли въ Пантикапеѣ и сплошный ледъ, покрывавшій Босфоръ Киммерійскій, началъ колыхаться подъ вліяніемъ лучей солнца. Въ столицѣ было большое движеніе: всѣ почти приготовлялись къ мореплаванію и рыбнымъ ловлямъ. Какъ вдругъ послѣдовало объявленіе отъ царя Митридата, что всѣ молодые люди до 30 лѣтняго возраста должны приготовить оружіе и приступить къ воинскимъ упражненіямъ, чтобы быть готовыми къ предполагаемому весною походу.

Вѣсть эта, какъ громомъ поразила горожанъ, но шутить съ повелѣніями монарха, который умѣлъ жестоко расправляться съ ослушниками его воли, не приходилось. Исполненіе этихъ приказаній еще болѣе оживили городъ и Фарнаку съ Ксифаресомъ приходилось по цѣлымъ днямъ руководить молодыхъ людей, явно выражавшихъ свое нежеланіе учавствовать въ битвахъ.

Эпимелитъ также не скрывалъ своего не удовольствія, что двумъ сыновьямъ его приходилось разставаться съ отечественнымъ городомъ и семьею и слѣдовать, Богъ вѣсть, куда за несчастнымъ въ битвахъ Митридатомъ. Вотъ однажды прибывъ къ Страбону, чтобы принять

возбуждающій эротоформъ *) или эссенцію юныхъ желаній, начальникъ съ грустью началъ разсказывать о печальной судьбѣ, постигшей Пантикапею съ того времени, какъ внѣдрился въ ней воинственный автократъ.

— Не очень давно мнѣ сказала одна іудейка—добавилъ онъ — что Митридатъ не такъ лично интересуется этимъ походомъ, какъ Гепепира, которой онъ обѣщалъ подарить отдѣльное царство и превратить ее въ Клеопатру.

— Я тоже слышалъ объ этомъ—отвѣчалъ Страбонъ—но мнѣ кажется, что кромѣ этого Митридатъ съ нѣкотораго времени началъ подозрѣвать въ невѣрности свою драгоцѣнность и желаетъ ее увезти съ собою въ походъ.

— Эхъ, какъ жаль, что я не обладаю познаніями колдуна или знахаря, чтобы возбудить между ними ненависть.

При этихъ словахъ Страбонъ, какъ-бы освѣщенный важнымъ открытіемъ, взглянулъ на Харита.

— Да, это превосходная мысль—сказалъ онъ — мнѣ давно слѣдовало-бы подумать объ этомъ.

— А развѣ философы вѣрятъ въ искусства такихъ людей, которые называютъ себя колдунами?

— Вправѣ-ли мы отвергать то, что такіе знаменитые люди, какъ напр. Платонъ, признаютъ за истину. Развѣ тебѣ не приходилось читать, что великій царь Амазисъ, не смотря на всемогущество свое, лишенъ былъ простымъ Пильскимъ пастухомъ возможности предаваться супружескимъ удовольствіямъ съ Лаодицеею, или ты никогда не слышалъ, что отъ заговора переставали мельницы молоть, птицы летать, огонь горѣть и что сама Венера, однажды разгнѣвавшись на Паросскихъ женщинъ, заразила ихъ дыханіе такимъ невыносимымъ запахомъ, что мужья ихъ должны были убѣжать изъ домовъ своихъ.

— Все это могло случиться въ древности, но я признаться сомнѣвался, чтобы знаніе это сохранилось въ наше время.

---

*) Напитокъ этотъ древніе приготовляли изъ опія, испанскихъ мухъ, дурмана, нѣкоторыхъ травъ и сока ядовитыхъ грибовъ.

— Такъ вотъ, чтобы доказать тебѣ, я поведу такъ дѣло, что чрезъ недѣлю ты удивишься моимъ познаніямъ. Одного только я боюсь, чтобы всезнающій Митридатъ не обладалъ антидотами противъ заговоровъ. Я пожалуй отъ тебя, какъ искренняго друга моего, не скрою, что всѣ наши чары уничтожаются, если принять рыбью желчь съ нѣкоторыми частицами изъ внутренностей амфибій, а вороньею желчью съ кунжутнымъ масломъ натереть все тѣло. Для того чтобы убить въ царѣ всякую способность наслаждаться съ Гепепирою, я дамъ тебѣ одно средство, которое ты постараешься въ бытность твою у него въ домѣ, бросить въ водоносный сосудъ или въ потыръ, изъ котораго онъ пьетъ вино, остальное я сдѣлаю самъ безъ сторонняго участія.

— Приготовь твое средство, авось мнѣ удастся угостить этого злодѣя, котораго и яды не убиваютъ.

— Я его могу теперь же вручить тебѣ. Сказавъ это, Страбонъ вышелъ въ другую комнату и принесъ какую-то пыль, которую Харитъ спряталъ.

— Ну, а будемъ ли мы имѣть сегодня какую-нибудь вечернюю забаву? спросилъ эпимелитъ.

— Мнѣ кажется, что будемъ. Я заходилъ сегодня къ Мнимарху и узналъ, что въ городѣ умерли три дѣвочки отъ 14-ти до 16 лѣтъ, которыхъ родители не желаютъ сжечь, а намѣрены передать ему для погребенія. Предъ вечеромъ я снова зайду къ нему и выберу ту, которая болѣе подходитъ къ твоему вкусу.

— А для себя ты не возьмешъ?

— Я не такъ богатъ, чтобы платить сто драхмъ.

— За деньгами не будетъ остановки. Понимаешь, я заплачу.

Когда эпимелитъ удалился, Страбонъ началъ обдумывать два обстоятельства: во первыхъ, какими способами сообщить въ Римъ, что Митридатъ подготовляется внезапно напасть на него и обратить соотечественниковъ его въ рабство, и наконецъ, что надо сдѣлать, чтобы задержать это предпріятіе до того времени, пока римскій сенатъ приметъ надлежащія мѣры. По расчету его въ Пантикапею могли прійти греческія суда не раньше того времени, когда царь понтійскій двинется въ походъ;

ему же придется выѣхать только тогда, когда суда эти получатъ грузъ, т. е. мѣсяцемъ позже, что окажетъ вредныя послѣдствія для республики.

„Этого нельзя допустить—говорилъ про себя шпіонъ—приходится по неволѣ возбудить раздоръ и бѣжать въ Херсонесъ, чтобы оттуда переплыть въ Малую Азію и сообщить Помпею обо всемъ, что предпринимаетъ противъ насъ этотъ несокрушимый злодѣй. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ уже здѣсь все то, что необходимо было для полнаго развитія разврата и анархизма. Здѣсь появились такіе же великолѣпные экземпляры, которые ничѣмъ не уступятъ Френіи, Елефантіи, Мелитѣ, Коттито, Филенѣ, Клеопатрѣ, Семирамидѣ и прочимъ гетерамъ, поражавшимъ древнихъ грековъ своими безнравственными выходками; я научилъ стариковъ бичеванію и другаго рода эротофорамъ, я просвѣтилъ здѣшнихъ жрецовъ, давъ имъ въ руководство описанія греческихъ вакханалій въ честь Афродиты и Цереры-законодательницы, которыхъ туземцы обожаютъ, я научилъ, что дѣвушка, послѣ смерти опущенная въ кипятокъ воды, можетъ еще доставить наслажденіе тому, кто любилъ ее безнадежно при жизни. Словомъ я сдѣлалъ въ Пантикапеѣ все, что сдѣлали вѣками сотни людей въ Греціи, и нѣтъ сомнѣнія, что посѣянныя мною сѣмена принесутъ великолѣпные плоды въ даръ послѣднимъ днямъ царствованія этого варвара въ странѣ, гдѣ онъ надѣялся безмятежно покончить свои кровью пропитанные дни. Теперь мнѣ остается возстановить противъ него сыновей, пользующихся народною любовью. Къ счастію я имѣю къ этому возможность и воспользуюсь безотлагательно, такъ какъ завтра будетъ послѣднее представленіе телестеріона. Затѣмъ мнѣ не трудно будетъ заявить, что я закрою его на нѣсколько недѣль для необходимаго переустройства сцены.

Сообразивъ все это, Страбонъ надѣлъ на себя костюмъ мудреца и направился къ Акафу.

— Я пришелъ къ тебѣ, достойнѣйшій человѣкъ—сказалъ онъ съ смиреннѣйшимъ видомъ—сообщить очень непріятныя для меня подозрѣнія, которыя, конечно, предварительно требуютъ провѣрки, чтобы заслужить вѣро-

ятности. Тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно, какъ я уважаю царя Митридата и всѣхъ членовъ его семьи за всѣ тѣ милости, которыя они оказали мнѣ иностранцу. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: какіе-то злоумышленники изволили продѣлать тайный ходъ въ ложу Гепепиры и проникать въ нее въ то время, когда я бываю занятъ дѣломъ на сценѣ, а ты, мой другъ, дремлешь за дверью ея, которая, вѣроятно, запирается на засовъ.

— Быть не можетъ! я не такъ старъ еще, чтобы не слышать разговоровъ.

— Повторяю тебѣ, что я также сомнѣваюсь во всемъ этомъ и готовъ былъ не повѣрить, еслибъ не открылъ самъ потаеннаго хода.

— Въ такомъ случаѣ я самъ долженъ провѣрить сказанное тобою.

— Мнѣ кажется, что тебѣ приличнѣе будетъ донести объ этомъ царю и сдѣлать такъ, какъ онъ прикажетъ. Я подумалъ было лично передать ему мое подозрѣніе и, конечно, сдѣлалъ-бы это, еслибъ ты не являлся въ этомъ дѣлѣ отчасти отвѣтственнымъ лицомъ. При этомъ, другъ мой, имѣй въ виду, что завтра у меня послѣднее представленіе, такъ какъ небходимо перестроить нѣкоторыя части сцены въ телестеріонѣ и слѣдовательно дѣла этого нельзя откладывать до другаго раза.

Акафъ засуетился, угостилъ мудреца царскимъ виномъ и одновременно вышелъ съ нимъ со двора. Страбону не трудно было догадаться, что онъ спѣшилъ къ повелителю своему съ доносомъ на Гепепиру и неизвѣстнаго Эндиміона.

28.

Митридатъ сидѣлъ въ глубокомъ размышленіи, когда вошелъ къ нему Акафъ.

— Что новаго? спросилъ царь, бросивъ ласковый взглядъ на оруженосца, который съ молодыхъ лѣтъ былъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ слугою его.

— Непріятное извѣстіе, автократъ.

— Ужъ не бунтъ ли въ Ѳеодосіи? спросилъ царь съ улыбкою.

— Кровное оскорбленіе важнѣе шалости безумцевъ.

— Говори безъ присказокъ, потому что я сегодня въ мрачномъ расположенiи духа.

— Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: къ твоей царской ложѣ въ телестерiонѣ какiе-то негодяи изволили продѣлать тайный входъ и, вѣроятно, проникали во внутренность ложи въ то время, когда я сторожилъ снаружи дверей.

— Ты самъ видѣлъ этотъ ходъ?

— Мнѣ донесъ Страбонъ, чтобы передать тебѣ.

Митридатъ побагровѣлъ.

— Не подозрѣваетъ ли онъ въ этомъ участiя самой Гепепиры?

— Мудрецъ не рѣшается никого обвинять по одному предположенiю, но совѣтуетъ прослѣдить и поймать виновныхъ на мѣстѣ преступленiя.

— Когда же это будетъ удобнѣе сдѣлать?

— Онъ говорилъ, что завтра у него будетъ послѣднее представленiе въ телестерiонѣ и что этотъ день будетъ послѣднимъ для поимки виновныхъ.

— Отлично. Приходи завтра ко мнѣ вооруженнымъ и мы вмѣстѣ провѣримъ, насколько окажется справедливымъ сообщенiе Страбона.

Оруженосецъ взглянулъ на суровое лицо повелителя и медленно удалился.

„Этого только не доставало—думалъ Митридатъ, оставшись наединѣ—и кто бы дерзнулъ посягнуть на собственность такого безпощаднаго государя, какъ я? Несчастный, неужели тебѣ надоѣла жизнь или ты былъ ослѣпленъ красотою Гепепиры моей до крайняго предѣла безумiя? Нѣтъ, дружокъ, я въ подобномъ святотатствѣ не пощадилъ бы даже роднаго отца! Но какъ это Гепепира ничего мнѣ не говорила до настоящаго времени? Видно этотъ тайный ходъ къ ея ложѣ давно уже проведенъ, а я старый мужъ утѣшался ея невинными развлеченiями? Ха, ха, ха! я не допускалъ даже мысли, чтобы въ этомъ ничтожномъ царствѣ могли существовать такiе отважные смѣльчаки. Чтожъ дѣлать, приходится показать новый примѣръ жестокости. Гепепиру я не могу винить ни въ чемъ, такъ какъ она не имѣла возможности завести знакомства и никогда не вы-

ходила изъ дома безъ Акафа. Только разъ ей удалось видѣть около себя Фарнака и Хрестіона, но они съ нею не говорили. Ужъ не успѣла ли она познакомиться съ Ксифаресомъ, который разыгривалъ роль ея несчастнаго сына, а потомъ задумалъ сдѣлаться счастливымъ любовникомъ? При этой мысли у царя застучали зубы. О, негодяй—вскрикнулъ онъ—и ты, вѣроятно, не отсталъ отъ брата твоего и тебѣ вѣрно желательно опорочить отца и умереть на зарѣ жизни? Но нѣтъ этого не можетъ быть. Мнѣ кажется, что такой пакости не рѣшится сдѣлать ни единый сынъ отцу.

Весь этотъ день Митридатъ былъ угрюмъ и никого не принималъ. Вечеромъ онъ не посѣтилъ наложницы и выпилъ гораздо больше вина, чѣмъ обыкновенно. На слѣдующій день онъ назвался больнымъ и не выразилъ ни малѣйшаго сопротивленія, когда Гепепира заявила о готовности идти въ телестеріонъ.

— Иди, дитя мое, но только сегодня тебя не будетъ сопровождать Акафъ, который останется при мнѣ.

— Это для меня все равно.

— Понимаю, понимаю, тебѣ лишь бы не пропустить представленія. А что это ты мнѣ не говоришь о томъ, что видѣла въ телестеріонѣ въ послѣдніе вечера?

— Потому, что надоѣло пересказывать одно и тоже. Отчего бы тебѣ самому не побывать на представленіяхъ?

— Я еще успѣю побывать, но все же я отпускалъ тебя въ предположеніи послушать твои мнѣнія.

— Если тебѣ это пріятно, то я сегодня постараюсь затвердить всякое дѣйствіе и буду разсказывать тебѣ цѣлый день.

— Смотри же, не забывай обѣщанія.

Гепепира прикоснулась губками къ морщинистой рукѣ Митридата и быстро вышла.

Вслѣдъ за уходомъ ея со двора явился Акафъ.

— Распорядись, чтобы за нами послѣдовало еще нѣсколько человѣкъ изъ дворцовой стражи — приказалъ царь—и поспѣши возвратиться, потому что близко время для представленія.

Митридатъ одѣлся въ скифскій нарядъ, чтобы не быть

узнаенымъ, вложилъ въ карманъ кинжалъ и сопровождаемый преданными людьми прибылъ въ телостеріонъ въ то время, когда дѣйствія начались и вся публика находилась на мѣстахъ.

— Отыщи мнѣ Страбона—сказалъ царь тѣлохранителю своему.

Мудрецъ немедленно былъ представленъ.

— Могу ли я проникнуть въ тотъ входъ—сказалъ Митридатъ, который продѣланъ къ моей ложѣ!

— Я укажу его, государь, если тебѣ угодно будетъ.

— Идемъ, Акафъ, а эти стражники пусть займутъ начало прохода и ждутъ, когда ихъ позовутъ.

Философъ подвелъ царя къ маленькой дверцѣ, которая оказалась привязанною съ обратной стороны. Акафъ рванулъ ее и веревка уступила богатырской силѣ. Автократъ проникъ въ темное подземелье и ощупью добрался до ложи, гдѣ покоились въ сладострастныхъ позахъ Ксифаресъ и Гепепира, не замѣчавшіе ничего около себя.

При первомъ взглядѣ на эту картину у монарха ощетинились волосы и страшно закипѣла кровь. Цѣлый часъ онъ стоялъ безъ движенія и съ какою-то безумною радостью слѣдилъ за пламенными изліяніями молодыхъ людей. Казалось, что ему доставляло каждое слово и движеніе нѣжныхъ любовниковъ величайшее наслажденіе. Наконецъ почувствовавъ, что кровь его подымается къ горлу, онъ возвратился въ выходу и приказалъ Акафу и стражникамъ схватить дерзкаго Ксифаресса и привести его къ городской пристани, гдѣ онъ будетъ ихъ ожидать.

Царское приказаніе было исполнено въ то время, когда юный царевичъ, упоенный счастіемъ, захотѣлъ выбраться изъ подземелья и занять мѣсто около Фарнака.

— Это что значитъ? вскрикнулъ онъ, когда Акафъ бросился на него и схватилъ за руки.

— Это значитъ то, отвѣчалъ онъ, что царь и отецъ твой приказалъ перевязать тебя и доставить къ нему.

Молодой человѣкъ вздумалъ было сопротивляться, но ничего не могъ сдѣлать противъ десятерыхъ стражни-

ковъ, которые, завязавъ ему ротъ, бѣгомъ понесли по направленію къ проливу.

— Сюда въ лодку, сказалъ Митридатъ, опускаясь съ пристани въ небольшой яликъ, и сейчасъ отчаливай отъ берега!

Проѣхавъ довольно значительное пространство, царь приказалъ развязать ротъ преступнику.

— Сознаешь ли ты, подлый сынъ мой, — заговорилъ онъ, наконецъ, что ты также поступилъ противъ твоего отца, какъ и братъ твой, пославшій врагу моему поздравительный вѣнокъ за одержанную надо мною побѣду?

— Братъ мой ненавидѣлъ тебя настолько же, насколько ненавидятъ тебя твои подданные и весь міръ. Я его не осуждаю.

— А ты любилъ меня?

— Я втрое больше возмущался твоимъ ужаснымъ существованіемъ въ средѣ людей. Ты былъ всегда для меня чудовищемъ.

— И это ты говоришь въ глаза тому, кто далъ тебѣ жизнь, кто возрастилъ тебя, кто мечталъ сдѣлать тебя повелителемъ народовъ, царемъ Лидійскаго царства, гдѣ сіялъ своими богатствами Крезъ?

— Все, что ни далъ бы ты мнѣ въ удѣлъ, все напоминало бы только твое варварство и возмущало мою душу. Я ничего болѣе не желаю, какъ уйти отъ тебя на край свѣта, чтобы не слышать твоего ужаснаго имени.

— Желаніе твое я исполню сейчасъ. Акафъ, привяжи къ этому несчастному тѣлу вотъ этотъ якорь и сбрось его въ море.

— Я ожидалъ отъ тебя этого, кровожадный отецъ. Тебя не насытила кровь сотни тысячъ людей и ты алчешь крови собственныхъ дѣтей. Бѣдный Фарнакъ, теперь очередь за тобою!

Голосъ прервался глухимъ паденіемъ тѣла въ мрачную пучину Босфора. Лодка повернула къ берегу и Митридатъ Понтійскій молча возвратился въ дворецъ свой гораздо раньше Гепепиры.

— А исполнишь ли ты обѣщаніе свое разсказать мнѣ все, что видѣла и чувствовала? спросилъ Митридатъ у

наложницы, когда она, выпивъ чару вина, обогнула его старческую шею своею нѣжною рукою.

— Непремѣнно исполню, и она приступила къ длинному разсказу.

— Ну, а еще, еще? допрашивалъ царь.

— Больше ничего, за исключеніемъ развѣ, что Страбонъ объявилъ о временномъ закрытіи телестеріона впредь до внутренняго переустройства его. Мы всѣ внесли уже деньги и просили его ускорить работы.

— И ты также заплатила впередъ?

— Да.

— Ну, напрасно же ты это сдѣлала, потому что я завтра сдѣлаю распоряженіе объ уничтоженіи этого зданія на томъ основаніи, что многіе мужья начали подозрѣвать, что жены ихъ имѣютъ въ телестеріонѣ свиданія съ развратными молодыми людьми.

— Это чистѣйшая клевета. Телестеріонъ во всемъ походилъ на храмъ и въ немъ каждый предавался религіознымъ размышленіямъ. Если же ты сомнѣваешься, то спроси объ этомъ у людей стороннихъ.

— Я спрашивалъ обо всемъ у сына моего Ксифареса и онъ откровенно сознался мнѣ, что это заведеніе развратило его чистѣйшую душу.

Гепепира поблѣднѣла, но, ничего не отвѣтивъ, объявила, что идетъ на отдыхъ, но вмѣсто того, чтобы попасть въ свою опочивальню, была увезена Акафомъ въ одну изъ темницъ акрополиса.

Заключеніе.

Фарнакъ, проснувшись по обыкновенію раньше восхода солнца, поспѣшилъ къ массамъ сгруппировавшихся воиновъ въ окрестностяхъ Пантикапеи для воинскихъ упражненій. Пробывъ съ ними до полудни, наслѣдникъ Босфорскаго царства возвратился домой въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа и желалъ передать Ксифаресу, что всѣ почти военноначальники сговорились просить Митридата отказаться отъ царства въ пользу его. Но каково было узумленіе принца, когда ему отвѣтили, что Ксифаресъ не возвращался со вчерашняго вечера.

„Не послалъ ли его куда-нибудь отецъ? подумалъ Фарнакъ, но когда онъ могъ бы это сдѣлать? Ужъ не завлекъ ли его къ себѣ Страбонъ и задержалъ для обсужденія плана перестройки телестеріона? Послѣднее показалось ему вѣрнѣе и братъ, набросивъ на себя мантію, отправился къ философу. Принцъ вошелъ въ первую комнату, затѣмъ обошелъ всѣ остальныя, но не встрѣчая ни людей, ни вещей, онъ случайно увидѣлъ на окнѣ дощечку съ надписью слѣдующаго содержанія:

„Въ эту ночь жестокій Митридатъ изъ ревности къ Гепепирѣ лично утопилъ сына своего Ксифареса въ Босфорѣ. Ему помогали совершить это возмутительное насиліе Акафъ и нѣсколько стражниковъ. Неужели Фарнакъ не отмститъ за братьевъ своихъ? Неужели онъ будетъ ожидать и своей смерти отъ этого чудовищнаго отца, тѣло котораго подобаетъ выслать римлянамъ для преданія всеобщему осмѣянію“.

Фарнакъ, узнавшій почеркъ Страбона, стоялъ, какъ пораженый громомъ. Ноги и руки дрожали у него, изъ глазъ лились слезы ручьями.

„О, боги правда-ли это?—говорилъ онъ—возможно-ли, чтобы родной отецъ находилъ удовольствіе въ смерти дѣтей своихъ? Какой позоръ, какой ужасъ? Страбонъ совершенно справедливъ, что онъ сожретъ и меня, чтобы имѣть право тщеславиться избіеніемъ всѣхъ сыновей своихъ. Нѣтъ, ужъ это нестерпимо и я поневолѣ долженъ буду воспользоваться преданностію войска.

Съ этими мыслями Фарнакъ отправился во дворецъ къ отцу, чтобы объявить о внезапномъ исчезновеніи брата.

— Ты пришелъ, сынъ мой, очень кстати — сказалъ царь — садись около меня и слушай внимательно. Я тебѣ говорилъ уже, что намѣренъ идти на Римъ, чтобы разгромить эту державу, захватившую въ лапы свои вселенную. Войско мое почти собрано въ Херсонесѣ. Чрезъ мѣсяцъ я намѣренъ и самъ идти на соединеніе съ Діофаномъ. Ты останешься на мѣстѣ моемъ въ Таврикѣ и будешь подготовлять новые силы и запасы, которые по мѣрѣ скопленія станешь отправлять туда, ку-

да я прикажу. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Въ настоящее время мнѣ необходимо, чтобы ты сегодня-же отправился въ Колхиду и поторопилъ-бы судостроителей окончанiемъ кораблей. Иди-же, дитя мое, и не трать дорогаго времени.

— Отецъ, я пришелъ спросить у тебя, не посылалъ ты Ксифареса куда-нибудь? Онъ со вчерашняго вечера не возвращался домой.

— Я знаю, что его не было дома—отвѣчалъ равнодушно Митридатъ—но объ этомъ теперь не стоитъ говорить. Ступай-же исполнять мое приказанiе.

Фарнакъ вышелъ съ сильно бьющимся сердцемъ, но вмѣсто того, чтобы идти домой, онъ направился на квартиру Акафа, отъ жены котораго узналъ всѣ подробности о смерти брата своего.

Скорби и возмущенiю его не было предѣла. Забывъ о приказанiи отца, онъ отправился въ временныя помѣщенiя собравшагося войска и, собравъ всѣхъ начальниковъ, заявилъ имъ о жестокомъ поступкѣ противъ Ксифареса.

— Нѣтъ никакого сомнѣнiя — говорилъ онъ — что отецъ замышляетъ и противъ меня гибель, требуя немедленнаго выѣзда въ Колхиду, и онъ никогда не согласится на ваше предложенiе отказаться отъ власти своей.

— Если такъ, то мы заставимъ злодѣя отказаться отъ престола—отвѣчали начальники—довольно ему купаться въ невинной крови людей. Прикажи, нашъ будущiй царь, выдвинуть войску нѣсколько амфоръ вина и жестокiй царь сегодня-же откажется отъ верховныхъ правъ своихъ. Мы сами потребуемъ отъ него этого.

Фарнакъ бѣгомъ пошолъ домой и вскорѣ предъ вызваннымъ къ строю войскомъ выставлены были громадные глиняные кувшины съ крѣпкимъ напиткомъ.

— Дѣти мои—началъ рѣчь хилiархъ или тысячникъ, обращаясь къ воинамъ—вы вызваны жестокимъ Митридатомъ для личной его потѣхи сражаться съ римлянами въ то время, когда весь мiръ подготовляется къ весеннимъ работамъ. Намъ предстоитъ походъ въ Римъ, откуда навѣрно ни одному изъ васъ не возвратиться.

Неужели-же мы такъ глупы, чтобы оставить родителей и сестеръ нашихъ умереть безъ хлѣба, а себя пожертвовать ради удовлетворенія мести злодѣя, сдѣлавшагося государемъ? Неужели не въ нашихъ рукахъ изгнать это чудовище, которое безпощадно убиваетъ родныхъ сыновей своихъ, и на мѣсто его возвести добраго и разумнаго Фарнака? Кто раздѣляетъ со мною это желаніе, пусть смѣло подступаетъ къ этимъ амфорамъ и пьетъ столько вина, сколько наберетъ въ свой походный котелокъ.

— Зито, зито Фарнакъ! было отвѣтомъ на эту рѣчь и всѣ паликари бросились къ виннымъ сосудамъ.

Въ эту минуту по дорогѣ изъ Ѳеодосіи показались толпы всадниковъ, которые, приблизившись къ хиліарху, заявили, что жители Херсонеса и Ѳеодосіи взбунтовались противъ Митридата и отказываются платить непосильную дань.

— Доложи поскорѣе объ этомъ царю и спѣши на выручку гарнизоновъ, иначе мы будемъ изгнаны.

— Насъ не занимаютъ въ настоящее время внѣшнія дѣла—отвѣчалъ имъ хиліархъ—идите и сами заявляйте вашему царю, а мы провозглашаемъ сегодня въ автократы Фарнака.

Вслѣдъ за отъѣздомъ гонцовъ раздались звуки военныхъ трубъ и воздухъ огласился криками.

— Да живетъ нашъ царь Фарнакъ! да погибнетъ жестокій Митридатъ! Прочь дѣтоубійца и головорѣзъ лучшихъ вождей! Прочь негодный старикъ, руководимый евнухами!

На крики эти выбѣжали всѣ почти жители Пантикапеи и, узнавъ, что войско не желаетъ повиноваться государю, убившему и втораго сына своего всѣми любимаго Ксифареса, не замедлили вооружиться палками и въ свою очередь кричать:

— Утопить злодѣя! Довольно варвару губить людей ради своихъ гнустныхъ цѣлей!

Ревъ народа со всевозможными проклятіями не замедлили достигнуть до слуха Митридата.

— Это что за ликованіе? спросилъ онъ у начальника дворцовой стражи.

— Я послалъ стражника разузнать о причинѣ.

— Пошли другихъ десятокъ съ приказаніемъ угомониться, а если и затѣмъ шалости не прекратятся, то заставь ихъ смолкнуть плетьми.

— Бунтъ, всеобщій бунтъ и войска и народа противъ тебя, мой автократъ! вскричалъ Акафъ, внезапно появившійся въ дворцѣ. Спѣши, государь, укрыться въ акрополѣ, потому что разъяренная толпа направляется сюда, чтобы захватить насъ.

— Подай мнѣ лошадь и скажи, чтобы стража моя слѣдовала за мною. Мы будемъ драться съ бунтовщиками, пока не подоспѣетъ Діофанъ.

Нѣсколько минутъ спустя Митридатъ въ сопровожденіи вооруженныхъ тѣлохранителей и небольшаго отряда дворцовой стражи, скакалъ въ акрополь. Глаза его налитые кровью устремлены были на городскія площади и улицы, переполненныя движущеюся массою народа, изрыгавшаго проклятія.

„Варвары и подлые скифы—мелькнуло въ его умѣ—вы взбунтовались въ то время, когда я собирался освободить милліоны вашихъ братьевъ отъ позорнаго ига римлянъ, которые рано или поздно и васъ обратятъ въ своихъ рабовъ! о, несчастные, еслибъ вы могли понять, что разрушили во мнѣ зданіе, которое я строилъ много лѣтъ противъ враговъ міра и былъ убѣжденъ, что на этотъ разъ восторжествую и прославлю вашу землю небывалыми побѣдами! Нѣтъ, или я васъ всѣхъ сотру съ лица земли или самъ погибну подъ развалинами этого зданія. Пусть же вы и поколѣнія ваши заглохнутъ и погибнутъ подъ лапами и клювами римскихъ орловъ! Да будетъ надъ вами и царствомъ вашимъ вѣчное проклятіе!“

Укрывшись въ акрополѣ, Митридатъ немедленно отправилъ одного изъ стражниковъ своихъ въ Херсонесъ къ Діофану съ приказаніемъ поспѣшить къ нему на помощь, но посланный былъ схваченъ стражею, выставленною эпимелитомъ, и заключенъ въ темницу.

Тѣмъ временемъ войско и буйная толпа приблизилась къ стѣнамъ укрѣпленнаго замка съ криками:

— Смерть варвару Митридату! Такая же и ему смерть, какую онъ выдумалъ Ксифаресу!

Во главѣ бунтовщиковъ стоялъ Фарнакъ.

Увидѣвъ его предводительствующимъ бунтовщиками, у автократа задрожали руки.

— Этого я долженъ былъ ожидать—проговорилъ онъ съ скрежетомъ зубовъ. Если первые два сына мои были врагами отца, то, конечно, и третій былъ за-одно съ ними. Не смѣшно ли, что я этого не могъ предвидѣть раньше и одновременно избавиться отъ негодяя? Глупецъ я отрубилъ у чудовища двѣ головы и вообразилъ, что третья останется мнѣ благодарна за глубокія язвы на туловищѣ ея! Съ этими словами онъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ свой лукъ и выстрѣлилъ въ грудь Фарнака, но стрѣла, пущенная дрожащею рукою, не достигла назначенія.

Бунтовщики пораженные этою сценою заревѣли громче прежняго и засыпали дворы укрѣпленія стрѣлами. Стражники отвѣчали имъ тѣмъ же. Раненые заголосили и вопли ихъ ужасно повліяли на горожанъ.

— Этотъ варваръ жаждетъ и нашей крови! закричали сотни голосовъ.

— Сжечь его живьемъ! вопили другіе.

— Везите сѣна и соломы—скомандовалъ эпимелитъ.

Приказаніе это бросились исполнять сотни людей.

Въ эту только минуту у Митридата показалась на щекахъ предсмертная блѣдность. Онъ понялъ, что акрополь, обложенный огнемъ со всѣхъ сторонъ, не выдержитъ и превратится вмѣстѣ съ нимъ и наложницами его въ прахъ.

— Ты жаждешь моей смерти — говорилъ про себя Митридатъ и надѣешься утѣшаться ласками матери твоей, а можетъ быть и объятіями Гепепиры. Нѣтъ, дружокъ мой, тебѣ не видать ни той, ни другой. Онѣ погибнутъ прежде меня.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана большой кусокъ яда, который ежедневно принималъ малыми порціями и распустилъ его въ сосудѣ съ виномъ. Послѣ этого онъ приказалъ привести изъ темницы Гепепиру, двухъ дочерей и всѣхъ остальныхъ женъ своихъ.

— Я пригласилъ васъ, мои милыя — сказалъ царь — чтобы за нѣсколько времени до смерти моей выпить съ

вами мой послѣдній потыръ вина и завѣщать вамъ ненависть къ послѣднему сыну моему Фарнаку.

Когда женщины осушили кубки свои, Митридатъ обратился къ законной женѣ своей и сказалъ:

— Ты произвела на радость мою вмѣсто трехъ сыновей трехъ-головое чудовище, у котораго я успѣлъ отрубить двѣ головы, но третья пожрала и тебя и меня. Но не тоскуй, потому что тебѣ не остается долго жить. Затѣмъ онъ обратился къ Гепепирѣ:

— Не найдешь ли ты, красавица, въ настоящую минуту, когда ты отравлена и никакія земныя средства не спасутъ тебя, повѣдать мнѣ, что заставило тебя предаться моему сыну Ксифаресу?

— Я отравлена?! о проклятый варваръ, за что ты посягнулъ на мою жизнь? Не я ли пожертвовала тебѣ моею молодостію и красотою?

— Ты была любовницею Ксифареса, того несчастнаго Ксифареса, котораго я приказалъ съ якоремъ вокругъ тѣла бросить въ Босфоръ на съѣденіе мурунъ.

— Ты убилъ Ксифареса! вскрикнула мать и рванулась къ жестокому мужу, но въ глазахъ ея потемнѣло и она упала въ страшныхъ судоргахъ.

— Ты утопилъ Ксифареса, этого ангела доброты и нѣжности—залепетала Гепепира и за что? За то, вѣрно, что я полюбила его? Жестокій царь, неужели я могла насиловать свою природу? Ты не довольствовался тѣмъ, что я имѣла состраданіе къ твоему увлеченію и терпѣливо переносила твое отвратительное дыханіе въ единственномъ желаніи поддерживать твои великія цѣли. Я хотѣла въ заключеніе соединить тебя съ твоими добрыми сыновьями и утѣшалась, что въ заключеніе ты послѣдуешь примѣру величайшаго изъ царей земныхъ Антіоха. Но ты оказался звѣремъ и чудовищемъ. Ты рѣшился насъ пожрать живыми и погибнуть отъ руки роднаго сына, справедливо возставшаго противъ тебя. Сдохни же, анаѳема, подъ всеобщій крикъ проклятій! Голосъ ея оборвался подъ вліяніемъ дѣйствія яда.

Сцена эта заставила Митридата выйти на дворъ. Разлука съ Гипепирою казалась ему не по силамъ. Въ мрачномъ размышленіи онъ проглотилъ весь оставшійся у

него ядъ, но не почувствовалъ и на этотъ разъ никакой отравы.

Тѣмъ временемъ акрополь обложенъ былъ разными горючими матеріялами.

— Акафъ—сказалъ царь—мы должны погибнуть неминуемо. Подумай, какъ горько умирать отцу отъ руки сына. Но я не допущу этого позора и, если еще нѣсколько времени принятый мною ядъ не окажетъ дѣйствія, я умру отъ своей руки и прошу тебя въ послѣднюю услугу не допустить меня до излишнихъ страданій.

Часъ спустя Митридатъ хладнокровно исполнилъ свое заявленіе, а Акафъ прекратилъ его страданіе вторымъ ударомъ кинжала въ сердце.

Акрополь сдался.

Тѣло великаго духомъ царя на другой же день отправлено было въ Синопъ къ римскому полководцу Помпею, который предалъ его торжественному погребенію на счетъ республики; останки же Гепепиры взялъ эпимелитъ Харитъ, считая ихъ законною собственностію своею. Пантикапея превращена была въ Римскую провинцію съ Фарнакомъ во главѣ.

АНАНЪ

Самарянинъ Херсонеса Таврійскаго.

(Разсказъ изъ апокрифическихъ преданій).

АНАНЪ.

Самарянинъ Херсонеса Таврійскаго.

(Историческая картина изъ апокрифическихъ преданій).

На южной окрайнѣ Тавриды между Ктеноскою и Узкоустою *) бухтами было небольшое каменистое пространство земли съ нѣсколькими заливами, остававшееся никѣмъ не занятымъ. Ясно было, что кочующіе съ стадами своими въ Тавридѣ номады, не имѣли въ немъ надобности и оставили его тѣмъ, кто нашелъ бы удобнымъ для поселенія. Мѣсто это, дѣйствительно, не представляло никакихъ удобствъ для кочевника, но для людей, преданныхъ мореплаванію, нуждающихся въ хорошихъ бухтахъ, изобилующихъ рыбою, оно съ перваго взгляда показалось бы самымъ выгоднымъ пунктомъ въ центрѣ Понта Эвксинскаго, примыкавшаго къ благодатнымъ странамъ Ю. В. Европы, Иракліи и Персіи.

А такъ какъ, безъ сомнѣнія, Ираклійцы за много столѣтій до Р. Х. предпринимали отважныя прогулки по Черному морю съ коммерческими цѣлями, то надо полагать, что не однажды заносимые бурями въ Ктеноскую величественную бухту, они не оставляли безъ вниманія своего открытія и воспользовались имъ, какъ только надобность, или другіе обстоятельства, поблагопріятствовали ихъ переселенію.

Такъ или иначе, но исторія повѣтствуетъ, что основателями Херсонеса были Иракліоты, выходцы изъ теперешней Анатоліи; а соображаясь съ тѣмъ, что персидскій царь Дарій Истаспъ, рѣшившійся за 515 лѣтъ до нашей эры сокрушить Скиѳовъ, заручился въ числѣ прочихъ союзниковъ, и афтокефаломъ Херсонеса, и войска его отчасти возвращались на родину чрезъ владѣніе послѣд-

---

*) Ктеноскою бухтою называлась въ древности Севастопольская, а Узкоустою Балаклавская.

няго, намъ приходится предполагать, что Херсонесъ въ это время достигъ такого цвѣтущаго состоянія, что могъ содѣйствовать войскомъ такимъ сильнымъ монархамъ, какимъ являлся Истаспъ въ лучшую эпоху своего царствованія. Вѣдь не можетъ же коммерческая эмпорія съ нѣсколькими десятками предпріимчивыхъ авантюристовъ въ какія-нибудь 50 или 100 лѣтъ населиться, обогатиться и дойти до состоянія выставлять армію на помощь государю, предводительствовавшему 700 т. войска! Не доказываетъ ли этотъ историческій фактъ, что Херсонесъ существовалъ за нѣсколько столѣтій раньше похода персидскаго царя, но онъ, вѣроятно, не обращалъ на себя вниманія современныхъ народовъ Эллады или о немъ существовали самыя неясныя свѣдѣнія въ видѣ тѣхъ, которыя завѣщаны были Гомеромъ въ Одиссеѣ при желаніи ознакомить читателей своихъ съ теперешнимъ мѣстомъ Балаклавы.

Свѣдѣнія эти настолько интересны по удачному описанію, что мы приведемъ ихъ вкратцѣ для соображенія желающихъ вывести собственныя заключенія *).

„Мы (говоритъ Улиссъ) вошли въ славную пристань, образованную утесами, которые, круто подымаясь съ обѣихъ сторонъ изъ мрачныхъ безднъ моря, сдвигались между собою и казались великими камнями, заграждавшими входъ и выходъ изъ нея.

Люди мои проникнули въ нее съ кораблями, которые, поставивъ рядомъ, связали, хотя тамъ никакихъ волненій не бываетъ и морское лоно ровно сіяетъ. Я же свой черный корабль помѣстилъ вдали около устья и, привязавъ канатомъ подъ утесомъ, взобрался самъ на вершину его, но не видѣлъ нигдѣ ни работниковъ, ни быковъ, хотя дымъ изрѣдка взвивался, подымаясь отъ земли.

Тогда избравъ двухъ расторопнѣйшихъ изъ товарищей, я послалъ ихъ узнать, къ какимъ мы людямъ пришли. Скоро представилась предъ ними гладкая дорога, по которой съ окружныхъ горъ на возахъ доставлялись въ городъ дрова.

---

*) См. 10, пѣснь Одиссеи о Лестригонахъ.

Съ ними повстрѣчалась рослая дѣвушка, которая съ кувшиномъ шла за городъ за водою къ Артакійскому ключу. Отца ея звали Листригонъ Антифатъ и посланники спросили у ней, кто властвуетъ здѣшнею страною и здѣшнимъ народомъ? Тогда она указала на домъ отца своего".

Вошедши въ него, посланные встрѣтили жену царя Антифата ростомъ съ великую гору и ужаснулись. Она вызвала изъ собранія супруга, который, прибѣжавъ, съ жадностію схватилъ одного и сожралъ, когда же другіе бѣжали къ судамъ, онъ началъ ужасно кричать и на крикъ его сбѣжалась толпа листригоновъ могучихъ. Много сбѣжалось этихъ великановъ; съ крутыхъ утесовъ они стали метать на суда камни ужасные. Поднялась тревога, крикъ убиваемыхъ и трескъ отъ крушенія снастей. Тутъ злосчастныхъ спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ нанизали на колья и всѣхъ унесли въ городъ на съѣденіе.

Для насъ въ данномъ случаѣ не представляетъ интереса фантазія поэта, жившаго за 9-ть столѣтій до Р. Х., но важно то, что плывущіе мимо Балаклавы подмѣтили, вѣрно, расположеніе ея бухты и удостовѣрили, что около нея былъ городъ, населенный людьми, которые показались имъ какими-то чудовищами.

Чтобы быть независимыми отъ кочующихъ народовъ, поселенцамъ Херсониса прежде всего предстояла необходимость оградиться отъ нихъ рвомъ, каменною стѣною и сторожевыми башнями. Какъ ни тяжелъ былъ этотъ трудъ, но длинная постройка, начиная отъ конца Севастопольской до начала Балаклавской бухтъ, была совершена, что доказывало многочисленность и богатство народонаселенія, сознающаго выгоды и удобства своего уголка. Остатки этихъ гигантскихъ сооруженій, безъ сомнѣнія, просуществовали бы еще много столѣтій, еслибъ ихъ не перевезли на сооруженіе Севастополя на глазахъ извѣстнаго академика Палласа, проживщаго въ Крыму съ 1795 по 1810-ый годъ.

Такимъ образомъ, на каменистомъ клочкѣ земли, имѣющемъ около 15 верстъ въ длину и не болѣе 5-ти въ

ширину, образовался тотъ славный Херсонесъ, которому суждено было вдохнуть въ великій славянскій народъ ученіе божественнаго посланника небесъ и заслужить отъ благодарнаго поколѣнія, на память грядущимъ вѣкамъ, всероссійскій храмъ или вѣчно говорящій мавзолей, надъ прахомъ давно исчезнувшихъ слѣдовъ дѣятельной борьбы за самосуществованіе.

Ничтожный полуостровъ этотъ, безъ сомнѣнія, пользовался у первоначальныхъ колонистовъ названіемъ Трихосъ *), сохранившимся у многихъ греческихъ писателей, но впослѣдствіи, когда онъ отдѣленъ былъ отъ материка стѣнами и башнями и принялъ видъ искуственнаго острова, его назвали Херонисомъ или островомъ, сдѣланнымъ человѣческими руками. Отъ Херониси не трудно было переиначить его имя въ Херсунь и Херсонесъ. Этимъ послѣднимъ именемъ окрещенъ былъ и городъ, владѣющій шестью бухтами, изъ которыхъ каждой предназначено было особенное отправленіе обязанностей, начерченное на каменныхъ столбахъ, выставленныхъ по обоимъ берегамъ.

Городъ примыкалъ только къ тремъ изъ нихъ, но не мало было построекъ и около остальныхъ заливовъ и въ особенности на прибережьи Ктенуса, изобиловавшаго богатыми рыбными уловами.

Въ то время, съ котораго мы желаемъ начать нашъ разсказъ, Херсонесъ, окончательно избавленный отъ частыхъ нападеній Тавро-скиѳовъ полководцемъ Митридата Понтійскаго, находился въ номинальной зависимости отъ римскихъ императоровъ и наслаждался безпредѣльнымъ покоемъ. Массы Самарянъ, выискивающихъ подобныхъ пунктовъ, стремились къ нему и употребляли всѣ усилія захватывать болѣе выгодныя занятія. Они занимались искусствомъ врачеванія больныхъ, чеканили монеты, приготовляли золотыя и серебряныя украшенія, такъ любимыя иракліотками, содержали косметическія заведенія, банкирскія конторы и смѣло занимались промѣнами произведеній, какъ привозныхъ, такъ равно и собственныхъ съ внутренними жителями Тавриды. Ихъ дружба,

*) Каменистый.

единодушіе и взаимное вспомоществованіе, при строгомъ исполненіи законовъ религіи, какъ-то невольно заставляли Херсонесцовъ считать ихъ лучшими гражданами и довѣрять наблюденіе за благочиніемъ и городскими нуждами. Такія привиллегіи ободрили ихъ и въ самое непродолжительное время они воздвигнули великолѣпную синагогу и завладѣли такъ сказать первыми ступенями торговли и администраціею ея. Гордымъ предпріимчивымъ ираклійцамъ, проводящимъ жизнь свою въ непрерывныхъ плаваніяхъ по берегамъ Понта Эвксинскаго такіе люди казались очень полезными сотрудниками и очень выгодными, какъ въ отношеніи нравственныхъ принциповъ при обращеніи съ женскимъ поломъ, такъ равно и въ покорномъ содѣйствіи сбыта туземцамъ привозныхъ товаровъ.

Правда, Самаряне никогда не пользовались искреннею расположенностію грековъ за то, что считали послѣднихъ идолопоклонниками и гнушались раздѣлять съ ними пищу, но это никогда не давало повода къ серіознымъ столкновеніямъ по общимъ интересамъ, такъ какъ ираклійцы не любили въ свою очередь иновѣрцевъ, придающихъ особенное значеніе храмовымъ обрядамъ и презирали пропагандистовъ, мечтавшихъ хвастнуть преимуществами религіи отцовъ. Столкновеніе предупреждалось тѣмъ еще, что евреи эти занимали крайніе кварталы, куда не имѣли надобности проникать веселыя группы отважныхъ моряковъ, искавшихъ подобныхъ себѣ кутилъ и забіякъ въ капеліяхъ *), расположенныхъ между акрополемъ и небольшою бухтою, примыкавшею къ этому укрѣпленію.

Въ капеліи эти строго воспрещалось заходить женщинамъ и евреямъ, подъ угрозою быть побитыми каменьями—и постановленіе это выставлено было не только на городской площади, но и на углу самарянской улицы за подписью главнаго равина Самуила, сына достопочтеннаго Ахея, снискавшаго благодарность Херсонесцевъ, за устройство обширныхъ систернъ и прек-

*) Винный погребъ.

раснаго колодца, обезпечившихъ водою восточную окраину города.

Появленіе евреевъ въ Херсонесѣ относилось къ незапамятнымъ временамъ, и всѣмъ извѣстно было, что предки ихъ появились въ приморскихъ городахъ Тавриды изъ Кавказскихъ ущелій, гдѣ не легко было снискивать насущное пропитаніе и гдѣ безпрестанно приходилось подвергаться нашествію враждующихъ народовъ, жаждавшихъ господства надъ обширною и богатою страною, соприкасающеюся съ Персіею и малою Азіею. Въ Таврикѣ же, отдаленной отъ всякаго рода поводовъ къ столкновеніямъ огражденной бурнымъ моремъ, ничтожной по пространству и подраздѣленной на крошечныя самостоятельныя владѣнія, не нарушалась благодатная тишина кровопролитіями, вслѣдствіе чего туда стремились всѣ, потерявшіе отечество свое, съ убѣжденіемъ пользоваться равноправіемъ и почестями по заслугамъ. Къ этому вдобавокъ еще на окраинахъ ея обитали племена эллинскаго происхожденія, не придававшія никакого значенія религіознымъ вѣрованіямъ иностранныхъ гостей, когда эти послѣдніе съ почтеніемъ относились къ ихъ вѣрованіямъ или по крайней мѣрѣ не тщеславились передъ ними своими преимуществами. Для грека того времени нужны были люди, говорящіе его языкомъ, понимающіе его стремленія и содѣйствующіе его предпріятіямъ, а такъ какъ всѣ эти требованія охотно могъ исполнять ради покоя своего корыстолюбивый еврей, подвергнувшійся гнѣву Божію со дня Вавилонскаго плѣненія и не искавшій болѣе господства на землѣ, то, естественно, между этими людьми не могло быть серіозныхъ разладицъ.

Веселые и безпечные Херсонесцы, презиравшіе мелочныя выгоды коммерціи, охотно предоставляли въ ихъ распоряженіе свои магазины съ цѣнными произведеніями, которыя привозили на корабляхъ изъ отдаленныхъ странъ и вполнѣ довольствовались тѣми выручками или промѣнами, которые совершали эти дальновидные и находчивые люди, не отвлекая хозяевъ отъ ихъ врожденныхъ наклонностей къ умственнымъ и физическимъ наслажденіямъ.

Самымъ же лучшимъ развлеченіемъ для Херсонесцевъ въ тѣ времена считались искони существующія встрѣчи съ единоплеменниками своими, которыя назывались *хронятики* *). Встрѣчи эти или лучше сказать съѣзды талантливыхъ представителей изъ разныхъ городовъ, имѣли громадное значеніе и представляли, такъ сказать, живыя выставки умственныхъ и художественныхъ способностей и открытій, которыя сообщались отдаленнымъ соплеменникамъ съ цѣлью поддерживать и развивать въ нихъ любовь къ научному и изящному. Кромѣ этого хронятики служили способомъ дружественныхъ сношеній народа, разбросаннаго на огромномъ пространствѣ и не имѣвшаго возможности давать о себѣ и своихъ открытіяхъ свѣдѣній инымъ путемъ.

Обычай этотъ не могъ не нравиться Херсонесскимъ евреямъ, которые въ свою очередь получали отъ путешественниковъ извѣстія о творившемся въ Іерусалимѣ, Египтѣ и другихъ мѣстахъ, населенныхъ избраннымъ народомъ, безъ терпѣнія ожидавшимъ тогда обѣщаннаго искупителя. Вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ принимали самое горячее участіе наравнѣ съ представителями города, чтобы достойнымъ образомъ принять дорогихъ гостей, которые ожидались, судя по времени года съ каждымъ днемъ. Въ виду чего посланы были нарочные въ отдаленные скиѳскіе лѣса за оленями, козами и дикими кабанами, другіе направлены въ садовыя долины за сладкими фруктами, третьи въ Сугдаю за винами, а четвертые въ Пантикапею за сладкотѣлыми мурунами (осетрами) и другаго рода маринованными, солеными и сушеными рыбами, которыя не ловились въ другихъ моряхъ тогдашняго міра.

По распоряженію Самуила, построена была на еврейской площади легкая палатка, въ которой поставлены были рядами высокіе помосты для всѣхъ больныхъ іудеевъ и желавшихъ имѣть новые зубы **), такъ какъ въ числѣ хро-

---

*) Въ переводѣ: годовыя. Обычай этотъ и теперь изрѣдка практикуется. Такъ напр., въ прошломъ 1881 году, одно греческое судно съ молодыми людьми прибыло въ качествѣ хронятиковъ въ Одессу, но не допущено было до сообщенія съ городомъ вслѣдствіе существующихъ безпорядковъ противъ евреевъ.

**) Вставка и пломбировка зубовъ была извѣстна за 500 лѣтъ до Р. Х.

нятиковъ всегда находилось нѣсколько врачей, сдѣлавшихъ новыя открытія въ медицинѣ, цѣлебность которыхъ доказывали на дѣлѣ и затѣмъ уже открывали свои секреты. При каждомъ помостѣ долженъ былъ находиться одинъ грамотей съ листомъ папируса и готовымъ къ письму каламомъ *), чтобы записать средства и разъясненіе этіологическихъ причинъ болѣзни. За балаганомъ этимъ сдѣлано было сѣдалище для жрецовъ и весталокъ, какъ экспертовъ и великихъ знатоковъ врачебнаго искусства. На противоположной сторонѣ площади выставлены были херографы или рукописи на греческомъ языкѣ, въ которыхъ подробно описывались для любопытныхъ путешественниковъ обязанности каждаго гражданина, его профессія и образъ жизни. Кромѣ этого Самуилъ принялъ на счетъ своихъ единовѣрцевъ убранство площади статуй и постройку эстрады передъ акрополисомъ для народнаго собранія, обыкновенно обсуждающаго въ это время законоположенія, требующія измѣненія или дополненія, избирающаго новыхъ чиновниковъ и въ тоже время рѣшавшаго участь важныхъ преступниковъ. Заботясь о послѣднемъ, почтенный равинъ надѣялся повліять на геліастовъ или присяжныхъ, которые избирались изъ всѣхъ гражданъ, присутствующихъ на народномъ собраніи, имѣющихъ право пересматривать и измѣнять рѣшенія. На этотъ разъ равину, какъ-то особенно желалось показать усердіе свое, потому что въ городской темницѣ находилось нѣсколько евреевъ, осужденныхъ въ святотатствѣ жрецами за прикосновеніе грязною рукую къ божественному лику Діаны. Самуилу казалось, что народъ непремѣнно осудитъ ихъ на смерть и постановленіе будетъ исполнено, если геліасты не замѣнятъ казнь изгнаніемъ изъ Херсонеса. Въ числѣ провинившихся былъ одинъ изъ племянниковъ учителя, котораго онъ надѣялся со временемъ поставить на свое мѣсто, но, увы теперь приходилось думать только о его оправданіи, чего не такъ легко было достигнуть при томъ вліяніи, которое оставилъ на судеб-

*) Тростниковая палочка, служившая древнимъ вмѣсто нашего пера. Въ Азіи и теперь употребляются эти палочки и называются *калемами*.

ную власть недавно задушенный профектомъ Макрономъ императоръ Тиверій-Клавдій, ужасная власть котораго доходила до Херсонеса и гдѣ онъ также имѣлъ доносчиковъ, которымъ покровительствовалъ наравнѣ съ прочими за представленіе повода показать свою кровожадность и могущество даже въ отдаленной провинціи.

Если евреи заботились о встрѣчѣ хронятиковъ, то понятно, съ какимъ вниманіемъ относились къ этому важному дѣлу полноправные хозяева города, дорожившіе честью и славою больше, чѣмъ всѣми остальными сокровищами міра. Къ этому граждане Херсонеса знали, что имъ нечего теперь бояться тяготѣвшей надъ ними много лѣтъ варварской руки Тиверія, утверждавшаго, что всѣ люди созданы для рабства,—такъ какъ на римскій престолъ провозглашенъ былъ съ восторгомъ Калигула, сынъ славнаго Германика, успѣвшій на первыхъ порахъ ознаменовать себя добрыми подвигами и обѣщавшій въ будущемъ великія блага для всѣхъ подвластныхъ ему народовъ.

Не менѣе суетились прелестныя гетеры, считавшія себя въ штатѣ служительницъ нѣжной Афродиты и имѣвшія право надѣяться на почести со стороны иностранныхъ гостей, могущихъ найти между ними многихъ, не уступающихъ умомъ и познаніями ни прославленной Аспазіи, ни восхитительной Фринѣ, служившихъ нѣкогда моделью для воспроизведенія лучшихъ статуй знаменитыхъ скульпторовъ. Эти женщины, съумѣвшія заставить народъ вѣрить, что молитвы ихъ имѣютъ свойство отвращать бѣдствія, пріобрѣтали особенное значеніе во время гощенія хронятиковъ на томъ основаніи, что могли занимать ихъ въ ксенодохіяхъ и служить представительницами степени развитія женщинъ Херсонеса. Въ такое время имъ даже власти предоставляли средства улучшать свои наряды и украшенія, потому что отъ красоты и любезности женщины многое измѣнялось въ глазахъ строгаго наставника людей. Проще, въ то время безусловно вѣрили, что красота свободной женщины, при умѣніи управлять языкомъ, не только счастливитъ и опьяняетъ мущину, но и направляетъ къ высокимъ чувствамъ и стремленіямъ; что отъ вліянія красоты соз-

дается поэтъ и художникъ, что передъ красотою всѣ преклоняются и чувствуютъ возрожденія духа,—словомъ красота вездѣ является повелительницею міра, а потому въ сознаніи благъ, происходящихъ отъ вліянія ея, употреблялись всѣ мѣры, чтобы не подвергать нуждамъ и злословію тѣхъ гетеръ или куртизанокъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали своей профессіи по уму и наружнымъ достоинствамъ. Обсуждая положеніе древней гречанки, вступающей въ брачный союзъ съ тѣмъ, чтобы служить государству и давать ему новые живые побѣги, мы находимъ ее съ отроческаго возраста на столько занятою домашними дѣлами, что она не имѣла времени ходить на публичныя зрѣлища или избѣгала ихъ, чтобы не прослыть отвлекающеюся отъ священной обязанности матери, которая прежде всего обязывала ее развивать въ дѣтяхъ мужественность и патріотизмъ. давать имъ примѣры уваженія и чести своимъ поведеніемъ, заботиться, чтобы мужъ смотрѣлъ на нее тоже, какъ на дитя, чуждое понятія соблазновъ, ревности и другаго рода пороковъ. При такой строгой аскетической обстановкѣ, конечно, должны были явиться такія женщины, которыя торжественно отказывались отъ тяжелыхъ семейныхъ узъ и предавались изученію философіи, чтобы не казаться невѣжественными членами въ обществѣ мущинъ, которымъ онѣ имѣли полное право подражать послѣ отверженія обязанностей матери. Естественно, что выступали на поприще это только такія, которыя твердо были убѣждены въ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ увлекать и очаровывать красотою формъ, граціею манеръ и даромъ слова.

При такихъ условіяхъ не всякая красавица могла достигнуть этого высокаго положенія; достигавшія-же пользовались громкою извѣстностію и возбуждали всеобщую зависить со стороны замужнихъ женщинъ, которыя въ тоже время чрезвычайно гордились, если мужья ихъ пользовались благосклонностію этихъ любимицъ народа.

За гетерами древняго міра всегда слѣдовали толпы молодыхъ людей, которымъ онѣ казались какими-то высшими существами и возбуждали въ нихъ желаніе про-

славлять ихъ одами и другаго рода произведеніями, нерѣдко служившими поводомъ развитія художественныхъ талантовъ и толчковъ къ важнымъ твореніямъ. Въ виду такого могущественнаго вліянія даже степенные философы, принимающіе участіе въ хронятикахъ, дѣлали гетерамъ визиты, а иногда и нарочно пріѣзжали изъ отдаленныхъ странъ, чтобы взглянуть и побесѣдовать съ тѣми, имена которыхъ не разъ доходили до ихъ слуха, которыя улыбкою пробуждали дремлющія страсти и приводили въ восторгъ своею игрою на цитрѣ и чудною мелодіею ими-же составленныхъ пѣсенъ. Всѣ эти филантропы отлично знали, что знаменитый Периклъ изумлялъ слушателей своихъ только тѣми рѣчами, которыя составлялись Аспазіею, что геній Сократа развился послѣ дружественныхъ сношеній съ куртизанкою Діотимою; что богоподобная Лівна, ставящая дружбу выше многихъ добродѣтелей, заслужила въ Аѳинахъ статую львицы безъ языка за то, что предпочла умереть въ страшныхъ мученіяхъ, но не выдать тайну заговора Гармодія, извѣстную ей во всѣхъ подробностяхъ.

Таковы были куртизанки древняго міра. А такъ какъ Херсонесъ во многомъ не отставалъ отъ Аѳинъ и старался перенимать отъ него все, что принято было этимъ славнымъ градомъ народной мудрости, то, конечно, и у него было нѣсколько гетеръ, могущихъ, безъ стѣсненія, прославиться въ любой столицѣ міра, еслибъ имъ суждено было не въ этомъ отдаленномъ уголку играть свои плодотворныя роли подъ маскою свободныхъ женщинъ. Но изъ всѣхъ между ними отличалась красотою, умомъ, граціею и другими достоинствами Уранія, дочь Парѳенокла, въ честь которой выставлена была уже на площади Аксія похвальная надпись, а впослѣдствіи, когда она умерла, то сооружено было мраморное надгробіе съ представленіемъ эллинки съ двумя сражающимися гладіаторами *).

Уранія наслѣдовала отъ отца своего огромное состояніе, которое строго распредѣлила въ расчетахъ, чтобы

*) Мы указали на эти памятники въ нашемъ Универ. Описаніи Крыма, въ отдѣлѣ древностей Трахейскаго или Херсонесскаго полуострова.

оно хватило ей на роскошную обстановку, праздничную жизнь и пособіе бѣднымъ. Обязанная въ числѣ прочихъ гражданъ давать мѣстному пританису отчетъ о способахъ, доставляющихъ ей средства къ существованію, она для избѣжанія этого выставила у дверей своихъ мраморную доску съ надписью, что владѣетъ 200000 минами *), которыя распредѣлила на 100 лѣтъ. На случай-же смерти раньше ста лѣтъ весь запасъ предназначила въ пользу городскаго гимназіума и ремесленныхъ заведеній для воспитанія дѣтей, какъ павшихъ въ битвахъ за отечество, такъ равно и тѣхъ, которыя сдѣлали что-нибудь полезное для согражданъ. Въ заключеніе она заявляла, что намѣрена всю жизнь держаться партіи патріотовъ. Послѣднее требовалось въ то время отъ всѣхъ горожанъ, которые не смѣли оставаться нейтральными подъ угрозою лишенія правъ гражданства, которое, какъ извѣстно, пріобрѣталось происхожніемъ отъ свободныхъ родителей.

Уранія чаще всего принимала у себя архонта и членовъ городскаго совѣта, съ которыми вела рѣчь о дѣлахъ, касающихся общаго блага. Кромѣ этихъ почтенныхъ старцевъ къ ней часто заходилъ молодой воинъ Ксанѳъ, пользующійся ея безпредѣльною дружбою и не разъ уже доказавшій соотечественникамъ свою храбрость, ловкость и готовность умереть за славу отечества. Послѣ Ксанфа Уранія посвящала многіе часы на бесѣду съ молодымъ еврейскимъ учителемъ Ананомъ-Симономъ, который съ особеннымъ умѣніемъ разъяснялъ ей библейское ученіе и изрѣченія великихъ пророковъ и который пользовался въ средѣ гражданъ Херсонеса уваженіемъ за разумъ и обширныя познанія въ искусствѣ терапіи.

Уранію всего больше изумлялъ Ананъ разсказами объ ожидаемомъ ими Мессіи, давно уже обѣщанномъ Богомъ, для спасенія человѣчества отъ первороднаго грѣха, соединенія ихъ въ едино стадо и предоставленія счастія и блаженства, которому не будетъ конца.

---

*) Мина содержала 100 драхмъ; 12-ть минъ составляли одинъ талантъ, равняющійся нашимъ 1450 рублямъ.

— Отчего-же этотъ Мессія до настоящаго времени не является? спрашивала молодая женщина, когда учитель оканчивалъ о немъ свое повѣствованіе на основаніи пророчествъ.

— Дѣла Божія непостижимы для нашего ума, но мнѣ кажется, что время настало; что Спаситель людей нынѣ находится въ священномъ градѣ.

— Отчего-же вы не пошлете кого-нибудь въ Іерусалимъ, чтобы убѣдиться въ этомъ?

— Оттого, что мы привыкли ожидать этихъ свѣдѣній отъ первосвященниковъ нашихъ, которые обязаны сообщать о всемъ чрезвычайномъ подвластнымъ имъ раввинамъ. Но увы, съ тѣхъ поръ, какъ въ Палестинѣ царствуетъ Иродъ, а въ главѣ синагоги стоятъ Анна и Каіафа, мы ни разу не видѣли нарочнаго посланника, что заставляетъ меня думать, что въ святомъ градѣ происходятъ какія-нибудь важныя событія.

— Я такъ увлечена, Ананъ, твоими разсказами о Мессіи, что не прочь дать тебѣ необходимыя путевыя издержки до Іерусалима и обратно но съ тѣмъ, чтобы ты первой мнѣ сообщилъ ученіе этого небеснаго посланника. Это знаніе придало-бы мнѣ больше цѣны въ глазахъ посѣтителей моихъ.

— Я охотно исполню твое желаніе, госпожа моя, послѣ отъѣзда хронятиковъ. Авось между ними найдется кто-нибудь, который сообщитъ намъ о творившемся въ настоящее время въ обѣтованной землѣ.

— Я буду ждать тебя Ананъ — сказала гетера, подымаясь съ мѣста и прощаясь съ учителемъ. — Надѣюсь, что ты сообщишь мнѣ немедленно о всякой новости.

Три дня спустя жители Херсонеса въ праздничныхъ нарядахъ съ зелеными вѣтвями въ рукахъ толпились на главной городской пристапи въ ожиданіи приближающагося къ нимъ на всѣхъ парусахъ большаго судна, наполненаго народомъ. Только что карабль съ хронятиками остановился, жрецы со штатомъ музыкантовъ и пѣвчихъ запѣли священный гимнъ въ честь боговъ, покровительствующихъ знанію и художествамъ. Тотъ-же гимнъ пропѣтъ былъ и на суднѣ. Послѣ чего выдвинул-

ся въ мантіи своей архонтъ съ другими представителями городской власти и просилъ давно ожидаемыхъ гостей перейти въ приготовленныя для нихъ помѣщенія и хозяйничать въ ихъ градѣ, какъ въ собственномъ домѣ.

„Все что вы скажите, все чего вы потребуете и все, чему вы научите насъ — прибавилъ онъ — все будетъ принято по братски и дружески. Оставляю вамъ толпу слугъ, которымъ приказано указать приготовленные вамъ дома и исполнять въ точности всѣ желанія. Сказавъ это, архонтъ удалился съ пристани.

Мѣсто его заняла славная Уранія.

— Позвольте и мнѣ, добрые филантропы и мудрецы —сказала она звонкимъ мелодическимъ голосомъ—привѣтствовать васъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ нашъ охраняемый богами градъ! Для насъ, отдаленныхъ отъ общей матери нашей, дѣтей, большое благо свидѣться съ единокровными братьями, которые везутъ намъ свѣдѣнія о родимой и ея послѣднія наставленія, пожеланія и благословенія. Не теряйте-же времени на продолжительный отдыхъ, если въ немъ не предстоитъ особенной надобности, потому что братья будутъ васъ ждать съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ.

Прелестная женщина, окончивъ свое привѣтствіе, повернулась и быстрыми шагами нагнала архонта, съ которымъ скрылась вдали.

— Что это за женщина? спрашивали сходящіе на пристань гости.

— Это наша знаменитая Уранія, удостоенная похвальною надписью на площади заслугъ — отвѣчали туземцы.

— Гетера Уранія? Такъ это она, о которой такъ много говорятъ плавающіе по понту Эвксинскому? Какая прелестная наружность, какая осанка, какія восхитительныя формы стана?

Подобныя восклицанія сдѣланы были всѣми хронятиками, что очень понравилось Анану, прислушивающемуся къ каждому слову гостей съ цѣлью не удастся-ли ему открыть въ средѣ ихъ хоть одного единоплеменника, такъ-какъ судохозяинъ собиралъ представителей

различныхъ городовъ въ качествѣ пассажировъ изъ своихъ расчетовъ.

По выходѣ всѣхъ гостей Ананъ самъ взошелъ на судно, чтобы поразспросить у шкипера не было-ли въ числѣ пассажировъ его евреевъ.

— Ты очень кстати пришелъ—отвѣтилъ хозяинъ судна — у меня лежатъ больными отъ качки два еврея, взятые въ Византіи, я извѣстилъ ихъ о благополучномъ нашемъ пріѣздѣ, но они пока не въ силахъ ходить. Сказавъ это, морякъ указалъ учителю, гдѣ онъ найдетъ на суднѣ желаемыхъ лицъ.

Ананъ вошелъ въ трюмъ судна и, дѣйствительно, увидѣлъ двухъ единовѣрцевъ своихъ блѣдныхъ, измученныхъ морскою болѣзнію. Взявъ ихъ за руки, онъ вывелъ на воздухъ и немедленно оказалъ всѣ пособія, какія ему были извѣстны противъ этой мучительной болѣзни. Затѣмъ, пославъ за носилками, онъ отправилъ больныхъ въ зданіе общины, имѣвшееся при синагогѣ, обѣщая имъ отмѣнное радушіе со стороны всего кагала и немедленное умовеніе ногъ самимъ раввиномъ.

Тѣмъ временемъ хронятики размѣстились въ лучшихъ городскихъ зданіяхъ, на стѣнахъ которыхъ для свѣдѣнія ихъ выставлены были херографы, подробно знакомящіе со всѣми законоположеніями, обычаями, храмами и другими учрежденіями.

Пробѣжавъ все написанное, гости сѣли за пышный обѣдъ и начали обдумывать программу своихъ дѣйствій. Когда порѣшенъ былъ этотъ важный вопросъ, архидаскалъ собранія добавилъ о необходимости сдѣлать визитъ прелестной гетерѣ Ураніи, о чемъ сообщить ей заблаговременно для свѣдѣнія.

— Такъ и слѣдуетъ, такъ и слѣдуетъ! отвѣчали сотоварищи, взявшись за потыри, налитые виномъ. Выпьемъ же. братья, за неувядаемость этой красавицы.

На слѣдующій день гости, въ главѣ архидаскала своего Аполлонія, философа пиѳагорійской школы, силившагося оживить согражданъ своихъ и сдѣлать достойными предковъ—выступили изъ ксенодохій и направились къ архонту маленькой республики, считающейся со времени смерти Митридата Римскою провинціею.

— Да помогутъ мнѣ милостивые боги — сказалъ архонтъ, выходя на встрѣчу къ гостямъ — принять васъ, славные единоплеменники, съ подобающимъ почетомъ. Милости просимъ вступить въ нашу обитель и распоряжаться по личному желанію.

Хронятики вступили въ обширную пріемную и возлегли на мягкихъ сѣдалищахъ, передъ которыми выставлены были табуреты съ явствами. Когда почтенные люди подкрѣпились утреннимъ завтракомъ, архонтъ приказалъ отворить противоположныя двери и пригласить первостепенныхъ гражданъ въ пріемную для бесѣды съ иностранцами. Затѣмъ онъ обратился къ архидаскалу или главѣ учителей съ вопросомъ, не пожелаетъ ли онъ ознакомить представителей Херсонскихъ гражданъ съ своимъ именемъ, мѣстомъ рожденія и избраннымъ направленіемъ для блага людей?

— Меня именуютъ Аполлоніемъ каппадокійскимъ—отвѣчалъ чрезвычайно красивый, среднихъ лѣтъ мущина, смотря на публику — я сынъ пиѳагоровой философіи, врагъ роскоши и шумныхъ удовольствій, малотерпимый аскетъ и казавшійся мистикъ. Для меня безразличны всѣ догматы религій, ничтожны мнѣнія и преданія, я хочу только одного: сдѣлать людей гражданами, а гражданъ людьми, я возмущаюсь противъ тѣхъ, которые подавляютъ свободное развитіе въ ближнемъ духовныхъ силъ и противъ тѣхъ, которые нарушаютъ путемъ насилія существующіе порядки. Истинное благо тогда только есть благо, когда оно является подобно свѣту во мракѣ или подобно мелкому дождю, который постепенно всасывается въ землю, но никогда не принесетъ пользы тотъ ливень, который отважными потоками прокладываетъ себѣ путь и гибнетъ безъ слѣдовъ добра въ необъятномъ Океанѣ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ мое направленіе. Если ученіе мое заинтересуетъ гражданъ Херсонеса, то я сочту за особенное удовольствіе изложить мои взгляды на обязанности тѣхъ, кто считаетъ себя человѣкомъ и гражданиномъ.

— Мы будемъ очень благодарны за каждое слово твое, произнесенное для блага юношества нашего—отвѣчалъ архонтъ, хотя мы старались и стараемся до на-

стоящаго времени требовать отъ всѣхъ, чтобы дѣти ихъ учились всѣмъ словеснымъ наукамъ, гимнастикѣ и музыкѣ и очень довольны, что до слуха нашего не доходятъ поступки, свидѣтельствующіе о неблагодарности дѣтей къ родителямъ. Исключеніемъ служатъ, конечно, такіе, которыхъ отцы ничему не хотѣли учить, а впослѣдствіи вздумали требовать отъ нихъ пособія.

Послѣ этого архонтъ спросилъ, какъ живетъ императоръ и есть ли надежда для провинцій узрѣть его милости?

— Какъ бы тебѣ отвѣтить на это, чтобы не оскорбить слухъ добраго гражданина—сказалъ Аполлоній— если Тиверій-Клавдій-Неронъ дошелъ на тронѣ до такого варварства, что казнилъ дѣтей и дѣвственницъ, предавая послѣднихъ предварительно насилованію палачей, чтобы не преступать закона, и безпрестанно декламировалъ нашъ стихъ: „послѣ моей смерти хоть сгори земля“, то клянусь тебѣ, что теперешній императоръ Кай кесарь-Калигула, изъявившій уже желаніе уничтожить всѣ произведенія Гомера, Ливія и Виргилія, изъ зависти къ ихъ заслугамъ, скоро сдѣлается такимъ тираномъ, какого еще не создавали боги.

Слова эти изумили Херсонесцевъ, которымъ не переставали чудиться доносщики прошлаго царствованія. Замѣтивъ это, Аполлоній поднялся съ мѣста и съ словами: „радуйся, господинъ“ направился къ выходу. Всѣ остальные послѣдовали за нимъ.

Отъ архонта хронятики направились къ площади заслугъ, гдѣ ихъ ожидала Уранія, Ксаноъ и Ананъ съ разставленными на пьедесталахъ статуй сладостями и амфорами съ виномъ. Красавица, пригласивъ гостей къ отдыху и прохлажденію нектаромъ, взошла на высокій форумъ и начала свою рѣчь слѣдующими словами:

„Потомки великаго народа! Передъ вами стоитъ Фрина, но не та несчастная женщина, которую обвиняли въ обольщеніи неопытнаго юноши и которая ради спасенія своего должна была сбросить съ себя тунику съ пеплусомъ, чтобы оправдаться красотою формъ передъ изумленными судьями, а Фрина иной страны съ именемъ Ураніи,—Фрина, посвятившая себя свободѣ и службѣ отечественному городу, чтобы жертвовать всѣмъ безъ

исключенія, когда это нужно будетъ для чести, достоинства и славы, и не та Фрина съ статуями въ храмахъ вашихъ, которая, тщеславясь своею красотою, держала пари, что сведетъ съума Ксенократа, не считая это святотатствомъ. Намекая на послѣднюю выходку вашей женщины, я имѣю въ виду выяснить передъ тобою, мудрый Аполлоній, что самохвальство гетеръ нашей страны никогда не доходило до такого безобразія, что мы больше принадлежимъ къ школѣ Аспазіи и Ліэны и остаемся свободными только для того, чтобы имѣть право входить въ общество мущинъ и наравнѣ съ ними трудиться въ интересахъ отечества. Вотъ какая гетера встрѣчаетъ тебя сегодня на площади заслугъ, гдѣ поставлена и ей похвальная надпись снисходительными гражданами! Надѣюсь, что ты и дружина твоя теперь не станутъ судить обо мнѣ ошибочно и охотно каждый изъ васъ выскажетъ мнѣ свои завѣтныя мысли, если пожелаетъ видѣть во мнѣ ревностнаго проповѣдника и борца за истину.

— Женщина! сказалъ Аполлоній, выслушавъ Уранію— изъ немногихъ словъ твоихъ я понялъ, что ты вѣришь въ загробную жизнь, потому что жертвующіе всѣмъ для блага отечества, надѣются вѣчно жить; но если ты не уяснила себѣ, что еще необходимо для полнаго благополучія твоего, то дай мнѣ позволеніе сказать, что всякаго рода воздержаніе послужитъ для тебя лучшимъ средствомъ для соблюденія бодрости духа и чистоты тѣла. Когда я подвизался на службу человѣчеству, то въ сознаніи, что и мясная пища омрачаетъ умъ, отказался отъ нея и взялъ только то, что сама земля предлагаетъ человѣку. Впослѣдствіи я снялъ съ себя кожаную обувь и шерстяное платье, чтобы доказать міру, что человѣчество можетъ существовать безъ содѣйствія животныхъ и что одни только лѣнивыя животныя могутъ нуждаться въ людяхъ. Уранія, я вижу въ тебѣ избранницу неба, которой суждено озарить отечественный градъ свѣтомъ истины, но для этого тебѣ предстоитъ начать съ очищенія желудка. Иди смѣло впередъ, но тихими и вѣрными шагами, не задѣвая и не сталкивая никого съ дороги, помогай, служи и наставляй соте-

чественниковъ твоихъ въ благахъ завѣщанныхъ моимъ великимъ учителемъ. Да благословятъ тебя боги и да руководитъ тобою геній Пиѳагора! Я окончилъ мое слово и надѣюсь предварительно переселенія моего съ земли услышать кое-что о будущихъ славныхъ подвигахъ дочери Парѳенокла Херсонскаго.

— Едвали я буду въ силахъ сдѣлать что-нибудь такое, которое достигло бы до родины твоей—отвѣчала Уранія.

— Кто знаетъ будущее? Въ Иліаду Гомера попалъ и шорникъ.

— Твоя правда, но я отлично знаю, что каждый олимпійскій побѣдитель имѣлъ право на статую, однако статуя его выставлялась только послѣ 3-хъ кратной побѣды. Такому правилу придерживаются и наши граждане. Ужъ не сдѣлать ли мнѣ чего-нибудь ужаснаго, чтобы имя мое еще разъ прозвучало въ ушахъ твоихъ?

Аполлоній сердито взглянулъ на красавицу, но ничего не произнесъ.

Его молчаніе дало поводъ заговорить стоящему около Ураніи молодому художнику.

— Если ужасное возмутительно во время акта—сказалъ онъ, то оно прелестно и восхитительно на картинѣ, когда вѣрно изображено мастерскою рукою. По крайней мѣрѣ я тѣхъ убѣжденій, что еслибъ мнѣ пришлось изобразить тебя, ну хоть въ обществѣ двухъ сражающихся гладіаторовъ, то живопись признаваемая знатоками за нѣмую поэзію, обратилась бы въ говорящую поэзію.

— Я готова удовлетворить твоему желанію, чтобы взглянуть на твое искусство и обезсмертить твой пріѣздъ въ нашъ городъ.

— Какимъ же образомъ ты этого достигнешь?

— Я прикажу переснять твой рисунокъ на мое надгробіе предъ моей смертью.

— Въ такомъ случаѣ назначь мнѣ время и я приду нарочно, чтобы сдѣлать твой портретъ.

Послѣ этого разговора гости, сопровождаемые Ураніею, Ксаноомъ и Ананомъ, осмотрѣвъ всѣ статуи и надписи въ честь доблестныхъ людей, отправились къ

акрополису или народному собранію, гдѣ толпились уже сотни гражданъ, заинтересованныхъ городскими интересами и гдѣ для хронятиковъ приготовлены были заблаговременно почетныя мѣста.

Уранія посадила около себя Аполлонія и тихо сказала ему, что сегодня будутъ судить нѣсколько молодыхъ евреевъ, которые безъ всякаго злаго умысла ощупали руками ликъ статуи Діаны изъ желанія опредѣлить достоинство мрамора. Жрецъ же приписалъ это желанію осквернить богиню и требуетъ ихъ казни.

— Кто будетъ защищать обвиняемыхъ! спросилъ мудрецъ.

— Всѣ, кому ни предлагали эту защиту, отказались изъ боязни божества.

— Отчего же ты сама не возьмешь на себя этой роли: ужъ не боишься ли, чтобы адвокатскій paenulae (плащъ) обезобразилъ тебя въ глазахъ народа?

— Меня могутъ не допустить судьи до форума на томъ основаніи, что женщина во всякомъ возрастѣ считается несовершеннолѣтнею.

— А ты не знаешь, кто призванъ въ качествѣ свидѣтеля?

— Самъ жрецъ и его сослуживцы.

— Еще одинъ вопросъ: твердо ли ты увѣрена, что обвиняемые не заслуживаютъ наказанія за другіе проступки?

— Они еще молоды и не испорчены душою.

— Въ такомъ случаѣ надѣйся, Уранія, что Аполлоній Тіанскій будетъ выше предразсудковъ толпы и явится на форумѣ въ качествѣ заступника недозрѣвшихъ членовъ чужой общины.

Гетера поблагодарила архидидаскала и что-то шепнула на ухо Анану.

Часъ спустя открыто было народное собраніе и горячо обсуждались самые ничтожные вопросы. Всѣ присутствующіе хронятики принимали участіе въ диспутахъ и до такой ясности доводили дѣло, что народъ громогласно выражалъ свое удовольствіе. Молчаливымъ оставался только одинъ Аполлоній, отъ котораго ожидали какихъ-то чудесъ.

По окончаніи всѣхъ важныхъ дѣлъ выставлены были молодые іудеи, обвиняемые въ святотатствѣ. Народъ зашумѣлъ и послышались угрозы дерзкимъ пришельцамъ. Вызванные къ форуму свидѣтели ясно и категорически сообщили видѣнное собственными глазами и требовали смертной казни, чтобы смыть безчестіе, нанесенное великой покровительницѣ города. У несчастныхъ молодыхъ людей сперлось дыханіе и начали дрожать ноги. Уранія и Ананъ съ трепетомъ бросали взгляды на Аполлонія, не подымавшаго во все время головы.

— Кто скажетъ въ защиту этихъ несчастныхъ слово? послышался громкій голосъ съ форума.

При этомъ вопросѣ прекрасное лицо Аполлонія освѣтилось какимъ-то величіемъ и онъ, поднявшись съ мѣста, направился къ эстрадѣ.

Въ народѣ послышался гулъ: „великій философъ, любимецъ боговъ, краса Аѳинъ и Рима! молчите, внимайте!

„Граждане—люди счастливаго Херсонеса! заговорилъ онъ—я слушалъ съ изумленіемъ и наслажденіемъ все, что говорилось и совершалось на этомъ мѣстѣ. Ваши представители и руководители не уступаютъ въ чести, правдѣ и заботливости лучшимъ современнымъ мудрецамъ міра и нѣтъ сомнѣнія, что они заслужатъ отъ благодарныхъ согражданъ вѣнки безсмертія, чтобы явиться въ другомъ, болѣе отрадномъ мірѣ съ доказательствами любви и самоотверженія на благо ближняго. Въ виду всего этого я не желалъ бы, чтобы сегодняшнія дѣянія ихъ обагрены были кровавыми пятнами безсмысленныхъ юношей и слезами ихъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ. Неужели вы дерзнете себя считать сильнѣе и правосуднѣе великой Діаны? Неужели вы думаете, что оскорбленная богиня сама не могла бы сокрушить дерзкихъ, еслибъ замѣтила въ нимъ тайное желаніе осквернить ее? Скажите мнѣ, который изъ служителей боговъ и богинь не прикасается къ ихъ ликамъ руками не всегда чистыми? А разумъ говоритъ, что законодатель тогда только вправѣ обвинять другихъ въ нарушеніи постановленій своихъ, когда самъ въ точности исполняетъ ихъ. Мнѣ помнится, что подобное обвиненіе од-

нажды пало въ Памфліи на молодую женщину, которая не хотѣла сама оправдываться предъ обвиняющими ее, но когда постановлено было обезглавить ее, тогда одна старушка вышла къ судьямъ и доказала имъ, что они этимъ убійствомъ только исполнятъ затаенную мысль ея племянницы, которая давно ищетъ смерти, но боится грѣха наложить на себя руки. Несчастная влюблена до безумія въ молодаго человѣка, который не замѣчаетъ этого—добавила тетка—и чтобы достигнуть сочувствія она начала ходить въ храмъ Венеры и ежедневно чесать ей руками волосы и показывать зеркало. Дѣлая это съ апокрифическимъ умысломъ заслужить помощь богини, она поймана была на мѣстѣ и обвинена въ преступной цѣли, потому что считала позоромъ открыть тайну сердца. Я вамъ сказала, архонты, правду—заключила старуха, изъ нежеланія взвалить на васъ тотъ грѣхъ, который не желала взять на душу свою невинно обвиненная вами. Теперь дѣлайте съ нею, что хотите. Подумайте же Херсонесцы, что вы находитесь въ такомъ точно состояніи, какъ судьи Памфліи. Эти несчастные также молчатъ, подобно влюбленной дѣвушкѣ. Я увѣренъ, что эти молодые люди сдѣлали проступокъ свой безъ сознанія божественности нашихъ статуй, такъ какъ и мы не признаемъ въ ихъ святостяхъ ничего божественнаго. Потребуйте отъ нихъ искупить свою вину наемомъ весталки, которая бы въ теченіи года омывала статую благовонными водами и покровительница ваша останется вполнѣ удовлетворенною.

— Онъ правъ! онъ правъ! заревѣла толпа. Да будетъ по его слову!

Аполлоній окинулъ взозомъ собраніе и также важно спустился съ эстрады.

Іудеи обложены были денежною пенею въ 500 драхмъ и отпущены на свободу.

Народъ началъ расходиться. Всѣ же хронятики, распредѣлившись на группы, послѣдовали за почетнѣйшими гражданами города, пригласившими ихъ на пирушки съ *коттабосами* *). Къ Ураніи подошла цѣлая толпа са-

---

*) Коттабосомъ называласѣ у древнихъ грековъ игра, состоящая въ выплес-

марянокъ и въ томъ числѣ раввинъ съ выраженіемъ благодарности за оказанное ею участіе къ судьбѣ молодыхъ іудеевъ, заранѣе обреченныхъ родителями на смерть или позорное изгнаніе изъ отцовскаго дома.

Тѣмъ временемъ прибывшіе одновременно съ хропятиками два іудея изъ Іерусалима, оправившись окончательно отъ болѣзни, оба оказались изъ колѣна Левія.

Первый Іосифъ былъ служителемъ великаго храма, а послѣдній слѣдовалъ за нимъ въ качествѣ прислужника и охранителя. Раввину также было извѣстно, что они присланы съ чрезвычайными новостями и дарами для ихъ синагоги, но въ чемъ состояли эти новости — онъ не могъ узнать, такъ какъ Іосифъ желалъ передать ихъ въ присутствіи старѣйшинъ всей общины.

Самуилъ, покорный всякому приказу, слѣдуемому изъ священнаго града, подъ вліяніемъ хорошаго настроенія чувствъ, послѣ оправданія племянника, немедленно послалъ за гостями и всѣми представителями общины, которымъ устроилъ праздничный пріемъ со всѣми знаками гостепріимства, завѣщеннаго библейскими правилами.

Послѣ вечерней трапезы и отдыха, Іосифу предоставлено было возвышенное мѣсто съ просьбою повѣдать свою миссію.

„Да будетъ всѣмъ вамъ извѣстно—началъ рѣчь свою гость—что я прибылъ отъ благодушнаго и высокоумнѣйшаго первосвященника храма Іерусалимскаго Каіафы съ рукописями священнаго писанія въ даръ вамъ, чтобы не погасъ между единовѣрцами свѣтильникъ вѣры блаженныхъ патріарховъ и пророковъ и чрезвычайнымъ сооб-

---

киваніи недопитаго вина на металлическую чашку, поставленную въ отдаленіи на короткомъ подпорѣ надъ большимъ сосудомъ, причемъ чашечка опрокидывалась и со звономъ падала въ сосудъ. Большой сосудъ, надъ которымъ возвышалась балансирующая чашечка, по обыкновенію былъ подножіемъ свѣтильника, который украшался при этомъ гирляндами изъ розъ, такъ какъ игра коттабосъ имѣла и эротическое значеніе и служила для молодыхъ людей оракуломъ любви. Вмѣстѣ съ тѣмъ коттабосъ служила для состязаній въ ловкости и призами назначались пестрыя ленты, вѣнки, яйца, лакомства и поцѣлуи. Чаще всего она устраивалась въ честь женщинъ и дорогихъ гостей, чтобы служить предметомъ для оживленныхъ разговоровъ и требовала много ловкости и упражненія, такъ какъ, изогнувъ руку, нужно было выплеснуть вино такъ ловко и сильно, чтобы оно образовало дугу и упало прямо на цѣль, причемъ ни одна капля не должна была пролиться. Чаще всего изображеніе этой игры мы встрѣчаемъ на античныхъ вазахъ.

щеніемъ событія, которое взволновало не только граждань священнаго града, но и всѣ почти сосѣдніе села и города. Обстоятельство это заставило первосвященника нашего изъ боязни, чтобы событіе это, при содѣйствіи злонамѣренныхъ людей не совратило сыновъ израиля съ пути истинныхъ заповѣдей, сдѣлать распоряженіе, чтобы разосланы были нарочные во всѣ концы, гдѣ обитаютъ іудеи для предупрежденія ихъ отъ дьявольскихъ навожденій. На мою долю выпалъ жребій ѣхать въ Таврику и Босфоръ...

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ нетерпѣливый Самуилъ.

— Дѣло въ томъ, что давнымъ давно образовавшееся общество воспроизвести обѣщаннаго нашимъ предкамъ Мессію, достигло наконецъ своей цѣли.

— Мы не понимаемъ твоихъ словъ, замѣтилъ раввинъ Самуилъ, ужъ если ты намекнулъ о какомъ-то обществѣ, то долженъ дать намъ самое точное объясненіе, кто составлялъ это общество и въ какихъ видахъ?

— Такъ какъ замѣчаніе твое, равви, совершенно основательно, то я долженъ разсказать вамъ все сначала. Вы знаете, конечно, что Мессія обѣщанъ былъ намъ изъ рода царя Давида, отъ котораго оставался только одинъ вдовецъ Іосифъ столяръ и Іоакимъ, женатый на Аннѣ, происходившей изъ рода Аарона. По мнѣнію галлилеянъ Мессія долженъ родиться не иначе, какъ отъ двухъ этихъ послѣднихъ представителей, но первый былъ уже старъ, а у послѣднихъ не было, въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣтей. Это ужасно не нравилось галлилеянамъ. Но какова была ихъ радость, когда Іоакимъ и Анна, поклявшіеся всенародно, что если Іегова даруетъ имъ плодъ въ знакъ благоволенія, то они отдадутъ его на служеніе Ему—вдругъ освѣдомились, что добродѣтельная жена восприяла его. Тогда нѣсколько изъ ученѣйшихъ галлилеянъ рѣшили во чтобы ни стало воспользоваться новорожденнымъ, если онъ по полу своему будетъ подходить къ ихъ цѣли.

— Я прерву тебя вопросомъ, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, потрудись объяснить намъ, желали ли они это сдѣлать по одной прихоти или же по внуше-

нію милостиваго Бога, потребовавшаго отъ нихъ этого дѣла?

Ораторъ замялся и съ свойственною книжникамъ дерзостію отвѣчалъ: такъ какъ въ пророчествахъ объ участіи стороннихъ лицъ ничего не говорится, то мы не властны задаваться подобными вопросами. Слушайте, братья, дальше. Новорожденную, согласно обѣту, передали въ храмъ, такъ какъ къ ужасу ихъ она оказалась дѣвочкою. Но, вслѣдъ затѣмъ у заговорщиковъ блеснула надежда сдѣлать ее матерью Мессіи.

— То есть посодѣйствовать исполненію пророчества, подсказалъ тотъ же голосъ.

— Кто этотъ несчастный, спросилъ Іосифъ, который перерѣчитъ мнѣ?

— Это я, отвѣтилъ одинъ изъ гостей, я которому нѣсколько лѣтъ слышится таинственный голосъ о пришествіи въ міръ такъ долго ожидаемаго нами Спасителя.

— Братья, удалите изъ среды вашей этого человѣка, заразившагося духомъ лжепророчества, если желаете слушать меня.

Собраніе оглянулось, но не осмѣлилось возражать, такъ какъ говорившій былъ учителемъ и настолько былъ мудръ въ познаніяхъ, что нерѣдко приглашался къ мѣстному архонту на совѣщаніе.

— Не возмущайся, нашъ добрый гость—замѣтилъ сынъ Ахея—тебѣ никто не осмѣлится противорѣчить въ моемъ домѣ. Мы всѣ слушаемъ тебя съ такимъ же вниманіемъ, какъ и Ананъ, показавшійся тебѣ богоотступникомъ. Продолжай же напрасно прерванную рѣчь.

— Дочь Іоакима поступила въ храмъ — продолжалъ гость — и благодаря заботливости священнослужителей не имѣла ни малѣйшаго понятія о порокѣ. Это радовало заговорщиковъ и имъ удалось на удачу привѣтствовать Марію, что отъ нея родится Мессія, котораго она должна будетъ нарѣчь Спасителемъ и помазанникомъ. Но такъ какъ Маріи предстоялъ выходъ изъ храма, а она не имѣла, куда преклонить главы, то Галлилеяне для того, чтобы не противорѣчить словамъ пророка, задумали обручить ее съ послѣднимъ представителемъ дома Давидова устарѣвшимъ Іосифомъ столяромъ.

— Ели ты не лжешь—проговорилъ громко Ананъ, то я начинаю слушать тебя съ благоговѣніемъ, такимъ путемъ долженъ прійти агнецъ Божій.

Іосифъ поспѣшилъ прервать его.

— Всѣхъ заговорщиковъ было 12-ть человѣкъ. Они, не смотря на бѣдность свою, много странствовали и чрезвычайно многому учились у грековъ и римлянъ и создали себѣ идею восторжествовать надъ всѣми народами новаго рода философіею, которой захотѣли придать божественное происхожденіе. Для достиженія этого имъ былъ нуженъ мальчикъ изъ поколѣнія царя Давида, которому легко было вслѣдствіе всеобщаго ожиданія присвоить славное имя Мессіи и затѣмъ воспитать и образовать его въ точномъ смыслѣ пророчествъ. Цѣль ихъ достигнута была, когда нарѣченная жена Іосифа, прибывъ въ Виолеемъ, произвела на свѣтъ Божій сына.

Ананъ въ это время пригнулся къ уху Самуила—Ахея и предложилъ ему спросить у оратора, не сопровождалось ли явленіе это какими-нибудь чудесами? Хозяинъ дома громко повторилъ этотъ неожиданный вопросъ.

— Чудо было, но случайное—отвѣчалъ Іосифъ—на небѣ явилась странной формы въ видѣ короны чрезвычайно свѣтлая звѣзда, заставившая многихъ изъ волхвовъ не только заговорить о рожденіи какого-то безсмертнаго царя, но даже придти въ Виѳлеемъ поклониться новорожденному, какъ Богу и царю.

Наши ученые полагаютъ, что волхвами были одѣты друзья 12 заговорщиковъ.

— А неизвѣстно ли вашимъ книжникамъ, кто выставилъ на небо предсказанную звѣзду? спросилъ Ананъ-Симонъ.

Іосифъ представился не слышавшимъ этого вопроса и продолжалъ:

— Вотъ такъ началась жизнь лжепророка, который впослѣдствіи, окруживъ себя тѣми 12-ю мудрецами-заговорщиками, которые подготовляли его къ проповѣди, вскорѣ вселилъ къ себѣ такое довѣріе народа, что книжники и вообще люди, уважающіе заповѣди и святые законы Моисея, должны были потребовать его казни, чтобы предупредить явленіе богохульниковъ.

— И вы его распяли? вскрикнулъ Ананъ съ ужасомъ, подымаясь съ мѣста.

— Да, распяли; но кто успѣлъ сообщить тебѣ эту вѣсть?

— И вы распяли Мессію, посланника Божія? Того, кто долженъ былъ вдохнуть намъ новую жизнь и сдѣлать царями міра? Полно, гость, не пришелъ ли ты насъ обманывать или напрямикъ увѣрить, что Мессія былъ уже на землѣ, такъ какъ надъ тѣмъ, котораго вы въ осѣпленіи признаете лжепророкомъ, въ точности сбылись предсказанія пророковъ.

— Перестань, Ананъ, мудрствовать тамъ, гдѣ не слѣдуетъ этого дѣлать — возразилъ болѣе мягкимъ тономъ Іосифъ—неужели всѣ ученые Іерусалима были глупѣе тебя? Неужели бы никто изъ насъ не могъ отличить помазанника Божія отъ сына дѣвы Маріи, рожденнаго въ жалкой пещерѣ, гдѣ запирались овцы и куда тебя не загнала бы даже буря?

— Конечно, конечно! закричало нѣсколько голосовъ. Но Ананъ не хотѣлъ болѣе слышать ни оратора, ни публики. Онъ быстрыми шагами направился въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣлъ въ глубокой задумчивости молодой слуга и сопутникъ Іосифа.

— Ты тоскуешь, мой другъ, въ одиночествѣ—сказалъ Ананъ — пойдемъ ко мнѣ, а я постараюсь доставить и пищу и развлеченіе дорогому гостю.

Молодой человѣкъ молча повиновался.

Нѣсколько минутъ спустя Ананъ ввелъ гостя въ домъ свой и разсказалъ матери и отцу, откуда онъ прибылъ. Старики посмотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ на того, кто пріѣхалъ изъ священнаго города. Накормивши гостя своего, учитель слегка коснулся рѣчи Іосифа о сынѣ Маріи. При этихъ словахъ у молодаго человѣка засверкали глаза.

— Неужели онъ осмѣлился сказать что-нибудь дурное объ этомъ божественномъ человѣкѣ, дѣянія котораго мнѣ подробно извѣстны? спросилъ онъ тихимъ, но внушающимъ довѣріе голосомъ.

— Твой господинъ называетъ его лжепророкомъ и старается предостеречь насъ отъ послѣдователей его ученія.

— Злые люди, они ненавидили его при жизни за истину, за чудеса и любовь къ ближнему, а теперь, когда онъ признанъ за Мессію лицами, окружавшими его и видѣвшими его славу, стараются, наперекоръ убѣжденіямъ, распространять самые нелепые слухи о томъ, который считалъ всѣхъ ихъ мудрецовъ за лицемѣровъ и злыхъ людей.

— Что же они говорятъ? спросилъ Ананъ.

— Во первыхъ они называютъ его нищимъ, живущимъ подаяніями, во вторыхъ человѣкомъ, помѣшавшимся на ученіи эллинскихъ и римскихъ философовъ, и наконецъ дерзкимъ магикомъ, умѣвшимъ обманывать толпу народа.

— А ты какъ думаешь о немъ?

— Если ты обѣщаешь скрыть отъ Іосифа мое убѣжденіе, то я съ особеннымъ удовольствіемъ передамъ тебѣ много такихъ вещей, которыхъ тебѣ никто не разскажетъ. Видишь ли, я провелъ мое дѣтство съ Іисусомъ въ Назаретѣ, а потомъ по переселеніи съ родителями въ Іерусалимъ, всегда почти сопровождалъ его съ тѣми немногими, которые пробыли вѣрными ему до послѣдней минуты.

— Но ты такъ молодъ еще. Неужели все это совершилось недавно?

— Мнѣ 38 лѣтъ—отвѣчалъ Симонъ—а тому, который распятъ, было-бы теперь 39 лѣтъ.

— Такъ онъ умеръ недавно и такимъ молодымъ?

— Шесть лѣтъ тому назадъ, но эти 6-ть лѣтъ нисколько не повліяли на память мою. Вотъ какъ теперь я вижу предъ глазами Божественнаго учителя распятымъ, который вмѣсто проклятій громко молился и просилъ небеснаго Отца простить его варваровъ и мучителей, потому что они не узнали его.

— Симонъ еще одно слово: скажи мнѣ, какъ поступили съ его одеждою?

— Такъ какъ всѣ окружавшіе его воины не могли подѣлиться ею, то былъ брошенъ жребій и она досталась одному, отъ котораго пріобрѣли ее друзья.

Услышавъ эти слова, Ананъ схватилъ себя за голову и отчаянно зарыдалъ.

— Несчастные, несчастные, они распяли обѣщаннаго Богомъ агнца! твердилъ учитель — какое несчастіе для племени Израиля, какая горькая будущность для поколѣній Боголюбимаго народа! О ради Бога Авраама разскажи мнѣ все, все, что тебѣ извѣстно о Спасителѣ нашемъ и повѣдай, кто наставитъ меня въ заповѣдяхъ его.

— Да сподобитъ тебя Іегова этой милости. Я охотно открою предъ тобою путь къ спасенію, если ты послѣдуешь за мною въ Іерусалимъ къ тѣмъ, кому предоставлена власть крещенія Святымъ Духомъ. Къ несчастію я былъ только тайнымъ ученикомъ Іисуса Назареяна и не удостоился никакихъ правъ, хотя и пользуюсь уваженіемъ и любовью какъ матери Господа, такъ и апостоловъ за то, что удостоенъ былъ свыше милостію донести до мѣста распятія крестъ, подъ тяжестію котораго упалъ невинно осужденный агнецъ Божій.

— Какимъ-же образомъ ты рѣшился слѣдовать за тѣмъ, который пріѣхалъ къ намъ нарочно, чтобы не допустить вѣры въ пришествіе Мессіи.

— Наше маленькое общество самымъ внимательнымъ образомъ наблюдаетъ за всѣми дѣйствіями тѣхъ, которые стараются заглушить божественныя сѣмена, посѣянныя сыномъ человѣческимъ. И вотъ, когда они узнали, что Іосифъ посылается съ этою цѣлью въ отдаленныя страны, имъ угодно было предложить мнѣ сопутствовать ему въ качествѣ слуги, но въ тоже время стараться разносить Евангеліе по слѣдамъ врага человѣчества. Іосифъ, котораго ты слышалъ сегодня, одинъ изъ близкихъ служителей первосвященника Каіафы, одинъ изъ первыхъ, потребовавшихъ казни Іисуса, и одинъ изъ кричавшихъ предъ Пилатомъ, не желавшимъ быть повиннымъ въ крови праведника: „распни его, а кровь его пусть падетъ на насъ и дѣтей нашихъ!“

— И этотъ злодѣй осмѣлился явиться къ намъ — вскрикнулъ Ананъ—чтобы осквернить племя непричастное непостижимому злодѣянію, да я готовъ задушить его собственными руками!

— Нѣтъ, Ананъ—остановилъ его Симонъ — если ты

желаешь быть послѣдователемъ Мессіи, то не долженъ дѣлать зла врагамъ его. Я ужъ сказалъ тебѣ, что онъ молился за нихъ на крестѣ.

Эта великая истина показалась сначала непонятною для строгаго исполнителя закона Моисея, но, подумавъ немного, онъ нашелъ въ ней что-то отрадное и величественное даже для человѣка съ врожденными чувствами мести. „Да, мелькнуло у него въ головѣ, если онъ завѣщалъ это, то этимъ доказываетъ свою божественность. Я не долженъ дѣлать зла врагамъ, но сдѣлаюсь служителемъ воли обѣщаннаго и этимъ глубче уязвлю ихъ душу.“ „Ты совершенную правду сказалъ— заговорилъ Ананъ—месть должна быть свойственна только неразумному животному. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ ты вручилъ мнѣ запись тѣхъ законовъ, которые завѣщалъ вамъ небесный наставникъ.

— Онъ потребовалъ отъ міра только два правила: любить Бога отъ всей души и сердца и любить ближняго своего, какъ самого себя. Все остальное онъ выяснилъ предъ нами въ притчахъ и примѣрами. Все это нынѣ записывается нѣкоторыми изъ учениковъ его для того, чтобы передать отдаленному потомству и, вѣроятно, труды ихъ скоро будутъ окончены, если не помѣшаютъ особенныя происшествія.

Ананъ задумался и окончательно пришелъ къ убѣжденію, что ему необходимо ѣхать въ Іерусалимъ для изученія всего завѣщаннаго Мессіею, въ пришествіи котораго онъ болѣе не сомнѣвался. Порѣшивъ на этомъ, учитель Херсонеса захотѣлъ предварительно познакокомиться съ дѣтствомъ Іисуса и затѣмъ съ избранными имъ учениками, которые должны были научить міръ несомнѣннымъ истинамъ.

Симонъ, для котораго разсказы объ этомъ, доставляли большое наслажденіе, не заставилъ себя просить.

— Я ужъ тебѣ говорилъ —началъ онъ — что зналъ Іисуса съ дѣтскаго возраста въ Назаретѣ. Родители его жили въ небольшой постройкѣ, которую оставилъ имъ одинъ изъ купцовъ, выѣхавшихъ навсегда изъ города. Вотъ какъ-будто теперь вижу предъ глазами небольшой дворикъ, заросшій любимыми хозяйкою роза-

ми, въ углубленіи котораго подъ навѣсомъ работалъ престарѣлый Іосифъ. Надо было видѣть, съ какимъ усердіемъ этотъ потомокъ великаго царя трудился для украшенія храмовъ Божьихъ и удовлетворенія крайнихъ нуждъ подобныхъ себѣ бѣдняковъ! за это всѣ почти жители Назарета дѣлились съ нимъ всѣмъ, что у нихъ было лишняго. Такая искренняя любовь народа избавляла Марію отъ излишнихъ обязанностей по хозяйству и предоставляла ей возможность по цѣлымъ иногда часамъ заниматься съ Іисусомъ священнымъ писаніемъ. Въ это святое жилище очень часто приходили родители тѣхъ 12 избранныхъ впослѣдствіи учениковъ, которые нынѣ пользуются великою властью, дарованною имъ сошествіемъ Святаго Духа. Я не разъ былъ очевидцемъ ихъ слезъ и благоговѣнія предъ Святою матерью, которая ласкою, кротостію и наружностію всегда походила на невиннаго ребенка. Іисусу въ это время было не болѣе восьми лѣтъ; но онъ отличался отъ всѣхъ насъ чѣмъ-то особеннымъ, какъ въ движеніяхъ, играхъ, такъ и выраженіи глазъ. Никто изъ насъ никогда не могъ разсердиться на него, никто не позволялъ себѣ въ присутствіи его сказать дурнаго слова, иначе онъ уходилъ съ негодованіемъ и не показывался къ намъ въ продолженіи многихъ дней.

Изъ всѣхъ болѣе онъ любилъ тѣхъ, которые впослѣдствіи послѣдовали за нимъ. Когда они являлись, Іисусъ, какъ бы вдохновлялся удовольствіемъ и предавался всевозможнымъ играмъ, но въ каждой игрѣ его мы какъ-то безсознательно видѣли чудеса. Такъ напримѣръ онъ садился верхомъ на солнечные лучи, врывавшіеся въ комнату, сквозь щели оконныхъ ставенъ, и качался на нихъ, какъ на качеляхъ, въ другой разъ ходилъ по нимъ, какъ на бревнахъ; случалось и такъ, что онъ поднимался какою-то необъяснимою силою къ высокому дереву, съ котораго, собравъ плоды, которыхъ никто изъ насъ не видѣлъ глазомъ, передавалъ ихъ намъ. Но всего памятнѣе для меня то, что однажды послѣ дождя мы надѣлали изъ грязи разныхъ подобій маленькихъ животныхъ и любовались ими. Какъ вдругъ подошелъ къ намъ Іисусъ.

— Что вы дѣлаете? спросилъ онъ съ нѣжностію.

— Мы надѣлали такихъ прекрасныхъ птичекъ и животныхъ—сказалъ Іоаннъ—что право грустно ихъ видѣть уничтоженными.

— А чего бы ты пожелалъ? спросилъ съ улыбкою Мессія.

— Чтобы они ожили.

Іисусъ приблизился и началъ прикасаться рукою къ импровизированныхъ статуэткамъ и всѣ тѣ, которыхъ онъ толкалъ, или убѣгали или улетали. Этого мало, мы всѣ знали, что при малѣйшей болѣзни, если Іисусъ прикоснется рукою къ больному мѣсту, то боль моментально исчезала. Не постигая настоящихъ причинъ всего этого, мы, конечно, относились къ чудесамъ товарища не иначе, какъ къ случайнымъ шалостямъ, но впослѣдствіи когда увидѣли болѣе важныя явленія, намъ не приходилось считать его обыкновеннымъ человѣкомъ. Мы начали безсознательно бояться его власти, которой онъ хотя и не проявлялъ, но которая проявлялась сама собою въ каждомъ его взглядѣ и словѣ. Никто изъ насъ не дерзалъ говорить предъ нимъ, изъ какого-то страннаго чувства радости и благоговѣнія; всѣмъ намъ хотѣлось услужить и высказать ему безпредѣльную преданность. Нашу любовь онъ читалъ въ глазахъ и ласкалъ насъ названіемъ искреннихъ друзей. На 16 или 17-мъ году, мы всѣ почти должны были разстаться съ нимъ и каждому суждено было добывать свое пропитаніе вдали отъ роднаго города до того времени, пока не настиалъ тотъ часъ, когда избраннымъ заблаговременно, Іисусъ приказалъ оставить всѣ занятія житейскія и слѣдовать за нимъ.

Я былъ въ это время въ Іерусалимѣ и чрезвычайно удивился, когда внезапно глаза мои встрѣтились со взоромъ Іисуса, вошедшаго во храмъ въ качествѣ проповѣдника, которому народъ подготовлялъ за великія познанія законную власть первосвященника. Объ этомъ многіе поговаривали громко и возбуждали озлобленія въ честолюбцахъ, считавшихъ себя болѣе достойными такой почести.

Появленіе его на возвышенномъ мѣстѣ, которое ду-

мали на сегодняшній день занять другіе книжники, повліяло на всѣхъ точно, какъ ослѣпительный блескъ молніи. Сердце мое затрепетало и я почувствовалъ ужасную ничтожность свою предъ этимъ человѣкомъ, котораго зналъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Поднявъ божественные глаза свои къ небу, онъ началъ бесѣду и вселилъ въ душахъ большинства слушателей такой страхъ къ своимъ заблужденіямъ и лжепонятіямъ божественныхъ постановленій, что люди добродѣтельные начали тутъже сознавать свои грѣхи и обвинять наставниковъ и руководителей. Проповѣдь Іисуса передавалась изъ устъ въ уста и вскорѣ весь Іерусалимъ заговорилъ о немъ, какъ о пророкѣ. Съ этого времени многіе, искавшіе царствія небеснаго, начали толпами слѣдовать за божественнымъ наставникомъ и удивляться его премудрости, но никто не допускалъ мысли, что предъ нимъ находится Мессія, котораго, Богъ вѣсть, почему ожидали не иначе, какъ сходящимъ съ неба въ сопрожденіи ангеловъ. Признаюсь откровенно и мнѣ не приходила въ голову эта мысль, хотя я и сознавалъ въ Іисусѣ человѣка не совсѣмъ земнаго. Къ сожалѣнію, я въ это время находился въ услуженіи у расчетливаго торговца, который только однажды въ недѣлю предоставлялъ мнѣ свободу, а такъ какъ въ день Субботы всѣ искали Іисуса, то мнѣ почти никогда не удавалось встрѣчаться съ нимъ на-единѣ. Такъ прошелъ годъ и больше. Однажды подошелъ ко мнѣ одинъ изъ послѣдовавшихъ за Іисусомъ по имени Петръ, котораго я зналъ и прежде, но не былъ съ нимъ въ близкомъ знакомствѣ, такъ какъ онъ былъ лѣтъ на 14 старше меня и слылъ за большаго разумника.

— Ты чѣмъ занимаешься спросилъ онъ?

— Я отвѣчалъ, что служу у книжника Бенъ-Іерла, живущаго въ своемъ домѣ, что противъ большаго храма, но такъ какъ постоянно занятъ въ лавкѣ, то никуда не выхожу.

— Между тѣмъ учитель еще недавно вспоминалъ о тебѣ, какъ о ревестникѣ своемъ,—сказалъ апостолъ.

— А я день и ночь вижу его предъ глазами моими—

отвѣчалъ я — но увы мнѣ вѣрно не суждено повстрѣчаться съ нимъ: я рабъ господина моего.

— Не печалься, Симонъ, учитель самъ найдетъ тебя, когда твое желаніе будетъ искреннее. Мы на дняхъ возвратимся на короткое время въ Галлилею, а потомъ Іисусъ намѣренъ посѣтить храмъ Іерусалимскій. Тебѣ не трудно будетъ проникнуть туда. Но я хотѣлъ-бы знать, принадлежишь ли ты къ нашимъ или твой хозяинъ заставилъ тебя считать учителя нашего за лжеца?

— Нѣтъ, братъ мой—отвѣчалъ я—никто не можетъ сказать мнѣ дурнаго объ Іисусѣ, котораго я давно считаю великимъ. Вотъ тебѣ все то, что я могу принести въ кассу вашу для увѣренія въ искренней преданности — сказалъ я, передавая небольшія сбереженія мои. Петръ взглянулъ на меня и охотно принялъ мое подаяніе. Я радъ отъ души—сказалъ онъ—твоему наитію. Надѣюсь, что мы встрѣтимся. Онъ ушелъ.

Часъ спустя пришелъ ко мнѣ нарочный изъ Каны галлилейской съ извѣстіемъ, что родственникъ мой женится и проситъ меня на бракосочетаніе. Понятно, что я бросился къ хозяину моему Бенъ-Іерлю съ просьбою или отпустить меня на недѣлю, или разсчитать немедленно.

Бенъ-Іерлъ изъявилъ свое согласіе на первое.

Въ урочный день я пріѣхалъ къ родственникамъ, которые сейчасъ же заявили мнѣ, что не могутъ сдѣлать пиршества для всѣхъ приглашенныхъ, если они явятся, а между тѣмъ надо было пригласить всѣхъ обитателей по-искони заведенному обычаю. Хотя мнѣ и хотѣлось душевно помочь моему родственнику, но къ сожалѣнію я не имѣю ни единаго лишняго серебренника. Бракъ состоялся, но въ то время, когда собралось гораздо больше гостей, чѣмъ ожидалось, внезапно явился на праздникъ Іисусъ съ матерью и учениками своими.

Не смотря на то, что всѣ мы знали его и считали своимъ, какая-то боязнь не съумѣть принять его достойнымъ образомъ, начала волновать предстоящихъ: всѣ суетились, выбѣгали и всматривались въ тихую и плавную походку неземнаго человѣка. Наконецъ, онъ вошелъ и произнесъ свое любимое изреченіе: миръ вамъ! затѣмъ сдѣлалъ мнѣ знакъ приблизиться къ нему и спро-

силъ, не томлюсь ли я тою жизнію, которую веду. Господи—вскрикнулъ я невольно—у меня нѣтъ свободнаго часа, я долженъ работать безъ устали, чтобы поддерживать существованіе старыхъ родителей. „Ты вполнѣ поступаешь по закону Божію — отвѣчалъ онъ — дѣлай такъ всегда, чтобы того же заслужить отъ ближнихъ. Строго и честно исполняющему заповѣди предстоятъ двѣ награды: миръ и покой на землѣ и царство небесное въ будущей жизни. Не тщеславься и не говори объ этомъ никому, иначе хвала людей замѣнится заслуженными наградами. Я радъ видѣть тебя такимъ и увѣренъ, что ты будешь любить послѣдователей моихъ и содѣйствовать имъ въ ихъ добрыхъ преднамѣреніяхъ спасти нашъ разстлѣвшійся народъ, въ которомъ не осталось искры ни любви къ Богу, ни любви къ ближнему. Повторяю, Симонъ, что и для тебя настанетъ часъ служенія Господу твоему и ты удостоенъ будешь милости Отца моего". Въ это время подошла къ намъ Мать Іисуса съ печальнымъ видомъ и тихо сказала: у бѣдныхъ людей не хватило вина для угощенія многихъ гостей и они впали въ скорбь, которая тяжка для нынѣшняго дня". Іисусъ взглянулъ на мать и отвѣтилъ: „не насталъ еще мой часъ!" Но блаженная мать увѣренная, что онъ не оставитъ безъ помощи бѣдныхъ хозяевъ, приказала служителямъ приготовить все то, что будетъ сказано ея сыномъ. Іисусъ остановилъ свои взоры на шести большихъ сосудахъ, стоявшихъ въ углу комнаты и предназначенныхъ для омовенія рукъ и, затѣмъ подозвавъ слугъ, поручилъ имъ набрать свѣжей воды изъ ближайшаго къ дому источника и поднести къ нему. Мнѣ, которому памятны были его дѣтскія чудеса, не приходилось сомнѣваться, что и теперь онъ сдѣлаетъ чудо, котораго никто не ожидалъ. Когда сосуды съ водою поднесены были къ Господу, онъ поднялъ глаза къ небу и, благословивъ воду, приказалъ разносить ее вмѣсто вина. Слуги и всѣ предстоящіе переглянулись съ улыбкою, но вскорѣ поражены были чуднымъ вкусомъ прекраснаго вина. Когда впослѣдсвіи о чудѣ этомъ заговорилъ народъ въ Іерусалимѣ, то книжники употребляли всѣ усилія доказать, что источникъ, изъ котораго была почерпнута эта

вода, имѣлъ иногда свойство извергать струю воды, ничѣмъ не отличавшуюся отъ вкуса вина. Услышавъ эти слова въ первый разъ отъ хозяина моего, я до того возмущенъ былъ, что хотѣлъ предать проклятію придумавшихъ подобную ложь, но, опомнившись, сказалъ: еслибъ источникъ этотъ, дѣйствительно, обладалъ такими свойствами, то кому ближе было знать это: хозяину ли дома, около котораго онъ находился, или человѣку, пришедшему издалека? Сказанная мною истина изумила Бенъ-Іерла, но онъ, повидимому, проглотилъ ее съ тѣмъ, чтобы никому не сообщать. О другихъ чудесахъ сына человѣческаго я не стану тебѣ разсказывать изъ боязни, чтобы ты не нашелъ меня пристрастнымъ и кромѣ этого потому, что ты собираешься ѣхать къ тѣмъ, которые никогда почти не разставались съ Господомъ и лучше меня знаютъ обо всемъ, сдѣланномъ имъ. А теперь, я думаю, мнѣ пора возвратиться къ хозяину моему, чтобы не возбудить въ немъ подозрѣнія.

Ананъ проводилъ своего гостя, но съ этого дня онъ совершенно измѣнился. Ему вездѣ представлялся божественный ликъ Мессіи, его проповѣди и чудеса, а въ заключеніе раздавались въ ушахъ ужасные крики: „распни его!“ или „кровь его да будетъ на насъ и чадъ нашихъ!“

Лишь только Іосифъ съ Симономъ выѣхали изъ Херсонеса въ Босфоръ съ тѣмъ, чтобы возвратиться, Ананъ въ первую субботу явился въ синагогу и занялъ мѣсто проповѣдника.

„Мы дожили, говорилъ онъ, до того благодатнаго времени, которое обѣщано было Аврааму и Давиду и съ точностію разъяснено только что прочитанными мною словами пророка. Мессія былъ уже на землѣ, но такъ какъ онъ пришелъ не съ громомъ и молніею, чтобы предварительно очистить землю отъ злыхъ людей, то злые предали его казни съ цѣлью безнаказно творить злыя дѣла. Такимъ образомъ исполнилось то, что предвидѣлъ пророкъ. Увѣряю васъ, братья, что злодѣи, посягнувшіе на жизнь агнца Божія, нынѣ боясь заслужить позорной смерти и всеобщаго проклятія, разсылаютъ повсюду участниковъ своихъ съ умысломъ воздержать сыновъ Израиля отъ довѣрія къ истинѣ.

Такимъ явился къ намъ Бенъ-Іосифъ съ дарами священнаго писанія. Онъ лжецъ и, вѣроятно, одинъ изъ убійцъ такъ долго ожидаемаго всѣми нами Спасителя. Намъ не слѣдуетъ вѣрить ни одному его слову, а чтобы открыть истину, я положился самъ съѣздить въ Іерусалимъ и сдѣлаю это, если кагалъ предоставитъ мнѣ путевые расходы.

— Мы охотно предоставимъ тебѣ все необходимое, было отвѣтомъ народа. Когда же ты намѣренъ предпринять путешествіе?

— Я подожду Бенъ-Іосифа, который недолго пробудетъ въ Пантикапеѣ, куда онъ, вѣроятно, направился съ такою же цѣлью, какъ и къ намъ.

Изъ синагоги Ананъ пошелъ къ Ураніи и самымъ подробнымъ образомъ разсказалъ о всемъ, что слышалъ о жизни и мученической смерти Іисуса Христа. Разсказъ его произвелъ глубокое впечатлѣніе на гетеру, которая послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ Аполлоніемъ впала въ какое-то мистическое настроеніе и жаждала новыхъ утѣшительныхъ истинъ.

— Я также удѣлю тебѣ на поѣздку частицу моего состоянія, сказала прекрасная женщина, и буду безпредѣльно благодарна, если ты привезешь мнѣ основы ученія этого неестественнаго человѣка. Признаюсь тебѣ откровенно, что современная религія наша не представляетъ ничего такого, которое согласовалось бы съ премудрыми законами Того мудреца, Который устроилъ міръ, и я начинаю изнемогать отъ унынія и сомнѣнія. Аполлоній очень много сообщилъ мнѣ утѣшительнаго, но къ сожалѣнію истина его словъ какъ-то ускользаетъ изъ рукъ и не можетъ быть осязательна. Для такой женщины, какъ я, необходимы истины, которыя не трудно провѣрить собственнымъ умомъ и такое божество, которое не имѣло бы ничего общаго съ ничтожными стремленіями нашими и которое повсемѣстнымъ присутствіемъ оживотворяло бы вселенную. Впрочемъ, я и сама не могу выяснить моихъ внутреннихъ желаній, но сознаю только, что ни вашъ богъ, ни наши боги не внушаютъ мнѣ духовнаго счастія. Да будетъ же твое путешествіе благополучно и да послужитъ мнѣ поводомъ къ тому

душевному благу, котораго я, кажется, не позаимствую отъ философовъ.

Пока происходили по этому поводу въ Херсонесѣ совѣщанія и собирались деньги на даръ храму Іерусалимскому и поѣздку мудраго Анана, возвратился изъ Босфора Киммерійскаго Бенъ-Іосифъ. Замѣтивъ, что его на этотъ разъ приняли Херсонесскіе собратья далеко не съ такимъ радушіемъ, какъ въ первый разъ, онъ долженъ былъ поспѣшить выѣздомъ, но еще сильнѣе встревожился, увидѣвъ на одномъ съ собою кораблѣ Анана, такъ дерзко нападавшаго на его заявленія.

— Ты куда предпринимаешь поѣздку? спросилъ онъ ласково у учителя.

— Я ѣду въ святой градъ, чтобы провѣрить твои разсказы о лжепророкѣ. Этого потребовали отъ меня мои сограждане, въ которыхъ ты вселилъ недовѣріе и смущеніе.

— Я сказалъ имъ истину и совершенно напрасно ты потратишь деньги. которыя принесли бы большую пользу для нашихъ общихъ святынь. Послушай меня, Ананъ, отдай мнѣ то, что дано тебѣ на дорогу и возвратись къ семьѣ твоей. Ты измучишься напрасно и навѣрно принесешь тѣ же извѣстія, которыя я сообщилъ уже твоимъ соотечественникамъ.

Ананъ показалъ видъ, что соглашается съ нимъ, но желаетъ лично побывать въ святомъ градѣ и помолиться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ молились славные праотцы его отцовъ.

Два мѣсяца спустя молодой ученый Самарянинъ изъ Херсонеса, при содѣйствіи Симона, былъ принятъ апостолами, которые съ первыхъ же дней успѣли окончательно увѣрить его въ божественности Іисуса Христа и окрестить во имя Святой Троицы именемъ Симеона. Но Ананъ не довольствовался и этимъ, ему хотѣлось лично познакомиться съ Лазаремъ, дочерью Іаира и видѣть юношу Наинскаго. Перваго онъ нашелъ въ Виѳаніи и, разсказавъ, зачѣмъ прибылъ изъ отдаленной страны, былъ принятъ имъ съ непритворною радостію. Сестры Лазаря, Марѳа и Марія, пришли въ изумленіе, узнавъ отъ нежданнаго гостя, что злые враги Спасителя до насто-

ящаго времени употребляли различныя средства, чтобы не разошлась слава о томъ, котораго они невинно распяли. Въ особенности же Марія, эта прелестнѣйшая и добродѣтельнѣйшая изъ дѣвъ Іудеи казалась возмущенною. Но Анану не это только нужно было знать. Онъ хотѣлъ послушать, что скажетъ объ Іисусѣ Лазарь, такъ какъ онъ былъ уже за предѣлами земнаго міра и безошибочно могъ сказать, точно ли Іисусъ былъ обѣщанный Богомъ Мессія. Въ этихъ видахъ онъ началъ вопросы о дружбѣ хозяина съ божественнымъ наставникомъ и просилъ его не скрывать отъ него ничего такого, которое оказалось бы полезнымъ для доказательствъ отдаленнымъ отъ Іерусалима народамъ о дѣйствительномъ значеніи Христа.

— Понимаю, понимаю, чужестранецъ, отвѣчалъ Лазарь, ты желаешь подготовить соотечественниковъ твоихъ къ воспріятію божественнаго ученія Того, Кто не былъ узнанъ нами. Да и могли ли люди, увлеченные роскошью и пороками, предполагать, что человѣкъ, вышедшій изъ дома бѣднѣйшихъ родителей и выросшій на ихъ глазахъ, могъ быть избраннымъ Богомъ. Для нихъ казалось даже дерзостію, что онъ осмѣливался разъяснять нѣкоторыя темныя мѣста изъ священнаго писанія, а потомъ, когда онъ началъ учить насъ и ни одинъ изъ книжниковъ не былъ въ состояніи вести съ нимъ борьбы, тогда, затаивъ безсиліе, они прибѣгли къ злословію и враждѣ. Іисусъ, сознавая, что власть на ихъ сторонѣ и не желая подавать собою примѣръ неуваженія къ установленнымъ законамъ, употреблялъ всевозможныя мѣры не раздражать враговъ и не рѣдко удалялся изъ Іерусалима. Намъ хорошо извѣстно, съ какимъ иногда удовольствіемъ онъ отдыхалъ въ домѣ нашемъ, послѣ перенесенныхъ волненій за истины, оскорбляющія слухъ безбожниковъ, тщеславящихся соблюденіемъ только формъ закона Божія, но презирающихъ въ душѣ всѣхъ, стоящихъ ниже ихъ по средствамъ и общественному положенію. Но они не могли не понять, что если Христосъ долѣе будетъ продолжать свое ученіе, то въ святомъ градѣ и въ Іудеѣ не останется человѣка, надъ которымъ они будутъ господствовать—и они, какъ тебѣ

уже извѣстно, избавились отъ него, но упустили изъ вида, что на мѣсто одного стало 12 проповѣдниковъ, воспріявшихъ даръ отъ Св. Духа, а отъ нихъ нынѣ образовалось столько, что было бы безуміемъ продолжать явную вражду. Создатель міра, вѣроятно, зналъ это, что предопредѣлилъ Сыну Своему недолговременное пребываніе между недостойными. Что Іисусъ былъ Мессія, обѣщанный Аврааму и воспріявшій тѣло человѣческое съ цѣлью выразить намъ любовь и заботливость Творца, въ этомъ теперь сомнѣваются только виновные въ его смерти и люди, ослѣпленные своимъ богатствомъ и счастіемъ; всѣ же остальные считаютъ его или великимъ пророкомъ и агнцемъ Божіимъ, принявшимъ на себя грѣхи міра или однимъ изъ тѣхъ трехъ странниковъ, которые являлись праведному Аврааму. Что касается до меня лично, я былъ преданъ Іисусу, какъ преданъ Богу и готовъ былъ умереть у его ногъ. Моя любовь, безъ сомнѣнія, привела его и къ могилѣ моей для того, чтобы возрадовать осиротѣвшихъ сестеръ и сдѣлать свидѣтелемъ своихъ чудесъ, страданій на крестѣ и послѣдующихъ затѣмъ славныхъ событій.

— Еще нѣсколько словъ я жду отъ друга Господня— сказалъ Ананъ. Я хотѣлъ бы знать что-нибудь о твоей смерти, о загробной жизни и тѣхъ чувствахъ, которыя жили въ душѣ твоей въ моментъ возвращенія къ жизни.

— Смерть моя уподобляется обыкновенному усыпленію, а теперешняя жизнь какому-то очаровательному сну. Мнѣ памятно только, что я долженъ былъ пробудиться по всесильной волѣ Сына Божія, въ которомъ узналъ Іисуса.

Этихъ словъ было достаточно для Анана и онъ поспѣшилъ въ Наинъ, а потомъ видѣлся съ Іаиромъ и дочерью его. Удостовѣрившись окончательно, что чудеса эти были сотворены, херсонесскій учитель въ продолженіи нѣсколька дней выходилъ на Голгоѳу и, припадая лицомъ къ кресту, на которомъ распятъ былъ помазанникъ Божій, ужасно скорбѣлъ объ участи, постигшей его.

Вскорѣ послѣ этого онъ освѣдомился, что апостолы

распредѣлили между собою направленія, куда каждому слѣдовало идти на проповѣдь.

При помощи Симона Анану удалось увидать Марію, мать Господа, которая со дня сошествія Св. Духа никуда не выходила и принимала только преданныхъ учениковъ. Ананъ, вручивъ ей привезенное золото и серебро отъ херсонесскихъ самарянъ, умолялъ святую Дѣву послать одного изъ апостоловъ въ Таврику, гдѣ обитали подъ римскимъ же владычествомъ Іудеи, жаждущіе пришествія Мессіи и ничего не знающіе о совершившемся въ святомъ градѣ.

Тронутая его искренностію Богородица потребовала къ себѣ апостола Андрея Первозваннаго и, напомнивъ ему, что настала минута воспользоваться выпавшимъ на долю его жребіемъ, предложила ѣхать въ отдаленную Тавриду. Апостолъ съ благоговѣніемъ принялъ предложеніе и, получивъ благословеніе отъ святѣйшей изъ всѣхъ Дѣвъ, сдѣлалъ Анану знакъ слѣдовать за нимъ. Три дня спустя Херсонесскій учитель былъ уже на обратномъ пути въ Таврику, но къ сожалѣнію недолго долженъ былъ оставаться въ Синопѣ, гдѣ апостолу приходилось начать благовѣсть и учредить церковь, чтобы на обратномъ пути заняться окончательнымъ устройствомъ ея. Въ Синопѣ Ананъ встрѣтилъ многихъ изъ соотечественниковъ, которые съ изумленіемъ слушали проповѣди Андрея. Съ ними онъ отправилъ подробное описаніе къ Самуилу, сыну Ахея, тѣхъ событій, которыя произошли въ Іерусалимѣ, и просилъ представителей синагоги встрѣтить апостола, имѣющаго прибыть къ нимъ, съ приличными его сану почестями.

Два мѣсяца спустя въ большую Херсонесскую бухту вступилъ большой корабль съ бѣлымъ флагомъ, условленнымъ заранѣе знакомъ о пребываніи на немъ апостола. Всѣ Іудеи выступили къ нему на встрѣчу въ главѣ Самуила. Ираклійцы не нашли нужнымъ мѣшать ихъ сочувствію къ гостю изъ святаго града, такъ какъ они не питали къ іудейскимъ вѣрованіямъ ни отвращенія, ни увлеченія.

Лишь только Андрей Первозванный выступилъ на берегъ и воздалъ собравшимся привѣтствіе, равинъ воз-

велъ его на большой камень и, своеручно очертивъ на немъ ступню ноги гостя, приказалъ каменщику глубоко врѣзать ее въ скалу для вѣчной памяти грядущимъ поколѣніямъ. Затѣмъ апостолъ съ пѣніемъ хвалебнаго гимна, введенъ былъ въ обширный городъ, поразившій его многолюдіемъ, дѣятельностію и великолѣпными постройками. Здѣсь впервые Андрей встрѣтилъ славянскихъ скиѳовъ и узналъ, что земля, занимаемая ими, безпредѣльно велика и изобилуетъ многими благами.

А такъ какъ апостолу приходилось рано или поздно направиться въ эту сторону, то Херсонесъ казался ему однимъ изъ удобныхъ пунктовъ для изученія славянскаго нарѣчія и перевода Евангелія.

Ананъ—Симеонъ по возвращеніи въ отечественный городъ не замедлилъ явиться къ Ураніи и дать ей отчетъ во всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Въ добавленіе онъ вручилъ ей массу херографовъ о земной жизни и ученіи Іисуса Христа.

— Когда ты прочитаешь все это—и будешь нуждаться въ поясненіи чего-либо—сказалъ прозелитъ—позови меня и я приведу въ твой домъ прибывшаго со мною ученика Господня, который уврачуетъ твою душу и откроетъ предъ глазами твоими новый свѣтъ истины.

Гетера съ жадностію начала перечитывать никогда не слышанныя ею раньше этого божественныя слова и дѣянія и въ сердце ее началъ вливаться давно желанный бальзамъ утѣшенія. Чрезъ недѣлю она вполнѣ была пропитана ученіемъ божественнаго наставника и изъявила желаніе воспріять крещеніе отъ руки Андрея Первозваннаго, который нашелъ въ домѣ ея пріютъ и вполнѣ осчастливилъ тѣмъ благомъ, котораго Уранія такъ долго и безнадежно добивалась въ дружбѣ и диспутахъ съ философами и другими замѣчательными посѣтителями отечественной земли.

Вскорѣ послѣ этого послышалась новая величественная рѣчь апостола въ синагогѣ Херсонесской. Самаряне слушали его и съ каждымъ днемъ высказывали болѣе и болѣе вѣры въ пришествіе Мессіи. Тогда апостолъ, назначивъ руководителемъ новообращенныхъ Анана—Симона, которому отдалъ на сохраненіе славянскую руко-

пись, самъ выѣхалъ обратно въ Синопъ съ тѣмъ, чтобы, покончивъ начатое въ немъ дѣло, снова возвратиться сюда и подумать о дальнѣйшей обязанности, выпавшей на его долю.

Ананъ, дѣйствовавшій сначала довольно успѣшно, вскорѣ возбудилъ зависть у согражданъ за то, что началъ посвящать въ тайны новаго ученія грековъ идолопоклонниковъ; негодованіе возрастало, но апостолъ не появлялся. Борьба съ богатѣйшими согражданами была бы по силамъ Анану, еслибъ у него утроилось по крайней мѣрѣ число вѣрующихъ со стороны грековъ, и еслибъ Уранія не превратилась въ строгую аскетку, но такъ какъ разладъ въ обществѣ остановилъ дальнѣйшіе успѣхи Симона, то враждебная сторона рѣшилась воспользоваться всѣми средствами, чтобы изгнать изъ среды своей ненавистнаго проповѣдника. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть задуманнаго, они рѣшились донести случайно прибывшему въ Херсонесъ римскому сенатору о томъ, что Ананъ совращаетъ подданныхъ имперіи съ религіи отцовъ и навѣрно возбудитъ народное волненіе.

Сенаторъ, провѣривъ заявленіе и нашедъ его справедливымъ, отдалъ приказаніе изгнать Анана со всѣми послѣдователями за городскія стѣны и обратить ихъ въ каменотесцевъ, обязанныхъ приготовлять на Инкерманскихъ скалахъ матеріалъ для публичныхъ построекъ Рима.

Съ приведеніемъ въ исполненіе этого приказанія въ Херсонесѣ никто не осмѣливался болѣе проповѣдовать о Мессіи. Такимъ образомъ сѣмена, такъ удачно посѣянныя апостоломъ, перестали давать отростки въ Херсонесѣ и перенесены были въ дикую мѣстность, изрѣдка занятую остатками Тавро-скиѳовъ послѣ похода Митридатовскихъ войскъ.

Здѣсь Ананъ подъ именемъ Симеона продолжалъ поддерживать вѣру въ послѣдователяхъ ученія Христа до тѣхъ поръ, пока настала пора проститься ему съ жизнью.

Со смертію его надо было ожидать, что и здѣсь исчезнутъ слѣды христіанскихъ вѣрованій, еслибъ не прибылъ во время римскій епископъ, папа Климентъ, вос-

пріявшій въ молодости св. крещеніе отъ апостола Петра и возстановившій противъ себя всѣ власти столицы. Сосланный въ Инкерманъ по повелѣнію императора Трояна, онъ не только поддержалъ погасавшій пламень въ душахъ осужденныхъ и ихъ поколѣній, но сильнымъ словомъ и чудесами вновь началъ влiять на жителей Херсонеса, которые тайнымъ образомъ посѣщали мудраго и благочестиваго проповѣдника. Успѣхи эти или вѣрнѣе неутомимая дѣятельность Климента и въ заточеніи возмутила императора и онъ постановилъ избавить человѣчество отъ безстрашнаго проповѣдника. Съ этою цѣлью отправленъ былъ въ Херсонесъ нарочный посолъ съ правами утопить пропагандиста. Это былъ жестокій Аифидіонъ, который приказалъ схватить Климента и съ баластомъ на шеѣ, въ виду жителей Херсонеса, бросить въ пучину морскую. Съ этого только времени ученіе Христа начало серіозно обращать на себя вниманіе свидѣтелей ужасной мести. Точно великое дѣло предварительно требовало кровавой жертвы, чтобы освятиться въ глазахъ народа.

Въ 16-ой части нашего Универсальнаго Описанія Крыма мы довольно подробно писали о всѣхъ замѣчательныхъ мученикахъ, воспріявшихъ вѣнецъ славы въ Херсонесѣ и Инкерманѣ. Но насъ какъ-то горестно поражаетъ мысль, отчего до настоящаго времени Россія такъ безучастно относится къ этимъ священнѣйшимъ послѣ Іерусалима мѣстностямъ? Неужели Кіевъ, Соловецкій и другіе монастыри представляютъ болѣе священныхъ воспоминаній?

Если четь-минеи наши не особенно содѣйствуютъ знакомству народа съ замѣчательными іерархами церкви, то неужели не читаются у насъ и такія сказанія, какъ напр. святаго великомученика Ефрема, епископа Херсонесскаго, напечатанныя въ 9 т. Записокъ Имп. одесскаго общества исторіи и древностей, гдѣ между прочимъ приводится чрезвычайное явленіе, отчасти подтверждающееся историческими повѣствованіями до временъ царствованія въ Византіи Императора Никифора. Явленіе это святитель изображаетъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Послѣ того какъ всечестныя мощи преподобнѣйшаго священномученика Климента безбожными идолопоклонниками, брошены были въ глубину моря и богозданный во глубинѣ храмъ принялъ ихъ, Богъ чудесъ и здѣсь творитъ величайшее чудо. Ученики святаго, вмѣстѣ съ бывшими тамъ вѣрными скорбѣли и молили Бога явить имъ священныя мощи всеславнаго Климента. Это и совершилось. Неизмѣримое море утихло и отступило назадъ, такъ что глубину сдѣлало для благочестивыхъ проходимою почти на три тысячи шаговъ. Когда они вошли, то нашли комнату въ видѣ мраморнаго храма и тамъ въ каменномъ гробѣ лежащія всесвятыя и славныя мощи мученика. Когда-же они хотѣли взять всечестныя мощи изъ глубины, то святый, явившись имъ ночью, сказалъ: „брать мощи вы не думайте, я даю вамъ вотъ какую благодать: каждый годъ, въ день моего страданія, въ продолженіи семи дней, глубина будетъ открываться и вы до этого мѣста будете ходить по-суху.“ Слово стало дѣломъ; съ того времени и донынѣ богодѣйственно совершается это великое и дивное чудо, которое не меньше чуда Моисея... Всѣ между нами любящіе благочестіе жители деревень и граждане Херсонеса, услышавъ объ этомъ событіи, приходили смотрѣть на чудо. Въ числѣ ихъ одинъ благочестивый мужъ, съ благочестивою женою своею и малолѣтнимъ сыномъ съ величайшимъ усердіемъ предприняли путь къ святому храму священомученника.... Ставъ у гроба, они усердно молились святому, прося о полученіи чрезъ него, прощенія согрѣшеній и о томъ, чтобы отроку ихъ дарована была жизнь долгая, непорочная и благоденственная и все то, чего родители обыкновенно просятъ для единородныхъ дѣтей своихъ. Окончивъ молитву и приложившись къ мощамъ святаго, они вышли обратно. По выходѣ ихъ, вода опять вошла въ свое мѣсто. Оборотившись и увидѣвъ, что море, прежде удобопроходимое, теперь уже не проходимо, они стали искать своего сына, а онъ между тѣмъ остался въ склепѣ святаго.... Что сказать о плачѣ отца и вопляхъ матери? Весь святый праздникъ они обратили въ плачъ... По прошествіи года, когда опять наступили дни памяти святаго,

родители отрока, вспоминая о своемъ сынѣ, такъ говорили между собою: „пойдемъ къ святому: можетъ найдемъ какой-нибудь неожидаемый останокъ нашего дитяти; осудимъ святаго и если сами тамъ умремъ, то будемъ причастниками смерти нашего дитяти. Говоря это и еще не окончивъ разговора, они предприняли путешествіе. Когда дошли до мѣста и море отъ берега удалилось, то они первые вошли въ глубину; за ними слѣдовала толпа народа. Приблизившись къ всечестному храму мученика, они, о чудо! видятъ своего сына живымъ, веселымъ, играющимъ. Увидѣвъ чудо изъ чудесъ и пораженные величіемъ чудодѣйствія, они прежде всего возблагодарили промыселъ Божій... а затѣмъ уже стали спрашивать отрока, какъ онъ спасся? Кто поддерживалъ жизнь его? Отрокъ, держась одною рукою за гробъ и, перстомъ другой руки указывая на лежащаго тамъ, отвѣчалъ вопрошавшимъ: послѣ Бога, вотъ кто былъ моимъ хранителемъ и жизнію и пищею и защитою отъ звѣрей!“

Родители, полные удивленія и радости, еще болѣе утвердились въ вѣрѣ мученика... Такъ со слезами, ублаживъ святаго и взявъ сына, они отправились домой...“

Святой Ефремъ въ дальнѣйшемъ повѣтствованіи считаетъ это чудо однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ въ сравненіи съ бывшими на землѣ. Но развѣ не здѣсь же другой епископъ св. Капитонъ, желая убѣдить іудеевъ и гражданъ Херсонеса въ силѣ божественнаго Спасителя, вошелъ въ огненную печь и вышелъ изъ нея невредимымъ? Не здѣсь ли томился въ заточеніи другой папа римскій Мартинъ исповѣдникъ, похороненный подобно предшественнику своему Клименту въ Херсонесскомъ храмѣ? Не здѣсь ли почіютъ св. Безсребренники Косма и Даміанъ, св. Θеодоръ Студитъ, преподобный Николай, празднуемый христіанами 4-го февраля; Корнилій и Фивъ, св. Домитилла, племянница могущественныхъ Тита и Домиціана, и семь славныхъ епископовъ, память которыхъ чтится 7-го марта?

Но вѣдь это только тѣ немногіе, о которыхъ сохранились записи и преданія. Намъ достаточно будетъ сообразить, что если Римъ направлялъ въ Херсонесъ

первыхъ послѣдователей ученія Іисуса съ тѣмъ, чтобы они рубили прекрасный камень для его грандіозныхъ зданій, то число несчастныхъ не ограничивалось какимъ-нибудь десяткомъ сосланныхъ. Это свидѣтельствуютъ намъ сотни пещеръ, служившихъ изгнанникамъ пріютами за ихъ глубокую безпредѣльную любовь къ Спасителю міра. Какое должно быть здѣсь было единодушіе, единомысліе и любовь къ ближнему! и это святое гнѣздо, нынѣ забытое, не вызываетъ даже тѣхъ впечатлѣній, которыя порождаютъ римскія катакомбы.

Мы показались-бы слишкомъ не дальновидными, еслибъ не допустили, что Инкерманскія высоты не посѣщались лучшими представителями христіанства первыхъ вѣковъ и еслибъ отвергали, что отсюда не распространялся свѣтъ истины съ бо́льшими успѣхами, чѣмъ изъ другихъ мѣстностей. Сказанное нами отчасти подтверждается посѣщеніемъ Херсонеса Кирилломъ и Меѳодіемъ, для которыхъ представлялось въ другихъ мѣстностяхъ болѣе дѣятельности, и отчасти къ несчастію расхищенными и испачканными рукописями и приписками къ синаксарямъ, сохранившимся въ Анатолійскихъ прибрежныхъ монастыряхъ. Въ одномъ изъ подобныхъ мѣсяцеслововъ, случайно видѣнныхъ нами у гостившихъ въ Ялтѣ монаховъ изъ монастыря Панагіи Сумела, мы нашли краткое сказаніе, что апостолъ Ѳома посѣтилъ Херсоницу и въ тѣхъ мѣстахъ изобразилъ на камнѣ ликъ Пресвятой Богородицы и путешествіе Симеона-Анана въ Іерусалимъ, желавшаго ознакомиться съ событіями пришествія Мессіи и сдѣлавшагося вторымъ проповѣдникомъ слова Божія въ Херсонесѣ послѣ Андрея Первозваннаго подъ именемъ Симеона. Какъ не странно довѣряться такимъ замѣткамъ, но должно вѣрить въ виду сказанія московскаго священника о. Іакова, бывшаго въ Инкерманѣ съ русскимъ посланникомъ въ первой трети 17 столѣтія и нашедшаго здѣсь мощи какого-то святаго, которыя по омытіи ихъ побагровѣли, аки у живаго человѣка, а когда онъ, въ числѣ другихъ, задумалъ взять ихъ въ Россію, то блаженный сказалъ одному изъ нихъ въ сновидѣніи: „помышляете вы, о други мои, взять мощи мои на Русь, я же хочу

по прежнему учинить здѣсь Русь, а имя мнѣ и память мнѣ въ Семеновъ день *)".

Не этотъ ли Симеонъ былъ тотъ самый Анапъ, о которомъ сказано въ Синаксарѣ? Мы конечно очень далеки допускать подобныя предположенія, высказанныя нами въ видѣ очерка или обыкновеннаго повѣтствованія, пополнявшаго пробѣлъ со времени отъѣзда апостола Андрея до прибытія св. Климента. Но при этомъ передъ нами выступаетъ вопросъ: гдѣ же дѣвались мощи всѣхъ этихъ святителей и угодниковъ Божьихъ? Изъ лѣтописи Нестора намъ извѣстно, что в. к. Владиміръ взялъ изъ Херсонеса только главу св. Климента и часть мощей ученика его Фивы. Куда же скрыты остальные останки священномучениковъ? Неужели и священникъ Іаковъ, который своеручно омывалъ въ Инкерманскомъ храмѣ тѣло св. Симеона, никому изъ туземцевъ неизвѣстное по имени, говорилъ неправду? Нѣтъ, мы не вправѣ обвинять въ такомъ грубомъ невѣжествѣ простосердечнаго духовника; а между тѣмъ въ городахъ Крыма не сохранилось ни малѣйшаго намека даже на преданіе о томъ, чтобы въ Инкерманѣ покоились мощи въ 17-мъ столѣтіи и вдобавокъ такія, которыя многократно выносились и закапывались татарами внѣ храма, но всегда возвращались на первобытное ложе свое. Все же, что намъ удалось открыть по этому поводу въ сосѣдней Байдарской долинѣ отъ татаръ, предки которыхъ исповѣдовали до 1778 года христіанскую вѣру, составляетъ чрезвычайно запутанную сказку, изъ которой въ лицахъ святыхъ шейховъ надо видѣть какихъ-то чудотворцевъ, много сдѣлавшихъ для общаго блага, но не оставившихъ никакихъ слѣдовъ послѣ своей смерти.

*) См. 2 т. Зап. Импер. Одесс. Общ. Истор. и древностей.

ГИКІЯ

Патріотка Херсонеса Таврическаго.

(Историческая картина).

ГИКІЯ

патріотка Херсонеса Таврійскаго.

(Историческая картина).

Въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, Херсонесъ принадлежалъ къ числу не только важныхъ коммерческихъ эмпорій древняго міра, поражавшихъ мореплавателей своимъ акрополемъ, воздвигнутымъ Діофаномъ, полководцемъ Митридата, царя Понтійскаго, и своими башнями, стѣнами и общественными зданіями, но и отважными легіонами, которымъ не разъ приходилось оказывать неоцѣнимыя услуги метрополіи и императорамъ Византіи.

Въ эту эпоху Херсонесцамъ удалось окончательно сокрушить горделивое Босфорское царство, жаждавшее господства надъ всей Тавридою, плѣнить большинство изъ защитниковъ его и, даруя имъ свободу, заслужить статую благодарности отъ тѣхъ, которые не чувствовали къ нимъ раньше ничего кромѣ безпредѣльной ненависти. Кромѣ этого имъ удалось съ замѣчательнымъ искусствомъ ударить въ тылъ Скиѳамъ, дерзнувшимъ перейти за Дунай съ цѣлью разорить имперію Константина и заставить отказаться отъ враждебныхъ мыслей, за что благодарный императоръ пожаловалъ ихъ всѣмъ, чѣмъ возможно было жаловать въ то время за величайшую услугу и именно: золотою статуею въ императорской хламидѣ съ фибулатурою и въ золотомъ вѣнцѣ для украшенія города; золотыми кольцами съ изображеніями лика императора, полное освобожденіе отъ пошлинъ и податей съ обязательствомъ снабжать ихъ ежегодно хлѣбомъ, тетивами, пенькою, желѣзомъ и масломъ.

Изъ всѣхъ этихъ наградъ особеннаго вниманія достойны были двѣ: золотая статуя, поставленная въ центрѣ городской площади на высокомъ пьедесталѣ съ

цѣлью тщеславиться заслугами предъ иностранцами и подавать примѣръ дѣтямъ, и золотыя кольца, замѣняющія печати. Императоръ, вручая эти послѣднія достойнѣйшимъ изъ воиновъ, сказалъ:

— По этимъ печатямъ мы узнаемъ, изъ какого мѣста и отъ кого прислана будетъ нашему величеству просьба или жалоба, дабы удостоить ее довѣрія и вниманія.

На площади, гдѣ красовалась императорская статуя, *додекада* или совѣтъ двѣнадцати гораздо раньше выставлялъ статуи, барельефы и надписи лицамъ, заслужившимъ благодарность современниковъ, а также изображенія боговъ съ благодарственною надписью за дарованныя милости, побѣды и другаго рода важныя событія. Площадь эта раздѣлялась на нѣсколько аллей, прикрытыхъ терпентинными деревьями, считавшимися вѣчными, и каждая аллея имѣла свое названіе. Вся же она называлась *Аксія*. Оберегаемая съ четырехъ сторонъ несмѣнными сторожами, поселенными при небольшихъ капищахъ, она пользовалась такимъ уваженіемъ, что еслибы кто осмѣлился прикоснуться рукою или испортить на ней что-нибудь, то подвергался отсѣченію руки или смертной казни; но никому однако не возбранялось ходить на площади заслугъ, любоваться памятниками и изучать искусство образцовыхъ произведеній скульптуры.

Вотъ на этой-то площади подъ величественнымъ деревомъ почти ежедневно просиживала въ глубокомъ размышленіи молодая дѣвушка античной красоты. Всѣ проходящіе граждане съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовали ее, а чужестранцы громко восхваляли ея прелести.

— Вотъ, еслибъ она была дочь архонта Ламаха— сказалъ однажды одинъ изъ проходящихъ иностранцевъ товарищу своему—я непремѣнно посовѣтовалъ бы нашему царевичу избрать ее въ жены. Посмотри, какіе у нея глаза, а носъ? Да такимъ прелестнымъ личикомъ не можетъ похвастать и счастливый Фидій.

Гулявшіе прошли, оглядываясь поминутно назадъ и подошедъ къ сторожу, начали спрашивать: не извѣстно ли ему имя встрѣченной дѣвицы?

— Что вы, братья—возразилъ старикъ—или потеряли память или вновь прибыли сюда? Это Гикія, единственная дочь нашего протевтона Ламаха, у котораго больше мудрости и справедливости, чѣмъ у всѣхъ гражданъ, соединенныхъ въ одну голову. Понимаете Гикія, которую знаютъ всѣ дѣти Херсонеса и окрестностей; она посѣщаетъ бѣдныхъ, кормитъ голодныхъ и лечитъ страждующихъ, выставленныхъ на улицахъ, чтобы пользоваться совѣтомъ мимопроходящихъ. Право, я удивляюсь, какъ вы можете не знать Гикіи!... сказавъ это, сторожъ отвернулся отъ иноземцевъ.

— Такъ вотъ какими дарами обладаетъ эта красавица—замѣтилъ Ксеноклидъ извѣстный пантикапейскій скульпторъ. Это будетъ славная находка для Асандрита, сына нашего архонта—царя.

— Ты сказалъ истину, мой другъ—отвѣчалъ молодой Родонъ, исключительно занимавшійся приготовленіемъ глиняныхъ статуекъ, масокъ, драгоцѣнныхъ разрисованныхъ вазъ и другаго рода сосудовъ. Царевичъ очень будетъ благодаренъ намъ, если мы еще кое-что узнаемъ о ней.

— Дай только распродать намъ выгодно наши произведенія и осмотрѣть всѣ Херсонесскіе памятники искусства, а тамъ мы успѣемъ переговорить со всѣми, кто близко знаетъ ее.

Иностранцы повернули въ другую аллею и съ большимъ вниманіемъ начали всматриваться въ каждую статую, пьедесталы, орнаменты, и мраморныя доски, испещренныя надписями.

Нѣсколько времени спустя товарищи подошли къ великолѣпной статуѣ гражданина Аристона, сына Артенова, увѣнчанной 10 оливковыми вѣнками за важныя услуги, оказанныя имъ отечественному городу *), и затѣмъ приблизившись къ тѣнистому дереву, подъ которымъ сидѣла Гикія, начали излагать другъ другу вынесенныя впечатлѣнія относительно площади заслугъ въ Херсонесѣ.

*) Отъ статуи этой въ настоящее время найдено мраморное подножіе съ надписью, свидѣтельствующею о подвигахъ этого гражданина.

— Признаюсь я никогда не думалъ, сказалъ Ксеноклидъ, чтобы такія безподобныя статуи находились въ этомъ городѣ. Онѣ навѣрно заказывались или покупались въ Аѳинахъ и Византіи. Нѣкоторыя же, безъ сомнѣнія, принадлежатъ рѣзцу древнихъ чудотворцевъ. Мнѣ кажется, другъ мой, намъ не придется продать здѣсь почти ничего.

— Это будетъ непріятно, но чтожъ дѣлать, въ крайности поѣдемъ въ Каркинитосъ, Ольвію или обратно домой.

Чужестранцы возвратились въ *ксенодохію* *) въ печальномъ настроеніи и потребовали подать имъ на завтракъ свѣжей рыбы и сосудъ вина.

— Мнѣ кажется, вы прибыли въ нашъ городъ, сказалъ содержатель ксенодохіи, съ товарами для распродажи. Если я не ошибаюсь вамъ нуженъ будетъ глашатай для успѣшнаго дѣла?

— Да, намъ, дѣйствительно нуженъ, расторопный человѣкъ. Не можешь ли ты рекомендовать его?

Хозяинъ подозвалъ къ себѣ стоящаго у дверей юношу и предложилъ ему поговорить о дѣлѣ съ гостями своими.

— Какія услуги потребуютъ отъ меня господа архонты? сказалъ онъ, подходя къ чужестранцамъ.

— Во первыхъ, позавтракать съ нами, отвѣчали они, давая ему мѣсто, а во вторыхъ устроить намъ продажу статуй и амфоръ тонкой работы.

— На этотъ товаръ у насъ много охотниковъ. Въ крайности же заберутъ жрецы и весталки въ храмы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ удалось въ самое непродолжительное время продать съ аукціона болѣе десятка мраморныхъ издѣлій за высокую цѣну. Надѣюсь, что этимъ способомъ и вамъ помогу. Но только мнѣ необходимо дать два дня сроку для оповѣщенія гражданъ, а въ эти дни вамъ придется выставить товаръ, чтобы все было готово къ безотлагательному торгу.

Предложеніе было принято и друзья, покончивши съ ѣдою, разошлись.

---

*) Домъ для чужихъ, теперешнія гостинницы.

Три дня спустя громадная толпа народа суетилась на рыночной площади Херсонеса и съ нетерпѣніемъ слѣдила за шестомъ указывающимъ полдневную тѣнь, такъ какъ съ этой минуты долженъ былъ начаться торгъ.

Ксеноклидъ и Родонъ находились въ центрѣ площади и задумчиво посматривали на прикрытыя парусами произведенія свои.

Какъ только тѣнь отъ шеста указала на полдень, глашатай выступилъ впередъ и скомандовалъ стражникамъ поставить на нарочно устроенный пьедесталъ одну изъ статуй.

Приказаніе было немедленно исполнено и предъ народомъ показалась Афродита въ величественной позѣ. Сотни голосовъ привѣтствовали ликъ любимой богини.

— 400 драхмъ, закричалъ глашатай, кто предложитъ больше?

Повышенія послѣдовали довольно быстро и въ самое короткое время достигли до 900 драхмъ.

— Отдавай, шепнулъ Ксеноклидъ.

— Не отдамъ дешевле тысячи—отвѣчалъ факторъ.

— Тысячу! раздался вдругъ женскій голосъ и расступившаяся толпа пропустила впередъ Гикію.

„Зито! зито *)! отвѣтилъ народъ.

Послѣдующія затѣмъ статуи также куплены были дочерью Ламаха. Изъ амфоръ только немногія перешли въ руки богатыхъ гражданъ.

Когда все было распродано, Гикія, приказывая заплатить чужестранцамъ слѣдуемыя деньги, громко сказала:

— Господа, я закупила все, что вы привезли къ намъ не потому, что изваянія ваши стоили этого, но для того, чтобы доказать, насколько мы уважаемъ обязанность гостепріимныхъ хозяевъ. Надѣюсь, что вы не станете за это злословить Херсонесцевъ. Затѣмъ, обратившись къ сопутствующему ей казначею, она приказала амфоры свезти въ даръ храму Діаны, а статуи разставить у наружныхъ стѣнъ акрополя.

— Неужели по вашему мнѣнію, сказалъ Ксеноклидъ,

*) Въ родѣ „живіо“ или много лѣтъ!

ни одна изъ нихъ не удостоится чести попасть на площадь заслугъ?

— Я охотно поставила бы ихъ всѣхъ туда, отвѣчала Гикія, еслибъ подмѣтила хоть тѣнь искусства. Статуи эти могутъ только нравиться людямъ, не умѣющимъ видѣть въ красивомъ изящнаго. Передайте скультору вашему, чтобы онъ дѣлалъ снимки свои съ натуры, если пожелаетъ въ будущемъ сбывать ихъ въ Херсонесѣ.

Ксеноклидъ покраснѣлъ. Ему очень хотѣлось возражать, но Гикія, быстро измѣнивъ разговоръ, начала просить его оказать ей честь взглянуть на нѣкоторыя статуи, присланныя ей изъ Аѳинъ и еще не выставленныя предъ народомъ.

— Мнѣ хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе, прибавила она, домъ мой вамъ каждый укажетъ, если вы спросите Гикію, дочь протевтона Ламаха.

Молодой человѣкъ поклонился и отвѣчалъ, что завтра утромъ исполнитъ ея желаніе.

. На слѣдующій день Ксеноклидъ направился къ величественному дворцу Ламаха, который занималъ громадное пространство земли и почти соприкасался съ предмѣстіемъ Сузы, доходившимъ до теперешней Камышевой бухты. Дворецъ этотъ выстроенъ былъ на всѣ четыре страны свѣта и былъ такъ высокъ, что протевтонъ имѣлъ возможность, не выходя изъ дома, слѣдить за всѣмъ, что творилось въ городѣ и окрестностяхъ его. Окруженный высокою стѣною, онъ имѣлъ пять въѣздныхъ воротъ и много небольшихъ калитокъ для рабовъ и рабынь, которые наполняли отдѣльные дворы съ сотнями другихъ построекъ и день и ночь заняты были исполненіемъ своихъ обязанностей.

Ксеноклидъ подошелъ къ главнымъ воротамъ у которыхъ какъ бы на стражѣ, стояли два мраморныхъ льва и четыре крылатыхъ грифа.

— Здѣсь живетъ Гикія дочь протевтона Ламаха? спросилъ онъ у придверника.

— Не тебѣ ли приказано было вчера явиться къ ней? отвѣчалъ сторожъ.

— Да, мнѣ.

— Комосарія! закричалъ придверникъ, ударивъ два

раза въ мѣдную бляху, висѣвшую за воротами. Сейчасъ придетъ дочь моя, которая и проводитъ тебя къ госпожѣ нашей, прибавилъ онъ, обращаясь къ гостю.

Нѣсколько минутъ спустя у воротъ появилась молодая дѣвушка такой поразительный красоты, что скульпторъ, давно помѣшанный на идеальныхъ образцахъ женщины, впился въ нее глазами.

— Чего желаютъ отъ меня? спросила дѣвушка съ кротостію.

— Чтобы этого господина провели къ нашей госпожѣ—отвѣчалъ привратникъ—потрудись-же, дочь моя, исполнить волю Гикіи.

Комосарія взглянула на чужестранца и ласково предложила ему слѣдовать за нею.

Ксеноклидъ машинально повиновался и почти не обратилъ вниманія на цѣлый рядъ сфинксовъ, статуй и барельефовъ, стоявшихъ по обѣ стороны аллеи, ведущей отъ воротъ до дворца.

— Подождите здѣсь—сказала красавица, вводя гостя въ атріумъ—а я побѣгу извѣстить госпожу.

Скульпторъ, оставшись наединѣ, невольно осмотрѣлся. Громадная комната, прорѣзанная двумя рядами мраморныхъ колоннъ, представляла чуть-ли не всѣ виды классическихъ орнаментовъ и стилей. На одной изъ стѣнъ высѣчены были имена знаменитыхъ посѣтителей дворца, а на другой постановленія, какъ слѣдовало посѣтителю обходиться съ протевтономъ. Тутъ-же между строками и по краямъ вставлены были великолѣпныя камеи и нѣсколько фарфоровыхъ медальоновъ съ восхитительными изображеніями дѣтскихъ головокъ или птичекъ съ яркими перьями. Изъ всего этого особеннаго вниманія заслуживалъ огромный мраморный змѣй съ открытою пастью и длиннымъ жаломъ. Ксеноклидъ началъ всматриваться въ дивное твореніе и какъ-то случайно прикоснулся рукою къ головѣ чудовища, изъ жала котораго въ туже минуту брызгнула струя янтарнаго вина. Скульпторъ съ ужасомъ отскочилъ, но видя, что вино льется напрасно, подбѣжалъ снова къ прекрасному изваянію и крѣпко прижалъ пальцемъ отверстіе у жала.

Въ эту минуту въ атріумъ вошла Гикія въ сопровожденіи Комосаріи. Замѣтивъ неосторожность любознательнаго гостя, она сдѣлала знакъ рабынѣ исправить ошибку гостя и послѣ обыкновеннаго привѣтствія предложила ему слѣдовать за собою. Болѣе десяти обширныхъ залъ, наполненныхъ образцовыми произведеніями искусства, промелькнули предъ глазами Ксеноклида, наконецъ они вошли на площадку предъ домомъ, обнесенную каменною верандою изъ серпентина сосѣдней Инкерманской скалы. Здѣсь стояло нѣсколько статуй, казавшихся неподражаемой работы.

— Прежде всего взгляни на этого Эндиміона — сказала Гикія — мнѣ кажется, что скульпторъ старался придать ему больше красоты, чѣмъ она можетъ существовать.

Ксеноклидъ, осмотрѣвъ чудную статую, отвѣчалъ:

— Я не вижу въ ней ничего неестественнаго, такъ-какъ это точный снимокъ съ Асандрита, сына нашего архонда.

— Извини меня, дорогой гость, если я не повѣрю твоимъ словамъ.

— Такъ точно, госпожа, и я до сегодняшняго дня сомнѣвался въ такой красотѣ лица и стана, какою награждена твоя рабыня Комосарія. Будь у меня такая жена, я быть можетъ превзошелъ-бы и Фидія.

— Зачѣмъ-же стало дѣло? Я готова для искусства пожертвовать одною изъ служанокъ, но при одномъ условіи, что ты долженъ получить ее не безъ труда.

— Я готовъ на всѣ услуги.

— Только не лично мнѣ. А вотъ что я предложу: по случаю подарка твоихъ статуй храму Діаны, жрецы устроятъ диспуты, пѣнье и другаго рода забавы, при которыхъ и я буду присутствовать. Комосарія также будетъ со мною. Скажи мнѣ, въ чемъ ты особенно искусенъ?

— Въ пѣніи и импровизаціи—отвѣтилъ Ксеноклидъ.

— Ну и хорошо; я предложу въ жены Комосарію тому, кто лучше споетъ. Доволенъ-ли ты этимъ.

— Ты вторично оказываешь милость.

— Не милость, а гостепріимство.

— Но чѣмъ-же я, бѣднякъ, могу отслужить дочери протевтона.

— Если ты желаешь не оставаться у меня въ долгу, то докажи, что оригиналъ моего Эндиміона существуетъ.

— Для достиженія этого мнѣ придется пригласить моего друга въ Херсонесъ, но въ качествѣ кого?

— Въ качествѣ продавца могильныхъ перстней — прибавила Гикія—у насъ вообще очень нуждаются въ этихъ вещахъ. Въ Пантикапеѣ-же, кажется, много искусныхъ рѣзчиковъ печатей. Пусть онъ прямо явится ко мнѣ. И такъ я могу надѣятся на эту услугу?

— Вполнѣ, госпожа моя.

— Теперь осмотри остальныя статуи мои и безъ стѣсненія сообщи мнѣ о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ.

Ксеноклидъ, избравъ удобную точку, послѣ продолжительнаго наблюденія объявилъ, что только двѣ изъ нихъ принадлежатъ къ золотому вѣку искусствъ, а остальныя хотя и не дурны, но далеко ниже стоятъ въ сравненіи съ его трудами.

— Ты опять желаешь намекнуть мнѣ о своемъ искусствѣ? спросила Гикія.

— Я дѣлаю только сравненіе.

— А я отвѣчу, что вслѣдствіе давняго антогонизма мы не можемъ восхищаться произведеніями жителей Босфорскаго царства. Намъ кажется въ нихъ все преувеличеннымъ, несоотвѣтствующимъ естеству.

— Въ такомъ случаѣ — сказалъ съ обидою Ксеноклидъ—дочь протевтона напрасно купила мои труды.

— Ты ошибаешься. Она купила ихъ не для себя, а для того, чтобы сберечь для потомства, которое безъ вражды станетъ смотрѣть на нихъ. Но довольно объ этомъ. Не пожелаешь-ли ты взглянуть съ террасы нашего дворца на Херсонесъ.

Скульпторъ безъ возраженія послѣдовалъ за прекрасною хозяйкою, которая нарочно переводила его изъ комнаты въ комнату, какъ-бы съ цѣлью поражать громаднымъ богатствомъ, единственною наслѣдницею котораго была она. Наконецъ они очутились на балконѣ

или высокой террасѣ, плотно приставленной къ Ю. В. углу дворца въ видѣ наблюдательной башни.

— Такъ-ли и въ вашей столицѣ хорошо? спросила Гикія, садясь на мраморную скамью.

Ксеноклидъ оглянулся кругомъ: отъ Карантиннаго залива шла высокая стѣна по хребту, идущему по направленію къ востоку и прикрывающему Ктеносскій заливъ, усѣянный рыбачьими лачужками. Стѣна эта терялась вдали и кое-гдѣ обозначалась сторожевыми башнями. Гикія передала скульптору, что она въ дальнѣйшемъ протяженіи поворачивала направо и доходила до обрывистыхъ скалъ Узкоустаго залива. Такъ ли это было, Ксеноклидъ не могъ убѣдиться, но онъ хорошо замѣтилъ, что отъ нея отдѣлялась стѣна и огибала городъ по крайней мѣрѣ на четыре тысячи шаговъ. Кромѣ этой защиты между двумя бухтами находился обширный акрополь, обнесенный также высокою стѣною и башнями. По объясненію Гикіи акрополь этотъ былъ воздвигнутъ Діофаномъ, полководцемъ Митридата, послѣ одержанной имъ побѣды надъ Скиѳами. Здѣсь онъ помѣстилъ сильный гарнизонъ, остававшійся наблюдателемъ до того времени, пока несчастному царю пришлось лишиться послѣднихъ владѣній своихъ въ пользу римской имперіи.

— Я съ особеннымъ наслажденіемъ изучаю жизнь этого великаго государя—сказала дочь протевтона—и просила отца моего тщательно сберегать надпись, вставленную въ эту крѣпость Діофаномъ.

Отсюда взоры Ксеноклида перенеслись на чудный городъ, расположенный правильными кварталами, за плечами котораго зеленѣла священная роща дубовъ, составляющая мѣсто вдохновеній и молитвъ людей, искавшихъ утѣшенія.

— Какая величественная зелень и какъ должно быть тамъ хорошо—заговорилъ скульпторъ.

— Роща эта тянется до храма Діаны и составляетъ принадлежность его. Наши добрые жрецы своеручно очищаютъ ее и сторожатъ отъ дерзкихъ. Тѣ, кто хочетъ встрѣтиться съ ними и послушать ихъ мудрыя рѣчи, обыкновенно идутъ туда и располагаются у подножья

старѣйшаго дерева, въ дуплѣ котораго стоитъ сосудъ съ водою.

— Ты сказала мнѣ о храмѣ Діаны—прервалъ ее Ксеноклидъ—но не объяснила его спеціальности. Не приносятся ли въ немъ такія же жертвы, какъ и у Тавровъ на Кріуметопонѣ?

— Нѣтъ, здѣсь никогда не допускались въ жертву люди. Мы чтимъ нашу богиню иначе. Она въ тоже время охраняетъ насъ отъ внезапнаго нашествія отважныхъ пиратовъ, которые нерѣдко направляются съ востока и Ю. В. Съ этого высокаго храма видно море на громадное пространство и на случай, еслибъ пираты появились, насъ извѣщаютъ заблаговременно посланные отъ сторожеваго жреца. Кромѣ этого мы тамъ въ сосѣдствѣ имѣемъ казарму, въ которой содержится постоянная охранительная стража, могущая отразить дерзкихъ отъ высадки на берегъ. Впрочемъ ты все это увидишь завтра самъ.

Ксеноклидъ продолжалъ смотрѣть на городъ, одна изъ улицъ котораго чрезвычайно заинтересовала его тѣмъ, что выкопана была въ землѣ, какъ бы съ цѣлью скрыть движеніе на ней массы народа. Идя отъ залива, она на поворотѣ оберегалась круглою башнею, которая въ темныя ночи освѣщалась и въ которой имѣла постоянное пребываніе городская стража, наблюдавшая за городомъ и движеніемъ въ окрестностяхъ.

— Мнѣ никогда не приходилось видѣть — сказалъ скульпторъ — подобной улицы въ городѣ. Объясни мнѣ значеніе ея.

— Тебя удивляетъ, что она глубоко вырыта въ землѣ и окружена каменными стѣнами. Это сдѣлано съ различными цѣлями, такъ какъ она служитъ единственнымъ проходомъ въ городъ со стороны бухты и Ктеносскихъ воротъ. Всѣ идущіе съ продуктами, товарами и другими произведеніями, вступая въ нее, во первыхъ находятся на глазахъ сторожей, и наконецъ, лишены возможности укрыться или передать свои грузы, не удостовѣривъ предварительно, что получили право на вносъ ихъ въ городъ.

— А это что за площадь съ навѣсами по сторонамъ?

спросилъ Ксеноклидъ, указывая на большое пространство, перепоясанное каменными линіями въ видѣ аллей, которое, начинаясь круглою башнею, сходило къ морю.

— Это нашъ невольничій рынокъ. Бываетъ время, когда здѣсь толпятся купцы чуть ли не изъ всѣхъ отдаленныхъ городовъ Азіи и Африки. Я всегда почти покупаю здѣсь невольницъ, которыхъ впослѣдствіи пристраиваю, да отецъ мой выбираетъ тутъ же необходимыхъ ему работниковъ.

— А вотъ—это зданіе, на которомъ красуются статуи? сказалъ скульпторъ, указывая на востокъ.

— Это городское зданіе, въ которомъ учится мудрости не только наша, но и иностранная молодежь. Сюда входятъ свободно всѣ дидаскалы, философы и вообще люди, посвятившіе себя человѣчеству и познаніямъ строгихъ правилъ жизни. Это божественное учрежденіе составляетъ гордость Херсоницы и привлекаетъ сюда самыхъ знаменитыхъ просвѣтителей людей, которыхъ мы принимаемъ съ радостію и содержимъ на свой счетъ, не жалѣя ничего. Жаль только, что ваша Пантикапея, вѣроятно, изъ наслѣдственной вражды, никогда не присылала намъ ни одного изъ своихъ наставниковъ.

Ксеноклидъ обратилъ свои взоры на всѣ три виднѣющіяся бухты, переполненныя судами, которыя, какъ пчелы, неутомимо носили въ свой улей съ отдаленныхъ полудикихъ странъ лучшія произведенія и отсюда уже раздавали ихъ просвѣщеннымъ народамъ.

— Протевтонъ также, вѣроятно, имѣетъ свои суда? спросилъ скульпторъ, взглянувъ на Гикію.

— Около полусотни—отвѣчала хозяйка—и всѣ они исключительно занимаются привозкою хлѣбнаго зерна, которое за исключеніемъ потребнаго количества на стражу и горожанъ сберегается въ запасныхъ магазинахъ, чтобы въ голодные года предупредить крайнія нужды.

Этого было достаточно Ксеноклиду, чтобы взвѣсить громадное богатство Ламаха и оцѣнить значеніе Херсонеса, который, не смотря на ничтожность своей территоріи всегда почти имѣлъ перевѣсъ надъ Пантикапеею, готовою пожертвовать очень многимъ, чтобы подчинить его своей власти.

— Теперь, когда я тебѣ показала все, чѣмъ мы владѣемъ—заговорила снова Гикія, я предложу потырь амброзіи и пожелаю успѣха на завтрашній день.

Молодая хозяйка ударила въ ладоши и приказала рабынѣ угостить гостя дорогимъ напиткомъ.

— За здоровье будущей моей госпожи! сказалъ скульпторъ и откланялся.

— Благодарю за честь, но не забуду обѣщанія представить мнѣ оригиналъ моего Эндиміона.

Когда Ксеноклидъ вышелъ со двора, Гикія снова спустилась къ доставленнымъ ей статуямъ и жадно прильнула къ мраморной груди прекраснаго изваянія.

„Неужели ты существуешь въ натурѣ? говорила она про себя—и вдобавокъ въ лицѣ враждебной намъ фамиліи Пантикапейскаго архонта?... Нѣтъ нужды, я всѣмъ готова пожертвать, чтобы только одинъ день, одинъ часъ прижать его къ сердцу. Слышишь, Эндиміонъ, какъ безумно я полюбила тебя?... И она опустила голову къ ногамъ статуи. Я подожду мѣсяцъ и два и если онъ не исполнитъ обѣщанія, то мнѣ пособитъ Комосарія, которая послѣдуетъ за этимъ человѣкомъ. Рѣшено, что если Эндиміонъ существуетъ въ натурѣ, то онъ будетъ моимъ не смотря ни на какія стороннія обстоятельства. Въ противномъ случаѣ я употреблю силу и буду владѣть имъ такъ точно, какъ теперь владѣю этимъ холоднымъ камнемъ.

Въ этихъ мысляхъ прекрасная дѣвушка заснула у подножія статуи и блаженствовала въ компаніи восхитительнаго существа, какъ-бы оживленнаго ею. Открывши глаза, Гикія изумлена была присутствіемъ Комосаріи.

— Я стерегла мою госпожу—сказала она—изъ боязни, чтобы лучи солнца не причинили ей головной боли.

— Спасибо, но я кажется недолго спала. Во всякомъ случаѣ ты очень кстати пришла. Видѣла ли ты, Комосарія, бывшаго у меня иностранца?

— Я сама его провожала къ вамъ.

— А понравился ли онъ тебѣ?

— Рабыня обязана скрывать личныя чувства отъ госпожи своей. Такъ училъ меня отецъ.

— Твой отецъ не обманывалъ тебя; но это дѣлается не тогда, когда госпожа твоя допрашиваетъ съ цѣлью.

— Онъ такъ прекрасенъ, какъ Аполлонъ—отвѣчала скромно Комосарія.

— Мнѣ только и хотѣлось это слышать. Этому Пантикапейцу ты очень понравилась и я имѣла неосторожность предложить ему тебя въ жены, но не иначе, какъ въ награду, если онъ одержитъ завтра побѣду.

— И вы сдержите ваше слово?

— Какъ всегда и во всемъ. Но вотъ, Комосарія, съ какимъ условіемъ я отпущу тебя: ты настоишь надъ мужемъ твоимъ, чтобы онъ безотлагательно исполнилъ данное мнѣ обѣщаніе. На случай же, если онъ окажется безсильнымъ, ты не замедлишь извѣстить меня.

— Для васъ я всегда готова буду сдѣлать все пріятное.

Гикія въ знакъ благоволенія протянула къ ней руку, которую рабыня приложила къ устамъ.

Тѣмъ временемъ Ксеноклидъ направился въ народный гимназіумъ, чтобы составить себѣ понятіе о мудрецахъ Херсонеса. Онъ вступилъ въ залъ въ то время, когда софистъ взошелъ на каѳедру при полнѣйшей тишинѣ.

„Друзья мои—началъ онъ громкимъ и плавнымъ голосомъ, обращаясь къ массѣ слушателей—я прибылъ изъ Итаки и намѣреваюсь прежде всеге познакомить васъ съ моимъ отечественнымъ толкомъ или такъ сказать Іоническою философіею, основателемъ которой является безсмертный Ѳалитъ *), создавшій богоподобнаго Сократа съ его славными учениками и сотни философовъ, академиковъ, киренаиковъ, еристиковъ, перипатетиковъ и стоиковъ.

Ѳалитъ родился въ Іонійской колоніи Милетѣ въ первое лѣто 35-й Олимпіады. Не смотря на богатство и безпредѣльныя способности, онъ жилъ въ уединеніи и не хотѣлъ завести семейства только потому, что страшился мысли потерять при жизни своей кого-либо изъ близкихъ сердцу. „Подобная потеря—говорилъ онъ—лишила бы меня той привязанности къ міру, которою

---

*) Тотъ самый мудрецъ, который извѣстенъ намъ подъ именемъ Ѳалеса.

я наслаждаюсь теперь“. Такого рода убѣжденіе сильно не понравилось законодателю Солону. Ѳалитъ, узнавъ объ этомъ мѣсяцъ спустя, послалъ извѣстить законодателя о смерти сына его, а самъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ предавался отчаянію.

— Теперь позволь мнѣ спросить—сказалъ онъ, улыбаясь—я ли счастливѣе тебя, или ты разбитый горемъ?

Ѳалитъ училъ о свойствѣ вещей, о мореплавательной астрономіи, о точкахъ поворота солнца и равноденствіи и при этомъ обладалъ даромъ краснорѣчія. Посѣщая египетскихъ жрецовъ, въ надеждѣ чему-либо научиться у нихъ, онъ самъ научилъ ихъ измѣрять высоту своихъ пирамидъ посредствомъ колышка и тѣни. Мы не станемъ разсказывать вамъ всего, что проповѣдовалъ слушателямъ своимъ этотъ мудрецъ, но передадимъ главнѣйшія убѣжденія, которыя сохранились въ замѣткахъ послѣдователей его, такъ какъ онъ не нашелъ нужнымъ составить книги, могущей обезпечить за нимъ славу перваго великаго мыслителя.

Ѳалитъ утверждалъ прежде всего, что Богъ есть единъ, не имѣлъ начала и не будетъ имѣть конца, что онъ непостижимъ; что для него нѣтъ ничего сокровеннаго и что онъ видитъ все въ глубинѣ нашихъ сердецъ и что Богъ есть душа міра.

Убѣжденіе это настолько нынче распространено, что намъ не приходится возражать противъ него и я совѣтовалъ бы слушателемъ моимъ запомнить это.

Говоря о Богѣ, философъ допускаетъ существованіе и другихъ духовъ, которыхъ называетъ демонами и героями. Послѣднихъ онъ принимаетъ за наши души, подраздѣляющіяся на добрыя и злыя. Душа человѣческая безсмертна и безпрестанно сама собою движется. Затѣмъ онъ увѣряетъ насъ, что вода есть начало всего, что все изъ нея родится и все въ оную превращается; что въ мірѣ нѣтъ пустаго мѣста; что все подлежитъ перемѣнѣ и состояніе вещей есть минутное, что ночь первѣе получила свое бытіе; что звѣзды имѣютъ свойство земли; что луна освѣщается отъ солнца и что стояніе ея между солнцемъ и землею производитъ затмѣніе. Всего же интереснѣе его мнѣніе о веществѣ, дѣлив-

шемся непрерывно. Я по этому поводу выскажу вамъ отдѣльно мое мнѣніе, какъ только окончу разсказъ мой о Ѳалитѣ, котораго считаю отцемъ естественной философіи и человѣкомъ, завѣщавшимъ намъ много нравственныхъ правилъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

a) Не забывай друзей въ отсутствіи ихъ.
b) Заботься о чистотѣ души.
c) Оказывай почтеніе родителямъ;
d) Будь во всемъ умѣренъ;
e) Учи другихъ тому, что лучше ихъ знаешь.
f) Не довѣряйся людямъ безъ разбору.
g) Не дѣлай того, что порицалъ бы въ другомъ.
h) Узнай прежде всего самого себя, чтобы взвѣшивать поступки другихъ.

Пусть найдется между вами кто-нибудь, который возразитъ мнѣ противъ этихъ истинъ? спросилъ ораторъ. Мертвое молчаніе не прервалось.

— Очень радъ—продолжалъ софистъ—что я здѣсь не встрѣчаю людей, идущихъ въ разрѣзъ съ разсудкомъ великаго соотечественника моего. Это придастъ мнѣ больше охоты посвящать васъ въ тайны космоса и начать разсказъ мой о значеніи вещества. Слушайте же, друзья мои: вездѣ, гдѣ-бы мы ни находились, встрѣчаемъ безчисленное множество различныхъ предметовъ, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ. При первомъ поверхностномъ взглядѣ на нихъ мы какъ-будто видимъ чрезвычайное разнообразіе, не представляющее ничего общаго между собою. На самомъ же дѣлѣ выходитъ совершенно другое: во всемъ оказывается что-то вещественное, что-то составляющее частичку одного общаго цѣлаго или лучше сказать, что всѣ эти разнообразныя тѣла не болѣе, какъ видоизмѣненіе чего-то единаго, неизмѣннаго по сущности, вѣчнаго по времени и безконечнаго по пространству. Къ этому для ясности добавлю, что ни одна пылинка, какъ-бы она ни была мала, не можетъ пропасть изъ вселенной и ни единая пылинка не можетъ прибавиться къ ней. То, что разрушается предъ нашими глазами, оно даетъ матеріалъ для другаго предмета и выходитъ только одно правило, что надо жить для смерти, а смерть нужна для жизни другихъ.

Таково мое убѣжденіе о веществѣ. Теперь же я перейду къ понятіямъ о сохраненіи жизненныхъ силъ нашихъ, обезпечивающихъ наше благоденствіе...

Какъ не интересно было Ксеноклиду оставаться долже въ гимназіумѣ, но вспомнивъ, что завтра ему предстояло состязаніе за Комосарію и онъ обязанъ былъ предварительно познакомиться съ общими правилами его, скульпторъ быстро выскочилъ изъ аудиторіи и, пришедъ домой, потребовалъ къ себѣ фактора.

— Другъ мой—сказалъ онъ—мнѣ необходимо достать на завтрашній день самую звучную лиру.

— Я могу ее достать за ничтожную плату.

— Теперь скажи мнѣ, что требуется въ Херсонесѣ отъ хорошаго пѣвца!

— Прежде всего блистательный нарядъ, отважная смѣлость и мелодическій голосъ.

— Могу ли я, чрезъ посредство твое получить первое?

— За деньги всѣ готовы служить намъ.

— Еще одинъ вопросъ: какого рода пѣсни болѣе любимы Херсонесцами?

— Ихъ чаруютъ военные подвиги отцовъ, лавровые вѣнки, морскія бури и привѣтливыя улыбки женъ.

— А какія правила установлены для желающихъ учавствовать въ состязаніи?

— Правилъ у насъ не существуетъ: всѣ обязаны подчиняться архитриклинамъ или распорядителямъ, которые изустно передаютъ ихъ участникамъ.

— Спасибо, пріятель. Вотъ тебѣ 50 драхмъ, надѣюсь, что ты раньше вечера доставишь мнѣ на прокатъ лиру и лучшій нарядъ.

Факторъ вышелъ, а Ксеноклидъ приступилъ немедленно къ составленію приличной импровизаціи.

На другой день съ разсвѣтомъ скульпторъ въ роскошномъ нарядѣ Херсонесскаго гражданина съ лирою въ рукахъ направился къ храму Діаны, отстоящему отъ города въ 100 стадіяхъ. Ему хотѣлось раньше другихъ быть на мѣстѣ, чтобы осмотрѣть это капище и познакомиться съ ареною, предназначенною для игръ и состязаній. Чужеземцу не трудно было отыскать капище, къ которому вела дорога, засаженная деревьями. Преж-

де всего онъ увидѣлъ высокое пирамидальное зданіе, верхній этажъ котораго составлялъ обширную круглую комнату, окруженную вмѣсто стѣнъ высокими колоннами. Прошедъ еще нѣсколько стадій, онъ началъ отличать громадную статую богини, стоявшую въ центрѣ открытаго съ боковъ храма, а между колоннами изображенія другихъ божествъ. Къ нимъ вела широкая лѣстница изъ бѣлаго серпентина. Нижніе этажи зданія повидимому предназначались для богослуженій и пребыванія жрецовъ. По сторонамъ воздвигнуты были въ видѣ амфитеатра двѣ пристройки, на которыя подымалась публика, могущая слѣдить за священнодѣйствіемъ предъ божествомъ.

Ксеноклида принялъ одинъ изъ очередныхъ жрецовъ и ввелъ въ большую комнату, по срединѣ которой на высокомъ пьедесталѣ стояла небольшая деревянная статуя, изображавшая Діану съ воинскими доспѣхами.

— Преклонись, сынъ мой, предъ нашею покровительницею—сказалъ онъ набожнымъ тономъ—и она даруетъ тебѣ побѣду надъ противниками. Ты первымъ сегодня пришелъ и надо вѣрить, что она изольетъ на тебя свое благоволеніе.

Скульпторъ палъ ницъ предъ божествомъ, которому приписывалось такое могущество. Онъ молился и за себя и за прелестную Комосарію.

— Теперь положи твою лиру у ногъ богини—продолжалъ жрецъ, воскури ей своеручно ѳиміамъ, а затѣмъ иди за мною. Мнѣ кажется, что ты чужестранецъ и нуждаешься въ завтракѣ.

Ксеноклидъ въ точности исполнилъ всѣ приказанія жреца, поразившаго его физическими силами. Очутившись съ нимъ въ роскошно убранной комнатѣ съ приготовленнымъ заранѣе завтракомъ, скульпторъ, удовлетворивъ любознательности жреца, очень обрадованъ былъ высокимъ мнѣніемъ его о присланныхъ Гикіею статуяхъ.

— Одна изъ нихъ—прибавилъ жрецъ—напоминаетъ мнѣ дѣвушку, которую я, кажется, никогда не забуду. О, это было славное созданіе, достойное лучшей участи. Отчего это родители и мужья не считаютъ за истинное благо хоть ежегодно отправлять женъ и дочерей

своихъ къ богини нашей на ночлегъ, а ограничиваются дѣлать это только предъ замужествомъ?

— Неужели у васъ и теперь соблюдается это правило?

— Не всѣми; только одни набожные дарятъ первую ночь новобрачной нашей милостивой богини.

У испуганнаго Ксеноклида отлегло отъ сердца.

Послѣ ѣды жрецъ, въ ожиданіи большаго наплыва гостей и предстоящаго праздника, долженъ былъ разстаться съ гостемъ.

Скульпторъ снова вышелъ на воздухъ и началъ подробно осматривать чудное строеніе, примыкавшее къ ужасной пропасти, въ которую низвергпались остатки жертвоприношеній. Затѣмъ онъ перешелъ на противоположную высокую скалу, чтобы взглянуть на рядъ укрѣпленій, отдѣлявшихъ Трахейскій полуостровъ отъ Узкоуской бухты и нѣкогда страшнаго логовища Тавро-скиѳовъ.

Не успѣлъ онъ окончить осмотра, какъ показались толпы народа, идущаго изъ города по направленію къ храму. Впереди всѣхъ ѣхало нѣсколько колесницъ, на которыхъ возсѣдали протевтонъ Ламахъ съ дочерью и и послѣдующіе за нимъ представители власти. Ксеноклидъ не замедлилъ направиться на встрѣчу къ особѣ, сдѣлавшей такъ много для него чужестранца и вдобавокъ Пантикапейца, считавшагося врагомъ Херсонеса.

Лишь только онъ приблизился къ капищу, послышался ударъ въ мѣдную доску и вслѣдъ затѣмъ выступило изъ храма и боковыхъ пристроекъ нѣсколько жрецовъ въ сопровожденіи прислужниковъ, арфистовъ, флейтщиковъ и другихъ причетниковъ, вооруженныхъ золотыми курильницами съ благовоніями, инструментами и боевыми доспѣхами, а нѣсколько минутъ спустя вынесена была и сама Діана, прикрытая сотнею золотыхъ вещей въ видѣ вѣнковъ, діадемъ, обручей и т. п. Главный жрецъ принялъ ее на руки и съ особеннымъ благоговѣніемъ вознесъ на вершину храма, отдѣленнаго отъ земли 40 ступенями. Установивъ ее на мраморномъ пьедесталѣ, онъ вложилъ изъ кадильницы своей огонь во всѣ урны, окружавшія божество и когда началъ исходить изъ нихъ тончайшій ароматическій запахъ, сдѣ-

лалъ знакъ служителямъ занять свои мѣста по краямъ священной лѣстницы.

Въ эту минуту Ламахъ съ Гикіею спустились съ колесницы и поднялись по ступенямъ. Жрецъ поднялъ руки и какъ только произнесъ первое слово молитвы, раздались стройные звуки нѣжной музыки.

Толпы народа поспѣшили занять мѣста въ амфитеатрахъ. Одинъ только Ксеноклидъ оставался внизу, не сводя глазъ своихъ съ Комосаріи, которая въ роскошной туникѣ съ драгоцѣннымъ поясомъ и золотымъ обручемъ на головѣ, стояла неподвижно на господской колесницѣ и, подобно Венерѣ, наблюдала за происходившимъ.

Процессія закончена была жертвоприношеніемъ овцы и легкимъ сѣченіемъ мальчика, какъ потребовала этого нѣкогда Діана Таврійская въ Аѳинахъ.

Въ это время жрецъ прикоснулся къ занавѣсамъ и предъ зрителями показались всѣ шесть статуй, купленныхъ и подаренныхъ Гикіею храму. Крики радости огласили воздухъ.

— Если скульпторъ ихъ здѣсь — заревѣлъ народъ — покажите его намъ!

У Ксеноклида забилось сердце и онъ поднялъ глаза къ Гикіи, которая сдѣлала ему знакъ приблизиться къ ней.

Какъ только молодой человѣкъ очутился на высотѣ храма, раздались снова крики удовольствія.

— Этотъ славный гость нашъ—обратился Ламахъ къ народу—навѣрно обладаетъ еще однимъ талантомъ, потому что у него на плечѣ виситъ лира. Господа, кто пожелаетъ помѣриться съ нимъ въ искусствѣ пѣнія и импровизаціи? Это доставило бы намъ второе удовольствіе.

— А какая награда обѣщается побѣдителю? спросило нѣсколько голосовъ.

— Не предвидя этого удовольствія, я къ сожалѣнію не распорядился захватить ничего съ собою, за исключеніемъ лучшей изъ рабынь моихъ Комосаріи, которая стоитъ на моей колесницѣ. Да будетъ же она наградою побѣдителю. Прошу желающихъ приблизиться.

На призывъ протевтона выступило нѣсколько моло-

дыхъ людей въ праздничныхъ одеждахъ. Имена ихъ записаны были на дощечкахъ и брошены въ урну, изъ которой поручено было вынимать ихъ мальчику, только что освященному сѣченіемъ въ честь всесильной богини.

Ксеноклиду выпалъ жребій пѣть послѣднимъ, вслѣдствіе чего онъ удалился со сцены и помѣстился за хоромъ, вызваннымъ жрецомъ для поддержки артистовъ. Всѣ пропѣли очень хорошо и искренно были привѣтствуемы согражданами. За ними выступилъ пантикапеецъ, объявививши предварительно, что онъ будетъ пѣть въ честь того, кто протянулъ къ нему руку гостепріимства вдали отъ отчизны. Сказавъ это, онъ направилъ нѣжный взглядъ на поблѣднѣвшую невѣсту свою и, сбросивъ лиру съ плеча, запѣлъ звучнымъ, неподражаемымъ голосомъ нижеслѣдующую пѣснь, послѣднія строфы которой должны были вториться хоромъ.

„На славномъ берегу Понта грознаго, гдѣ юноши храбрѣе львовъ, а дѣвы подобны ликами божествамъ, красуется новое созвѣздіе Гикіи, любимицы Діапы святой. Поклоняйтесь ей, счастливцы, поклоняйтесь ей славные герои!“

Хоръ: поклоняйтесь ей, счастливцы, поклоняйтесь ей, славные герои!

„Гикія будущая царица послужитъ украшеніемъ родной земли. Ей воздвигнутъ статуи свои и чужіе, въ честь ея сложатъ пѣсни и гимны и всѣ станутъ восторгаться ея именемъ. Радуйтесь же ея присутствію, поклоняйтесь же ея добродѣтели!“

Хоръ: Радуйтесь ея присутствію, поклоняйтесь ея добродѣтели!

„Я странникъ, прибывшій съ Босфора Киммерійскаго, я врагъ безъ вражды, я справедливый цѣнитель ея достоинствъ и красоты. Я первый преклоняю предъ нею колѣна и возношу ее до небесной высоты. Слава вамъ, Херсониты, слава вамъ, моряки!“

Хоръ: Слава вамъ, Херсониты, слава вамъ, моряки!

„Мнѣ ли не чтить вашу госпожу, мнѣ ли забыть ея доброту? Я буду помнить ее и во снѣ и всѣ творенія мои отнынѣ будутъ изображать ее одну. Радуйтесь же ея присутствію, радуйтесь ея здоровію“!

Хоръ: Радуйтесь же ея присутствію, радуйтесь ея здоровью!

О, Діана могущественная, о покровительница достойныхъ! сохрани въ благополучіи одно изъ лучшихъ твореній Зевса и даруй ей жизнь безконечную на славу соотечественникамъ. Живи же Гикія и украшай твою родину!

Хоръ. Живи же Гикія и украшай твою родину!

Пѣвецъ поклонился слушателямъ и поднялъ лиру на плечо. Сотни хвалебныхъ голосовъ раздались со всѣхъ сторонъ. Ламахъ пришелъ въ такой восторгъ, что рѣшился своеручно снять съ богини золотой вѣнокъ и надѣть его на пѣвца; а Гикія, сдѣлавъ знакъ Комосаріи приблизиться, подвела ее къ скульптору и вручила какъ трофей побѣды.

Крики удовольствія повторились снова, когда Ксеноклидъ выразилъ желаніе быть соединеннымъ брачными узами теперь же съ прелестною дѣвою. Желаніе это исполнено было самымъ торжественнымъ образомъ и новобрачные возвратились въ дворецъ протевтона въ одной изъ колесницъ архонта.

Пиръ продолжался до поздней ночи. Ламахъ подарилъ Комосаріи много цѣнныхъ вещей и обѣщалъ отправить ихъ въ Пантикапею на своемъ суднѣ. Гикія въ свою очередь наградила бывшую рабыню свою и при разлукѣ вторично напомнила не забывать про то, о чемъ просила ее.

На слѣдующій день Ксеноклидъ съ женою и другомъ своимъ переѣхали на судно и удалились отъ гостепріимнаго Херсонеса.

Пантикапея, расположенная на западномъ берегу Босфора Киммерійскаго, между Меотическимъ и Эвксинскимъ морями и между Таврикою и Кавказомъ, еще незадолго описываемаго нами времени находилась въ блистательномъ состояніи и была однимъ изъ обширнѣйшихъ и великолѣпныхъ столичныхъ городовъ Милетскихъ выходцевъ. Цѣлый рядъ династій красовались на его престолѣ и пользовались всемірною извѣстностію; но послѣ того, какъ это царство сдѣлалось вассальнымъ Римской имперіи, могущество его начало затѣмняться и дошло

постепенно до того, что Херсонесцы предписывали ему законы, а цари ихъ не смѣли именоваться громкими титулами монарховъ. Самое же печальное положенiе Босфорскаго царства было въ эпоху посѣщенiя Ксеноклидомъ Херсонеса.

Пантикапейцы, сознавая, что будущность ихъ не можетъ улучшиться, пока существуетъ Херсонесъ, питали къ этому городу непримиримую вражду, но чего только не предпринимали для сокрушенiя его, все оставалось или безъ послѣдствiй, или приносило ужасный вредъ. Эти неудачи заставили ихъ въ концѣ концовъ прибѣгнуть къ хитростямъ и подъ личиною дружбы и покорности превратить въ развалины несокрушимый городъ. Въ надеждѣ восторжествовать надъ врагомъ этимъ способомъ, царствовавшiй въ Босфорѣ Асандръ день и ночь придумывалъ, какъ легче достигнуть затаенной мысли, вслѣдствiе чего приглашалъ къ себѣ каждаго изъ подданныхъ своихъ, посѣщавшихъ Херсонесъ, и подробно разспрашивалъ о городскихъ укрѣпленiяхъ его, о привычкахъ гражданъ, о празднествахъ, расположенiи акрополя и всего, что могло зародить идею къ достиженiю цѣли.

Естественно, что возвращенiе Ксеноклида съ прекрасною женою и богатыми дарами отъ претевтона Ламаха, заставили Асандра, пригласить его къ себѣ чрезъ посредство сына, съ которымъ скульпторъ былъ въ дружескихъ сношенiяхъ.

Ксеноклидъ, которому хорошо извѣстны были планы архонта, съ перваго же слова употребилъ всѣ мѣры, чтобы наполнить сердце его дружественными чувствами къ врагамъ. Въ заключенiе, онъ торжественно выразилъ надежду на бракосочетанiе сына его съ единственною дочерью Ламаха, богатства котораго превышали состоянiе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ гражданъ Босфорскаго царства.

— Это было-бы отлично, сынъ мой,—отвѣчалъ архонтъ царь—но тебѣ кажется извѣстно, что мы не пользуемся расположенностiю ни протевтона, ни херсонесцевъ.

— Напрасно ты предполагаешь со стороны ихъ какую—либо вражду. Если-бъ они питали къ намъ подоб-

ное чувство, я не былъ-бы принятъ ими съ такимъ радушіемъ и не удостоился-бы такихъ наградъ.

— Неужели ты рѣшился-бы сдѣлаться посредникомъ въ этомъ дѣлѣ? спросилъ лукавый Асандръ.

— Я охотно сдѣлаю въ пользу твоего сына все, что будетъ зависѣть отъ меня, но, конечно, въ такомъ случаѣ, если ему понравится Гикія.

— И конечно, если онъ ее успѣетъ очаровать?

— Въ послѣднемъ я не сомнѣваюсь.

— Какимъ же образомъ ты думаешь свести ихъ вмѣстѣ?

— Дочь Ламаха просила меня привезти къ ней мастера могильныхъ перстней, а Асандритъ, какъ извѣстно, рѣжетъ на сердаликахъ чрезвычайно искусно. Ему не трудно будетъ скупить нѣсколько сотенъ этихъ камешковъ и явиться со мною къ Гикіи въ качествѣ продавца.

— А какъ она узнаетъ въ немъ моего сына?

— Объ этомъ я самъ уже позабочусь.

— Ты во всякомъ случаѣ окажешь мнѣ огромную услугу, если это дѣло сладится. Завтра я пришлю къ тебѣ Асандрита, съ которымъ вы сговоритесь, какъ лучше поступить. Что же касается могильныхъ перстней, то я отпущу вамъ самые лучшіе экземпляры изъ сокровищницы дѣдовъ моихъ.

Когда Ксеноклидъ удалился, Асандръ погрузился въ размышленіе.

„Женить сына моего на дочери какого-нибудь временнаго протевтона — думалъ онъ — это слишкомъ унизительно, но я доженъ рѣшиться на все, чтобы освободить царство мое отъ врага, ставшаго ему на дорогѣ и громившаго всякое предпріятіе дѣдовъ и отцовъ моихъ. Авось этою ничтожною жертвою мнѣ удастся разметать несокрушимую твердыню, лежащую на затылкѣ нашемъ и возстановить власть надъ Таврикою. Я увѣренъ, что Асандритъ, изъ любви къ престолу отцовъ, пожертвуетъ не только любовью къ ненавистной ираклiоткѣ, но даже и собственною жизнію. Но на чемъ Ксеноклидъ основываетъ свои надежды на этотъ бракъ? Неужели молва о красотѣ Асандрита дошла до слуха этой дѣвченки? Неужели Ламахъ не могъ пріискать ей достойнаго же-

ниха? Все это мнѣ кажется невѣроятнымъ, но я утомленный местью долженъ испробовать и это средство.“

Съ этими мечтами Асандръ отправился въ сокровищницу свою и выбралъ изъ нея лучшіе сердалики съ изображеніями фигуръ, окончившихъ земное поприще. Затѣмъ онъ пригласилъ сына своего Асандрита и спросилъ его ласковымъ голосомъ:

— Любишь ли ты отца и родину свою настолько, насколько это подобаетъ наслѣднику престола, нуждающемуся въ чрезвычайныхъ усиліяхъ для возстановленія утраченнаго величія?

Молодой человѣкъ поднялъ свои величественные глаза на добронравнаго, но немочнаго монарха и отвѣчалъ:

— Отецъ, я, кажется, не подавалъ тебѣ повода сомнѣваться въ моихъ искреннихъ чувствахъ.

— Ты правъ, сынъ мой, я, дѣйствительно не имѣю основанія не вѣрить твоей преданности, но также не знаю, въ какой мѣрѣ ты готовъ жертвовать собою для этихъ священныхъ обязанностей?

— Въ какой мѣрѣ? Я могу отвѣтить на это не словами.

— А чемъ?

— Моею кровью.

— Не кровь твоя нужна намъ въ настоящее время, сынъ мой, но тебѣ придется жениться на чужеземкѣ изъ враждебной намъ семьи и можетъ быть прожить вдали отъ насъ нѣсколько лѣтъ.

— Я охотно сдѣлаю это, если представляется польза для династіи.

— Не польза, но послѣдняя ставка: или мы окончательно погибнемъ и прекратимъ свою безотрадную агонію или сдѣлаемся полновластными хозяевами Таврики. Конечно, сказаннаго мною никто кромѣ насъ двухъ не долженъ знать. Завтра я подробно разскажу тебѣ, въ чемъ именно заключается моя мысль, а теперь ты иди къ скульптору Ксеноклиду и переговори съ нимъ о поѣздкѣ въ Херсонесъ. Ты долженъ ѣхать въ этотъ городъ и употребить всѣ средства, чтобы заставить дочь протевтона Ламаха выйти за тебя замужъ.

Асандритъ не замедлилъ отыскать пріятеля своего и, выслушавъ безконечную хвалебную пѣснь о Гикіи, съ

особеннымъ удовольствіемъ изъявилъ согласіе ѣхать въ Херсонесъ въ качествѣ продавца перстней.

Недѣлю спустя къ Пантикапейской пристани приблизилось большое, хорошо оснащенное судно, нагруженное осетровою икрою и свѣжими балыками. Судно это принадлежало Асандру, но грузъ скульптору Ксеноклиду. Всѣ полагали, что художникъ отправляется въ Византію или Римъ, гдѣ товары эти цѣнились очень высоко. Тѣмъ временемъ Асандритъ, переодѣтый въ тунику купца съ небольшою коробочкою въ рукахъ, выслушивалъ послѣднія приказанія отца.

— Если тебѣ удастся плѣнить эту красавицу—говорилъ онъ — и потребуютъ отъ тебя женитьбы, ты, конечно, соглашайся безъ замедленія. При этомъ постарайся увѣрить ихъ, что я съ цѣлью отпустилъ тебя въ чужіе края для выбора по сердцу невѣсты. Самое худшее, если Херсонесцы потребуютъ, чтобы ты безвыѣздно оставался въ ихъ городѣ. Но и на это мы вынуждены согласиться. Въ послѣднемъ случаѣ тебѣ придется, сынъ мой, позаботиться объ устройствѣ гдѣ-нибудь на берегу подземелья, гдѣ ты будешь скрывать часть людей, которыхъ я буду посылать къ тебѣ въ матросскихъ нарядахъ съ письмами, подарками и т. г. Ты, конечно, понимаешь, что подземелье должно вмѣщать по крайней мѣрѣ 500 воиновъ, которымъ необходима будетъ хорошая вода. Воины эти будутъ обладать всѣмъ необходимымъ для того, чтобы по первому твоему слову, конечно, при благопріятномъ обстоятельствѣ, внезапно выскочить, сжечь городъ и перебить всѣхъ жителей его. Помни же это хорошо, потому что я вторично не буду имѣть случая повторять тебѣ сказаннаго теперь, такъ какъ малѣйшая неосторожность не только испортитъ окончательно предпріятіе, котораго Херсониты не предполагаютъ, но и приведетъ къ ужасной враждѣ. Ты съ первыхъ дней обязанъ употребить всѣ усилія вселить къ себѣ полнѣйшее довѣріе Ламаха и первостатейныхъ гражданъ и одновременно подготовлять подземелье. На первыхъ порахъ никто не осмѣлится подозрѣвать въ тебѣ наслѣдственную вражду: всѣ будутъ воображать, что ты занятъ только молодою женою. Не забывай же, что

эти минуты будутъ самыми благопріятными для достиженія первой половины великаго дѣла. Я высказалъ тебѣ, сынъ мой, все и надѣюсь, что ты понялъ мою мысль и съумѣешь достигнуть того, чего не достигли предки твои. Да благословятъ же боги часъ твоей разлуки съ нами!

Асандритъ почтительно поцѣловалъ руку отца своего и быстрыми шагами удалился изъ дворца.

Три дня спустя въ большую Херсонесскую бухту вступило на всѣхъ парусахъ прекрасное судно съ флагомъ Босфорскаго царства. Херсонесцы съ неудовольствіемъ посмотрѣли на него, но лишь только узнали, что на немъ прибылъ съ грузомъ лакомыхъ товаровъ славный скульпторъ и пѣвецъ Ксеноклидъ, лучшіе изъ гражданъ поспѣшили привѣтствовать его. Всѣ приглашали артиста въ свой домъ и заботливо разспрашивали о Комосаріи. Отъ протевтона также явился посолъ съ поздравленіями и просьбою посѣтить его.

Такой дружелюбивый пріемъ и быстрая раскупка товара чрезвычайно удивляла Асандрита, привыкшаго считать Ираклiотовъ Херсонеса за неумолимыхъ враговъ гражданъ Пантикапеи.

— Ну теперь, когда мы распродали нашъ грузъ — сказалъ Ксеноклидъ — отправимся къ благодѣтелямъ моимъ.

Асандритъ поспѣшилъ вынести изъ трюма коробочку съ рѣзными сердаликами и молча послѣдовалъ за пріятелемъ.

Въ это время Гикія сидѣла на высокой ротондѣ своей и съ сердечнымъ трепетомъ слѣдила за лодочкою, отплывшею отъ корабля. Какой-то таинственный голосъ шепталъ ей, что чрезъ нѣсколько минутъ она увидитъ живымъ своего Эндиміона.

И дѣйствительно, не успѣла она сойти внизъ, чтобы взглянуть на солнечную тѣнь, гдѣ распредѣленъ былъ день на четверти и восьмыя доли, какъ предъ нею стоялъ Ксеноклидъ и около него полнѣйшее олицетвореніе идеала ея. Гикія пошатнулась и съ трудомъ отвѣтила на почтительныя привѣтствія гостей.

— Госпожа моя—сказалъ скульпторъ — ты просила

меня привезти рѣщика перстней. Требованіе твое я исполнилъ: этотъ художникъ стоитъ предъ тобою и ждетъ приказаній.

Дочь протевтона подняла свои прелестные глаза на мнимаго торговца перстней и сдѣлала ему знакъ слѣдовать за собою. Гости взошли въ атріумъ, гдѣ встрѣтили Ламаха.

— Патера (отецъ) — сказала Гикія — нашъ пріятель Ксеноклидъ не забылъ моего порученія относительно могильныхъ перстней и привезъ съ собою рѣщика, у котораго ихъ много готовыхъ.

— Я очень радъ доставить тебѣ удовольствіе, дочь моя. Пусть же художникъ покажетъ намъ предметы своего искусства.

Гикія взглянула на Асандрита, который не замедлилъ высыпать сердалики свои на мраморный столъ.

Протевтонъ началъ пересматривать великолѣпные образцики.

— Все это—сказалъ онъ—принадлежитъ рѣзцу не нашихъ временъ, и можно только встрѣтить въ царскихъ сокровищницахъ. Интересно узнать, какимъ образомъ и гдѣ ты могъ пріобрѣсти эти сокровища?

— Мнѣ подарилъ ихъ отецъ мой, Асандръ Пантикапейскій, какъ только узналъ о желаніи дочери Ламаха обладать подобными вещицами.

— И ты ихъ самъ привезъ въ качествѣ продавца? спросилъ удивленный протевтонъ.

— Да, и въ знакъ нашего искренняго желанія соединиться навсегда узами братской дружбы. Я первый сознalъ, что отцы и дѣды наши ужасно ошибались, высказывая желаніе господствовать надъ людьми, дорожившими своею самостоятельностію и которые *элевтерію* (свободу) ставили наравнѣ съ воздухомъ, необходимымъ для жизни.

— Ошибки эти однако не обошлись Пантикапейцамъ даромъ.

— Мы потеряемъ еще больше, если не измѣнимся. И вотъ почему я воспользовался первымъ предлогомъ лично явиться къ гражданамъ Херсонеса въ полной увѣренности скрѣпить наши сношенія дружбою.

— Ты можешь разсчитывать на мое содѣйствіе, но предваряю тебя, что сограждане мои не сразу повѣрятъ твоимъ увѣреніямъ. Какъ бы они не потребовали въ залогъ тебя самого.

— Я и отъ этого не откажусь ради общаго блага. Сказавъ это, Асандритъ взглянулъ на прекрасную Гикію, которая не переставала всматриваться въ его божественный ликъ.

— Съ этой минуты, дорогой мой гость, продолжалъ Ламахъ, вы оба поселитесь въ моемъ дворцѣ, пока наши дѣла уладятся. Поблагодари же, Гикія, достопочтеннаго архонта Асандра и посланника его за драгоцѣнные подарки и зови насъ къ обѣду.

Молодая дѣвушка выпрямилась и сказала довольно длинную рѣчь, переполненную надеждъ на прочность союза двухъ народовъ, союза скрѣпленнаго могильными перстнями, этими лучшими и чистосердечными дарами въ знакъ примиренія съ оставившими земное поприще.

Послѣ принятія пищи и отдыха Гикія поручила одному изъ главныхъ служителей показать Асандриту во всѣхъ подробностяхъ дворецъ отца и хозяйство ихъ.

Наслѣдникъ Босфорскаго царства ко всему присматривался съ большимъ вниманіемъ. Наконецъ, они спустились къ подземнымъ этажамъ, заваленнымъ спереди различными родами устарѣвшаго и запаснаго оружія. Ужасная затхлость свидѣтельствовала, что сюда давно уже не не проникалъ свѣжій воздухъ.

— Сюда повидимому рѣдко заходятъ люди? спросилъ Асандритъ.

— Только во время войны, отвѣчалъ дворецкій, когда оказывается надобность въ оружіи и другихъ боевыхъ снарядахъ, принадлежащихъ протевтону.

— А какъ велико это подземелье?

— Оно занимаетъ такое же квадратное пространство, какъ и дворецъ.

— Это очень любопытно, сказалъ Пантикапеецъ и двинулся впередъ подъ предлогомъ осмотрѣть, на чемъ держался плафонъ громаднаго подземелья. При помощи факела онъ замѣтилъ, что подвалъ этотъ болѣе, чѣмъ на половину оставался пустымъ, а въ Ю. З. око-

нечности имѣлъ небольшую дверь, обшитую мѣдными листьями.

— А это отверстіе куда ведетъ? спросилъ онъ.

— Оно ведетъ къ морскому берегу, такъ какъ отсюда удобнѣе и скорѣе переносить тяжести съ судовъ и на суда. Въ былое время этимъ путемъ переносилось хлѣбное зерно, отправляемое въ дальнія страны, но съ тѣхъ поръ, какъ протевтонъ приказалъ выстроить на берегу залива новые магазины, съ того времени дверь эта не открывалась.

— Ты окажешь мнѣ удовольствіе, если мы выйдемъ этимъ ходомъ къ берегу моря.

Дворецкій не заставилъ повторять просьбы важнаго гостя. Онъ притронулся къ пружинѣ и дверь отворилась. Асандритъ очутился въ тоннелѣ, выложенномъ камнями.

Тутъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ разсмотрѣлъ эту дверь и узналъ, какимъ способомъ она открывалась и запиралась. Затѣмъ они прошли нѣсколько десятковъ шаговъ и очутились на берегу моря, вдали отъ построекъ и мѣста стоянки судовъ.

„О, еслибъ зналъ отецъ мой, подумалъ Асандритъ, возвращаясь тѣмъ же путемъ назадъ, какое я сдѣлалъ великое открытіе!“

Вечеромъ Гикія пригласила гостя своего на любимую террасу, чтобы показать ему городъ при нѣжномъ сіяніи луны. Асандритъ выказалъ ей такой восторгъ и такое желаніе переселиться навсегда въ Херсонесъ, что дѣвушка затрепетала отъ удовольствія.

— Что же тебѣ мѣшаетъ сдѣлать это? спросила она.

— Только то, что я одинокимъ буду здѣсь.

— Ты можешь жениться, подобно Ксеноклиду.

— Не всѣ такъ счастливы, какъ пріятель мой.

— Развѣ ты находишься подъ проклятіемъ Афродиты?

— Нѣтъ, но здѣсь всѣ будутъ смотрѣть на меня, какъ на чужаго.

— Только не я и не мой отецъ. Мы всегда будемъ любить тебя, какъ брата и друга.

— А мнѣ бы хотѣлось болѣе надежной любви.

Гикія невольно опустила глаза и замолчала.

— Вотъ видишь ли, ты сомкнула уста свои, какъ только я намекнулъ на обезпеченіе себя.

— Тебѣ предстоитъ сначала покончить съ гражданами нашими и затѣмъ только подумать о будущемъ.

— Но не лучше ли будетъ, если я имъ скажу, что Ламахъ усыновляетъ меня, а Гикія дѣлаетъ своимъ мужемъ?

— Тогда они потребуютъ отъ тебя отказаться навсегда отъ твоихъ верховныхъ правъ на Пантикапею.

— И я исполню желаніе ихъ, безъ всякихъ возраженій.

— Въ такомъ случаѣ, ты можешь надѣяться на наше согласіе. Я сегодня же переговорю съ отцомъ моимъ.

— Гикія, я буду любить тебя всю жизнь мою, какъ любитъ мать свое дитя.

— Я тоже самое обѣщаю тебѣ, Асандритъ, тѣмъ болѣе, что у меня никого нѣтъ, кромѣ престарѣлаго и болѣзненнаго отца, дни котораго почти сочтены.

На другой день Ламахъ имѣлъ долгое совѣщаніе съ гостемъ, послѣ чего они отправились въ главное засѣданіе патріотовъ.

Протевтонъ вошелъ на кафедру и заявилъ, что сынъ Пантикапейскаго архонта сдѣлалъ предложеніе его единственной дочери, которая въ свою очередь не отказывается отъ этого брака, но что онъ, какъ протевтонъ города, до того времени не дастъ своего согласія, пока не получитъ на это одобренія патріотовъ.

— Выслушавъ рѣчь эту, одинъ изъ старѣйшинъ собранія, неодобрительно покачавъ головою, отвѣчалъ:

— Господинъ нашъ! ты знаешь до какой степени мы любимъ твою Гикію, украшавшую нашъ городъ. Неужели же ты полагаешь, что мы изъявимъ согласіе отпустить ее къ враждебному намъ народу?

— Я самъ не допущу этого, но мнѣ обѣщаетъ Асандритъ прекратить всѣ сношенія съ отечественнымъ городомъ и сдѣлаться не только моимъ сыномъ, но и гражданиномъ нашимъ.

— Обѣщать можно многое, въ особенности когда предъ нами такая прелестная невѣста, какъ Гикія. Мы

не имѣемъ никакихъ основаній вѣрить Пантикапейцамъ, а потому было бы не разумно довѣрять даже лучшимъ изъ представителей ихъ.

— Въ такомъ случаѣ вы находите, что я обязанъ отказать Асандриту?

— Я не объ этомъ говорю, отвѣчалъ тотъ же старикъ, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы бракъ твоей дочери не послужилъ бы во вредъ отечеству. А для достиженія этого остается одно средство, чтобы будущій зять твой поклялся предъ собраніемъ патріотовъ никогда не посѣщать Пантикапеи. Таково мое личное убѣжденіе и я полагаю, что всѣ граждане раздѣлятъ его со мною.

— Да, да, послышалось со всѣхъ сторонъ, онъ не долженъ выѣзжать изъ Херсонеса, если желаетъ быть нашимъ другомъ.

Протевтонъ оглянулся и сдѣлалъ знакъ служителю своему. По знаку этому въ собраніе введенъ былъ Асандритъ. Ламахъ вышелъ къ нему на встрѣчу и представилъ патріотамъ, не замедлившимъ выяснить свои условія.

— Я согласенъ на все, отвѣчалъ молодой человѣкъ, поразившій засѣдающихъ своею красотою.

— Въ такомъ случаѣ ты примешь присягу, которую обязанъ будешь исполнять подъ угрозою быть изгнаннымъ навсегда изъ нашей среды.

— Клятва для меня важнѣе всего, но я безъ стѣсненія готовъ произнести ее.

— Пригласить жреца, заявилъ старѣйшій изъ патріотовъ.

Жрецъ явился и присяга выполнена была по пунктамъ, указаннымъ патріотами.

— Теперь ты можешь заключить бракосочетаніе, заявили члены собранія, обращаясь къ протевтону своему.

Ламахъ выразилъ имъ благодарность и на другой день Гикія сдѣлалась женою того, который казался ей божествомъ. Радость ея не имѣла предѣла; а протевтонъ мечталъ, что Асандритъ навѣрно замѣнитъ его въ будущемъ.

На слѣдующій день послѣ бракосочетанія Асандритъ, прощаясь съ Ксеноклидомъ, торжественно просилъ его

передать отцу своему, что отнынѣ онъ никогда болѣе не посѣтитъ Пантикапеи, но что будетъ очень доволенъ, если родитель его станетъ сообщать ему о происходившемъ въ столицѣ.

— Передай также отцу моему, прибавилъ онъ, что если онъ соблаговолитъ выдѣлить мнѣ кое-что изъ наслѣдственныхъ сокровищъ, то я съ благодарностію приму его дары.

Скульпторъ выѣхалъ, обѣщаясь рано или поздно возвратиться съ женою въ Херсонесъ, чтобы посвятить всю остальную жизнь услугамъ республиканцевъ.

Заявленіе это очень польстило патріотамъ и многіе изъ нихъ предполагали, что отнынѣ установится между враждебными городами дружба, которой они ожидали напрасно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Херсонесцы, преданные Ламаху, съ первыхъ же дней полюбили зятя его и старались высказать ему особенное расположеніе въ предположеніи сдѣлать его намѣстникомъ болѣзненнаго протевтона, здоровье котораго съ каждымъ днемъ ухудшалось.

Прошелъ мѣсяцъ. Какъ вдругъ противъ ожиданія прибылъ большой корабль изъ Босфора съ заявленіемъ, что Асандръ Пантикапейскій прислалъ сыну своему первую долю слѣдуемаго ему наслѣдства.

Патріоты не замедлили выслать довѣренныхъ, чтобы осмотрѣть каждую вещицу. Ничего подозрительнаго не оказалось. Но въ то время, когда довѣренные эти возвратились домой, Асандритъ въ полночь появился на берегу моря и, присѣвъ на камень, началъ ожидать кого-то. Чрезъ часъ послышались удары веселъ и вскорѣ послѣ этого яликъ, переполненный народомъ, приблизился къ берегу.

— Здѣсь ли сходить? спросилъ чей-то голосъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ Асандритъ.

Матросы быстро спрыгнули, затѣмъ сволокли мѣшки съ провизіею и молча послѣдовали за Асандритомъ въ тоннель. Очутившись въ большомъ подземеліи, они по приказанію вожака своего сложили мѣшки и расположились на отдыхъ.

— Я буду ежедневно навѣщать васъ, сказалъ Асан-

дритъ и надѣюсь, что вы не стоскуетесь до того времени, пока представится удобный случай исполнить волю отца моего. Одного только требую отъ васъ: это полнѣйшей тишины, чтобы скрыть свое присутствіе подъ дворцомъ.

Устроивъ переодѣтыхъ воиновъ, Асандритъ вышелъ тоннелемъ и возвратился въ дворецъ со стороны бухты.

— Не пожелаешь ли ты чего-нибудь изъ Пантикапеи? спросилъ онъ у жены, вышедшей къ нему на встрѣчу. Судно отца завтра должно возвратиться и шкиперъ, вѣроятно, зайдетъ къ намъ проститься. Подумай, моя дорогая.

— Сказать тебѣ правду, Асандритъ, я желала бы многаго изъ предметовъ Босфорскаго искусства, но такъ какъ наше сообщеніе и переговоры съ твоимъ отцомъ не могутъ нравиться согражданамъ нашимъ, то не лучше ли отказаться отъ всего до болѣе благопріятнаго случая.

— Когда же по твоему могутъ представиться такіе случаи?

— Когда наши мореходцы отправятся въ Пантикапею.

— Но этого можетъ быть мы не дождемся скоро?

На разговоръ этотъ пришелъ Ламахъ.

— Сынъ мой, сказалъ онъ, положивъ руку свою къ нему на плечо, мнѣ когда-то говорили, что въ Пантикапеѣ въ храмѣ Эскулапа сохранилась у жреца таинственная запись, служившая антидотомъ противъ болѣзней, изнурявшихъ человѣческій организмъ. Не можешь ли ты чрезъ посредство отца твоего достать мнѣ этотъ талисманъ?

— Я увѣренъ, что отецъ мой съ особеннымъ удовольствіемъ исполнитъ твою просьбу. Я сегодня же напишу ему объ этомъ, а завтра отдамъ на отходящее судно.

— Нѣтъ ужъ, сынъ мой, я въ предупрежденіе дурной молвы, самъ лучше напишу свѣтлѣйшему Асандру. Ты знаешь, какъ строги наши патріоты Пасій и Христъ; они не пощадятъ даже и меня, если я скрою отъ нихъ содержаніе моего письма къ отцу твоему.

— Да будетъ по твоему, отвѣчалъ хладнокровно Асан-

дритъ, довольный тѣмъ, что представляется случай вторично прибыть новой партіи воиновъ.

На слѣдующій день Ламахъ въ присутствіи четырехъ патріотовъ вручилъ пантикапейскому шкиперу письмо и просилъ его, если возможно, безотлагательно прислать талисманъ, такъ какъ здоровье его быстро разрушается отъ ужаснаго недуга.

Иностранный корабль отплылъ. Но въ тотъ же вечеръ умеръ и протевтонъ Херсонеса. Опечаленная этимъ неожиданнымъ событіемъ, Гикія сообщила печальную новость патріотамъ въ предположеніи, что они изберутъ на мѣсто отца мужа ея. Но граждане единодушно потребовали устарѣвшаго Зифа, который заслуживалъ безпредѣльнаго довѣрія по заслугамъ, оказаннымъ отечественному городу.

Зифъ былъ ближайшимъ другомъ Ламаха и поэтому похороны протевтона приняты были на счетъ республики. Пока шли приготовленія и вырубливалась кимитирія для сложенія бренныхъ останковъ правителя, Асандръ Пантикапейскій получилъ письмо отъ свата и, не теряя дорогаго времени, добылъ священную досточку изъ храма Эскулапа и, пользуясь этимъ случаемъ, вновь направилъ въ Херсонесъ партію лучшихъ воиновъ, искусно спрятанныхъ на кораблѣ.

Судно это прибыло къ Асандриту въ то время, когда отдавалась послѣдняя почесть Ламаху. Шкиперъ, не подозрѣвавшій печальнаго событія, съ важностію внесъ во дворецъ протевтона серебряный маленькій треугольникъ, на которомъ вырѣзаны были нижеслѣдующія буквы, таинственное значеніе которыхъ понятно было только великому божеству.

Θ Ε Τ Α Δ Ω
Θ Ε Τ Α
Θ Ε
Θ

Гикія, принявъ этотъ талисманъ противъ болѣзней, тутъ-же передала его Зифу, который считая его собственностію предмѣстника своего, постановилъ вложить въ кимитирію Ламаха.

Асандритъ очень былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ, но боясь раздразнить новаго повелителя республиканскаго города особеннымъ сочувствіемъ къ драгоцѣннымъ предметамъ своего отечества, вынужденъ былъ первымъ одобрить это постановленіе и чудотворный треугольникъ съ таинственною надписью вложенъ былъ въ урну съ пепломъ Ламаха.

На этотъ разъ Асандритъ оставилъ у себя изъ числа прибывшихъ матросовъ трехъ человѣкъ для исполненія личныхъ приказаній. Гикія и Зифъ захотѣли воспрепятствовать этому, но онъ, назвавъ ихъ опытными сортировщиками хлѣбнаго зерна и незамѣнимыми въ искусствѣ торговли, которую въ настоящее время не могъ-бы вести самъ, устоялъ на своемъ. Въ туже ночь Асандриту, при помощи этихъ людей, отлично удалось свезти и скрыть подъ дворцомъ своимъ еще нѣсколько десятковъ пантикапейскихъ воиновъ.

Съ этого времени Асандритъ велъ себя съ такимъ умѣніемъ въ средѣ совѣщаній патріотовъ, такъ сочувствовалъ нуждамъ города и столько жертвовалъ для славы и красоты его, что многіе забыли о происхожденіи его отъ враждебныхъ царей Босфора и готовы были допустить въ число благотворителей, но Папій и Христъ воспротивились этому до того времени, пока у чужеземца не родится отъ Гикіи наслѣдникъ.

Когда сообщили объ этомъ Асандриту, онъ заскрежеталъ зубами и вновь въ душѣ его зашевелилась глубокая месть къ патріотамъ ненавистнаго города.

Послѣ этого Асандритъ, какъ-бы оскорбленный недовѣріемъ граждапъ, началъ уклоняться отъ совѣщаній ихъ и исключительно предался торговлѣ. Всѣ доставшіяся ему судна находились въ постоянномъ движеніи, изъ числа которыхъ одно подъ предлогомъ сношенія съ Константинополемъ заходило въ Пантикапею, откуда захватывало новую партію воиновъ и, пользуясь темнотою ночи, высаживало ее въ извѣстномъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ прошелъ годъ и въ распоряженіи Асандрита состояло такое число воиновъ, съ которыми онъ надѣялся безъ труда перебить всѣхъ жителей Херсонеса при внезапномъ нападеніи на нихъ. Но присту-

пить къ этому не иначе приходилось, какъ послѣ какого-либо праздника, когда всѣ напьются пьяными и заснутъ мертвецкимъ сномъ.

Такого рода праздникъ Гикія обязана была сдѣлать въ память годовщины смерти отца своего. И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя заботливая дочь пригласила Асандрита на совѣщаніе по поводу устройства тризны.

— Мое мнѣніе таково—сказалъ царевичъ—что мы не должны ничего жалѣть для Ламаха, духъ котораго навѣрно сойдетъ къ намъ, чтобы взвѣсить степень благодарности гражданъ. Я съ своей стороны намѣренъ въ пяти частяхъ города устроить винные фонтаны и при нихъ столы съ яствами. Надо полагать, что милая моя жена выкажетъ себя еще щедрѣе.

Сказавъ это, Асандритъ оставилъ совѣщательную комнату, чтобы переслать друзьямъ давнымъ-давно ожидаемую вѣсть выступить на отважный подвигъ, а послѣ полуночи, когда во дворцѣ царствовала полнѣйшая тишина, онъ пробрался и самъ въ подземелье, чтобы отдать подробныя приказанія начальникамъ, откуда набирать солому, какіе дома прежде всего поджечь, кого прежде другихъ обезглавить и т. п. Въ заключеніе онъ объявилъ, что накапунѣ праздника вторично зайдетъ къ нимъ для опредѣленія минуты выхода въ городъ.

Недѣлю спустя совѣтъ патріотовъ объявилъ гражданамъ, что Гикіи дозволено устроить торжественный праздникъ въ день годовщины Ламаха. Одновременно съ этимъ во дворцѣ бывшаго протевтона произошло одно маловажное происшествіе, послѣдствія котораго обезсмертили владѣлицу его: Агапія одна изъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ рабынь Гикіи въ экстазѣ негодованія бросила камнемъ въ подругу свою, но вмѣсто нея попала въ статую Эндиміона и отбила отъ нея палецъ на ногѣ. Гикія до того разсердилась, что приказала запереть виновную на цѣлую недѣлю въ чуланъ и дать ей въ двойномъ размѣрѣ пряжу.

Агапія, сознавая, что госпожа поступила съ нею милостиво, принялась съ особымъ усердіемъ за работу, но вдругъ, какъ-то нечаянно выронила изъ рукъ веретe-

но, которое глубоко запало въ щель кирпичнаго пола. Рабыня употребляла всѣ усилія достать его, но не достигнувъ цѣли, рѣшилась поднять кирпичъ. Какъ только она достигла этого, до слуха ея долетѣли многочисленные голоса людей изъ подземелія.

„Чтобы это значило?“ подумала она и прилегла ухомъ къ едва замѣтному отверстію. Голоса не прекращались и Агапія быстро сообразила, что подъ домомъ госпожи ея скрываются враждебные люди. Заложивъ отверстіе по прежнему, она терпѣливо выждала того времени, когда ей принесла служанка хлѣбъ и воду.

— Милая моя Ксанфія—заговорила Агапія—не потрудишься-ли ты передать госпожѣ моей, что я намѣрена сознаться предъ нею еще въ одномъ важномъ проступкѣ, который скрывала до настоящаго времени, но теперь нахожу необходимымъ высказать, чтобы впослѣдствіи не обвиняли другихъ.

— Какъ? Неужели ты такая добрая можешь чувствовать за собою какіе-нибудь пороки? спросила удивленная Ксанфія.

— Нѣтъ, милая моя, за мною числится еще одна шалость весьма непріятная для хозяйки, а такъ-какъ я положилась умереть съ голода, то предварительно смерти хочу очистить мою душу.

— Отчего-же ты не хочешь передать мнѣ твоего грѣха? Вѣдь тебѣ извѣстно, что Гикія сердита на тебя и въ гнѣвѣ можетъ выразить болѣе несправедливости, тогда какъ я могу начать переговоры съ нею въ минуты ея веселаго расположенія.

— Напротивъ я желаю, чтобы она или окончательно простила меня или поступила со всею строгостью; твои-же просьбы за меня нисколько не утѣшили-бы сердца Агапіи.

— Какъ-же ей сказать?

— Скажи напрямикъ, что я рѣшилась умереть и желаю ее видѣть, если можно, то теперь-же.

Ксанфія грустно покачала головою и отправилась къ госпожѣ, которой въ точности передала слова своей подруги.

Гикія, любившая Агапію, быстро поднялась съ мѣс-

та и направилась къ провинившейся. Вошедъ въ чуланъ и притворивъ дверь, она собиралась уже произнести слово прощенія, какъ преданная рабыня повалилась ей въ ноги и начала сознаваться, что вынуждена была пригласить ее къ себѣ обманнымъ образомъ.

— Чего-же можетъ ожидать отъ меня лгунья? спросила Гикія, намѣреваясь выйти.

— Спасенія себя и отечественнаго города.

— Ты, кажется, не въ своемъ умѣ—замѣтила хозяйка.

— Можетъ быть, если только слухъ измѣнилъ мнѣ. Сказавъ это, Агапія подняла кирпичъ и начала просить госпожу свою прислушаться къ голосамъ, исходившимъ изъ подземелья.

Гикія плотно приложилась ухомъ къ отверстію и ясно услышала голосъ Асандрита.

— Я рѣшилъ—говорилъ онъ—что вы выступите изъ засады вашей въ то время, когда прекратится попойка. Первая партія послѣдуетъ чрезъ тоннель подъ руководствомъ соотечественника нашего, служившаго при мнѣ, которому уже я подробно передалъ, что надо дѣлать; вторая выйдетъ одновременно и пойдетъ по указанію Плакія; всѣ же остальные обязаны будутъ повиноваться Діоклитіану. Мнѣ ничего болѣе не остается сообщать вамъ, какъ просить дѣйствовать быстро и безпощадно; для бодрости вашей я прикажу вкатить къ вамъ столько вина, сколько необходимо будетъ на первый разъ. По окончаніи же дѣла пиръ нашъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не останется въ подвалахъ моихъ ни капли вина.

Асандритъ замолкъ, но вслѣдъ затѣмъ послышались многіе голоса, Гикія легко узнала въ нихъ нарѣчіе воспорянъ. Пораженная этимъ неожиданнымъ открытіемъ и главное въ своемъ домѣ, она нѣсколько минутъ соображала, какимъ образомъ эти злодѣи могли проникнуть сюда въ такомъ значительномъ числѣ? Неужели Асандритъ, котораго она такъ любитъ, котораго считала своимъ божествомъ, онъ ни одной минуты не думалъ о ней, а пріѣхалъ и женился съ единственною цѣлью излить вражду на соотечественниковъ ея?

Кровь закипѣла въ груди молодой женщины, но, не

выразивъ оскорбленія и негодованія ни единымъ словомъ, Гикія своеручно положила на мѣсто кирпичъ и, заставивъ Агапію поклясться хранить тайну до нѣкотораго времени, вышла съ нею изъ чулана.

Часъ спустя къ женѣ зашелъ Асандритъ, чтобы окончательно переговорить съ нею объ устройствѣ праздника.

— Ты сегодня, какъ-то странно смотришь на меня, моя дорогая Гикія — сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ вопросовъ.

— Я сегодня видѣла дурной сонъ—отвѣчала она— и не могу до настоящаго времени изгнать его изъ памяти. Мнѣ снилось, будто ты поджегъ нашъ домъ и я въ страшныхъ мученіяхъ протягивала къ тебѣ руки, а ты смѣялся надъ моими страданіями.

— Огонь видѣть во снѣ—говорятъ старики—предвѣщаетъ великое благо. Не пошлетъ ли намъ Афродита неожиданное утѣшеніе?

Гикія вмѣсто отвѣта вздохнула.

— Бѣдняжка, ты печалишься объ этомъ больше меня, но повѣрь, что мы не останемся безъ дѣтей: въ моемъ отечествѣ есть средства умилостивить боговъ и я добуду ихъ, когда настанетъ необходимость. Мой отецъ также въ первые годы женитьбы не имѣлъ наслѣдниковъ, но потомъ насъ было гораздо больше, чѣмъ нужно было. Сказавъ это, Асандритъ не счелъ даже нужнымъ позаботиться о развлеченіи той, которая изнемогала отъ любви къ нему.

— Ты уходишь? спросила она.

— Да, мнѣ необходимо будетъ съѣздить къ жрецамъ, чтобы пригласить ихъ въ полномъ составѣ къ дню поминовенія.

Оставшись одною, Гикія долго смотрѣла на любимый городъ, долго думала о своемъ положеніи, объ ошибкѣ отца и гражданъ, но вдругъ, какъ бы очнувшись отъ тяжкаго заблужденія, стукнула кулакомъ по подоконнику и позвала Агапію. Служанка не замедлила явиться.

— Дорогая моя — сказала она — ты сообщила мнѣ страшный заговоръ враждебныхъ намъ людей, отнынѣ ты единая будешь мнѣ содѣйствовать въ борьбѣ, кото-

рую я поведу противъ врага. Поди и пригласи ко мнѣ протевтона и великихъ патріотовъ Папія и Христа. Скажи имъ, чтобы они, не теряя времени, сейчасъ же пришли ко мнѣ.

— Вы желаете обнаружить предъ ними заговоръ?

— Да, но только ты берегись проговориться.

— Я съумѣю выдержать клятву мою—отвѣчала рабыня и быстро удалилась со двора.

Немного спустя Зифъ въ сопровожденіе двухъ, такихъ же какъ и онъ, старцевъ, приняты были Гикіею въ ея комнатѣ, куда никто не имѣлъ права проникать безъ приглашенія.

— Друзья народа и друзья моего отца!—заговорила молодая женщина—я всегда была увѣрена, что вы и граждане Херсонеса считали меня настолько любящею отечество, насколько это доступно человѣку съ благородною кровью.

— Къ чему ты говоришь намъ это, дочь наша—спросилъ Зифъ—развѣ это не доказываютъ твои милости?

— Все, что я дѣлала до настоящаго времени моимъ согражданамъ, происходило отъ избытка моихъ средствъ, но теперь я хочу пожертвовать имъ, ради спасенія ихъ, самымъ дорогимъ мнѣ предметомъ. Вы всѣ знаете, что у меня никого нѣтъ кромѣ мужа, котораго я люблю, какъ бога и за котораго готова перенести всѣ бѣдствія. Вотъ этого мужа я хочу принести въ жертву за отечество, потому что онъ рѣшился посягнуть на него.

— Гикія, при умѣ ли ты? Асандритъ ничѣмъ не заслужилъ нашего недовѣрія.

— Такихъ мыслей была и я до сегодняшняго дня и не скрою, что обижалась за ваше равнодушіе къ его образцовому поведенію, но сегодня я открыла, что мой богоподобный другъ съ того времени, какъ сдѣлался моимъ мужемъ, выписывалъ изъ Пантикапеи, вѣроятно, небольшими партіями друзей своихъ и содержалъ ихъ подъ спудомъ моего дома. Нынѣ же, когда партія этихъ людей достигла значительнаго числа, Асандритъ, подобно Одиссею въ Троѣ задумалъ употребить ее въ дѣло, когда народъ отпразднуетъ поминовеніе и, вѣроятно, не въ силахъ будетъ защищаться.

— Не шутишь ли ты, Гикія, надъ устарѣвшими друзьями твоего отца? сказалъ Христъ.

— Еслибъ только я не была дочерью Ламаха, то ты могъ еще сказать это, достопочтенный Христъ. Неужели я осмѣлилась бы порочить предъ вами предметъ моего поклоненія?

— Ты можешь ошибиться, подобно всѣмъ людямъ. Ошибки приличны молодому поколѣнію. Наконецъ, тебя можетъ ослѣпить любовь, которая не рѣдко увлекается пагубными услугами враговъ. Чтобы повѣрить твоему заявленію для насъ необходимы ясныя и вѣрныя доказательства.

— Это значитъ: Гикія потеряла довѣріе со стороны патріотовъ. Тѣмъ хуже для васъ. Извините, что я васъ затруднила изъ желанія обмануть! Я не имѣю надобности по требованію вашему представлять доказательства. Мнѣ хотѣлось предварительно заслужить вѣру на слово и затѣмъ доказать сказанное. Нынѣ же, когда вы отнеслись ко мнѣ, какъ къ дѣвочкѣ, я умываю руки и прошу васъ возвратиться къ своимъ занятіямъ. Клянусь вамъ вы ничего болѣе не узнаете отъ Гикіи до тѣхъ поръ, пока не будутъ сняты съ васъ головы. Вонъ изъ дома моего, враги отечества! Вонъ неблагодарные, которые въ мантіи патріотовъ никогда не сдѣлали ни единаго патріотическаго подвига, а между тѣмъ оскорбили своимъ мнѣніемъ дочь Ламаха! Вы вообразили, что со смертью отца я не пользуюсь болѣе народнымъ уваженіемъ? Извините, я вамъ докажу, что по первому зову моему всѣ станутъ подъ мое знамя и сдѣлаютъ то, что я потребую. Идите же, негодные старцы, не имѣющіе понятія о благѣ родной земли! Сказавъ это, Гикія поднялась съ мѣста и хотѣла удалиться, но Зифъ выскочилъ къ ней на встрѣчу и, ставъ, на колѣна, протянулъ руки впередъ.

— Я не дозволю тебѣ сдѣлать ни шага — сказалъ онъ—ты оскорбилась нашимъ мнѣніемъ, но повѣрь, что никто изъ насъ не думалъ оскорбить славной Гикіи. Доказательства намъ были нужны не для насъ, а для народа, который всегда не вѣритъ въ одни слова. Прости же насъ изъ любви къ преданному тебѣ народу.

— Зифъ, я всегда любила тебя—отвѣчала Гикія—от-

чего же ты раньше не сказалъ мнѣ, что тебѣ нужны доказательства для другихъ, но что ты вѣришь моему слову?

— Я забылъ, что имѣю дѣло съ патріоткою истинно преданною отечеству.

— Скажутъ ли твои товарищи тоже самое?

— Христъ и Папій сознайтесь въ вашемъ заблужденіи—вскричалъ протевтонъ.

Патріоты въ свою очередь упали предъ нею на колѣна.

— Хорошо, я вамъ прощаю нанесенное мнѣ оскорбленіе, но съ тѣмъ, чтобы вы теперь сказали мнѣ, чѣмъ почтите память мою, если я, дѣйствительно, пожертвую любимымъ мужемъ и частью состоянія моего для спасенія города.

— Мы воздвигнемъ тебѣ при жизни двѣ мѣдныя статуи съ благодарными надписями.

— А послѣ смерти? спросила она.

— Мы потребуемъ, чтобы останки твои погребены были на площади заслугъ и чтобы надъ ними выставлена была третья вызолоченная статуя.

— Подтвердите обѣщаніе ваше клятвою и мы приступимъ къ дѣлу.

Почтенные старики преклонили головы и громко произнесли клятву.

— Теперь слѣдуйте за мною—сказала Гикія и повела патріотовъ въ чуланъ.

Открывъ кирпичъ она заставила почтенныхъ гостей приложиться ухомъ къ отверстію и затѣмъ возвратиться въ ея комнату на совѣщаніе.

Патріотамъ удалось не только подслушать разговоры нѣкоторыхъ изъ Босфорскихъ воиновъ, но дажи видѣть число ихъ. Не сомнѣваясь болѣе въ справедливости заявленія дочери Ламаха, они съ ужасомъ возвратились къ ней.

— Да—заговорилъ Зифъ—твой мужъ мастерски съумѣлъ выполнить роль Одиссея и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ задумалъ всѣхъ насъ принести въ жертву въ день годовщины нашего друга. Что же намъ слѣдуетъ сдѣлать, чтобы предупредить кровопролитіе?

— Ничего больше — отвѣчала Гипія — какъ мнѣ пожертвовать моимъ дворцомъ.

— Неужели ты рѣшишься на это?

— Жизнь одного гражданина для меня дороже, чѣмъ все мое состояніе. Кто пожертвуетъ своею жизнію за цѣлость этихъ стѣнъ, статуй и соблазнительныхъ для глаза мелочей?

— Мы воздвигнемъ тебѣ другой болѣе роскошный дворецъ—сказали архонты.

— Но вы никогда не возвратите мнѣ того, что я въ немъ потеряю.

Зифъ, сознавая справедливость послѣдняго началъ, перебирать различные способы захвата дерзкихъ враговъ, но по общему предположенію выходило, что ни они, ни Асандритъ не сдадутся добровольно.

— Повторяю—отвѣтила Гикія—что мнѣ необходимо пожертвовать дворцомъ и я рѣшаюсь на это. Вотъ какъ мы должны поступить: послѣ завтра начнется праздникъ. Вы съ ранняго утра, послѣ молитвы жрецовъ, разставите на площади явства и вина, но потребуете отъ народа умѣренное употребленіе послѣдняго. Пусть они пляшутъ и веселятся до поздней ночи, но пусть у каждаго будетъ приготовлено дома сухое дерево, хворостъ, факела и масло. Съ этими матеріалами они должны будутъ выйти по первому сигналу, который я выставлю на башнѣ моего дворца. Сигналомъ послужитъ факелъ. Затѣмъ, по указанію вашему, они подойдутъ къ зданію, обложатъ его со всѣхъ сторонъ дровами, взбрызгнутъ ихъ масломъ, подожгутъ факелами и вооружатся дубинами, чтобы не допустить ни единаго врага избавиться бѣгствомъ. При этомъ вы, конечно, позаботитесь также, чтобы подземный выходъ изъ подвала моего былъ вовремя заваленъ. Что касается меня, то я заблаговременно выйду на дворъ и буду находиться около васъ.

— И твой мужъ долженъ сгорѣть? спросилъ Зифъ.

— Это крайне необходимо для него—отвѣчала со вздохомъ Гикія—это спасетъ его отъ ярости народа и успокоитъ меня несчастную. Идите же теперь домой и дѣлайте, какъ знаете. Я сдѣлала съ своей стороны все, что могла сдѣлать патріотка.

Вслѣдъ за выходомъ отцовъ города возвратился и Асандритъ. Гикія по обыкновенію встрѣтила его на порогѣ и заботливо начала разспрашивать о томъ, какъ постановили жрецы храма Діаны праздновать пиръ годовщины.

Асандритъ, нѣжно обогнувъ шею жены, передалъ, что празднество совершится съ такимъ торжествомъ, какого не видывали еще въ Херсонесѣ.

— Ты, вѣроятно, задумалъ убить меня благодарностію— сказала она съ слезами на глазахъ.

— Отъ такихъ чувствъ не умираютъ, моя психея.

— Ну, а если я умру?

— Тогда я возьму твое тѣло и убѣгу изъ Херсонеса.

— Неужели ты любишь меня такъ сильно, что говоришь это?

— Ты спрашиваешь, люблю ли я тебя? Неужели ты не видишь этого твоимъ сердцемъ? Ты для меня все, что составляетъ счастіе человѣка въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Ахъ, Гикія, если-бъ я могъ-бы открыть теперь предъ тобою мою душу. Но, увы я долженъ потерпѣть еще нѣсколько времени, что-бы дать полную свободу моей безпредѣльной любви.

— Слѣдовательно, ты несчастенъ?

— Я не въ нормальномъ состояніи духа и это мнѣ мѣшаетъ наслаждаться своимъ счастіемъ.

— Ты тоскуешь по родинѣ? Признайся, мой другъ, и я сію же минуту рѣшусь бросить все, что-бы послѣдовать за тобою.

— Нѣтъ, Гикія, я не могу измѣнить моей клятвѣ, данной торжественно и не выйду изъ Херсонеса до того времени, пока этотъ городъ будетъ существовать. Сказавъ это, Асандритъ взялъ подругу свою на руки и прижалъ ее къ груги своей.

„Онъ любитъ меня до безумія—подумала Гикія—а я несчастная отдала его на жертву гражданамъ! Слезы хлынули изъ глазъ ея.

— Ты плачешь, моя добрая подруга, въ то время, когда я только и думаю о томъ, чтобы видѣть тебя въ царской коронѣ, чтобы предъ тобою благоговѣли, чтобы всѣ преклонялись предъ твоими повелѣніями. Ты не рож-

дена повиноваться. Но оставь меня теперь: я очень утомленъ и лягу отдохнуть.

Гикія ушла въ свою комнату и начала рыдать.

Тутъ только она сообразила, что Асандритъ не имѣетъ въ виду ничего враждебнаго противъ нея, что онъ любитъ ее и если хочетъ стереть съ лица земли враждебный городъ, то желаніе это поддерживается еще другимъ увезти ее въ Пантикапею и сдѣлать царицею. Нѣкоторое время она восхищалась будущностію своею. Но вдругъ предъ нею начали возставать лики отца и матери и послышались тысячи проклятій старцевъ и грудныхъ дѣтей: „злодѣйка, ты хочешь перейти чрезъ наши тѣла, чтобы очутиться на тропѣ враждебнаго дѣдамъ твоимъ царства!“ Крики эти становились ужасными. Изнеможенная Гикія заснула. Сонъ окончательно отрезвилъ ее. Пробудившись съ полнымъ сознаніемъ обязанности, она призвала Агапію и поручила ей выносить изъ дворца самыя цѣнныя вещи подъ предлогомъ, что можетъ быть нѣкоторыя комнаты понадобятся для пиршества народа.

На слѣдующій день Асандритъ съ Гикіею навѣстили кимитирію Ламаха, надъ которою пропѣты были жрецами установленные гимны и послужили къ началу игръ, ѣды и питья. Тысячи людей принимали искреннее участіе въ оживленіи памяти благодѣтельнаго протевтона, которыхъ сманывали къ виннымъ фонтанамъ преданные Асандриту босфоряне.

Предъ вечеромъ собрались во дворецъ всѣ первостепенные граждане, чтобы въ свою очередь начать пиръ. Гикія сидѣла на почтеннѣйшемъ мѣстѣ и казалась печальною. Асандритъ напротивъ суетился и употреблялъ всѣ усилія, чтобы у гостей не оставались пустыми гектары. Тоже дѣлалъ онъ и въ отношеніи жены. Гикія, понявъ цѣль его, приказала подать ей потыръ изъ пурпуроваго стекла и наливала его вмѣсто вина простою водою. Вскорѣ гости, представившись сильно опьянѣвшими, разошлись. Хозяйка подъ тѣмъ же предлогомъ ушла въ опочивальню и пригласила Асандрита слѣдовать за нею.

— Намъ необходимо отдохнуть, чтобы пробудиться

къ полуночи—сказала она. Кто знаетъ, къ тому времени можетъ быть у народа не достанетъ вина и придется выслушать ихъ брань и неудовольствіе.

— Ты права — отвѣчалъ царевичъ, который съ трудомъ держался на ногахъ. Я выпилъ больше, чѣмъ слѣдовало и мнѣ надо соснуть. Надѣюсь, что ты разбудишь меня послѣ полуночи. Сказавъ это, Асандритъ вполнѣ увѣренный, что преданные ему слуги или разбудятъ его, когда представится надобность, или сами распорядятся дѣломъ, бросился въ постель и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Тѣмъ временемъ Гикія съ глазами, наполненными слезами, прильнула къ прелестной головѣ своего Эндиміона.

„Несчастный — говорила она про себя — какой духъ привелъ тебя въ этотъ домъ, который чрезъ нѣсколько времени сдѣлается тебѣ кимитиріею. Ты увѣрялъ меня, что пылаешь любовью и дорожишь мною выше всего, но если это правда, къ чему тебѣ понадобились смерть невинныхъ людей и разрушеніе моего отечественннаго города? Неужели ты полагаешь, что послѣ такого событія, я могла-бы питать къ тебѣ чувство любви? нѣтъ, я возненавидѣла-бы тебя, я убѣжала-бы отъ тебя, я убѣжалабы отъ такого злодѣя, я можетъ-быть сама проткнула твое сердце и взаключеніе терзаемая совѣстью бросилась-бы въ бездну морскую!.. Нѣтъ, такая жертва не приносилась еще ни единому божеству. Пусть лучше городъ мой останется невредимъ и я буду оплакивать тебя, не опозореннаго народною местью. Умри же чистымъ отъ грѣха и не преслѣдуемый заслуженнымъ проклятіемъ, умри моимъ другомъ съ увѣренностію, что я не перестану любить только тебя одного и жить однимъ воспоминаніемъ о тѣхъ немногихъ дняхъ, которые составляли мое блаженство! Послѣ этихъ мыслей она прильнула къ холодному лбу Асандрита и, горько зарыдавъ, вышла на башню, окинула взоромъ площадь, гдѣ прыгали и веселились молодые люди. Грусть и тоска разрывали ея душу. Два раза она бралась за зловѣщій факелъ и снова опускала его, какъ-бы сомнѣваясь въ замыслѣ дорогаго мужа. Какъ вдругъ закричалъ пѣтухъ. Гикія вздрогнула въ сознаніи, что не приходилось

болѣе медлить. Факелъ былъ зажженъ и дрожащею рукою укрѣпленъ на заранѣе приготовленномъ шандалѣ.

Какъ только появился этотъ сигналъ, толпы народа зашевелились и скрылись съ площади. Затѣмъ Гикія увидѣла, какъ начали выступать какія-то тѣни, нагруженныя большими связками хвороста.

— О, Афродита—вскрикнула она—неужели онъ долженъ погибнуть отъ руки безумно-любящей жены? и рыдая, какъ безумная, она бросилась въ опочивальню, чтобы еще разъ взглянуть на дорогое существо.

Асандритъ по прежнему спалъ и не чувствовалъ, что ноги его лобзались несчастною женщиною.

Нѣсколько минутъ спустя дочь Ламаха въ сопровожденіи Агапіи вышла на дворъ, гдѣ ожидали ее Зифъ, Папій и Христъ. Кивнувъ имъ головою, она быстро вышла на улицу и скорыми шагами направилась къ небольшому домику, гдѣ помѣщались ею прежде бездомные сироты. Добравшись съ трудомъ до убогой постели, она бросилась на нее и, плотно закрывъ уши, чтобы не допустить до слуха своего ни единаго крика, предоставила полную свободу слезамъ.

Тѣмъ временемъ нѣсколько тысячъ гражданъ разныхъ возрастовъ, завалили хворостомъ и сухими дровами окружность дворца, взбрызнули ихъ оливковымъ масломъ и подожгли во многихъ мѣстахъ. Зданіе долго выглядывало горделиво, но вдругъ задернулось и утонуло въ сплошной массѣ огня. Тогда только мелькнулъ предъ зрителями силуетъ Асандрита и послышались громкіе отчаяные крики:

— Гикія, Гикія!..

— Быть на готовѣ—скомандовалъ Зифъ и, обнаживъ Фракійскую саблю, выступилъ впередъ.

Папій и Христъ приказали подбавить дровъ къ выходу изъ подземелья. Не успѣли сдѣлать этого, какъ Воспоряне, не имѣя возможности долже держаться въ пеклѣ, въ большой массѣ налегли на двери и цѣликомъ высадили ихъ. Пламя освѣтило блѣдныя изумленныя лица вооруженныхъ чужеземцевъ, за нѣсколько часовъ до этого мечтавшихъ любоваться такою-же картиною надъ Херсонесскими жителями.

— Стрѣляй! закричалъ Зифъ.

Сотни стрѣлъ влетѣли въ подземелье. Воспоряне отодвинулись, но пока совѣщались, послышался ужасный гулъ и громадное зданіе съ плафонами и тяжелыми полами рухнуло. Нѣсколько враждебныхъ головъ показались было у выхода, но ошеломленныя ударами городской стражи скрылись въ огненныхъ языкахъ.

— Теперь вы можете продолжать прерванный пиръ — сказалъ Зифъ—идите-же, дѣти мои, допивать ваше вино, а мы старики останемся на стражѣ еще на нѣкоторое время, чтобы не заслужить неудовольствія богоподобной Гикіи.

Народъ съ криками бросился къ виннымъ фонтанамъ и поднялъ такой шумъ, что Гикія, подумавшая о неудачѣ патріотовъ и отчаянной битвѣ соотечественниковъ, бѣгомъ выскочила на площадь.

Въ эту минуту предъ глазами ея показались догарающіе остатки ея величественнаго дворца, около которыхъ стояли Зифъ, Папій и Христъ.

— Несчастный! вскрикнула она и, лишившись чувствъ, упала среди улицы.

Къ счастію Агапія во время подоспѣла и при помощи рабовъ перенесла ее обратно на постель.

На разсвѣтѣ въ Херсонесѣ царствовала глубокая тишина. Площадь покрыта была спящими юношами. Продолжали бодроствовать только одни патріоты, сидѣвшіе въ глубокой задумчивости у груды почернѣвшихъ камней на томъ мѣстѣ, гдѣ возносился дворецъ Ламаха, служившій ему и наблюдательною крѣпостію и пріемною для всѣхъ царствующихъ путешественниковъ.

На слѣдующій день всѣ знатнѣйшіе граждане собрались на площадь Заслугъ, чтобы публично обсудить великую жертву, оказанную Гикіею.

Прежде другихъ поднялся на кафедру Папій и подробно разсказалъ все извѣстное ему по поводу этой высокой заслуги.

Выслушавъ его, народъ началъ требовать немедленно приступить къ выливкѣ двухъ статуй въ честь Гикіи изъ металла, которыя должны оставаться несокрушимыми въ теченіи вѣковъ и выставить ихъ на площадь

Аксіи. Кромѣ этого выстроить ей на томъ-же мѣстѣ новый болѣе роскошный домъ и вознаградить съ избыткомъ за всѣ потери.

Вызванные на кафедру художники и составители надписи предложили первые: изобразить Гикію въ великолѣпной одеждѣ, открывающею соотечественникамъ враждебные замыслы Асандрита, а другую въ боевомъ нарядѣ, безпощадно мстящею врагамъ. На пьедесталѣ первой изобразить нижеслѣдующую надпись:

„Мой мужъ, котораго я обожаю, задумалъ сокрушить мой отечественный городъ. Я люблю его, но родина мнѣ дороже. Пусть-же онъ умретъ съ участниками. Сожгите же его съ дворцомъ и богатствами моими, чтобы не допустить вреда отечеству.

На пьедесталѣ второй статуи принято было написать.

„Ты видѣлъ меня, Асандритъ, нѣжною и слабосердечною подругою твоею, а теперь я стою предъ тобою грозною и неумолимою мстительницею. Ты сгоришь со всѣми твоими соучастниками.“

По одобреніи всего этого толпа народа потребовала на площадь Гикію и лишь только она показалась, начала возглашать ей многолѣтіе.

Блѣдная, изнеможенная дочь Ламаха взведена была на кафедру, чтобы лично разсказать гражданамъ подробности открытія заговора.

По исполненіи этого требованія Зифъ приблизился къ ней и громогласно заявилъ, чѣмъ народъ порѣшилъ почтить ея заслугу предъ отечественнымъ городомъ. Гикія не возражала противъ статуй и надписей, но когда услышала о желаніи построить ей на томъ-же мѣстѣ новый дворецъ, точно оскорбленная выпрямилась и отвѣчала:

— Друзья мои, я не жертвовала вамъ моимъ дворцомъ и сокровищами съ цѣлью получить ихъ обратно. Я ихъ отдала отечеству и потребую отъ васъ, чтобы съ сегодняшняго дня сограждане, цѣнившіе мой подвигъ, употребили-бы всѣ средства обезобразить мѣсто нахожденія дворца моего настолько, чтобы я могла не узнавать его. Мнѣ кажется, что всего лучше, если от-

нынѣ туда будутъ сбрасываться всѣ городскія нечистоты.

— Въ такомъ случаѣ ты намъ позволишь — сказалъ Зифъ — выразить нашу благодарность тѣмъ еще, что мы послѣ смерти твоей похоронимъ твои дорогіе останки на площади Заслугъ и воздвигнемъ тебѣ болѣе дорогой памятникъ.

— Это будетъ для меня пріятнѣе всего на свѣтѣ, такъ какъ отдаленное потомство, имѣя предъ глазами благодарность соотечественниковъ, охотно будетъ жертвовать всѣмъ священнымъ для блага отечества.

Героиня, при кликахъ *зито, зито, кирамасъ!* *) сошла съ трибуны и возвратилась въ свою лачугу, которая въ непродолжительномъ времени превращена была въ обширное и роскошное помѣщеніе.

Тѣмъ временемъ выставлены были на площади заслугъ обѣ обѣщанныя мѣдныя статуи, у подножья которыхъ не рѣдко просиживала до поздней ночи Гикія, не спускавшая глазъ съ того пепелища, гдѣ она такъ была счастлива отъ одного взгляда ожившаго Эндиміона.

Сожалѣла-ли она о томъ, что пожертвовала добрымъ для нея мужемъ для блага тѣхъ, которые въ настоящее время перестали удивляться ея подвигу и не думали утѣшать ее въ скорби — или наслаждалась въ глубинѣ души тѣмъ, что имя ея не забудется никогда—осталось тайною.

Однажды Гикіи сказали, что какая-то пріѣзжая женщина желаетъ ее видѣть.

— Приведите ее ко мнѣ—отвѣчала она.

Въ комнату вошла Комосарія, бросившаяся въ объятія бывшей госпожи своей.

— Что привело тебя, моя добрая подруга, въ Херсонесъ? спросила Гикія.

— Меня хотѣлъ казнить нашъ архонтъ со всѣми захваченными имъ Херсонесскими моряками въ отмщеніе за Асандрита, но мужъ мой спасъ насъ всѣхъ изъ темницы и заставилъ бѣжать.

---

*) Живи, живи госпожа наша.

— Ты возвратилась ко мнѣ?

— Нѣтъ, я возвратилась въ Херсонесъ, но такъ какъ мой отецъ вашъ рабъ...

— Съ этой минуты онъ свободенъ, Комосарія, а ты свидѣтельница моей счастливой жизни займешь въ сердцѣ моемъ самое близкое мѣсто. Я обязана дать тебѣ пріютъ около себя, потому что твое семейное счастіе разрушено мною. Знаешь-ли ты, что я погубила Асандрита, котораго любила отъ всей души?

— Да, Ксеноклидъ разсказалъ мнѣ подробно о его дерзкомъ намѣреніи. При этомъ онъ поручилъ мнѣ передать вамъ на память нѣсколько писемъ вашего мужа, которыя онъ получилъ отъ него за нѣсколько времени до смерти. Сказавъ это, Комосарія подала ей нѣсколько досточекъ.

Гикія съ жадностью прочла на первой слѣдующія слова:

„Радуйся, любезный другъ о здравіи того, кто пишетъ тебѣ. Онъ ни о чемъ болѣе не мечтаетъ, какъ о томъ, чтобы возвратиться поскорѣе съ сладчайшею супругою своею въ отечественный городъ. Молись же богамъ, чтобы мы и наши жены поскорѣе соединились между собою.

На второй было написамо: „я ничего не имѣю противъ добрыхъ жителей Херсонеса, которыхъ полюбилъ отъ души, но такъ какъ намъ необходимо сокрушить этотъ городъ, то мнѣ придется выполнить волю отца моего“.

Въ третьей говорилось:.. „У меня достаточно воиновъ. чтобы достигнуть цѣли, но еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ тяжело смотрѣть на мою божественную Гикію, отъ которой я долженъ скрывать планъ мой, основанный болѣе на томъ, чтобы сдѣлать ее царицей нашего царства. Но, что если мнѣ все это не удастся? О, тогда я ни о чемъ такъ не пожалѣю, какъ о женѣ моей, съ которою долженъ буду разстаться и которая навѣрно не повѣритъ, что я рисковалъ жизнію болѣе для ея свѣтлой будущности.“

Прочитавъ послѣднія строки, Гикія залилась слезами.

— Боги мои—вскрикивала она—какъ сильно онъ лю-

билъ меня; но повѣрь, Комосарія, что я принесла его въ жертву не изъ мести, а изъ любви къ отечеству. Я отдала гражданамъ все, чѣмъ дорожила, что составляло мое счастіе и блаженство.

— Но стоитъ ли твой городъ такой жертвы? спросила Комосарія.

— Они воздвигли въ память мою двѣ мѣдныя статуи и обѣщали послѣ смерти моей поставить третью болѣе цѣнную, а останки мои сложить на площади Заслугъ.

— И ты вѣришь, что обѣщаніе свое они исполнятъ?

— Оно дано было мнѣ торжественно.

— А я готова поклясться, что тебя обманули и навѣрно ничего не сдѣлаютъ.

Слова эти показались Гикіи правдоподобными и она рѣшилась испытать патріотовъ.

Нѣсколько дней спустя дочь Ламаха, собравъ къ себѣ всѣхъ рабынь своихъ, заявила имъ, что она намѣрена представиться умершею съ единственною цѣлью убѣдиться, исполнятъ ли граждане Херсонеса тѣ обязательства, которыя добровольно приняли въ отношеніи ея.

— Надѣюсь—сказала она—что вы съумѣете обстановить дѣло такъ, что никт) не догадается о моемъ намѣреніи.

Комосарія, которой желательно было доказать бывшей госпожѣ своей, насколько она ошибается въ гражданахъ, которымъ она пожертвовала напрасно нѣжнаго мужа, первая вызвалась посодѣйствовать въ ея желаніи. Всѣ остальныя обѣщались подчиняться распоряженіямъ ея.

Нѣсколько дней спустя Комосарія объявила патріотамъ, что спасительница Херсонеса почила вѣчнымъ сномъ и ожидаетъ подобаемыхъ почестей.

Зифъ обѣщалъ явиться съ гражданами для сопровожденія останковъ ея. И дѣйствительно, онъ явился въ день, назначенный для сопровожденія знаменитой патріотки до склепа ея отца. Его сопровождалъ только одинъ Христъ.

Гикія, возмущенная такою неблагодарностію спасеннаго ею народа, рѣшилась ожидать, что будетъ дальше. Дальше случилось то, что ее вынесли изъ дома и на-

правились за городъ съ тѣмъ, чтобы вложить въ кимитирію Ламаха.

Оскорбленная до глубины души, она поднялась изъ гроба въ тотъ моментъ, когда намѣревались вложить ее въ отцовскій склепъ.

— Неблагодарные! вскрикнула она—я не могу понять, какъ у васъ достало совѣсти обманывать ту, которая пожертвовала вамъ любимымъ мужемъ и половиною достоянія своего. Такъ вы исполнили ваше обѣщаніе похоронить меня на площади Заслугъ и воздвигнуть позолоченную статую? О, Зифъ, другъ моего отца, не достоинъ ли ты презрѣнія поколѣній нашихъ за подобный обманъ? Не стоишь ли ты, чтобы я слабосильная женщина публично назвала тебя негоднымъ гражданиномъ?

Сказавъ это, она выскочила изъ гроба и быстрыми шагами возвратилась домой. Всѣ сопровождающіе ужаснулись этому событію и громко начали обвинять патріотовъ въ подломъ обманѣ, противъ котораго возстали божественныя силы.

Протевтонъ не менѣе другихъ ужаснулся и, возвратившись домой, немедленно распорядился приготовить на площади Заслугъ роскошную кимитирію для Гикіи и обѣщанную статую съ надписью, могущею удовлетворить самому слабому изъ честолюбцевъ.

— Ну, стоило ли тебѣ пожертвовать такимъ превосходнымъ мужемъ—сказала Комосарія—для неблагодарныхъ Херсонистовъ?

— Для нихъ, дѣйствительно, не стоило бы жертвовать даже соломою, но я убѣждена, что подвигъ мой будетъ оцѣненъ потомствомъ, которое съ благоговѣніемъ станетъ произносить мое имя.

— Не ошибаешься ли ты и въ этомъ, Гикія—спросила Комосарія—слова народа также легко забываются, какъ и обыкновенные разсказы. Твои подвиги могутъ сохранить въ потомствѣ только мудрые софисты. Постарайся же, госпожа моя, чтобы они заговорили о нихъ, въ противномъ случаѣ все будетъ забыто и статуи, поставленныя въ честь твою останутся простымъ украшеніемъ народной площади.

Истина этихъ непріятныхъ словъ настолько подѣйствовала на несчастную спасительницу города, что она начала томиться до того, что лишилась ума и сдѣлалась посмѣшищемъ народа. Въ заключеніе ее нашли умершею на развалинахъ отцовскаго замка и схоронили въ заранѣе устроенной могилѣ, надъ которою красовалась уже великолѣпная статуя.

Такъ окончила свои дни та, которая пожертвовала лучшимъ достояніемъ своимъ для блага возлюбленнаго отечества. Въ числѣ сопровождавшихъ ее до могилы были только Зифъ, Папій и нѣсколько рабынь, которымъ она завѣщала послѣднее наслѣдіе отца своего.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ

ВЪ ХЕРСОНЕСѢ.

(Историческая картина).

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Приступая къ изображенію исторической картины взятія в. к. Владиміромъ Херсонеса Таврійскаго, мы не можемъ представить, чтобы русскій князь безъ малѣйшаго повода предпринялъ такой утомительный походъ въ отдаленный край. Разсуждая о причинахъ, могущихъ вызвать такое предпріятіе, какъ-то невольно останавливается вниманіе на безъименной запискѣ, приложенной извѣстнымъ византинистомъ Газе къ хроникѣ Льва дьякона *), содержаніе которой онъ какъ извѣстно отнесъ къ исторіи Крыма.

Записку эту Газе отыскалъ въ одномъ кодексѣ, содержавшемъ творенія св. Василія, Филарида и св. Григорія Назіанзина и, какъ можно предполагать, она принадлежала самому составителю фрагментовъ, который, воспользовавшись оставшимися въ рукописи двумя бѣлыми листами написалъ на нихъ отчетъ о своемъ путешествіи къ великому князю Кіевскому и о причинахъ, побудившихъ его предпринять это путешествіе.

Авторъ этой записки говоритъ о себѣ, какъ о византійскомъ правителѣ одной изъ Крымскихъ областей, въ которой обитали климаты или жители отклоновъ Крымскихъ горъ **). Затѣмъ разсказываетъ о варварахъ, которые сначала были обходительны и кротки, но потомъ стали опустошать въ Крыму цѣлые города и убивать множество какъ городскихъ, такъ и сельскихъ жителей. Всѣ попытки топарха войти въ сношенія съ варварами, чтобы возстановить прежнія дружественныя отношенія, не имѣли успѣха. Въ такомъ безвыходномъ состояніи византійскій намѣстникъ созвалъ представителей изъ

*) Leo Diaconus Parissis 1818 in-fol.

**) Кромѣ сказаннаго нами въ археологическомъ отдѣлѣ о Крымѣ по поводу этого слова Κλίμα όρων означало еще склонъ горы.

всѣхъ общинъ, державшихъ до сихъ поръ сторону византійскаго правительства, и предложилъ имъ избрать властителя, способнаго защищать ихъ отъ враговъ.

Въ этомъ предложеніи ясно проглядываетъ, что центральное византійское правительство не особенно заботилось о своихъ владѣніяхъ въ Тавридѣ и окончательно подтверждается тѣмъ, что собраніе рѣшило искать этой защиты у князя, жившаго на сѣверѣ отъ Дуная. Для этого ходатайства народъ избралъ самого топарха и поручилъ ему ѣхать къ царствующему на сѣверѣ отъ Дуная. Великій князь ласково принялъ его, щедро наградилъ и назначилъ его уже своимъ намѣстникомъ во вновь пріобрѣтенной землѣ, занимаемой климатами. Записка оканчивается описаніемъ возвратнаго пути новаго русскаго посадника по правому берегу Днѣпра, трудной переправою черезъ него и опасной поѣздкой въ крѣпость Маврокастронъ на западѣ отъ Перекопа.

Насколько драгоцѣнна эта маленькая записка для исторіи Крыма, каждый можетъ понять. Мы не станемъ здѣсь разсматривать по каждой фразѣ несомнѣнную справедливость ея, но остановимъ наше вниманіе на томъ, что в. к. Владиміръ явился въ Тавриду не въ качествѣ простаго поработителя, а въ качествѣ имѣвшаго нѣкоторое право на страну эту съ цѣлью поработить Херсонесъ, чтобы достигнуть самостоятельно тайнаго желанія просвѣтить подданныхъ. Руководствуясь этимъ документомъ, г. Ламбинъ высказалъ свое убѣжденіе, что топархъ климатовъ за варваровъ принималъ норманскихъ Россовъ, професоръ Бунъ видѣлъ въ нихъ Варягоруссовъ, а академикъ Куникъ считалъ за Хазаровъ. Но ни одинъ изъ нихъ не могъ подтвердить своихъ предположеній историческими комментаріями. По нашему мнѣнію первые два писателя намъ кажутся болѣе правдоподобными на томъ основаніи, что еслибъ эти варвары были само-

стоятельный народъ, независимый отъ князя Кіевскаго, то Климатамъ не было бы надобности искать протектората въ государѣ, отдаленномъ отъ страны ихъ на громадное разстояніе и для великаго князя не интересно было бы принимать подъ свое покровительство горсть народа, занимавшаго отклоны теперешняго Яйлынскаго хребта и назначать отъ своего имени намѣстника. Одно это назначеніе достаточно свидѣтельствуетъ, что люди, безпокоившіе Климатовъ были славянскаго происхожденія и должны были усмириться по одному слову великаго князя. Въ противномъ случаѣ топархъ не ѣздилъ бы къ нему и не нуждался бы въ намѣстничествѣ, которымъ и безъ того пользовался отъ безсильнаго или равнодушно относящагося къ Тавридѣ византійскаго правительства. Мы также понимаемъ сказанное въ запискѣ, что варвары эти сначала были кротки и обходительны, что, безъ сомнѣнія, происходило отъ малочисленности ихъ, но впослѣдствіи, когда ихъ нашло сюда такія массы, которыя въ состояніи были насиловать туземцевъ, то они нисколько не стѣснялись въ этомъ и довели до необходимости подчиниться тому же государю, котораго и они признавали своимъ повелителемъ.

По мнѣнію Гедеонова, Погодина и нѣкоторыхъ другихъ, записка эта относится къ 9 столѣтію, т. е. гораздо раньше времени княженія Владиміра. Мы также не находимъ въ этомъ предположеніи ничего такого, которое не подтверждало бы нашего соображенія въ отношеніи причинъ, побудившихъ великаго князя вспомнить отцовскія или дѣдовскія права на земли, добровольно признавшія господство славянской монархіи и подъ предлогомъ возстановленія въ нихъ законныхъ правъ, одновременно занять независимый Херсонесъ, имѣвшій возможность поддерживать власть византійскихъ императоровъ въ Таврикѣ и, обративъ его въ столицу от-

дѣльнаго княжества, въ тоже время сдѣлать и купелью для славянскаго народа.

По мнѣнію нашему Таврическія области признавали надъ собою власть византійской имперіи только въ экклезіатическомъ отношеніи, а такъ какъ глава церкви патріархъ находился въ зависимости отъ императоровъ, то естественно, этотъ послѣдній являлся сувереномъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя населены были христіанами и не имѣли своихъ порфироносцевъ. При такихъ отношеніяхъ византійское господство въ отдаленныхъ мѣстностяхъ довольствовалось однимъ номинальнымъ признаніемъ протектората, а такъ какъ не располагало излишнею военною силою для огражденія ихъ отъ гнета или набѣговъ сосѣднихъ варваровъ, то понятно. что не имѣло права быть недовольнымъ, если они находили реальную защиту у другихъ властелиновъ. Что миссія эта не сосоставляла даже преступленія со стороны топарха въ глазахъ византійскаго правительства, а напротивъ могла служить ему въ заслугу, мы заключаемъ изъ того, что найденная г. Газе записка спеціально составлена была для представленія Константинопольской центральной власти и власть эта осталась очень довольною, что поставленный ею топархъ, съумѣлъ защитить тѣхъ, которые никогда не откажутся считать себя зависимыми въ религіозномъ отношеніи отъ верховныхъ представителей православной церкви. Что Византійскіе императоры никогда не считали себя полными властелинами даже Херсонеса, это не трудно заключить изъ словъ Петрона, сказавшаго императору Ѳеофилу: „если хочешь властвовать надъ крѣпостями Херсонеса и всѣми тѣми мѣстами, то поставь своего намѣстника“.

Относительно мѣстоположенія, занимаемаго Климатами, отъ имени которыхъ явился къ Кіевскому князю топархъ, мы имѣемъ самыя положительныя свѣдѣнія изъ

42 главы de adm. imp. (Констан. Порфирород.), говорящаго, что грады Климатовъ были расположены между Херсонесомъ и Босфоромъ, что повторяется вновь на стр. 113 и 180 болѣе положительнымъ образомъ: από δε Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου είσί τά κάστρα των Κλιμάτον (т. е. отъ Херсонеса до Босфора расположены крѣпости Климатовъ). Сказаніе это подтверждается не только многими другими разсказами древнихъ писателей, но и суствующими до настоящаго времени развалинами этихъ крѣпостей по всему прибережному пространству, начиная отъ Балаклавы до Ѳеодосіи, за которою начиналась уже граница Босфорскаго царства. Въ археологическо-историческомъ отдѣлѣ мы подробно указали на эти развалины.

Слѣдовательно, Климатами именовались тѣ туземцы Крыма, которые исповѣдовали христіанскую вѣру и занимали горную часть Таврики, не признавая надъ собою власти ни Херсонеса, ни Босфорскихъ повелителей. Послѣ же паденія послѣднихъ и занятія пантикапейскихъ степей Гуннами, безъ сомнѣнія, выходцами изъ Тмутараканскаго сосѣдняго княжества, они, по мѣрѣ населенія крымскихъ степей Гуннами или *шубами* *), начали подвергаться ихъ хищничеству, которое довело сначала до кровопролитныхъ столкновеній, а потомъ до необходимости отдаться подъ власть старшаго изъ Россскихъ князей и тѣмъ положить предѣлъ враждебныхъ отношеній между одинаково подвластными ему племенами. Насколько это удалось Климатамъ и ихъ представителю, возвратившемуся въ качествѣ намѣстника Россскаго князя, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но полагаемъ, что съ этого времени между враждующими націями возстановились дружественныя отношенія и Климаты оставались подвластными, если не активно, то номинально

---

*) Гунна на греческомъ языкѣ означаетъ шуба. Ужъ не потому ли эти славяне назывались гуннами, что одѣвались въ шубки?

Кіевскимъ князьямъ до времени послѣднихъ договоровъ между Славянами и Византійскимъ правительствомъ въ 944 и 972 годахъ, по которымъ первые отказались отъ протектората надъ Климатами.

Несомнѣнность нашего предположенія основывается еще и на томъ, что одно мѣсто въ договорѣ 944 г. приводитъ къ мысли, что Корсунь и лежащіе въ тѣхъ странахъ города (τα κάστρα τῶν κλιμάτων) были безпокоимы русскими до 941 года, а по договору 972 г. была вновь признана зависимость Корсуни и тамошнихъ городовъ отъ византійскаго царства. Изъ этого можно составить убѣжденіе, что въ промежуткѣ это времени Климаты находились въ зависимости отъ русскихъ великихъ князей.

Всего сказаннаго намъ кажется вполнѣ достаточно, чтобы великій князь Владиміръ, задумавшій самовластно принять ученіе православной церкви, не нашелъ какого-либо повода вторгнуться въ Таврику и достигнуть торжественно тѣхъ результатовъ, которые руководили его помыслами, но которые онъ скрывалъ отъ дружинъ своихъ до поры и времени съ намѣреніемъ воспользоваться вполнѣ ихъ блистательными плодами и принести съ собою свѣтильникъ вѣры, чтобы освѣтить имъ отечественную землю.

Вообще въ походѣ в. к. Владиміра на Херсонесъ мы должны видѣть глубокія соображенія и самые вѣрные разсчеты заставить подданныхъ своихъ безприкословно принять ту религію, которую онъ съ дружинами уже принялъ.

При такомъ рѣшеніи дѣла понятно, что всякое сопротивленіе Кіевлянъ не могло быть умѣстнымъ и введеніе христіанства даже при насиліи не представляло ничего опаснаго для героя и побѣдителя, возвратившагося съ преданною и раздѣлявшею его мысли арміею.

Великій князь Владиміръ въ Херсонесѣ.

(Историческая картина).

Мстиславъ, удѣльный князь Тмутараканскій, получивъ извѣстіе съ нарочнымъ, что въ непродолжительномъ времени прибудетъ изъ Кіева на Русское море *) отецъ его, великій князь Владиміръ, чтобы покорить своей власти принадлежащую славянамъ Таврику, распорядился подготовить значительную рать, которая должна была слѣдовать по первому требованію къ Херсонесу на помощь къ соотечественникамъ.

Въ то время Таврика населена была въ степныхъ пространствахъ Гуннами, выходцами изъ Россіи, которые не признавали ни чьей власти и безпрестанно сталкивались съ обитателями горъ греческаго происхожденія.

Кромѣ Гунновъ въ странѣ этой бродили Печенѣги, Хазары, Аллане и другіе отрывки отъ племенъ, враждебныхъ христіанству и вообще осѣдлой части народонаселенія.

Естественно, что при такихъ условіяхъ великому князю Владиміру не представлялось особенныхъ усилій вновь присоединить эту страну къ обширнымъ владѣніямъ своимъ, которыя соприкасались съ Таврикою. При этомъ онъ зналъ, что въ странѣ этой существуетъ славный городъ Херсонесъ, состоящій въ полузависимости отъ византійскихъ императоровъ, съ пріобрѣтеніемъ котораго онъ дѣлался полнымъ властителемъ всей страны, близкимъ сосѣдомъ къ Константинополю и могъ предписывать ему законы. Кромѣ этого могущественному князю, давно ужъ желавшему сбросить съ себя и народа своего позорное имя идолопоклонниковъ, желательно было лично изслѣдовать ученіе Іисуса Христа и на случай, если оно окажется настолько божественнымъ, насколько въ этомъ

---

*) Такъ называлось въ это время Черное море.

свидѣтельствовали посланники, возвратившіеся изъ Царьграда, то принять это ученіе не по вліянію другихъ, а по собственной волѣ и въ дальнѣйшемъ распорядиться въ качествѣ побѣдителя или полновластнаго государя.

Руководимый этими разсчетами, представляющими въ добавокъ право на безусловное родственное сближеніе съ византійскимъ царствующимъ домомъ, славянскій гордый повелитель единымъ словомъ собралъ вокругъ себя огромную рать, готовую слѣдовать за нимъ въ самыя отдаленныя страны, чтобы показать свою богатырскую силу.

— Витязи и богатыри, сказалъ онъ, я задумалъ думу великую и надѣюсь, что вы не посрамите славянскаго имени. Я хочу завоевать отложившіяся отъ насъ въ Таврикѣ земли греческія и заставить грековъ научить насъ почитать единаго Бога. Такимъ образомъ у насъ явится новое княжество, православная вѣра и свои священники со всѣмъ, что необходимо будетъ для храмовъ.

— Мудро сказано, отвѣчали воеводы, честь и слава нашему князю, а мы не посрамимъ имени славянъ!

— Въ такомъ случаѣ, дѣти мои, изготовьте на всю рать большія легкія лодки и посылайте въ Тмутаракань къ Мстиславу моему вѣстника, чтобы онъ былъ на-готовѣ по первому требованію нашему явиться на помощь съ ратниками и провизіею.

Мѣсяцъ спустя нѣсколько тысячъ большихъ лодокъ, нагруженныхъ вооруженными воинами, боевыми снарядами и продовольственными продуктами, ожидали на Днѣпрѣ появленія великаго князя и лишь только онъ опустился въ свое суденце и приказалъ поднять парусъ, тысячи голосовъ запѣли:

Днѣпръ широкій, Днѣпръ глубокій....

Владыка шелъ впереди и безпрестанно подымалъ высоко чару вина, чтобы слѣдовавшіе за нимъ воспріяли веселость. Пѣсни не прекращались во все время слѣдованія до Ктеносскаго залива.

— Мы прибыли къ мѣсту, заявилъ великій князь, и завтра вступимъ въ борьбу. Греки, народъ дальновидный и способны изобрѣсти сотни средствъ, чтобы не под-

даться порабощенію нашему, но мы ихъ побѣдимъ, потому что не отступимъ назадъ, не достигнувши цѣли. Если они не вдругъ поддадутся нашему напору, то нѣтъ сомнѣнія, что я въ концѣ концовъ достигну цѣли своей, такъ какъ отъ этого они пріобрѣтутъ больше пользы, чѣмъ вреда. Я въ свою очередь предложу имъ покровительство и сдѣлаюсь болѣе полезнымъ, чѣмъ господствующій надъ ними Царьградскій императоръ.

Не успѣлъ произнести этихъ словъ Владиміръ, какъ ратники привели къ нему захваченнаго въ плѣнъ священника.

— Ты, вѣроятно, вышелъ изъ града твоего, чтобы изучить нашу силу, сказалъ съ негодованіемъ великій князь.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ духовникъ, вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ Херсонеса для проповѣди язычникамъ слова Божія и, не подозрѣвая вашего присутствія въ здѣшнихъ мѣстахъ, возвращался въ отечественный городъ. Я не видѣлъ вашей рати и не знаю, зачѣмъ вы явились сюда.

— Если ты не лжешь, отвѣчалъ Владиміръ, то возвращайся безпрепятственно къ себѣ и объяви всѣмъ твоимъ соотечественникамъ, что я пришелъ въ Таврику, чтобы завладѣть вашимъ градомъ, такъ какъ онъ прилегаетъ къ моимъ владѣніямъ, но не изъ жадности, а изъ желанія заставить побѣжденныхъ просвѣтить всѣхъ моихъ подданныхъ ученіемъ Іисуса Христа.

— Но тебѣ едвали повѣрятъ мои соотечественники, сказалъ священникъ, а побѣдить ихъ я полагаю не будетъ тебѣ по силамъ, такъ какъ они не пощадятъ своей жизни.

— Что же я долженъ сдѣлать для блага ихъ?

— Все будетъ напрасно до тѣхъ поръ, пока ты не откроешь секрета для побѣды непобѣдимыхъ.

— Какимъ же образомъ я достигну этого? спросилъ Владиміръ.

— Я охотно научу тебя, отвѣчалъ священникъ, если ты поклянешься мнѣ, что пришелъ съ тѣмъ, чтобы воспріять отъ насъ божественную религію.

— Клянусь вашимъ богомъ, отвѣчалъ князь, что я

не возвращусь изъ Херсонеса, не сдѣлавшись христіаниномъ.

— Въ такомъ случаѣ начинай войну. Я буду слѣдить за твоими дѣйствіями и если замѣчу, что успѣхи твои не обѣщають побѣды, я пущу въ лагерь твой стрѣлу съ запискою, которая укажетъ тебѣ способъ безъ кровопролитія достигнуть цѣли. Записка будетъ подписана священникомъ Анастасіемъ.

— Спасибо за доброе слово, отвѣчалъ Владиміръ, и приказалъ отпустить плѣнника безъ малѣйшаго вреда. Затѣмъ онъ потребовалъ къ себѣ родственника своего и сказалъ ему:

— Другъ мой, Свенки *), Корсунь будетъ наша. Покончивъ съ нею, мы поплывемъ въ Тмутаракань и всѣ земли и города, которые будутъ по дорогѣ, должны подчиниться моей власти. Нѣтъ сомнѣнія, что дружины наши въ здѣшней странѣ найдутъ достаточно подарковъ и акатіи наши **) не возвратятся пустыми.

— Ты мудръ князь, отвѣчалъ Свенки, но мнѣ кажется, что мы не по правдѣ предприняли это дѣло. Мы много лѣтъ дружимъ съ Грековинами и договоры наши съ ними твердо исполнялись. Неужели, ты пожелаешь подобно Игорю нарушить присяжное обѣщаніе славянскаго народа не только воевать противъ нихъ, но даже защищать Корсунь отъ черныхъ Болгаръ. А князь Олегъ въ договорныхъ статьяхъ (911 г.) кромѣ этого обѣщалъ всѣмъ грековскимъ судамъ на случай крушенія оказывать помощь. Ужъ какъ ты не суди меня, князь владыко, а мнѣ кажется, что не слѣдъ тебѣ воевать противъ Корсуни.

— Оно такъ и выходитъ, но я долженъ взять этотъ городъ мечемъ, чтобы сродниться съ Константинопольскими императорами, а затѣмъ мы остановимъ его въ въ ихъ же власти и возвратимся восвояси.

— Не легко намъ будетъ сдѣлать это, отвѣчалъ Свенки, стѣны у нихъ и крѣпкія и высокія. Тебѣ не безъизвѣстно, что славянскія ладьи не разъ уже прогулива-

*) Свѣнельдъ.

**) Такъ назывались въ то время мореходныя суда, приноровленныя къ битвѣ.

лись по прибрежьямъ Русскаго моря, но никогда почти не могли взять Корсуни.

— А мы его возьмемъ, если не силою, то хитростію или искусствомъ. Городъ этотъ не такъ великъ, мы окружимъ его со всѣхъ сторонъ, а голодъ не свой братъ. Прикажи-ка дружинамъ хорошенько отдохнуть, чтобъ назавтра взяться за дѣло.

Тѣмъ временемъ Херсонесцы, устрашенные безчетнымъ множествомъ акатій, вступившихъ въ большую Ктеносскую бухту, въ полномъ убѣжденіи, что должны будутъ отстаивать свою независимость, распорядились созвать всѣхъ стратеговъ и вооружиться всѣми силами, чтобы не допустить врага до стѣнъ и воротъ своего града.

Въ сказанное время большинство народонаселенія Херсонеса обитало въ акрополѣ Діофана, полководца Митридата Понтійскаго, гдѣ размѣщалась его 60 т. армія во все время, пока не были сокрушены скиоскія полчища, безпокоившія Херсонитовъ. Внѣ акрополя обитали очень не многіе, которые занимались скотоводствомъ и другаго рода сельско-хозяйственными промыслами. Это была устарѣвшая уже часть нѣкогда шумнаго и обширнаго города, испытавшаго много печальныхъ дней и опустошеннаго жестокимъ Юстиніаномъ II въ 710 году по Р. Х. Ужасная месть этого императора, полонившаго лучшихъ гражданъ, разгромившаго дома, городскія стѣны и всѣ сокровища жителей, заставила уцѣлѣвшихъ обитателей воздвигнуть себѣ новыя жилища за стѣнами акрополя и принимать въ сосѣдство свое всѣхъ, желавшихъ жить съ ними.

Такимъ образомъ возникъ новый уже христіанскій городъ, который въ 988 году, т. е. въ то время, когда подступилъ къ нему съ ратью великій князь Кіевскій, имѣлъ нѣсколько обширныхъ храмовъ и занималъ довольно большое пространство, начинаясь нынѣшнею Карантинною бухтою и кончаясь круглымъ заливомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ древнею стѣною, онъ не настолько былъ слабъ, чтобы не выдержать натиска враговъ, пришедшихъ безъ стѣнобитныхъ машинъ. Оставалось только позаботиться, чтобы хватило продоволь-

ствія на случай продолжительной осады и чтобы непріятель не отвелъ въ сторону единственнаго водопровода, наполнявшаго городскія цистерны ключевою водою *).

Въ тотъ же день осмотрѣны были хлѣбные запасы и посланы были воины и молодые люди къ стѣнамъ и башнямъ, чтобы защищать ихъ до послѣднихъ усилій. Одновременно архистратегъ собралъ большой совѣтъ для обсужденія причинъ, выпудившихъ русскаго царя сдѣлать нашествіе на ихъ городъ, и какія принять мѣры, еслибъ врагу пришлось восторжествовать надъ ними.

На совѣтѣ этомъ прежде всего прочитана была статья договора съ славянами, составленная въ 944 году, гдѣ ясно говорилось:

„А о Корсуньстѣй странѣ, еликоже есть городовъ на той части, да не имате волости князи Рустіи...

— Какимъ же это образомъ нынѣ Владиміръ желаетъ насъ поработить? спросилъ стратегъ, открывая послѣдующій за тѣмъ договоръ заключенный въ 972 году, гдѣ сказано было: „ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ". Это что-то невѣроятно, прибавилъ военачальникъ. Мы съ Россами издавна ведемъ дружественныя отношенія, даже безбожный Олегъ и тотъ былъ расположенъ къ намъ пріятельски, а этотъ безъ всякаго повода вздумалъ подчинить насъ своей власти.

— Но, можетъ быть, вмѣшался одинъ изъ гражданъ, онъ явился къ намъ не съ враждебною цѣлью и ограничивается желаніемъ покорить всю степную часть Таврики гдѣ бродятъ россійскія племена и которая погранична съ Тмутараканскимъ княжествомъ, занятымъ его же соотечественниками. Если только его привела къ намъ эта мысль, то мнѣ кажется, мы обязаны будемъ содѣйствовать ему для нашего же блага.

— Въ такомъ случаѣ—сказалъ стратегъ—я отправлю къ Россамъ нарочнаго, чтобы переговорить съ ними.

— Это необходимо сдѣлать теперь же—рѣшилъ совѣтъ, чтобы предупредить всякаго рода сомнѣнія и неосторожности.

Былъ брошенъ жребій: кому изъ патріотовъ идти на

---

*) Водопроводъ этотъ открытъ нами въ февралѣ 1851 года.

переговоры. Пришлось идти пожилому Агапію, который не зналъ ни единаго славянскаго слова.

Вышедъ боковыми воротами, старикъ направился къ возвышенности, отдѣлявшей Ктеносскую бухту отъ Херсонесской низменности, и лишь только очутился на хребтѣ ея, какъ былъ окруженъ нѣсколькими ратниками, которые начали допрашивать его куда онъ направляется. Предполагая, что славяне спрашиваютъ его о божествѣ, которое онъ исповѣдываетъ, Агапій поднялъ палецъ вверхъ. Россамъ показалось, что онъ этимъ знакомъ угрожаетъ имъ.

— Такъ вотъ тебѣ три пальца—отвѣчали они ему— одинъ въ лобъ, а остальные въ глаза.

Агапій старался объясниться, но не будучи въ состояніи этого сдѣлать, разгнѣвался и, поднявъ всю кисть руки, употребилъ одну изъ общепринятыхъ греками фразъ, когда слушатель оказывается безтолковымъ.

— *На су пенди!* (т. е. вотъ тебѣ всѣ пять) *). Славянамъ показось, что онъ назвалъ себя *пендосомъ* **), и подъ этимъ именемъ они свели его къ великому князю, который, выслушавъ его чрезъ толмача, объявилъ, что намѣренъ во что-бы ни стало войти въ Херсонесъ, если жители не отворятъ ему добровольно воротъ.

Агапій попробовалъ было заговорить о договорахъ императора и дружбѣ ихъ съ Тмутараканскимъ княжествомъ, но Владиміръ продолжалъ требовать пропуска его въ городъ съ военачальниками съ тѣмъ, что если къ завтрашнему дню не послѣдуетъ согласія, то онъ проникнетъ силою.

Не будучи въ состояніи убѣдить князя не воевать съ городомъ, который всегда благоволилъ къ Россамъ, Агапій съ сокрушеннымъ сердцемъ возвратился къ стратегу и извѣстилъ его, что славяне безъ вражды желаютъ проникнуть въ Херсонесъ, если имъ отворятъ городскія ворота.

— Но чего они отъ насъ желаютъ? спросилъ стратегъ.

— Этого они не хотятъ объяснить.

---

*) Обыкновеніе это и теперь существуетъ между греками.

**) Въ Крыму сохранлется преданіе, что съ этого времени въ Россіи начали называть грековъ *пендосами*.

— Въ такомъ случаѣ надо полагать имъ хочется завладѣть Трахеею; а этого я не вправѣ допустить, еслибъ даже потребовали всѣ граждане. Я присланъ сюда императорами и буду дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока истощу всѣ средства или получу приказаніе прекратить защиту.

— Но я убѣжденъ, что русскій царь не питаетъ къ намъ злобы и не дозволитъ воинамъ своимъ поражать насъ до тѣхъ поръ, пока мы не нанесемъ ему вреда.

— Тѣмъ лучше для нихъ. Я не выпущу ни единой стрѣлы, пока не встрѣчу раненаго, но буду дѣлать все то, что станутъ они предпринимать противъ насъ.

— Такъ и надо, такъ и надо! отозвались старѣйшины и разошлись въ надеждѣ, что могущественный властитель Россовъ не желаетъ нанести имъ существеннаго вреда. Тѣмъ не менѣе рѣшено было, чтобы способные люди не покидали оружія до полнаго разъясненія желаній славянъ.

На совѣтѣ гражданъ не участвовалъ священникъ Анастасій не потому, что онъ чувствовалъ себя утомленнымъ послѣ долговременнаго пребыванія между идолопоклонниками, но потому, что отправился къ епископу съ заявленіемъ, что, попавъ случайно въ непріятельскій станъ, лично говорилъ съ царемъ Владиміромъ, который подступилъ къ ихъ городу не изъ цѣли господства въ немъ, а изъ желанія принять христіанскую вѣру отъ руки тѣхъ, которые признаютъ его временную власть.

— Чтоже ты ему отвѣчалъ? спросилъ архіерей.

— Я сначала выразилъ сомнѣніе, но потомъ когда убѣдился въ чистотѣ его мыслей, обѣщалъ ему въ крайности указать способъ овладѣть нашимъ градомъ.

— Будетъ-ли это похвальнымъ подвигомъ со стороны твоей?

— Мнѣ кажется, *деспота*, что я этимъ окажу величайшую услугу церкви Христовой.

— Твоя правда, Анастасій, ну а если Россы обманули тебя?

— Тогда я подвергнусь казни и заслужу проклятіе согражданъ.

— И ты не подумаешь отстраниться отъ обѣщанія?

— Я не смѣю этого сдѣлать, но на случай, еслибъ

меня постигло разочарованіе и я сдѣлался-бы жертвою власти и народа, то пожалѣйте, *деспота*, мою единственственную дочь, сироту Эльпиду, которая не можетъ быть виновна въ заблужденіи отца.

Священникъ преклонилъ колѣни предъ владыкою своимъ, какъ-бы ожидая приговора.

— Ну еще не время тебѣ отчаяваться — возразилъ епископъ — кто знаетъ, можетъ быть, подвигъ твой, который, при всякомъ другомъ случаѣ показался-бы позорною измѣною отечеству, въ настоящемъ случаѣ присоединитъ къ православію великій народъ, который сдѣлается намъ дружественнымъ.

Утѣшенный этими словами, священникъ возвратился домой и не сочелъ нужнымъ скрыть тайны отъ дочери своей.

— О, отецъ, если русскій царь не обманулъ тебя. то имя твое никогда не забудется — отвѣчала молодая дѣвушка.—Ты превзойдешь всѣхъ славныхъ патріотовъ и героевъ Херсонеса со времени основанія его.

— Я не вѣрю, Эльпида, чтобы помазанники Божіи лгали предъ обыкновенными людьми и притомъ Владиміръ давно уже считается полухристіаниномъ.

— Я также увѣрена, что онъ съ этою мыслію подступилъ къ Херсонесу, и ты, отецъ, окажешь мнѣ величайшее удовольствіе, если позволишь своеручно выпустить изъ лука ту стрѣлу, въ которую вложена будетъ твоя записка.

— Пусть будетъ по твоему моя дочь. Но имѣй въ виду, что если дѣяніе наше принесетъ вредъ отечественному городу, то мы погибнемъ вмѣстѣ, какъ самые зловредные враги монархіи.

На слѣдующій день все пространство, прилегающее къ крѣпостнымъ стѣнамъ Херсонеса, покрыто было густыми рядами россовъ, которые начали подступать къ городу. Тысячи греческихъ головъ показались вдоль городской стѣны, но сейчасъ-же скрылись. Ратники прежде всего бросились къ воротамъ, но на нихъ посыпались большіе камни, сброшенные съ башней на веревкахъ, и вновь были подняты наверхъ. Тотъ-же маневръ съ необыкновенною быстротою исполненъ былъ вдоль

всей стѣны. Къ счастію убитыхъ не оказалось. Россы отступили на совѣщаніе и порѣшили, что такимъ образомъ брать крѣпости не придется, а надо иначе дѣйствовать.

По мнѣнію Свенки всего удобнѣе было сдѣлать насыпь съ наружной части стѣны чтобы ослабить силу паденія камня и затѣмъ чтобы подняться на такую высоту, съ которой не представлялось-бы особеннаго затрудненія перейти на стѣну и броситься къ воротамъ, которые, какъ надо полагать, или замуравлены были временно-сложенными стѣнами изъ большихъ массъ камня или густо перепоясаны были желѣзными продольными крючками.

Предложеніе это было одобрено великимъ княземъ и всѣми воеводами, такъ какъ всѣмъ хотѣлось взять городъ безъ кровопролитія, а въ крайности съ потерею ничтожнаго числа ратниковъ.

Въ туже ночь тысячи Россовъ явились съ кирками, лопатами и носилками, наскоро сдѣланными изъ лодокъ херсонесскихъ рыбаковъ, и пользуясь темнотою, начали сносить землю къ крѣпостной стѣнѣ города. Херсонесцы старались остановить эту работу метаніемъ каменьевъ, но каково было изумленіе ихъ, когда на утро предъ ними выросла насыпь въ нѣсколько саженей длины и болѣе чѣмъ на сажень вышины, а Россы между тѣмъ отступили къ мѣсту стоянки своей.

Стратегъ, осмотрѣвъ ихъ ночную работу, сейчасъ же понялъ намѣренія.

— Ну, этимъ способомъ они не проникнутъ въ Херсонесъ — сказалъ онъ — мы такъ поведемъ дѣло, что насыпь ихъ никогда не подымется выше. Слушайте же меня дѣти: отнынѣ вы будете вмѣстѣ съ россами весь день спать, а всю ночь работать. Пусть всѣ граждане приготовятъ свои подводы, а тѣ, у которыхъ ихъ нѣтъ явятся съ лопатами и носилками, мы пробьемъ противъ насыпи этой въ стѣнѣ большія отверстія и станемъ уносить ту землю, которую недруги будутъ приносить. Такимъ образомъ они потрудятся понапрасну и въ концѣ-концовъ отступятъ отъ города.

Распоряженіе это привело въ восторгъ всѣхъ обита-

телей Херсонеса, которые съ радостію приступили къ дѣлу. Съ этого дня насыпь россовъ, не смотря на ихъ изумительную и всеобщую дѣятельность, не подымалась ни на вершокъ выше.

— Чтобы это означало? говорилъ Владиміръ и нерѣдко самъ являлся на работы въ сомнѣніи, что онѣ не исполнялись добросовѣстно.

Тѣмъ временемъ въ центрѣ города на площади началъ появляться не существовавшій раньше курганъ, на которомъ сторожевые ратники ежедневно замѣчали молодую женщину, не спускавшую глазъ своихъ съ того направленія, гдѣ находился ихъ лагерь.

Свенки сообщилъ объ этомъ Владиміру и они поняли наконецъ всю суть дѣла.

— И такъ мы напрасно трудились? сказалъ князь— Ну, не хорошо имѣть дѣло съ этими грековинами: они на всякую хитрость придумають хитрость. Что-же мы будемъ дѣлать въ настоящее время? Неужели станемъ ждать, пока они станутъ голодать? И этотъ попъ Анастасъ не подаетъ никакой вѣсточки. А отходить, не взявши города, я не намѣренъ.

— Меня дюже смущаетъ эта молодая дѣвка—заговорилъ Свенки—какъ хочешь князь, а она выглядываетъ тебя. Ну, чего бы ей ежедневно взбираться на этотъ холмъ?

— Въ самомъ дѣлѣ—отвѣчалъ Владиміръ—а вѣдь можетъ быть, что ты говоришь правду. Ужъ не дочь ли она Анастаса? Поразспроси-ка у сторожей хорошенько, съ лукомъ ли она является на холмъ!

Свенки вышелъ, но часъ спустя донесъ повелителю своему, что дѣвку видятъ всегда вооруженною лукомъ съ стрѣлою.

— А въ какое время она выходитъ на холмъ? спросилъ онъ.

— Съ первыми лучами солнца.

— Хорошо, я самъ выйду къ ней завтра.

Приказавъ прекратить безплодную работу, великій князь началъ обдумывать новый планъ осады Херсонеса, но рѣшительно не могъ придумать ничего такого, которое, безъ большихъ потерь времени и людей, могло бы удовлетворить его стремленію.

На другой день онъ показался на возвышенности, съ которой, какъ на ладонѣ, рисовался Херсонесъ съ прекрасными постройками, составляющими какъ бы одну сплошную массу домовъ, между которыми высоко подымались къ небу прекрасныя вершины храмовъ. Окинувъ все это бѣглымъ взоромъ, князь остановилъ свое вниманіе на холмѣ, возвышающемся среди города.

Въ эту минуту къ ногамъ его упала стрѣла, та самая стрѣла, которая на глазахъ его выпущена была молодою женщиною, стоящею на холмѣ.

Владиміръ поднялъ стрѣлу и въ расщелинѣ ея нашелъ небольшую записочку, подписанную Анастасіемъ. Въ запискѣ сказано было: „отмѣрь отъ прямой линіи городскихъ воротъ полныхъ 135 шаговъ къ Юго-Востоку и ты подойдешь къ камню, поставленному на ребро, подъ этимъ камнемъ идетъ единственный водопроводъ въ нашъ городъ. Если ты откроешь его и спустишь воду въ сторону, то мы по необходимости должны будемъ исполнить твое желаніе.“

Записку эту великій князь прочиталъ родственнику своему Свенки и потребовалъ отъ него немедленно командировать нѣсколько человѣкъ для пресѣченія воды, идущей въ Херсонесъ.

Свенки самъ отправился съ отрядомъ и въ непродолжительнымъ времени отыскалъ водопроводъ, который и былъ испорченъ.

— Посмотримъ, что выйдетъ изъ этого? сказалъ князь, когда ему доложили, что записка оказалась справедливою. Надо только наблюдать, чтобы изъ города никто не осмѣлился выходить—прибавилъ онъ—въ противномъ случаѣ они возстановятъ разрушенное нами и успѣютъ запастись водою на долгое время.

— Я оставилъ тамъ значительную стражу—отвѣчалъ Свенки—въ полномъ убѣжденіи, что она не допуститъ ни единаго грековина до этого мѣста.

— Ладно сдѣлано—отвѣчалъ Владиміръ—прикажи же теперь отпустить ратникамъ по чаркѣ вина и пусть они успокоятся. Въ эту ночь я самъ намѣренъ слѣдить за стражниками.

Приказаніе его было исполнено и въ урочный часъ

владыка появился на возвышенности, раздѣляющей Ктенусъ отъ Херсонеса.

Около полуночи великому князю послышалось, что на морѣ плывутъ многія ладьи. Подозвавъ къ себѣ ближайшаго стража, онъ приказалъ разбудить родственника своего Свенки и передать ему объ этомъ для наблюденія. Оказалось, что это слѣдовалъ съ дружиною и продовольственными припасами Мстиславъ Тмутараканскій. Владиміръ чрезвычайно обрадовался прибытію жданнаго сына въ то время, когда участь Херсонеса была уже рѣшена.

— Я привезъ тебѣ, отецъ, все—говорилъ удѣльный князь—и стѣнобитки и мечи и вино и продовольствіе и самыхъ лучшихъ бойцевъ.

— Спасибо за любовь и пріязнь. Но мнѣ пріятнѣе, что ты прибылъ къ намъ на пиръ. Чрезъ недѣлю Грековины отворятъ намъ ворота и мы со славою войдемъ въ ихъ городъ.

Мстиславъ покачалъ недовѣрчиво головою.

— Не вѣрится мнѣ твоему родительскому слову—отвѣчалъ онъ—я не разъ ужъ имѣлъ съ этимъ людомъ дѣло и всегда отступалъ ни съ чѣмъ: дюже хитры, ничего не подѣлаешь силою.

— Я тоже извѣдалъ это—сказалъ Владиміръ—и порѣшилъ овладѣть ими безъ борьбы. Я открылъ ихъ водопроводъ и заставлю самихъ явиться ко мнѣ за помилованіемъ.

— Не явятся. Они скорѣе вплавь пустятся и уйдутъ въ горы къ своимъ сосѣдямъ, чѣмъ станутъ просить помилованія.

— Это правда—замѣтилъ великій князь, обращаясь къ Свенки—въ такомъ случаѣ намъ необходимо будетъ теперь же окружить городъ съ моря и суши, чтобы никто не осмѣлился выйти изъ него, Херсонесъ безъ жителей мнѣ не нуженъ. Вѣдь я пришелъ сюда не для того, чтобы завладѣть этимъ градомъ, а по инымъ цѣлямъ.

— А позволишь ли ты мнѣ узнать твои цѣли? спросилъ Мстиславъ.

— Я ничего не намѣренъ скрывать отъ тебя, сынъ

мой, и надѣюсь, что ты во всемъ послѣдуешь моему примѣру. Ну, слушай же внимательно. Сказавъ это, повелитель выпилъ большой кубокъ бражки и началъ рѣчь съ того, что въ душу его давно уже проникли понятія о христіанской вѣрѣ, которую признала за несомнѣнную великая княгиня Ольга; что ему и всѣмъ удѣльнымъ князьямъ стыдно отнынѣ именоваться идолопоклонниками, такъ какъ всѣ государи поклоняются единому небесному Богу, а не выдуманному нашими праотцами; что онъ посылалъ ко всѣмъ народамъ нарочныхъ пословъ для изученія ихъ религій и убѣдился, что самая лучшая есть грековинская.

— Рѣшивъ принять эту вѣру—продолжалъ Владиміръ—я не пожелалъ ѣздить въ Царьградъ или вызывать оттуда поповъ для нашего крещенія, а рѣшился завоевать Херсонесъ. Тутъ легче послѣдуютъ моему примѣру бояре, воеводы и вся рать; отсюда мы добудемъ по своему выбору всѣ святости, утварь для церквей и первыхъ наставниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, возвратившись въ полномъ составѣ и силѣ нашей христіанами, мы безъ труда заставимъ остальныхъ подданныхъ нашихъ послѣдовать намъ. Кромѣ всего этого, взявши Корсунь, я прикажу Византійскимъ императорамъ выдать за меня замужъ ихъ сестру и заставить ихъ содѣйствовать намъ во всемъ для распространенія христіанской вѣры. Понялъ ли ты теперь, зачѣмъ я пришелъ сюда?

Мстиславъ нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе. Затѣмъ, какъ-бы очнувшись отъ сновидѣнія, онъ въ свою очередь изъявилъ согласіе принять православіе.

Обрадованный этимъ, великій князь обнялъ сына и тутъ-же предложилъ ему распространить княжество свое на внутренность Таврики.

— Но позволятъ-ли намъ это прибрежные греки? возразилъ Мстиславъ.

— Мы ихъ побѣдимъ предварительно—сказалъ Владиміръ—послѣ чего никто не осмѣлится оказывать сопротивленія. Тебѣ необходимо взять Керчевъ и всю окрестную страну и утвердиться въ ней. Вспомни, что соотечественники наши, которыхъ грековни назвали

Гуннами за то, что они явились къ нимъ въ шубахъ, первые сокрушили Босфорское царство и очень долго господствовали въ немъ. Слѣдовательно, эта земля наша и живущіе на ней есть потомки славянъ, сроднившихся съ другими племенами. Не дурно было бы, еслибъ ты и самъ переѣхалъ въ Керчевъ.

— Нѣтъ, мнѣ что-то не по сердцу Керчевъ, а вотъ если твоей милости захочется поставить въ удѣлъ какому-нибудь другому князю эту часть Таврики, то я былъ-бы очень радъ заставить непокорныхъ повиноваться поставленнымъ мною людямъ и платить ему дань.

— Ну, объ этомъ будетъ еще время потолковать, прервалъ его Владиміръ — лишь-бы удалось главнаго достигнуть; а пока судъ да расправа, попируемъ съ радости. Сказавъ это, великій князь взялъ сына за руку и повелъ къ себѣ въ палатку, устроенную въ большой рыбачьей лодкѣ.

Сюда собрались именитые вожди, пѣсенники, плясуны и всѣхъ родовъ музыканты. Запѣли, заиграли, начали плясать и брага полилась рѣкою.

Пока шелъ пиръ въ лагерѣ Россовъ, Херсонесцы, открывъ, что непріятель разрушилъ ихъ единственный водопроводъ и отвелъ воду въ сторону, начали собираться къ стратегу, чтобы выслушать, на что онъ думаетъ рѣшиться. Медлить не приходилось, такъ-какъ изъ цистернъ выбрана была вода до послѣдней капли.

Поднятый съ ложа военоначальникъ съ ужасомъ выслушалъ то заявленіе, которое казалось ему и раньше рѣшавшимъ участь города.

— Все кончено — отвѣчалъ онъ — отнынѣ мы рабы Россовъ и никакія усилія не измѣнятъ нашей судьбы. Объявите отъ меня епископу, чтобы онъ сейчасъ-же приступилъ къ молебствію, по окончаніи котораго я всенародно объявлю о необходимости сдачи города. Тѣмъ временемъ каждый изъ васъ озаботится скрыть въ землѣ болѣе цѣнныя вещи. По мнѣнію моему, Россы не имѣютъ повода негодовать противъ насъ: мы не уби-

ли никого изъ нихъ и никого не оскорбили. Конечно, добровольная сдача города не особенно понравится императорамъ, но я не рѣшусь вводить въ дѣло воиновъ, умирающихъ отъ жажды и рисковать жизнію и имуществомъ всего народонаселенія. На случай-же, если кто-нибудь изъ всѣхъ придумаетъ какой-либо способъ добыть воды, даю вамъ честное слово, мы останемся непобѣдимыми. Ступайте-же, дѣти мои, домой и подумайте, какъ пособить бѣдѣ.

Граждане разошлись, но часъ спустя вновь собрались въ ограду храма Ѳеотоки (Богородицы), гдѣ въ ожиданіи прибытія главы духовенства и стратега обдумывали и предлагали другъ-другу различнаго рода безполезныя средства.

Божественная литургія началась предъ свѣтомъ и продолжалась очень недолго, такъ-какъ исключительно состояла изъ молебствія о защитѣ царицею небесною народонаселенія города. Послѣ колѣнопреклонной молитвы, стратегъ взошелъ на амвонъ, и, подробно разсказавъ гражданамъ, въ какомъ безвыходномъ положеніи всѣ они очутились, предложилъ каждому имѣющему возможность пособить городу, высказать всенародно свои мысли. Никто не отвѣчалъ. Стратегъ трижды повторилъ вопросъ.

— Ваше молчаніе доказываетъ—продолжалъ онъ нѣсколько минутъ спустя — что не существуетъ положительно никакого средства избѣгнуть позорнаго плѣна. Если мы всѣ согласны въ этомъ, то намъ предстоитъ теперь выяснить себѣ условія, на основаніи которыхъ должны сдать городъ.

— Надо просить сохранить намъ жизнь и свободу— отвѣчалъ народъ.

— А также и имущество—добавили нѣкоторые.

— Этого думалъ и я требовать—отвѣчалъ стратегъ. Теперь объявите мнѣ, кого вы желаете избрать изъ среды вашей для переговоровъ?

— Пусть епископъ самъ выберетъ — крикнули граждане.

— Если вы непремѣнно желаете моего указанія, то я нахожу, что въ Херсонесѣ только одинъ человѣкъ

знаетъ хорошо славянскій языкъ—отвѣчалъ архіерей—это отецъ Анастасій. Онъ всю жизнь свою проводилъ между этимъ народомъ и настолько дорожитъ нашею святою религіею и отечественнымъ городомъ, что безъ сомнѣнія успѣетъ расположить къ намъ незлобнаго врага.

— Давайте сюда патера Анастасія! послышались сотни голосовъ.

Предъ народомъ показался блѣдный измѣнникъ.

— Ты нашъ духовникъ—заговорили старѣйшины, ты нашъ пастырь и слѣдовательно, обязанъ положить за насъ голову. Мы довѣряемъ тебѣ и честь, и жизнь, и свободу нашу въ надеждѣ, что ты съумѣешь оградить насъ съ женами и дѣтьми отъ позора и рабства. Иди-же на переговоры съ врагами, а мы не перестанемъ молиться святой Деспинѣ (владычицѣ), чтобы она смиловалась надъ нами и благословила твой подвигъ.

— Воля народа, воля Божія — отвѣчалъ отецъ Анастасій — какъ только взойдетъ солнце, я не замедлю съ дочерью моею отправиться къ царю Россовъ и не вернусь живымъ, если не заставлю его подписать вашихъ условій.

— На что-же ты берешь дочь съ собою?

— Я думаю, что царь будетъ милостивѣе къ ходатайству дѣвушки, которая явится представительницею своего пола.

Нѣсколько часовъ спустя патеръ Анастасій съ молоденькою дочерью своею выпущены были изъ южныхъ малыхъ воротъ Херсонеса и оказались одинокими на пространствѣ земли, окаймленномъ вдали густою цѣпью ратниковъ.

Эльпида, подобно отцу своему одѣта была въ черный нарядъ, свидѣтельствующій о горѣ, лежавшемъ на ея сердцѣ, но это сдѣлано было только для глазъ народа, въ сущности-же ни она, ни отецъ ея не чувствовали ничего непріятнаго и напротивъ твердо вѣрили въ надежду ознаменовать себя великою заслугою предъ Богомъ.

— Одного-бы я не желалъ—заговорилъ отецъ—чтобы царь Россовъ не прельстился твоею наружностію.

Мнѣ часто говорили, что онъ склоненъ къ женщинамъ а ты, дочь моя, такъ хороша, что всѣ возносятъ твою красоту. Конечно, я, какъ отецъ, не вижу въ тебѣ этой красоты, потому что для родителей наружность дѣтей не представляетъ интереса. Но авось онъ приметъ насъ съ почетомъ, на который мы имѣемъ право. Вѣдь онъ замѣтилъ тебя, когда пущена была стрѣла съ запискою.

— По крайней мѣрѣ я пустила стрѣлу къ его ногамъ и видѣла, какъ онъ поднялъ ее, вынулъ письмецо и, махнувъ рукою по направленію ко мнѣ, изчезъ за высотою.

Лишь только послы начали подыматься на возвышенность, у подножія которой разстилалась Ктеносская бухта, ихъ остановили стражники и подъ строгимъ надзоромъ сопроводили къ боярину Свенки.

— Не ты-ли тотъ попъ Анастасъ, который оказалъ великому князю услугу? спросилъ онъ.

— Да, я тотъ самый и надѣюсь быть узнаннымъ твоимъ царемъ, такъ-какъ я имѣлъ счастіе лично говорить съ нимъ и исполнить обѣщанное.

— Зачѣмъ же ты вновь пришелъ? Ужъ не за наградою-ли?

— Извини, вельможа, я не продавецъ родины моей. Я пришелъ довершить начатое дѣло.

— А это что за женщина съ тобою?

— Это родная дочь моя, которая такъ мастерски доставила великому князю мою записку. Она желаетъ просить царя быть милостивымъ къ сестрамъ ея.

— Такъ вы пришли съ добрыми вѣстями?

— Мы пришли съ тѣмъ, чтобы впустить васъ въ городъ и принять, какъ искреннихъ друзей.

Свенки подпрыгнулъ отъ радости и, не медля ни минуты, свелъ пословъ къ Владиміру, который, узнавъ отца Анастасія и молодую дѣвушку, облобызалъ ихъ братски и своеручно началъ угощать всѣмъ, что было у него подъ рукою.

— Ну, какъ подѣйствовалъ на Херсонесцевъ мой поступокъ? спросилъ Владиміръ.

— То, что я посовѣтовалъ сдѣлать помазаннику Бо-

жію, должно было принести ему пользу. И вотъ я пришелъ къ тебѣ съ заявленіемъ, что сограждане мои единогласно постановили впустить тебя въ городъ и признать побѣдителемъ своимъ.

— Такъ ты пришелъ для переговоровъ?

— Да, я со стороны гражданъ, а дочь моя отъ лица всѣхъ женщинъ.

— Но вѣдь тебѣ уже извѣстны мои мысли.

— Къ несчастію я не смѣлъ сообщить ихъ никому кромѣ епископа.

— Чтожъ я долженъ сдѣлать, чтобы убѣдить твоихъ согражданъ, что не сдѣлаю имъ никакого зла?

— Поклясться въ этомъ на мечѣ твоемъ и дозволить намъ мечъ этотъ внести въ одинъ изъ храмовъ городскихъ, гдѣ онъ останется залогомъ твоего обѣщанія.

— Пусть будетъ по твоему—отвѣчалъ великій князь и, взявъ мечъ свой, произнесъ тѣ слова мира и дружбы, которыя потребовалъ отъ него священникъ.

— Теперь ты нашъ господинъ и повелитель—сказалъ Анастасій и преклонилъ предъ царемъ колѣна.— Я жду твоихъ приказаній, чтобы ихъ исполнить сегодня-же.

— Иди и дѣлай, какъ знаешь самъ—отвѣчалъ Владиміръ.— Я прикажу возстановить водопроводъ въ ту минуту, когда отворятся городскія ворота и немедленно переѣду къ вамъ на жительство съ воеводами и частью ратниковъ моихъ. Надѣюсь, что никто изъ Корсунцевъ не опечалится отъ нашего пребыванія. Передай эти слова и ты, красная дѣвица, своимъ подружкамъ. Ну, теперь запьемъ виномъ нашъ договоръ—прибавилъ князь, раздавъ гостямъ серебряные кубки.

Въ этотъ-же день въ Херсонесѣ обнаружена была большая дѣятельность. Самыя лучшія постройки были убраны и подготовлены къ пріему побѣдителя съ приближенными, послѣ чего всѣ почетные граждане явились къ городскимъ воротамъ, которыя открылись настежь.

Вслѣдъ затѣмъ выѣхало изъ города нѣсколько колесницъ съ богатоубранными верховыми лошадьми, которыя направились по направленію къ Ктенусу. Глубокая

тишина не прерывалась ни единымъ крикомъ, какъ въ рядахъ издали наблюдавшей дружины ратниковъ, такъ равно и въ толпѣ народа, стоявшей у городскихъ воротъ.

— Ѣдутъ, ѣдутъ! вдругъ послышалось.

Всѣ засуетились и раздвинулись при видѣ росскаго царя, окруженнаго многими вождями. Торжественное шествіе побѣдителя, не смотря на то, что не сопровождалось никакими звуками музыки, показалось Херсонесцамъ величественнымъ. Лишь только великій князь подъѣхалъ къ воротамъ города, толпы народа преклонили предъ нимъ колѣна, а почетнѣйшіе изъ гражданъ въ главѣ стратега поднесли ему на серебряномъ подносѣ, по русскому обычаю, хлѣбъ, соль и городскіе ключи.

Священникъ Анастасій перевелъ привѣтственную рѣчь и просилъ монарха отвѣдать ихъ даръ.

Владиміръ отломилъ кусочекъ хлѣба и, омокнувъ его въ соль, поднесъ къ губамъ, обѣщая въ точности исполнить обѣщанное. Затѣмъ въ сопровожденіи стратега и старѣйшинъ вступилъ въ городской дворецъ, гдѣ были накрыты столы со всевозможными явствами и винами.

— Попъ Анастасій—сказалъ Владиміръ—отнынѣ ты долженъ постоянно находиться при мнѣ и быть моимъ наставникомъ и руководителемъ, а мы не останемся за это у тебя въ долгу.

— Не говори мнѣ, царь, послѣдняго, такъ какъ я служу единому только Богу и ожидаю отъ Него единаго вознагражденій. Но тебѣ, какъ кесарю нашему, я обязанъ воздать должное, чтобы не оказаться ослушникомъ воли Іисуса Христа.

На другой день великій князь потребовалъ къ себѣ стратега съ прочими городскими властями и приказалъ имъ приготовить подробное донесеніе императорамъ *) своимъ въ Цареградъ о взятіи имъ Херсонеса, которое и отправить немедленно. Покончивъ съ этимъ, Владиміръ исключительно предался подробнѣйшему изслѣдо-

*) Въ это время на Византійскомъ престолѣ было два повелителя.

ванію христіанской религіи и при помощи Анастасія писалъ замѣтки, которыми дѣлился съ вождями своими, а эти послѣдніе съ ратниками.

Кромѣ этого князь ежедневно посѣщалъ архіерейское богослуженіе и вникалъ лично во все, что казалось ему таинственнымъ или непонятнымъ.

Тѣмъ же самымъ занимались Мстиславъ и Свенки, но послѣдній съ нѣкотораго времени становился все болѣе и болѣе угрюмымъ и не рѣдко выражалъ свое неудовольстіе противъ властителя Тмутараканскаго.

— Ты чего-то не ладишь съ Мстиславомъ? спросилъ однажды за чарою вина Владиміръ — ужъ не поповская ли дочка омрачила вамъ очи? Вѣдь я вижу, что вы оба не наглядитесь на нее. Берегитесь, чтобы мнѣ не пришлось раздѣлить красавицу на двѣ равныя половины. А что тогда скажетъ бѣдный Анастасій, который служитъ намъ отъ всей души?

Свенки не отвѣчалъ.

— Ну, объ этомъ еще мы успѣемъ поговорить, а теперь я пригласилъ тебя—продолжалъ Владиміръ съ тѣмъ, чтобы рѣшить, когда и какимъ образомъ мы примемъ православіе?

— Всѣ вожди и ратники ожидаютъ твоего примѣра— сказалъ Свенки—по моему же, чѣмъ скорѣе ты рѣшишься, тѣмъ лучше. Наши ратники и теперь уже ходятъ ежедневно къ святымъ мощамъ Климента, Корнилія, Ѳивы и другихъ и приходятъ въ изумленіе отъ чудесъ, совершаемыхъ этими угодниками Божьими. Если же ты намѣренъ отложить это дѣло до осени, то позволь мнѣ первому войти въ купель.

— Нѣтъ, Свенки, мнѣ не приходится сдѣлать этого дѣла какъ-нибудь. Вопервыхъ я долженъ потребовать въ крестные отцы одного изъ императоровъ, вовторыхъ мнѣ нужна жена изъ императорскаго дома и наконецъ, наше крещеніе должно совершиться съ подобающею честью. Попъ Анастасій совѣтуетъ мнѣ объявить обо всемъ этомъ теперь же въ Цареградѣ, но я хотѣлъ подождать отвѣта на донесеніе стратега и гражданъ Корсунскихъ и затѣмъ уже приступить къ дѣлу нашему.

— А по моему, князь, куй желѣзо, пока горячо. Я

напишу тебѣ своеручно посланіе къ императорамъ въ такомъ родѣ, что они перепугаются и сейчасъ же исполнятъ всѣ твои требованія. Ты приложишь къ нему свою царскую печать и съ нарочнымъ отправишь. Подумай ты самъ, что у насъ много дѣлъ въ Кіевѣ и не слѣдъ тратить время на раздумье въ чужой странѣ. Желаешь, такъ я сейчасъ начну писать?

— Пиши, но только я самъ буду тебѣ говорить то, чего я желаю.

— Я буду дѣлать по указу твоему.

— Желаю вамъ здравія и всякаго благополучія, первопрестольные други мои, цари и императоры всей Грековинской земли и славнаго Цареграда Константинополя, Василій и Константинъ! Мню, что вамъ теперь извѣстно стало о томъ, что достославный градъ вашъ Корсунь я завоевалъ и нахожусь въ немъ съ превеликою ратью моею. Такъ точно я думаю поступити и съ вашимъ Цареградомъ, если вы задумаете творити противъ моего желанія, а требую я отъ васъ себѣ въ супружницы сестры вашей незамужней, которую вы должны немедленно прислать ко мнѣ въ Корсунь, тогда я отыду въ свояси съ миромъ и дружбою. Написалъ? Ну теперь давай совершу рукоприкладство и приложу печать, а ты тѣмъ временемъ призови ко мнѣ твоего племянника Баламира и попа Анастасія. Я хочу приказъ мой отправить къ императорамъ съ ними.

Нѣсколько минутъ спустя требуемые люди явились.

— Друзья мои—сказалъ великій князь—вы сегодня же поѣдете въ Цареградъ съ приказомъ моимъ къ императорамъ, Василію и Константину, и потребуете отъ нихъ въ замужество мнѣ ихъ сестру Анну, если она поднесь находится въ дѣвкахъ. На случай же, они замыслятъ отказъ, скажите имъ, что при первомъ попутномъ вѣтрѣ я явлюсь къ нимъ и останусь безпощаднымъ. Поняли? Ну, теперь Баламиръ отправься къ Корсунскому стратегу и прикажи, чтобы онъ сейчасъ спустилъ на воду лучшее судно и назначилъ опытныхъ кормчихъ для поѣздки съ вами въ Константинополь.

Когда вышелъ Баламиръ, повелитель посадилъ около себя священника Анастасія и объявилъ ему, что онъ

окончательно рѣшился принять христіанство и жениться на христіанкѣ.

— Это для меня крайне нужно — прибавилъ онъ — такъ какъ жена будетъ наставлять и меня, и дѣтей моихъ въ вѣрѣ отцовъ. На случай же, если императоры или невѣста не пожелаютъ или сочтутъ меня варваромъ, то сообщи имъ, что я варварски поступлю съ ихъ землями и оставлю Корсунь за собою, откуда дружины наши постоянно будутъ направляться на Цареградъ. Если же они отдадутъ за меня сестру, я пребуду къ нимъ во всѣ дни живота моего въ братолюбіи. Послѣ прибытіи невѣсты я немедленно приму вашу вѣру, повѣнчаюсь и возвращусь въ Кіевъ. Все это передай имъ съ тѣмъ, чтобы они не накликали на голову свою бѣды ужасной.

Анастасій охотно принялъ на себя это порученіе и обѣщалъ, что употребитъ всѣ зависящія отъ него мѣры для благополучнаго разрѣшенія дѣла. Владиміръ поцѣловалъ его въ губы и пожелалъ скораго возвращенія.

Въ тотъ же день изъ Херсонеса вышло на всѣхъ парусахъ большое судно и приняло направленіе на Царьградъ Когда стала извѣстна цѣль этого посольства, Херсонесцы въ продолженіи всей ночи не переставали пировать съ русскими воеводами и настолько сблизились, что перестали считать ихъ чужими людьми.

Великій князь, слѣдя изъ палатей своихъ за этими изліяніями дружбы двухъ различныхъ народовъ, успѣвшихъ въ непродолжительное время понимать другъ друга, надѣялся, что многіе изъ подданныхъ его выѣдутъ отсюда съ женами, которыя во-истину сдѣлаются матерьми первыхъ настоящихъ христіанъ славянской земли. Мысль эта очень понравилась князю и онъ положился заставить всѣхъ бояръ своихъ избрать себѣ, по его примѣру, достойнѣйшихъ изъ дѣвъ Херсонеса.

Пользуясь удачными погодами, посольство Владиміра на 5-й день прибыло въ Византію и представлено было къ старшему императору Василію, который, узнавъ, что Анастасій былъ грекъ и природный житель Херсонеса, предложилъ перевести посланіе росскаго царя.

Выслушавъ угрожающее требованіе повелителя сла-

вянъ, императоръ задумался и обѣщалъ въ непродолжительномъ времени отвѣтъ.

Предъ вечеромъ въ императорскомъ дворѣ собраны были всѣ представители государственной власти для обсужденія грознаго посланія Владиміра.

— Я положительно намѣренъ отказать этому Скиѳу—заговорилъ старшій императоръ, только потому, что онъ идолопоклонникъ.

— Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе моего брата—отвѣчалъ Константинъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ явится къ намъ съ массами своихъ варваровъ и предастъ огню и мечу всю нашу имперію—отвѣчали министры, а этого нельзя допустить.

— Что же мы должны дѣлать, чтобы спасти честь имперіи и не допустить гибели ея? спросили оба государя.

— Ничего болѣе, какъ пожертвовать царевною.

— О, эта большая для насъ жертва—отвѣчали императоры. Бѣдная дѣвушка, какая жестокая участь ожидаетъ тебя отъ жизни съ идолопоклонникомъ, который потребуетъ отъ тебя покланяться каменнымъ истуканамъ и станетъ тиранить за имя Господа нашего!

— За подвигъ этотъ — возразилъ патріархъ — наша церковь причислитъ ее къ священномученицамъ, а отечество признаетъ спасительницею имперіи. Я самъ берусь подготовить царевну къ этому великому назначенію.

— Нѣтъ, господа, отвѣчалъ Василій, я не убоюсь угрозы русскаго царя и отвѣчу ему, что сестра наша не можетъ быть его женою до того времени, пока онъ останется идолопоклонникомъ.

— Дѣлайте, какъ знаете, мы высказали наше убѣжденіе автократамъ и готовы защищать ихъ до послѣдней капли крови, отвѣчали министры.

На другой день Баламиръ и отецъ Анастасій, одаренные подарками, получили отвѣтъ, запечатанный золотою печатью и, не зная содержанія его, вынуждены были отплыть обратно.

— Отчего же ты не сказалъ, что я намѣренъ принять христіанство? спросилъ Владиміръ, когда Анастасій перевелъ ему отвѣтъ.

— Оттого, что мнѣ не повѣрили бы и признали за хитрость. Я предпочелъ лучше еще разъ съѣздить, чтобы убѣдить императоровъ, что вы это сдѣлаете по личному убѣжденію.

— Въ такомъ случаѣ ты завтра снова получишь мой приказъ, но на этотъ разъ онъ будетъ послѣдній и ты возвратишься не иначе, какъ съ невѣстой. Слышишь? Я буду слѣдить за морскими вѣтрами и если въ теченіи мѣсяца не явится сюда Анна, я самъ отправлюсь за нею.

Священникъ возвратился домой и былъ съ радостію встрѣченъ Эльпидою.

— Ну, какъ тебѣ жилось, моя дочь, безъ меня?

— На этотъ разъ не такъ спокойно, какъ бывало прежде. Я положительно не знаю, какъ отдѣлаться отъ князя Мстислава, который угрожаетъ мнѣ похищеніемъ, если я не послѣдую за нимъ добровольно. Тоже самое нашептываетъ мнѣ и родственникъ царя Свенкосъ; но послѣдній, кажется, очень любитъ меня и желаетъ жениться. Эти люди возненавидѣли другъ друга изъ за меня и я очень боюсь, чтобы не произошло между ними ссоры,—а это не совсѣмъ будетъ пріятно для царя.

— Конечно, конечно, дитя мое, отвѣчалъ священникъ, подавая ей богатые дары, привезенные изъ Византіи— вотъ тебѣ первоначальное приданое, спрячь его и приготовься завтра ѣхать со мною въ Константинополь, чтобы отвлечь на нѣкоторое время твоихъ поклонниковъ отъ враждебныхъ столкновеній

— Какъ, неужели ты опять ѣдешь? Вѣрно наши императоры не согласились отдать за Владиміра своей сестры.

— И не мудрено, потому что онъ до настоящаго времени не разстался съ языческою вѣрою.

— Его, вѣроятно, въ Константинополѣ считаютъ за какое-нибудь чудовище.

— Ну, а на твой глазъ, Эльпида, какимъ онъ кажется?

— Я нахожу, что онъ очень красивый мущина.

— О, если глаза твои не ошибаются въ этомъ, то ты, дочь моя, окажешь царевнѣ большую милость и ус-

коришь этотъ бракъ. Я завтра же передамъ россному царю, что повезу тебя съ собою для личныхъ переговоровъ съ будущею царицею славянской земли.

На слѣдующій день Анастасій съ Эльпидою явились къ Владиміру и послѣ продолжительной бесѣды, получивъ отъ него второе посланіе, въ которомъ говорилось, что онъ намѣренъ сейчасъ же креститься, какъ только прибудетъ въ Корсунь невѣста, отправились въ путь.

На этотъ разъ священникъ Анастасій принятъ былъ въ Константинополѣ самымъ почетнымъ образомъ. Иначе и не могло быть, потому что всѣ ожидали Россовъ, прославившихся уже въ имперіи варварскими поступками, и приготовлялись къ печальнымъ послѣдствіямъ отчаянной битвы.

— Ну, что ты намъ привезъ миръ или войну? спрашивали его тысячи голосовъ.

— Миръ, дружбу и родство! кричалъ священникъ.

Императоры, освѣдомленные объ этомъ, немедленно послали за нимъ и въ свою очередь обрадовались, что дѣло можетъ окончиться безъ грозныхъ послѣдствій.

— Теперь намъ остается только убѣдить нашу сестру, отвѣчали они. Мы начнемъ это сегодня же и дадимъ тебѣ отвѣтъ, какъ только достигнемъ цѣли.

— О, автократы, я ужасно боюсь, чтобы дѣйствія ваши не запоздали и чтобы нетерпѣливый царь Россовъ не появился внезапно предъ столицею вашею. Онъ назначилъ мнѣ только недѣльный срокъ для пребыванія въ Константинополѣ.

— Но мы не можемъ ручаться, чтобы въ такое короткое время сестра наша согласилась ѣхать. Она, вѣроятно, захочетъ предварительно изучить тотъ народъ, къ которому поѣдетъ и сколько-нибудь познакомиться съ нравомъ будущаго мужа своего.

— Со мною вмѣстѣ пріѣхала дочь моя, которая очень часто бесѣдовала съ царемъ Владиміромъ и успѣла отлично узнать его. Если только она можетъ оказать вамъ и царевнѣ какія-нибудь услуги въ этомъ отношеніи, то я сочту за особенное счастіе представить ее предъ ваши очи.

— О, да твоя дочь навѣрно сдѣлаетъ больше, чѣмъ мы всѣ, отвѣчали императоры, мы пригласимъ ее завтра въ дворецъ.

Вслѣдъ за выходомъ Анастасія вновь собрались въ дворецъ представители народа, чтобы выслушать посланіе царя Россовъ.

— Слава Богу, слава Богу! раздалось со всѣхъ сторонъ, когда императоръ Василій объявилъ, что Владиміръ изъявляетъ полное согласіе не только самъ, но и со всею своею ратью принять православную вѣру въ Херсонесѣ и предлагаетъ быть ему крестнымъ отцемъ своимъ заочно.

— Теперь, конечно, ты не станешь болѣе медлить отправкою царевны? спросило нѣсколько голосовъ.

— Конечно, нѣтъ, но намъ предстоитъ подготовить ее къ этой участи.

— Мы вполнѣ увѣрены, что теперь она не станетъ прекословить.

Въ тотъ же день императоры объявили Аннѣ, что ее требуетъ въ замужество царь Кіевскій Владиміръ, которому посчастливилось распространить владѣнія свои и на всю Таврику.

— Неужели вы изъявляете желаніе отдать меня въ замужество за идолопоклонника? спросила съ ужасомъ молодая царевна.

— На это мы не могли согласиться и потребовали, чтобы онъ принялъ нашу вѣру.

— И онъ согласился?

— Да, согласился со всѣмъ своимъ народомъ креститься.

— Жертва великая для той, которую никогда не видѣлъ.

— Но, вѣроятно, слыхалъ о твоей чудной красотѣ.

— Тѣмъ хуже для него, потому что я ни въ какомъ случаѣ не соглашусь быть женою скиѳа и варвара. Въ крайности же я могу умереть, чтобы не возбуждать его жадности обладать мною. Воображаю, какое онъ чудовище въ медвѣжьей одеждѣ! А земля ихъ? да тамъ не только деревья, но и трава не растетъ. Нѣтъ, да сохранитъ меня Богородица отъ такого супружества!

— Тебѣ Анна наговорили много неправды о странѣ Россовъ. Земля ихъ плодородна и также хороша, какъ и наша. Что касается царя ихъ, онъ человѣкъ добрый и мудрый и достоинъ быть твоимъ мужемъ. Ихъ называютъ скиѳами и варварами только тѣ, съ которыми они воюютъ; но развѣ не всѣ люди бываютъ жестоки во время войны? Повѣрь, Анна, что братья твои не пожелаютъ тебѣ зла и всегда будутъ въ состояніи возвратить тебя домой. Но если мы откажемъ Владиміру безъ основательной причины, онъ въ озлобленіи нанесетъ намъ безсчетное число золъ, разрушитъ нашъ тронъ и сожжетъ столицу. Для него, обладающаго безчисленною ратью, это составитъ игрушку, но для насъ, ты сама поймешь, чего это будетъ стоить.

— Какіе ужасы ты мнѣ говоришь, братъ. Развѣ возможно сдѣлать столько зла изъ за одной меня?

— Но, развѣ Троянская кровопролитная война не произошла изъ за одной женщины?

— Ну, какъ вы ни судите, а я все-таки отвѣчу, что за Росскаго царя не пойду замужъ. Если же вы начнете настаивать, то я уйду въ монастырь.

Императоръ вздернулъ плечами и оставилъ сестру.

— Единственное средство, сказалъ онъ Константину свести ее съ дочерью посланника, которая, быть можетъ, съумѣетъ расположить Анну къ Владиміру.

— Пожалуй испытаемъ; но не лучше ли будетъ, если мы отрекомендуемъ ее какою-нибудь родственницею этого царя? Вѣдь въ Кіевѣ обитаютъ греки. Тогда она навѣрно измѣнитъ свои убѣжденія.

Императоры передали свое желаніе священнику Анастасію, который обѣщалъ подготовить дочь свою къ новой роли и представить ее во дворецъ.

На другой день царевна была увѣдомлена, что Росскій царь прислалъ въ Константинополь ближайшую родственницу свою для того, чтобы увидѣть ее и лично переговорить.

— Какимъ же образомъ мы будемъ вести переговоры? спросила она.

— Ихъ женщины всѣ почти знаютъ наше нарѣчіе, отвѣчали ей.

— Это будетъ очень интересно, пригласите же ее ко мнѣ, какъ только она явится во дворецъ.

Нѣсколько часовъ спустя къ царевнѣ введена была Эльпида въ роскошномъ нарядѣ, который заблаговременно былъ присланъ ей императоромъ Василіемъ.

— Я очень рада встрѣтить у себя родственницу великаго Росскаго автократа, сказала Анна, выходя на встрѣчу гостьи и взявъ ее за руку.

— Если это доставляетъ тебѣ удовольствіе, то для меня великое счастіе, котораго немногія изъ подругъ моихъ удостоятся вслѣдствіе огромнаго пространства земли, лежащаго между нами.

— Твоя правда, ты живешь на концѣ міра, куда рѣдко заглядываетъ солнце и гдѣ, говорятъ, непрестанный холодъ.

— Кто тебѣ говорилъ такіе ужасы про нашу страну? спросила Эльпида съ улыбкою.

— А развѣ это неправда? спросила царевна, посадивъ гостью на парчевую софу.

— Въ нашей столицѣ также тепло и прекрасно какъ и въ Византіи; такіе же сады, лѣса, горы и степи, какъ и у васъ. Не достаетъ только моря, но вмѣсто его мы имѣемъ широкую и глубокую рѣку, по которой плаваютъ небольшія суда.

— А люди такіе же, какъ и здѣсь?

— Мнѣ кажется даже красивѣе, потому что у всѣхъ почти русые волосы и голубые глаза. Впрочемъ, можетъ быть, я принимаю вкусъ мой за образецъ.

— Но ихъ называютъ у насъ варварами и скиѳами.

— Это названіе присвоено имъ въ давно минувшіе вѣка и, Богъ вѣсть, почему приписывается до настоящаго времени. Они напротивъ очень гостепріимны, добры, но, конечно, не настолько просвѣщены, какъ мы православные. Сознавая это, мой родственникъ, нынѣ завоевавъ Таврику, положился со всѣми вельможами и войскомъ непремѣнно креститься, но такъ какъ ему послѣ этого нужна жена православной вѣры, то всего ближе было искать ее въ той націи, отъ которой онъ принимаетъ религію. Узнавъ, что вы до настоящаго времени сво-

бодны, онъ послалъ къ братьямъ вашимъ нарочнаго посла, а мнѣ предложилъ лично переговорить съ вами.

— Ну, мы объ этомъ поговоримъ гораздо позднѣе. отвѣчала Анна и предложила гостьѣ переселиться въ одну изъ комнатъ, прилегающихъ къ ея опочивальнѣ.

Прошло нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ Эльпида поминутно разсказывала объ изобиліи и красотѣ Славянской земли, но ни одного раза Анна не сдѣлала вопроса о Владимірѣ. Убѣдившись, что ни царевна, ни императоры не придаютъ особенной поспѣшности важному дѣлу, она постаралась настроить отца своего требовать рѣшительнаго отвѣта въ продолженіи 3-хъ остающихся будто бы срочныхъ дней.

Требованіе это заставило вновь опомниться старшаго императора, который вошелъ къ сестрѣ и мрачнымъ голосомъ сказалъ:

— Анна, я до настоящаго времени считалъ тебя разумною дѣвушкою и полагалъ, что ты понимаешь значеніе имперіи и благосостояніе цѣлаго народа, но теперь вижу, что ты фантазерка, готовая шутя смотрѣть на гибель прародительской монархіи.

— Ты опять настаиваешь на моемъ бракѣ съ царемъ Россовъ, но я тебѣ уже сказала, что предпочту идти въ монастырь, чѣмъ въ Россію.

— Это значитъ, что ты упрямствомъ твоимъ желаешь погубить насъ всѣхъ и наконецъ, оскорбить нашу святую церковь, которая радуется присоединенію къ ней даже одного язычника. Нашъ Спаситель взошелъ на крестъ ради нѣсколькихъ десятковъ увѣровавшихъ въ него; апостолы перенесли не менѣе жестокія мученія за благовѣстъ нѣсколькимъ тысячамъ, а ты, которой безъ всякаго труда приходится служить поводомъ присоединенія къ православію нѣсколькихъ милліоновъ идолопоклонниковъ, ты стараешься уклониться отъ этого святѣйшаго и величайшаго подвига. Но понимаешь ли ты. что за это тебя, какъ недостойную носить названіе христіанки, отлучатъ отъ церкви и предадутъ анаѳемѣ. Даю тебѣ на размышленіе сутки. Сказавъ это, императоръ съ гнѣвомъ захлопнулъ за собою двери.

Пораженная этими ужасными словами брата, Анна

упала на софу и начала громко рыдать. Все это слышала Эльпида, но хранила молчаніе. Послѣ долговременнаго плача послышались слѣдующія слова:

„О, пресвятая Ѳеотоку, о Деспина Марія, ты избавь меня отъ этого изгнанія изъ родины, гдѣ почіетъ дорогой прахъ моихъ родителей! Ты отврати помыслы варвара и пошли ему болѣе достойную подругу. Я не могу жить въ средѣ скиѳовъ и съ первыхъ же дней завяну, какъ трава, вырванная изъ своего гнѣзда.

Прошло еще нѣсколько минутъ и предъ Эльпидою появилась Анна.

— Ты спишь, моя дорогая гостья? спросила она тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, я прилегла только, чтобы предаться воспоминаніямъ о нашихъ славныхъ мѣстахъ.

— Другъ мой Эльпида—сказала царевна, бросаясь къ ней на шею—ты уже знаешь, что я въ дворцѣ не имѣю никого, кто-бы наставилъ меня и облегчилъ въ горести. Будь же ты мнѣ сестрою и наставницею. Братья мои настуnательно требуютъ, чтобы я сдѣлалась женою твоего родственника, котораго я никогда не видѣла и который мнѣ кажется грубымъ и ужаснымъ человѣкомъ. Виновата ли я, если это мнѣ кажется? Могу ли я быть женою того, кого не знаю и который какъ-то безотчетно страшитъ меня?

— Не крушись, царевна, и выслужай меня довѣрчиво. Самъ Іисусъ Христосъ избираетъ тебя быть просвѣтительницею Россскихъ царей и неужели ты допускаешь, чтобы нашъ Спаситель подвергнулъ тебя горькому разочарованію? Тебѣ, не привыкшей разставаться съ домомъ отцовъ, всѣ чужія царства должны казаться какими-то борейскими странами, которыя измышлены поэтами, тогда какъ міръ вездѣ хорошъ и нигдѣ на землѣ ты не встрѣтишь человѣка, который-бы сказалъ: родина моя не нравится мнѣ и я хочу умереть. Тамъ, гдѣ мы родились и выросли—тамъ намъ нравится все, какъ собственность. Когда же ты очутишься въ Кіевѣ и сознаешь, что все окружавшее тебя, дѣйствительно, будетъ принадлежать тебѣ, тогда ты навѣрно не пожелаешь возвратиться къ тому, что только казалось тебѣ твоимъ. Отбрось же эти

дѣтскія мечты и поспѣши воспользоваться благоволеніемъ къ тебѣ Небеснаго Отца. Царь Владиміръ добрый человѣкъ, онъ станетъ носить тебя на рукахъ, какъ груднаго ребенка своего, и никогда не допуститъ тебя до горести. При этомъ помни, что онъ самый красивый изъ всѣхъ мущинъ, какихъ я когда-либо видѣла—и Эльпида начала подробно описывать станъ и черты лица великаго князя.

Выслушавъ со вниманіемъ каждое слово гостьи, Анна внезапно спросила ее, а будетъ ли она всегда съ нею.

— Это будетъ зависѣть отъ тебя. Въ нашей странѣ всѣ буквально исполняютъ приказанія царицы.

— Но какъ я тамъ буду безъ духовенства нашего.

— Твои братья навѣрно отпустятъ къ тебѣ епископовъ и пресвитеровъ. Я полагаю, что этого потребуетъ и Владиміръ.

— Такъ ты увѣрена въ томъ, что я не буду тосковать и страдать?

— Я убѣждена въ большемъ и именно, что ты не пожелаешь даже вторично заглянуть въ Константинополь и будешь до безумія любить мужа и Россую землю.

— О еслибъ слова твои сбылись!

— Повторяю спѣши воспользоваться твоимъ счастіемъ. Мы не можемъ оставаться здѣсь болѣе трехъ дней: а затѣмъ Богъ вѣсть, что можетъ случиться. Царь Россовъ, считая себя всесильнымъ, можетъ оскорбиться твоимъ отказомъ и излить свое негодованіе на имперіи твоихъ братьевъ.

Царевна погрузилась въ минутное размышленіе, но вдругъ вскочила съ веселымъ лицомъ, и, падая въ объятія Эльпиды, сказала, что она сейчасъ идетъ къ братьямъ объявить о согласіи своемъ ѣхать въ Россію.

Дѣвушки горячо поцѣловались.

День спустя въ царскомъ дворцѣ и на главной столичной пристани происходила большая дѣятельность: три корабля безостановочно нагружались различнаго рода предметами роскоши, винами и сотнями такихъ произведеній, которыхъ не могло быть въ славянской землѣ. На третій день пересены были сундуки съ золотомъ и драгоцѣнностями, предназначенными въ приданое царевнѣ,

а вслѣдъ за тѣмъ отправились рабы и рабыни, пресвитеры и одинъ изъ лучшихъ епископовъ столицы, убѣленный сѣдинами Михаилъ къ которому благоволила Анна. Послѣдними явились на пристани оба императора съ невѣстою, Эльпидою, Анастасіемъ и многочисленною свитою. Ихъ сопровождали все столичное духовенство, вельможи, власти и почетнѣйшіе граждане. Крики народа, пѣнье пѣвчихъ не прекращались до того времени, пока не поданъ былъ сигналъ къ молчанію. Лишь только возстановилась тишина, патріархъ приступилъ къ напутственному молебну съ водосвятіемъ.

Императоры, Василій и Константинъ, съ полными слезъ глазами поддерживали сестру свою, одѣтую въ вѣнчальное платье съ царскою короною на головѣ, которая отчаянно рыдала.

Богослуженіе окончилось. Братья сильно прижали губы свои къ блѣдному челу сестры, патріархъ окропилъ невѣсту святою водою и, подавая ей распятіе, сказалъ нѣсколько словъ относительно того, какую великую услугу ожидаетъ отъ нея Тотъ, къ изображенію Котораго она сейчасъ приложилась.

— Я сдѣлаю все, что будетъ въ силахъ моихъ—отвѣчала царевна, я не пожалѣю даже жизни моей, если представится въ этомъ необходимость—прибавила она, не переставая плакать.

— Да благословитъ же тебя Владычица на многія лѣта!

— Аминь, аминь, аминь! завопила безчисленная толпа.

Царевна спустилась въ лодку, но крики народа не прекращались до того времени, пока вздулись паруса кораблей и пока исчезла изъ вида любимая народомъ царевна.

Тѣмъ временемъ великій князь Владиміръ, вполнѣ убѣжденный, что императоры охотно отпустятъ къ нему сестру, приказалъ стратегу и городскимъ распорядителямъ убрать самымъ роскошнымъ образомъ занимаемый имъ домъ въ Херсонесѣ, примыкавшій къ алтарю храма во имя св. апостоловъ для помѣщенія своей невѣсты, а для себя изготовить другой городской домъ, стоявшій въ противоположномъ углу противъ торговой площади.

Свенки отдано было приказаніе, наблюдать за моремъ и лишь только покажутся корабли съ императорскимъ флагомъ, немедленно выслать къ нимъ на встрѣчу большую часть ратниковъ на ладьяхъ съ музыкантами и пѣсенниками, а остальное войско выставить по обѣ стороны улицы отъ пристани до дворца. Стратегу также приказано было оказать самыя высокія почести императорской сестрѣ. Послѣ всего этого Владиміръ, поднявъ чару кипрскаго вина, обратился къ Мстиславу:

— Ну, какъ ты думаешь—спросилъ онъ—будетъ ли наша царевна стоить того, что я сдѣлалъ для пріема ея? А что если она окажется какою-нибудь черномазою горбушкою?

— Суженой не избѣгнешь. Какая ни на есть, а все будетъ царицей русской земли—отвѣчалъ угрюмо князекъ.

— Я былъ-бы радъ, еслибъ она не уступала по наружности поповской дочери.

— А если окажется получше ея? Вѣдь эта дочь простаго попа, а та изъ царскихъ палатъ, куда и солнцу не позволятъ проникнуть.

— Дай-то, Боже, твоими устами медъ пить—отвѣтилъ великій князь съ улыбкою.

— Ну, а какая мнѣ будетъ награда, если по моему случится? спросилъ сынъ.

— А чего бы ты хотѣлъ?

— Не многаго и именно, чтобы ты позволилъ мнѣ взять въ рабство изъ Корсуни одну дѣвку.

— Хорошо, но только кромѣ дочки Анастаса, которая такъ много сдѣлала для насъ.

— Ты точно угадалъ, что я мѣтилъ на нее.

— Ни, ее я не отдамъ ни за что. Она, теперь я думаю стала подружкой моей невѣсты и будетъ намъ нужна какъ для службы, такъ и для разговора, пока научимся понимать другъ друга.

— А если она сама пожелаетъ идти за мною и станетъ просить тебя объ этомъ?

— Вѣстимо я, тогда соглашусь, но и то не раньше возвращенія въ Кіевъ.

Мстиславъ тихо вздохнулъ и выпилъ двѣ чары греческаго вина.

— Горько же будетъ мнѣ—сказалъ онъ—возвращаться безъ этой дѣвки.

— И мнѣ не будетъ весело—возразилъ Владимiръ— если императоры не отдадутъ своей сестры. Не пойду же я вѣситься изъ за нея. Войною же идти — теперь уже поздно, а до будущаго лѣта, кто знаетъ, буду ли я имать животъ.

Князья разстались въ невеселомъ расположенiи духа. Владимiръ послалъ за Свенкой, чтобы сократить время.

— Выпьемъ, братъ, вмѣстѣ по чарѣ да побалакаемъ маленько—сказалъ онъ, наливая большой потыръ, стоявшiй около его завѣтной чары. Ну, какъ ты думаешь, съ чѣмъ возвратится попъ Анастасiй.

— Мудрено отвѣчать. А ужъ коли даже тебѣ хочется знать, какъ все тамъ, въ Царсградѣ дѣлается, то не послать ли за нашимъ кашеваромъ Дубнякомъ, который умѣетъ на самоцвѣтныхъ камешкахъ отгадывать всякую всячину.

— Посылай за нимъ, пусть намъ скажетъ, что тамъ творится.

Дубнякъ явился и, расположившись на полу, бросилъ пригоршню небольшихъ разноцвѣтныхъ камешковъ и началъ присматриваться къ нимъ.

— Твой посланникъ съ дѣвкою возвращается къ тебѣ на трехъ корабляхъ съ великими богатствами и многими боярами, между которыми, точно звѣзда небесная сидитъ царевна молодая. Они ужъ близко отъ насъ и жаждутъ обрадовать тебя, нашего батюшку князя великаго. Если же я сказалъ тебѣ неправду, то прикажи меня безумца вздернуть на перекладину, а если будетъ по моему, то одари твоею милостiю.

Великiй князь приказалъ Свенки подать знахарю потыръ вина и спросилъ:

— А стоитъ ли царевна молодая моей ласки?

Ворожей снова подбросилъ камешки и отвѣчалъ:

— Такой красавицы не видывала еще русская земля и я не могу тебѣ описать ее, какъ не могу описать солнца. Ты будешь день и ночь любоваться на нее и не налюбуешься. Но берегись, тебѣ предстоитъ болѣзнь

отъ двухъ пещинокъ, которая приведетъ къ добру, коли ты не измѣнишь слову.

Владимiръ, наградивъ ворожея и приказавъ вывести его, задумался; но вскорѣ сладкое вино и надежда увидѣть невѣсту разогнали въ немъ идею о зломъ недугѣ.

На другой день прибыли къ князю вѣстники, замѣтившiе на далекомъ небосклонѣ три паруса, имѣвшiе направленiе на Корсунь.

Владимiръ немедленно облачился въ самую роскошную одежду свою и съ нетерпѣнiемъ началъ слѣдить за кораблями, которые съ каждымъ часомъ приближались. Когда же обозначились ихъ корпуса и архонты городскiе признали ихъ за императорскiе, онъ направился къ пристани и подалъ знакъ ладьямъ двинуться впередъ и огласить воздухъ веселыми пѣснями. За царевною и сопровождающими ея особами посланы были лучшiе ялики съ мѣстными гребцами въ нацiональныхъ костюмахъ. Всѣ жители города размѣстились на берегу моря. На пристани впереди всѣхъ стояли: великiй князь въ золототканномъ нарядѣ, окруженный оруженосцами и близкими людьми, а за ними епископъ съ духовенствомъ и клирошиками, стратегъ и почетнѣйшiе граждане.

Суда сбросили паруса и остановились подъ звуки росской пѣсни, сопровождаемой ударами въ различные звонкiе инструменты. Немного спустя раздвинулась цвѣтная палатка, устроенная изъ ковровъ на палубѣ и изъ нея вышли двѣ женщины, сопровождаемыя большою свитою. Тихими шагами онѣ приблизились къ лодкамъ и были бережно опущены въ нихъ. Одну изъ нихъ Владимiръ узналъ. Это была Эльпида, а другая навѣрно царевна, ожидаемая имъ. Лодка, принявшая дѣвушекъ, повернула къ пристани и сопровождаемая вышедшими навстрѣчу къ ней городскими яликами, съ быстротою вѣтра понеслась къ берегу. Князь пожиралъ ее глазами и съ каждымъ ударомъ веселъ лицо его все болѣе и болѣе прояснилось. Яликъ вперся въ пристань и царевна ждала руки царя. Владимiръ, пораженный красотою Анны, не вѣрилъ глазамъ своимъ, но вдругъ, какъ бы пробудившись отъ сна, бросился въ лодку и вынесъ на рукахъ неожиданное сокровище. Упоенный счастiемъ, онъ

не замѣчалъ ни почестей, ни молитвы духовенства, ни криковъ восторженнаго народа. Онъ впивался глазами въ величественную наружность Анны и лишь только окончились всѣ оваціи, схватилъ ее за руку и повелъ къ носилкамъ, отъ которыхъ и самъ не отставалъ. У дверей дворца онъ снова принялъ ее на руки, чтобы внести въ комнаты, но такъ какъ Анна не пожелала его затруднять, а князь не понялъ ея сразу, то нечаянно онъ ударился головой о край носилокъ, который покрытъ былъ раковистою пылью, всыпавшеюся ему въ оба глаза. Окружавшіе его немедленно принесли воды, но вода не могла смыть ее вполнѣ. Царевна изъявила желаніе счистить ему глаза языкомъ, такъ какъ это было самое надежное средство въ подобныхъ случаяхъ, но Владиміръ увѣрилъ, что все пройдетъ само собою и возвратился въ свои палаты.

— Ну, каковъ вашъ женихъ? спросила улыбаясь Эльпида—когда Анна сѣла съ нею за завтракъ.

— Ты правду мнѣ сказала, Эльпида, что онъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ мущинъ міра. Но какъ жаль, что произошло это несчастіе и онъ не позволилъ мнѣ очистить глазъ его. Какъ бы отъ этой мелочи онъ не пострадалъ? Ты пойдешь навѣстить его?

— Мы можемъ послать одного изъ рабовъ, приставленныхъ къ намъ. Впрочемъ, если тебѣ хочется, чтобы я лично пошла, то всякое твое желаніе съ того времени, какъ ты ступила на нашу землю, будетъ священною заповѣдью для меня. Отнынѣ ты наша повелительница.

— О, не говори такъ со мною, Эльпида, иначе я не буду вѣрить твоей искренности. Знаешь ли, мы пойдемъ съ тобою вмѣстѣ провѣдать его.

— Въ такомъ случаѣ надо предупредить, чтобы насъ ожидали.

Когда доложили Владиміру, что невѣста собирается навѣстить его, онъ чувствовалъ такую жгучую боль въ глазахъ, что долженъ былъ завязать ихъ. Всѣ знахари изъ войска и Корсуни уже успѣли перебывать у князя, но никто не могъ оказать помощи.

Царевна была въ отчаяніи, когда, поднявъ повязку, увидала, что за нѣсколько часовъ тому назадъ эти пре-

красные голубые глаза нынѣ были налиты кровью и опухли.

— Какое несчастіе—твердила она—ужъ не послать ли одинъ изъ кораблей нашихъ за врачами въ Константинополь?

Но князь снова успокоилъ ее надеждою, что чрезъ два, три дня все пройдетъ.

Событіе это очень непріятно подѣйствовало на вельможъ Константинопольскихъ, которые должны были присутствовать при крещеніи и вѣнчаніи русскаго царя. Не менѣе опечалились вожди, ратники и Херсонесцы, ожидавшіе праздничныхъ удовольствій.

Прошла недѣля, но вмѣсто того, чтобы получить облегченіе, Владиміръ окончательно потерялъ зрѣніе. Царевна Анна, которая успѣла въ продолженіи этого времени полюбить отъ всей души своего немолодаго жениха, приходила въ отчаяніе и не знала, на что рѣшиться: возвратиться ли обратно на родину, противъ чего не могъ бы претендовать добрый князь Россіи или сдѣлаться женою слѣпца? Въ тяжкомъ раздумьи, однажды послѣ искренней молитвы св. Василію, она заснула и увидѣла въ сновидѣніи святителя, который сказалъ ей: „не скорби, царевна, твой женихъ прозритъ въ купели. Пусть же скорѣй рѣшается воспріять св. крещеніе".

Сновидѣніе это она поспѣшила сейчасъ же передать царю.

— О, тогда я окончательно увѣрую—отвѣчалъ онъ—что Богъ христіанскій есть Богъ великій, но если онъ не поможетъ мнѣ, то обѣщаешь ли ты, послѣ крещенія моего, остаться на вѣки со мною и быть моею утѣшительницею.

— Да—я не отступлю отъ тебя ни на шагъ и буду вѣрнѣйшею рабынею. Наша жизнь не такъ длинна, чтобы я утомилась моею обязанностію. Но если насъ не полюбятъ въ твоемъ царствѣ, я уведу тебя въ мое отечество, гдѣ намъ дадутъ насущное пропитаніе.

Тронутый такою глубокою любовью невѣсты, великій князь схватилъ ея руки и, приложивъ ко лбу своему, зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Я негодный теперь человѣкъ — сказалъ онъ — те-

перь всѣ бросятъ меня, всѣ кромѣ тебя, но ты одна дороже мнѣ всѣхъ: ты замѣнишь мнѣ мать, жену, царство, славу и богатство. Но если я надоѣмъ тебѣ, ты убей меня своеручно, но не покидай живымъ. Если ты поклянешься мнѣ въ этомъ, я прикажу завтра же крестить меня, а вслѣдъ затѣмъ вѣнчать.

— Клянусь дорожить тобою и жизнью твоею—отвѣчала плачущая Анна—клянусь водить тебя, куда ты прикажешь и заботиться, какъ о братѣ и отцѣ.

— О, благодарю тебя, Богъ христіанскій, за такія милости! вырвалось изъ груди несчастнаго князя.

Владиміръ скрывалъ отъ всѣхъ кромѣ Эльпиды и невѣсты своей постигнувшую его слѣпоту, но чтобы это не стало извѣстнымъ, онъ подъ предлогомъ жестокаго страданія не снималъ съ глазъ повязки.

Послѣ ухода Анны великій князь потребовалъ къ себѣ преданнаго ему Свенки и просилъ его распорядиться, чтобы на завтрашній день все было приготовлено къ его крещенію.

— Видишь ли, другъ мой—сказалъ онъ—здоровье моихъ глазъ такъ плохо, что мнѣ остается только надѣяться на Бога христіанъ. Если Онъ мнѣ поможетъ и даруетъ исцѣленіе, тогда я надѣюсь, вы всѣ безъ исключенія послѣдуете за мною; но если я ослѣпну окончательно, ты, дружище, созовешь всѣхъ ратниковъ моихъ и возвратишься на родину. Слѣпые не могутъ повелѣвать зрящими.

— А ты куда дѣнешься? спросилъ съ ужасомъ Свенки.

— Я останусь здѣсь при какой-нибудь церкви и буду жить подаяніями императоровъ до того времени, пока возвращу зрѣніе.

Свенки отправился къ священнику Анастасію и сообщилъ ему волю своего государя. Желаніе это немедленно передано было архіерею, прибывшему для этого изъ Константинополя, который, сдѣлавъ распоряженіе, необходимое для такого важнаго торжества, сочелъ нужнымъ лично навѣстить росскаго автократа, чтобы подготовить его къ великому таинству.

Владиміръ принялъ епископа и съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ его наставленія.

— Но ты, государь, до настоящаго времени въ повязкѣ. Не подождать ли намъ, пока Господь возстановитъ твое здоровье?

— Ты одинъ здѣсь—спросилъ Владимiръ—или еще кто-нибудь пришелъ съ тобою?

— Я одинъ—отвѣчалъ Михаилъ.

— Придвинься же ко мнѣ—сказалъ князь—и выслушай, что заставляетъ меня не откладывать ни на минуту крещенiя: я окончательно ослѣпъ и ожидаю отъ Бога христiанъ величайшей милости. Сказавъ это, онъ снялъ повязку и показалъ бѣлые зрачки своихъ глазъ. Я скрывалъ до настоящаго времени мое несчастiе въ надеждѣ прозрѣть, но видно этому не бывать до тѣхъ поръ, пока я останусь въ языческой вѣрѣ. Помолись же за меня, святой отецъ, и храни сознанiе мое въ тайнѣ до завтрашняго вечера. А тамъ мы обсудимъ съ тобою, какъ будетъ приличнѣе поступить съ царевною Анною? Владимiръ тяжело вздохнулъ.

— Откинь, царь, изъ сердца твоего малодушiе и вѣруй твердо, что Iисусъ Христосъ возвратитъ тебѣ зрѣнiе.

— Я буду твердо вѣрить — отвѣчалъ онъ, когда архiерей простился съ нимъ.

На слѣдующiй день въ назначенное время два епископа со всѣмъ духовенствомъ взяли Росскаго царя подъ руки и ввели въ обширный храмъ св. апостола Iакова, куда допущены были только одни вожди и избранные ратники. Богослуженiе совершалъ на славянскомъ языкѣ епископъ Михаилъ, которому удалось перевести всю обѣдню на этотъ языкъ. Всѣ присутствующiе были поражены возможностiю покланяться греческому Богу на родномъ нарѣчiи.

Когда наступило время крещенiя и Владимiра подвели священники къ купели, онъ потребовалъ, чтобы предварительно возвели его на амвонъ и дозволили сказать нѣсколько словъ своимъ подданнымъ.

Поставленный на возвышенность, великiй князь обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

„Друзья мои и вѣрные ратники! Я рѣшился принять вѣру христiанскую первымъ, чтобы испытать силу неизвѣстнаго вамъ и мнѣ Бога. Если Онъ, дѣйствительно

такой, какимъ Его изображаютъ православные, то вы убѣдитесь въ этомъ сейчасъ же послѣ моего крещенія. Приблизитесь ко мнѣ, дѣти мои возлюбленныя, и посмотрите въ очи мои: я ослѣпъ и жду отъ Бога, Которому отнынѣ буду поклоняться великой милости. Если Онъ властенъ дать мнѣ зрѣніе, то для васъ не нужно лучшихъ доказательствъ Его всемогущества надъ нами".

Слушатели бросились къ повелителю своему, лобызали его руки и ноги, но онъ стоялъ неподвижно съ бѣлыми глазами.

— Довольно, довольно, дѣти мои, продолжалъ князь, я знаю, что вы любили меня во всѣ дни моего княженія. Больно мнѣ будетъ разлучаться съ вами, но не въ моей власти заставлять зрячихъ повиноваться слѣпцамъ. Станьте же по мѣстамъ своимъ и подождите еще нѣсколько времени, а затѣмъ, если я останусь въ первобытномъ положеніи, васъ Свенки возвратитъ домой и вы изберите на мой престолъ того, кого найдете болѣе достойнымъ.

Слова эти заглушены были тяжелыми вздохами.

Вслѣдъ затѣмъ изъ алтаря выступилъ архіерей съ пресвитерами, осторожно подвели царственнаго страдальца къ купели и, сбросивъ съ него верхнюю одежду, пали на колѣна предъ выставленными предъ алтаремъ мощами многихъ святыхъ, воспріявшихъ мученія въ Херсонесѣ и сосѣдственномъ Инкерманѣ.

По окончаніи продолжительной и самой искренней молитвы къ Іисусу Христу и пострадавшимъ за Его имя, епископъ Михаилъ вопросилъ великаго князя, какое онъ желаетъ воспріять имя?

— Назовите меня тѣмъ именемъ, которое пожелаетъ моя невѣста.

Анна, стоявшая во все время на колѣнахъ у алтарной стѣны и горячо молившаяся, отвѣчала: „назовите его Василіемъ въ честь великаго угодника и въ память моего брата, какъ крестнаго отца".

Владиміръ опустился въ купель. Епископъ зачерпнулъ воды и какъ только произнесъ:

Крещается рабъ Божій Василій во имя Отца, и Сына и Святаго Духа—у великаго князя моментально спали съ глазъ бѣлыя плевы и онъ совершенно прозрѣлъ.

Таинство окончилось. Гробовая тишина не прерывалась. Всѣ ожидали появленія повелителя своего изъ за ширмы. Но вотъ онъ съ сіяющимъ лицомъ и полнымъ зрѣніемъ предсталъ предъ подданными.

Слезы радости катились по щекамъ его, по вмѣсто того, чтобы говорить, онъ сталъ на колѣни и началъ громогласно славить и благодарить обрѣтеннаго Господа.

Чудо это до того поразило присутствующихъ, что они всѣ засуетились и изъявили желаніе сейчасъ же послѣдовать примѣру своего государя. Тогда Владиміръ обратился къ нимъ и просилъ отложить намѣреніе свое до завтра, какъ какъ онъ желаетъ дополнить счастіе свое бракосочетаніемъ съ прибывшею для этого царевною. Только, что произнесены были эти слова, какъ толпы разступились и предъ государемъ появилась небесной красоты царевна, которая пала ницъ предъ ликомъ Богородицы и громко начала благодарить ее за великое чудо.

По окончаніи молитвы, она повернулась къ присутствующимъ и, отвѣсивъ имъ три поклона, поздравила жениха своего съ принятіемъ св. крещенія и зрѣніемъ. Затѣмъ ей указано было почетное мѣсто и начался благодарственный молебенъ; за молебномъ послѣдовало бракосочетаніе. котораго давно ожидали всѣ жители Херсонеса, ратники и именитые люди, сопровождавшіе дорогую сестру императоровъ. Послѣ всего этого началось повсюду ликованіе. Всѣ византійскіе царедворцы, бояре и херсонесскіе сановники приглашены были къ царскому столу.

Владиміръ, безгранично счастливый, прежде другихъ обратился къ мѣстнымъ стратегу и епископу съ заявленіемъ, что онъ съ завтрашняго же дня въ благодарность исцѣлителю и патрону своему св. Василію намѣренъ приступить къ сооруженію во имя его церкви на томъ самомъ мѣстѣ откуда выпущена была Эльпидою стрѣла съ запискою, не допустившею кровопролитія и довершившею путемъ мира начатое имъ великое дѣло преобразованія Россіи, и кромѣ того прикажетъ вычека-

нить бронзовую монету въ память бракосочетанія своего въ Херсонесѣ съ царевною Анною *).

„Могу ли я забыть этотъ священный для меня на всю жизнь Корсунь, гдѣ меня полюбили не смотря на то, что я прослылъ въ мірѣ жесточайшимъ княземъ? Могу ли забыть его, когда мнѣ всѣ посодѣйствовали какъ другу получить въ супружество такого ангела, какъ царевна Анна? Могу ли забыть тотъ храмъ, въ которомъ по первому слову святѣйшаго отца отверзлись мои очи? Нѣтъ, добрые люди, отнынѣ я буду любить васъ всѣмъ сердцемъ и служить вамъ отцомъ и защитникомъ. Ваши радости будутъ моими радостями и ваше горе будетъ моимъ горемъ. Посылайте въ нуждахъ ко мнѣ пословъ, зовите моихъ ратниковъ и считайте меня вторымъ послѣ вашихъ императоровъ. Затѣмъ онъ вызвалъ епископовъ со всѣми пресвитерами и объявилъ о желаніи исповѣдоваться всенародно, чтобы не оставалось на душѣ его тяжкихъ грѣховъ прошлой жизни.

— Пусть при этомъ присутствуетъ и моя благовѣрная супруга, прибавилъ Владиміръ. Я хочу, чтобы она знала, какимъ я былъ прежде въ язычествѣ, дабы не могла упрекнуть меня въ томъ, чего отнынѣ я не помыслю сдѣлать.

Анна, въ сопровожденіи Эльвиды, явилась на призывъ мужа и приготовилась слушать исповѣдь того, который казался ей лучшимъ изъ всѣхъ людей.

„Слушайте-же меня, возлюбленые сердцу моему. Вотъ ужъ вѣкъ наступаетъ, какъ великій князь, мудрый Олегъ, желая прославить народъ свой, задумалъ завоевать всѣ страны, примыкавшія къ его владѣніямъ и прежде всего началъ разузнавать, гдѣ находится греческая земля съ славнымъ Царьградомъ. Когда ему удалось узнать желаемое, онъ приказалъ соорудить двѣ тысячи ладій и, посадивъ въ нихъ по 40 вооруженныхъ воиновъ, неожиданно предсталъ предъ Константинополемъ. Въ то время въ греческой землѣ царствовалъ императоръ Леонъ. Государь этотъ, устрашенный такимъ громаднымъ

*) Монета эта съ буквами В и А т. е. Владиміръ и Анна и надписью χερϛωνος недавно найдена при роскопахъ въ Херсонесѣ и описана г. Вакье. Намъ также пришлось видѣть одинъ экземпляръ ея въ коллекціи г-на Цейхановскаго.

числомъ нашихъ соотечественниковъ и не будучи готовъ къ отраженію ихъ, рѣшился пожертвовать всѣмъ драгоцѣннымъ металломъ, находящимся въ столицѣ его, чтобы спасти имперію—и Олегъ безъ потери людей, обремененный громаднымъ богатствомъ, почувствовавъ къ грекамъ братолюбіе, заключилъ письменный договоръ самаго дружелюбнаго содержанія въ отношеніи торговли для взаимныхъ выгодъ, охраненія имущества, чести, личной безопастности и взаимнаго вспомоществованія *). Послѣ этого греки научили насъ многому, чего мы раньше не вѣдали. Когда же не стало Олега вѣщаго, великій князь Игорь возмечталъ въ свою очередь добыть

*) Вотъ содержаніе этого древнѣйшаго русскаго договора, сохранѣннаго намъ исторіею и состоящаго изъ 15 пунктовъ: 1). Кораблямъ русскимъ, отправленнымъ отъ князя и бояръ съ послами и гостьми дозволяется свободное плаваніе по всѣмъ греческимъ морямъ и портамъ съ тѣмъ, чтобы они вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ печатей приходили съ княжескими грамотами. 2. Пришедшіе въ Грецію безъ грамоты, Руссы должны содержатся подъ стражею, доколѣ Греки не извѣстятъ о томъ русскаго князя, а провинившихся руссовъ можно убивать. О бѣжавшихъ даютъ знать князю. 3. Для охраненія выгодъ купцовъ русскихъ назначенъ будетъ особый греческій чиновникъ, который станетъ разбирать ихъ ссоры съ греками. 4. Ткань, цѣною выше 50 золотниковъ, должна быть заклеймена греческимъ чиновникомъ. 5. Руссы имѣютъ право брать въ обратный путь съѣстные припасы и все нужное для плаванія, но не могутъ зимовать въ Константинополѣ у св. Мамы. На возвратномъ пути Руссамъ дается охраненіе. 6. Руссы имѣютъ право отыскивать въ Греціи своихъ бѣглыхъ рабовъ, а если не отыщутъ, то греки платятъ хозяину по двѣ ткани за раба. Если отъ грековъ бѣжитъ рабъ въ Русь съ покражею, то Руссы возвращаютъ его съ краденымъ и за это получаютъ по два золотника. 7. За покражу руссиномъ у грека украденныя вещи возвращаются хозяину и воръ платитъ пеню вдвое противъ стоимости вещи. 8. За греческихъ плѣнниковъ, приведенныхъ руссами въ Константинополь, назначается слѣдующая цѣна: за мужа 10 золотниковъ, за юношу или дѣвицу честную 8 золот., за старца и младенца 5 золот. За русскаго плѣнника тоже цѣна 10 золот., а за купленнаго возвращается цѣна хозяину. 9. Русскій князь не долженъ присвоивать земель и городовъ Херсонскихъ, а если онъ станетъ воевать въ тѣхъ странахъ съ другими народами, то греки дадутъ ему вспомогательное войско. 10. Безопастность для ладей или кораблей греческихъ и русскихъ у союзныхъ береговъ и наказаніе за грабежъ и убійство мореходцевъ по закону русскому или греческому. 11. Русскіе не должны обижать Херсонцевъ, ловящихъ рыбу въ устьѣ Днѣпра, а сверхъ сего русскіе не должны зимовать у Бѣлобережья (Аккермана) и у св. Ельферія, но осенью должны идти во свояси въ русскую землю. 12. Русскій князь не долженъ пускать черныхъ Булгаръ воевать въ Херсонесской землѣ. 13. Греки, учинившіе преступленіе въ землѣ русской, отсылаются для наказанія въ Грецію. 14. За убійство русскимъ грека и обратно родственники убитаго имѣютъ право умертвить убійцу и 15. Русскій князь долженъ, по требованію императора, давать на войну вспомогательное войско для того, чтобы весь міръ видѣлъ, въ какой любви живутъ греки съ руссами.

При этомъ мы невольно останавливаемся предъ словами клятвы руссовъ, состоящихъ изъ слѣдующаго: „да не имамы помощи отъ бога Перуна, да не ущитимся щитами своими, да посѣчены будемъ мечами своими и да погибнемъ отъ стрѣлъ и отъ инаго оружія своего и да будемъ рабы въ сей вѣкъ и въ будущій “

новыя богатства изъ греческой земли. Десять тысячъ ладій двинулись по единому слову его на это море, но немногія изъ нихъ возвратились домой. Вторичный набѣгъ его на Цареградъ былъ болѣе удачнымъ. Получивъ богатые дары отъ императора и заключивъ второй дружественный договоръ съ греками, онъ до того былъ восхищенъ благоустройствомъ ихъ земли и торжественностію богослуженія, что до конца жизни своей разсказывалъ женѣ своей Ольгѣ о чудесахъ, видѣнныхъ имъ.

Заинтересованная разсказами этими, бабушка моя, какъ только сдѣлалась полновластною правительницею, вознамѣрилась сама поѣхать въ Константинополь и собственными глазами увидѣть то, о чемъ говорилъ Игорь. Греческій императоръ Константинъ VII принялъ ее съ величайшими почестями и до того повліялъ на нее божественностію Христіанской религіи, что она рѣшилась воспріять св. Крещеніе и назваться Еленою. Озаренная свѣтомъ истины, она поспѣшила возвратиться въ отечество и прежде всего хотѣла заставить отца моего послѣдовать себѣ, но онъ не рѣшился на такой подвигъ. Между тѣмъ бабушка моя, выписавъ изъ Цареграда епископа и поповъ, старалась всѣми силами ознакомить приближенныхъ своихъ съ принятою религіею. Послѣ смерти ея отецъ нашъ, жаждавшій воинской славы, желая быть не стѣсненнымъ никакими сторонними обязательствами, постановилъ раздѣлить между нами, его сыновьями, свои владѣнія. Брату моему Ярополку онъ отдалъ Кіевъ, Олегу землю Древлянскую, а Новгородъ мнѣ; самъ же, не отстраняя отъ себя верховной надъ нами власти, собравъ большую рать, пожелалъ завоевать земли Болгарскія, которыя ему нравились и которыя онъ однажды занялъ было при императорѣ Никифорѣ Фокѣ; но лишь только онъ вступилъ въ нихъ, какъ царствующій въ то время Іоаннъ потребовалъ отъ него немедленно выступить обратно, подъ угрозою истребить его войско. Отецъ мой оскорбился и двинулъ дружины къ Адріанополю, но внезапно окруженный врагами, видя неминуемую гибель, выступилъ впередъ и крикнулъ: „братья, спасаться намъ не можно, да и не должно, ибо постыдно бѣжать отъ непріятеля. И такъ не постыдимъ земли рус-

скія и лучше умремъ на полѣ битвы!“ Сказавъ это, онъ кинулся впередъ, разбилъ грековъ и опустошилъ Ѳракію. Но въ концѣ концовъ долженъ былъ просить мира. Война эта упрочила нашъ союзъ съ Цареградомъ и принесла бы много радостныхъ послѣдствій, еслибъ вскорѣ послѣ этого отецъ мой не былъ убитъ въ битвѣ съ скверными Печенѣгами.

Послѣ смерти отца нашего, братъ мой Ярополкъ пошелъ войною противъ Олега и, поразивъ его на смерть, присоединилъ къ Кіеву землю Древлянскую. Устрашенный этимъ поступкомъ роднаго, но алчнаго брата, я вынужденъ былъ бѣжать къ Варягамъ и лишиться Новгорода. Варяги приняли меня съ участіемъ и обѣщали посодѣйствовать противъ жестокаго брата и, дѣйствительно, два года спустя при ихъ помощи я не только возвратилъ отцовскій даръ, но и направился на Кіевъ. Ярополкъ въ свою очередь бѣжалъ въ городъ Родно, но я послѣдовалъ за нимъ и туда. Тогда только онъ вздумалъ умолять о милосердіи, но я былъ язычникъ и не имѣлъ понятія о томъ великомъ Богѣ, который повелѣваетъ прощать врагамъ: я приказалъ его убить такъ же безжалостно, какъ убилъ онъ любимаго мною Олега. Сдѣлавшись обладателемъ всея Россіи, я, въ тоже время, сдѣлался жестокимъ человѣкомъ и раздвинулъ границы моего царства отъ Буга до Балтики. Слава моя разнеслась по всему міру и многіе цари начали громко сожалѣть о томъ, что такой царь, какъ я, идолопоклонникъ. Сожалѣніе это дошло до того, что я вынужденъ былъ послать въ разныя земли пословъ для изученія всѣхъ вѣръ. Тѣ, которые посѣтили Константинополь, доказали мнѣ, что бабка моя совершенно справедливо предпочла религію христіанскую. Да будетъ вамъ извѣстно, что въ первопрестольномъ градѣ моемъ Кіевѣ и теперь многіе исповѣдуютъ христіанство, отъ которыхъ я безъ особеннаго труда могъ бы принять его, но это не могло бы имѣть того великаго значенія, которое пріобрѣтено теперь. Я по свойственной мнѣ гордости не хотѣлъ унизить себя до того, чтобы воспользоваться одолженіями бѣглецовъ, проживающихъ въ моемъ градѣ; я не хотѣлъ просить императоровъ оказы-

вать мнѣ милостей, я захотѣлъ безъ всякихъ униженій для моего сана самолично пріобрѣсти то, чего желалъ. Это, можетъ быть, и послужило поводомъ къ тому, что Господь поразилъ меня за высокомѣріе слѣпотою. Этого мало, что я хотѣлъ завоевать вѣру, но я имѣлъ въ виду для блага моихъ подданныхъ соединиться родственными узами съ греческими императорами, чтобы сблизить два народа и перенести въ Россію образованіе, искусства и лучшіе примѣры изъ ихъ жизни. Я недавно еще оказалъ большую услугу императорамъ противъ мятежника Варды и могъ бы заставить ихъ отслужить мнѣ тѣмъ же, но повторяю, это могло бы унизить меня въ моихъ глазахъ, какъ вознагражденіе за услугу, и я не пожелалъ. Мнѣ легче было предпринять отдѣльный походъ и самостоятельно достигнуть желанія. Херсонесъ сдался и принялъ меня, какъ побѣдителя. Вступивъ въ него, какъ въ святыню, я не пролилъ ни чьей крови и надѣюсь, никого не оскорбилъ моимъ пребываніемъ въ немъ. Городъ вашъ по прежнему поступитъ во власть законныхъ царей своихъ, а если я пробуду въ немъ еще нѣсколько дней, то это будетъ означать, что я гощу у братьевъ жены и крестнаго отца въ полномъ убѣжденіи, что тѣ изъ васъ, которые полюбили меня и бояръ моихъ, не откажутся слѣдовать за нами въ Кіевъ и ожидать отъ насъ милостей. Что же касается тебя, святитель Михаилъ, и прибывшихъ съ тобою пресвитеровъ, то я надѣюсь, что ты не откажешься быть первымъ митрополитомъ Русской земли и довершить начатое тобою здѣсь великое дѣло. Я разсказалъ вамъ все, братья мои, а теперь, когда духъ мой обновился, прошу васъ всѣхъ веселиться во славу Господа, даровавшаго мнѣ одновременно свѣтъ вѣры, свѣтъ глазъ и прелестнѣйшую царицу, нѣжную мать любимой мною Россіи. Сказавъ это, князь поклонился собранію и, взявъ за руку супругу свою, оставилъ гостей свободно предаваться пиршеству.

На другой день въ томъ же самомъ храмѣ приняли отъ руки Михаила св. крещеніе всѣ военачальники и бояре. Узнавъ объ этомъ, ратники въ свою очередь начали требовать этого, говоря:

„Если бы это не нужно было, то князь и бояре не сдѣлали бы сего“.

Увѣдомленный объ этомъ Владиміръ не замедлилъ предстать предъ воинствомъ своимъ и благодарить его за желаніе послѣдовать въ ту вѣру, которая обѣщаетъ райскія блага въ будущемъ и спасаетъ людей отъ вражды и гнусныхъ злодѣяній.

— Мы твои дѣти—отвѣчили ратники—ты бы не сдѣлался христіаниномъ, еслибъ это было дурно. Мы всѣ желаемъ креститься!

Нарѣченный митрополитомъ всея Россіи, Михаилъ немедленно приказалъ выкопать предъ алтаремъ въ храмѣ св. апостола обширную цистерну вмѣсто купели и приступилъ къ святой обязанности.

Крещеніе не прекращалось въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного язычника.

Пиръ и веселіе на счетъ императоровъ, гражданъ, великаго князя и царственной четы его почти не прекращались до глубокой ночи.

— Ну, намъ пора подумать о возвращеніи въ Кіевъ— сказалъ Владиміръ послѣ осмотра Инкерманскихъ обителей первобытныхъ христіанъ.

— Твоя правда — отвѣчалъ Свенки съ грустью. Но намъ необходимо предварительно составить списокъ вопервыхъ всѣмъ, кто послѣдуетъ за нами, и наконецъ, тѣмъ предметамъ, которые надобно будетъ взять для первоначальнаго благоустройства церквей.

— Я поговорю объ этомъ съ митрополитомъ и отцомъ Анастасіемъ.

— Развѣ они оба поѣдутъ съ нами?

— Первый согласился уже, но послѣдній пока не обѣщалъ. Мнѣ очень непріятно будетъ, если онъ отвергнетъ мои просьбы.

— Въ такомъ случаѣ и дочь его Надежда *) останется при немъ. Это, я думаю, не понравится твоей царевнѣ, которая такъ любитъ ее.

— Относительно Эльпиды священникъ сказалъ мнѣ

*) Эльпида въ переводѣ Надежда.

такъ: дочь моя нынѣ не нуждается въ отцовскихъ совѣтахъ, матери у ней нѣтъ, которая убивалась бы за нею—слѣдовательно, она свободна дѣйствовать по влеченію сердца своего. Надо полагать, что она сама не пожелаетъ отстать отъ царицы.

— А если она не пожелаетъ разставаться съ родиною безъ особеннаго приглашенія твоего?

— Конечно, я не стану насиловать ту, которая оказала мнѣ такъ много услугъ и мнѣ останется только съ избыткомъ вознаградить этихъ добрыхъ людей.

— А мнѣ все кажется, что царица не можетъ обойтись безъ нея.

— Конечно, будетъ трудно, пока мы доѣдемъ до дому, но въ Кіевѣ мы найдемъ, кто замѣнитъ ее.

День спустя Свенки явился къ священнику Анастасію и намекая, что послѣ завтра должна выступить первая партія ратниковъ изъ Херсонеса, спросилъ:

— Ну, а ты, батька, пойдешь ли за нами?

— Нѣтъ, сынъ мой, мнѣ и здѣсь много дѣла, которое не въ состояніи довершить сотоварищи мои. Я одинъ знаю нарѣчія народовъ, бродящихъ въ степяхъ Таврики, я одинъ пользуюсь ихъ довѣріемъ и мнѣ одному предоставляется возможность обратить ихъ въ христіанство.

— Въ Россіи ты можешь сдѣлать гораздо больше.

— При теперешней обстановкѣ въ странѣ вашей каждому священнику не трудно будетъ крестить сотнями людей, которые сами станутъ требовать крещенія, чтобы остаться подданными добраго царя, но здѣсь необходимы долговременные неутомимые труды и лишенія, навыкъ и большое умѣніе. Съ выходомъ моимъ изъ Таврики эти несчастные, полупросвѣщенные мною, вновь забудутъ Бога и я буду отвѣчать за нихъ.

— Но ты не будешь здѣсь оцѣненъ, какъ у насъ великимъ княземъ?

— Кого награждаютъ въ этомъ мірѣ, тотъ не долженъ ожидать награды на небѣ; а такъ какъ мнѣ ничего не нужно земнаго, то я не ищу наградъ отъ людей.

— Но у тебя дочь, которую необходимо пристроить?

— Это зависитъ отъ Бога; въ крайности же она най-

детъ мѣсто въ монастырѣ, гдѣ будетъ пользоваться заслуженнымъ почтеніемъ.

Свенки задумался.

— О чемъ твоя скорбь, бояринъ? Ты въ послѣднее время слишкомъ перемѣнился? Ужъ не жаль ли тебѣ разставаться съ нашимъ городомъ?

— Еще одинъ вопросъ, батька—сказалъ Свенки—просила ли тебя царица отпустить твою дочь съ собою въ Кіевъ?

— Нѣтъ, мнѣ никто не говорилъ объ этомъ.

— Слѣдовательно, Эльпида останется съ тобою?

— Конечно. Но почему ты мнѣ дѣлаешь этотъ вопросъ?

— Потому, что царица только съ помощію ея можетъ объясняться съ мужемъ и, при содѣйствіи ея, пріучается къ нашему нарѣчію.

— Это мнѣ извѣстно, но я полагаю, что царица до настоящаго времени остается при убѣжденіи, что дочь моя находится въ ближайшемъ родствѣ съ мужемъ ея и, слѣдовательно, послѣдуетъ за ними. Боже мой, мы забыли, что въ Константинополѣ потребовали отъ насъ сами императоры этого обмана.

— Ну, теперь я понимаю, отчего до настоящаго времени тебѣ ничего не говорили. Съ этими словами Свенки вышелъ отъ попа и направился къ Владиміру.

— Знаешь ли, повелитель мой—сказалъ онъ—почему во всѣ эти дни попъ Анастасій не появлялся предъ твоими очами. Онъ чувствуетъ себя очень виновнымъ предъ тобою.

— Чѣмъ же онъ могъ провиниться? спросилъ съ улыбкою великій князь.

— Отъ него потребовали въ Царьградѣ твои шуряки назвать дочь свою Эльпиду твоею ближайшею родственницею, вѣроятно, съ цѣлью, чтобы сблизить и подготовить царевну къ бракосочетанію съ тобою. Изъ желанія устроить все по приказу твоему, онъ послушался императоровъ, но забывъ объ этомъ разсказать тебѣ сейчасъ же по пріѣздѣ своемъ, нынѣ впалъ въ горесть, такъ какъ это теперь не скроется отъ царицы, которая думаетъ, что Эльпида въ качествѣ родственницы твоей обязана будетъ послѣдовать за нею въ Кіевъ.

— Да, это не хорошо будетъ въ особенности, если Эльпида безъ всякихъ причинъ не пожелаетъ ѣхать съ нами. Какъ же Анастасій могъ забыть такую важную необходимость? Спасибо, что ты разузналъ это раньше нашего отъѣзда. Я сейчасъ пошлю за нею и мы узнаемъ ея намѣренія. Если она изъявитъ согласіе послѣдовать за нами, то, конечно, не о чемъ будетъ сокрушаться, но если не захочетъ разставаться съ роднымъ городомъ, тогда придется заставить ее вновь выдумать какую-нибудь небылицу, чтобы скрыть истину отъ царицы.

Какъ только явилась на зовъ Владиміра дочь священника, великій князь спросилъ ее.

— Скажи мнѣ по правдѣ, добрая дѣвушка, за кого тебя принимаетъ жена моя? за дочь ли херсонесскаго священника или за мою ближайшую родственницу?

Не смотря на мягкость тона вопросъ этотъ заставилъ бѣдную Эльпиду поблѣднѣть.

— Боже мой—вскрикнула она—я совершенно забыла исправить ту ошибку, которую сдѣлала по требованію императоровъ. Они изъ простаго желанія предоставить сестрѣ своей возможность ближе ознакомиться съ вашею наружностію приказали мнѣ назваться вашею родственницею и поселили въ ея сосѣдствѣ. Клянусь вамъ, что я согласилась на это въ видахъ вашего интереса и сейчасъ-же пойду сознаться въ моемъ обманѣ въ полномъ убѣжденіи, что царица проститъ мнѣ.

— Нѣтъ, Эльпида—отвѣчалъ великій князь, останавливая ее—ты не должна этого сдѣлать, потому что ей можетъ показаться и мое участіе въ умышленномъ обманѣ, такъ какъ ты навѣрно во все время пребыванія съ нею описывала меня безподобнымъ человѣкомъ.

— Я не позволила себѣ говорить неправды.

— Но ты непремѣнно больше сказала противъ дѣйствительности, чтобы поскорѣе окончить возложенное на тебя порученіе. Но не въ этомъ дѣло. Я позвалъ тебя спросить, желаешь ли ты слѣдовать за нами въ Кіевъ въ качествѣ моей ближайшей родственницы или откажешься отъ насъ?

Эльпида бросила взглядъ на Свенки и, опустивъ глаза, отвѣчала:

— Конечно, я поѣхала бы за вами, еслибъ и мой одинокій отецъ изъявилъ на это согласіе.

— Ну, а если твой отецъ не согласится разставаться съ своимъ храмомъ и друзьями?

— У него нѣтъ ни храма, ни друзей — отвѣчала дѣвушка—онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ скитается между язычниками, которымъ проповѣдуетъ слово Божіе и только на нѣсколько дней возвращается домой, чтобы взглянуть на меня.

— А знаешь ли, Эльпида—вмѣшался Свенки—что онъ этими-то язычниками больше всего въ мірѣ дорожитъ. Я сегодня говорилъ лично съ нимъ о переѣздѣ въ Россію, обѣщалъ ему тысячи милостей и почестей, но онъ на-отрѣзъ отказался отъ всего.

— А про меня онъ ничего не говорилъ?

— Онъ считаетъ тебя настолько взрослою и разумною, что предоставляетъ самой дѣйствовать по влеченію сердца.

— Да, онъ всегда говорилъ мнѣ эти слова—отвѣчала дѣвушка, снова взглянувъ на прекрасные глаза царскаго вождя.

— Отвѣчай же, ѣдешь или нѣтъ? снова спросилъ князь.

— Я поѣду охотно, но я тамъ буду одинока и тоска по родинѣ преждевременно сведетъ меня въ могилу.

— Я выдамъ тебя замужъ—отвѣчалъ князь.

— Я буду твоимъ мужемъ, если ты не сочтешь меня старымъ? сказалъ Свенки.

Блѣдное лицо гречанки озарилось румянцемъ.

— Отлично — сказалъ Владиміръ. Такимъ образомъ выйдетъ, что ты вправду моя ближайшая родственница.

— Ну, согласна теперь?

— Да, отвѣчала робко Эльпида.

— Владиміръ приказалъ имъ поцѣловаться и объявилъ, что завтра должно произойти бракосочетаніе.

Всю эту сцену видѣлъ изъ дверной щели Мстиславъ Тмутараканскій, не перестававшій до этой минуты надѣяться завладѣть хорошенькою гречанкою. Возмущенный этимъ неожиданнымъ событіемъ, разрушавшимъ вдругъ его отрадныя мечты похитить во что бы ни стало эту дѣвушку, онъ затрепеталъ отъ гнѣва и тихими шагами

отступилъ отъ дверей и, очутившись на улицѣ, началъ соображать, чѣмъ и какъ отмстить той, которая не хотѣла обратить на него вниманія.

Тѣмъ временемъ Эльпида полная радужныхъ надеждъ на будущность, не сказавъ ни слова царицѣ, пожелала подѣлиться радостью своею съ добрымъ отцомъ и быстрыми шагами выскочила на улицу. Но не прошедъ и десяти шаговъ, она почувствовала чью-то руку на плечѣ своемъ. Оглянувшись, она съ трудомъ при тьмѣ ночной узнала удѣльнаго князя.

— Куда это ты спѣшишь? спросилъ Мстиславъ.

— Я хочу навѣстить отца моего, котораго давно не видѣла.

— И, вѣроятно, сообщить ему важную новость?

— Да, потому что царь предлагаетъ мнѣ ѣхать въ Кіевъ.

— Только?

— Чтожъ еще?

— А то, что ты будешь вѣнчаться завтра съ Свенки?

Эльпида смутилась. Какимъ образомъ онъ могъ узнать тайну, которая не могла быть извѣстной никому? озадачило добрую дѣвушку.

— Конечно, я и этого не скрою отъ него—отвѣчала она, запинаясь.

— Ну, Эльпида, прежде чѣмъ ты разскажешь эту новость, я хочу поговорить съ тобою серіозно. Сказавъ это, онъ взялъ ее за руку. Ты знаешь хорошо, что я полюбилъ тебя раньше Свенки, что я самъ царь и слѣдовательно, могу сдѣлать тебя счастливою. Что тебѣ за удовольствіе быть женою немолодаго человѣка, тогда какъ я почти что ровестникъ тебѣ по лѣтамъ.

— Князь, вы искушаете дѣвушку, которая твердо увѣрена въ счастіи своемъ съ этимъ славнымъ бояриномъ. Теперь все кончено и не кстати ваша рѣчь.

— Я понимаю, что ты не осмѣлишься отказаться отъ слова, даннаго въ присутствіи Владиміра, но ты знаешь, что отецъ мой чрезъ нѣсколько дней долженъ навсегда покинуть Корсунь, ты можешь представиться больною, а когда онъ выѣдетъ, то послѣдовать за мною.

— Спасибо за совѣтъ, но я не воспользуюсь имъ, потому что это не согласуется съ моими желаніями.

— Слѣдовательно, ты любишь твоего жениха?

— Это мое дѣло.

— Какъ ты осмѣливаешься отвѣчать такимъ образомъ русскому князю, который любитъ тебя, жестокая?

— Я говорю то, что вправѣ говорить независимое отъ васъ существо.

— Но я хочу наконецъ, чтобы ты была моею женою!

— Я можетъ быть и сдѣлалась бы ею, еслибъ вы раньше пожелали этого.

— Лжешь, ты будешь, ты должна быть моею во всякое время.

— Вы говорите со мною, какъ съ рабынею своею.

— А развѣ ты не рабыня наша, развѣ я пришелъ сюда безъ ратниковъ? Слышишь: я требую, чтобы ты поклялась мнѣ быть моею, иначе я истреблю весь городъ и всѣхъ жителей; я разорву тебя на куски прежде, чѣмъ допущу кого-нибудь другаго владѣть тобою.

— Все это пустыя слова, которымъ я мало вѣрю.

Мстиславъ ожесточился.

— Такъ ты отказываешь мнѣ? вскрикнулъ онъ.

— Да, отказываю и не хочу слышать повторенія угрозъ.

— Несчастная! вырвалось изъ устъ его. Но ты рискуешь умереть отъ руки моей.

— Но только не теперь—отвѣчала игривымъ тономъ Эльпида.

— Нѣтъ, теперь именно! вскричалъ онъ и какъ разъяренный левъ бросился на молодую дѣвушку и, схвативъ ее мощными руками за горло, заставилъ замолчать навсегда.

„Пусть онъ теперь женится на тебѣ — прошепталъ Мстиславъ, откидывая ногою, упавшій къ нему на колѣни трупъ, и никѣмъ не замѣченный удалился.

На слѣдующій день весь городъ узналъ о внезапной смерти Эльпиды, но кто убилъ ее—это осталось тайною на нѣсколько дней.

Великій князь съ женою и Свенки горько оплакивали несчастную дѣвушку, оказавшую всѣмъ имъ важныя услу-

ги. Но какъ вознаградить мертвое тѣло? Царица приказала одѣть ее въ лучшее свое платье, Свенки убралъ гробъ дорогою парчею, а Владиміръ отдалъ приказаніе похоронить ее въ центрѣ начатаго имъ храма во имя св. Василія на томъ холмѣ, откуда эта бѣдная дѣвушка выпустила стрѣлу, породившую такъ много отраднаго для него и озарившую славянскую землю свѣтомъ Божественнаго ученія Христа Спасителя.

Послѣ этого ужаснаго событія великій князь приказалъ приготовляться къ выходу изъ Херсонеса. Всѣ императорскіе и мѣстные корабли были изготовлены. Херсонесскіе граждане единогласно постановили предоставить въ распоряженіе Русскаго государя все, что покажется ему необходимымъ взять изъ ихъ церквей для устройства таковыхъ въ Россіи. По постановленію этому митрополитъ Михаилъ обошелъ всѣ городскія святыни и выбралъ изъ нихъ лучшія иконы, изъ которыхъ одна, представляющая ликъ Богородицы, написана была рукою апостола Ѳомы *), самые дорогіе церковные сосуды и части святыхъ мощей Климента, Фивы и многихъ другихъ.

Въ добавокъ къ этому стратегъ предложилъ для украшенія Кіевскихъ площадей кое-что изъ мраморныхъ и металлическихъ предметовъ искусства.

Послѣ нагрузки всего этого на корабли Владиміръ потребовалъ, что бы всѣ учителя, мастера, художники и всякаго рода ремесленные люди, желающіе переселиться въ Россію, лично явились къ нему.

Призывъ этотъ разнесенъ было нарочно посланными въ прилегающую къ Трахеѣ страну грековъ, именовавшихся въ отличіе отъ Ираклійскихъ и Милетскихъ, Климатами, что присвоено было имъ во первыхъ потому, что они имѣли болѣе другихъ права считаться оклиматизировавшимися въ странѣ, занятой впервые ихъ предками, и наконецъ потому, что они всѣ безъ исключенія занимались разведеніемъ виноградной лозы, называвшейся на греческомъ языкѣ *клима*, въ смыслѣ, удостовѣря-

*) По свидѣтельству Іакова Черноризца, она передана была впослѣдствіи въ Новгородскій Софійскій соборъ.

ющемъ благорастворенность или удобство климатических условій.

Когда доложили Владиміру, что Херсонесскіе мастера собрались и ждутъ его слова, великій князь вышелъ къ нимъ и, приказавъ раздѣлиться на группы по профессіямъ, всѣмъ безъ исключенія объявилъ, что беретъ ихъ на службу къ себѣ. Покончивъ съ ними, онъ перешелъ къ священникамъ, дьяконамъ, псаломщикамъ и учителямъ.

— Вы мнѣ крайне необходимы—сказалъ онъ—и отъ васъ будетъ зависѣть благо моего государства, потому что первыя сѣмена, посѣянныя вами, должны навсегда сохранить свои первобытныя достоинства или недостатки. Отъ васъ будетъ зависѣть первое образованіе отцовъ, которые создадутъ по подобію своему будущія поколѣнія.

— Мы сдѣлаемъ все, что будетъ зависѣть отъ насъ, преданныхъ и полюбившихъ твой народъ — отвѣчали слушатели.

— Въ такомъ случаѣ собирайтесь въ отдаленный путь и завтра васъ увезутъ корабли.

Только что великій князь возвратился въ чертоги, какъ его вызвали вновь къ прибывшимъ старѣйшинамъ отъ Климатовъ, расположенныхъ по сѣвернымъ отклонамъ Таврійскихъ горъ, прибывшихъ на поклонъ съ дарами.

Владиміръ вновь показался и замѣтилъ, около рослаго топарха или начальника извѣстнаго округа, священника Анастасія.

— Государь — сказалъ священникъ — люди эти есть независимые представители всей этой страны, которая, начинаясь отъ нашего ничтожнаго полуострова, идетъ вдоль всѣхъ виднѣющихся отсюда горъ—они многочисленны, храбы, трудолюбивы и прекрасные христіане. Узнавъ чрезъ меня о твоемъ могуществѣ и сосѣдствѣ съ Таврикою они, какъ братья по Христу, пришли поклониться тебѣ съ произведеніями своихъ земель и просить быть защитникомъ и покровителемъ ихъ земли отъ тѣхъ разбойничьихъ племенъ, которыя нерѣдко врываются въ ихъ дома и наносятъ смерть. Между ними

есть множество дѣтей Россіи, которые приставъ къ нимъ. приняли ихъ вѣру и слились въ общую семью.

— Передай имъ, мой другъ Анастасій — отвѣчалъ Владиміръ — что я дары ихъ съ радостію принимаю и что отнынѣ до конца живота моего буду любить ихъ страну, которую постараюсь очистить отъ безпокойныхъ бродягъ. Кромѣ этого скажи, что на случай какого-либо несчастія я дозволяю тому изъ военоначальниковъ или старѣйшинъ, который покажетъ мнѣ этотъ перстень, ходатайствовать у насъ о пособіи. Сказавъ это, князь снялъ съ мезинца золотой перстень съ надписью и подалъ его сѣдому топарху.

Когда Анастасій перевелъ сказанное царемъ, представители народа упали предъ великимъ княземъ на колѣни и въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ благодарили его и просили Бога сохранить его съ царицею на многія лѣта.

На слѣдующій день 25 кораблей, нагруженныхъ народомъ и дарами, сопровождаемые множествомъ ратникобъ въ большихъ ладьяхъ съ пѣснями и звуками музакальныхъ инструментовъ отошли отъ Херсонеса. Къ пристани придвинулся большой карабль, предназначенный для царской семьи и небольшой его свиты съ митрополитомъ.

— Какъ жаль, что ты, мой другъ уѣзжаешь отсюда съ горемъ на душѣ? сказалъ Владиміръ, обращаясь къ Свенки—но кто-бы въ самомъ дѣлѣ могъ учинить такое злодѣяніе?

— Теперь я открылъ настоящаго преступника, но къ счастію онъ далекъ отъ насъ и гнѣвъ твой не будетъ имѣть для него дурныхъ послѣдстій.

— Кто-же этотъ несчастный?

— Твой сынъ, князь Мстиславъ.

— Быть не можетъ, чтобы онъ послѣ св. Крещенія дерзнулъ поднять руку на невинное созданіе! Нѣтъ, Свенки, ты ошибаешься.

— Можетъ быть, я также не повѣрилъ бы этому, еслибъ отецъ покойницы не узналъ лично отъ убійцы причинъ, заставившихъ его сдѣлать это. Призови несчастнаго отца и онъ подтвердитъ сказанное мною.

Встревоженный до глубины души великій князь съ ужасомъ схватилъ себя за голову и сейчасъ-же послалъ за священникомъ.

— Кто былъ убійца твоей дочери? вскрикнулъ князь, бросившись къ Анастасію.

— Мстиславъ Тмутараканскій — отвѣчалъ проповѣдникъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Отчего-же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ раньше?

— Оттого, что убійца былъ-бы казненъ тобою.

— Но онъ этого заслужилъ? Понимаешь заслужилъ! закричалъ Владиміръ въ раздраженіи.

— Успокойся, царь. Месть не прилична исповѣдывающимъ христіанство и при томъ, развѣ я этимъ возвратилъ бы мое единственное сокровище земное? Богу угодно было дать мнѣ утѣшеніе, но кто знаетъ, почему онъ принялъ его съ глазъ моихъ? Не мѣшала ли она служить мнѣ душою и тѣломъ Іисусу Христу? Не сталъ-ли бы я грѣшный крушиться за нею, еслибъ она покинула меня? Тогда какъ теперь она предстала предъ Господомъ чистою, а я буду попрежнему невдали отъ нея. Боже, благодарю тебя и за эту милость! проговорилъ священникъ, поднявъ глаза къ небу, но въ туже минуту залился слезами.

— Анаѳема! сказалъ Владиміръ — онъ не пощадилъ этихъ святыхъ сѣдинъ отца, онъ не пожалѣлъ ея юности и красоты и не съумѣлъ оцѣнить тѣхъ великихъ услугъ, которыя она оказала для будущей славы Россійскаго народа. Анаѳема! да погибнетъ та земля, гдѣ ты ступишь ногою, и да постигнетъ тебя подъ старость таже участь отъ лютаго врага.

— Перестань, царь, извергать изъ священныхъ устъ твоихъ хулу на сына и забудь бѣдную дѣвушку, которая будетъ съ большимъ усердіемъ служить тебѣ на небѣ. Да благословитъ тебя Христосъ на добрыя дѣла! Оставь насъ поскорѣй и спѣши къ тѣмъ, которые ожидаютъ тебя, какъ свѣтильникъ для разогнанія тьмы. Прощай, благодѣтель Россіи и равноапостольный царь!

Владиміръ принялъ въ объятія благочестиваго старца и умолялъ его взять отъ него какое-нибудь вознагражденіе, но Анастасій довольствовался братскимъ поцѣ-

луемъ и тѣмъ, что получилъ свободу продолжать начатые имъ труды въ степяхъ Таврики.

День спустя въ Херсонесѣ не оставалось ни единаго Росса. Надъ шумнымъ городомъ, казалось, лежала траурная пелена и никого почти не видно было на недавно оживленныхъ улицахъ.

Прошли годы. На мѣстѣ большаго холма, съ котораго Эльпида выпустила стрѣлу къ ногамъ Русскаго царя, появился обширный храмъ во имя св. Василія, въ которомъ настоятельствовалъ глубоко чтимый священникъ Анастасій.

Въ одно время къ священнику этому собралось нѣсколько представителей отъ Климатовъ съ жалобою, что имъ не въ моготу жить отъ враждебныхъ Хазаровъ, которые вновь силятся возстановить свое господство въ Таврикѣ и крайне безпокоятъ частыми набѣгами на поселенія и захватываютъ стада, пасущіяся на горахъ.

— Мы желаемъ отправить изъ Херсонеса депутацію въ Константинополь—говорили они—авось императоръ пришлетъ свои войска и избавитъ насъ отъ разбойниковъ.

Это будетъ очень разумно, отвѣчалъ священникъ, но я готовъ вамъ посовѣтовать послать въ добавокъ когонибудь и къ Россійскому царю въ Кіевъ, такъ какъ онъ обѣщалъ торжественно быть защитникомъ и покровителемъ вашимъ во время выѣзда изъ Херсонеса и въ знакъ обѣщанія вручилъ одному изъ топарховъ свой золотой перстень съ надписью.

— Перстень этотъ нынѣ утерянъ, а мы боимся безъ него являться къ нему.

— Это не можетъ служить вамъ помѣхою и я, пожалуй, съ своей стороны напишу ему, что дорогой подарокъ его утерянъ случайно. Послушайте меня, друзья, возвратитесь лучше домой, обсудите хорошенько мой совѣтъ и изберите изъ среды вашей достойнѣйшаго, который и отправится съ моимъ письмомъ къ могущественному и добродѣтельнѣйшему изъ царей земныхъ.

Старѣйшины направились къ стратегу городскому, но, услышавъ и отъ него тотъ же совѣтъ, возвратились домой и, собравъ почетнѣйшихъ изъ обитателей, объяви-

ли имъ о необходимости обратиться за помощью къ Росскому царю, воспріявшему св. крещеніе въ Херсоницѣ. Народъ выразилъ сомнѣніе, чтобы Владиміръ принялъ въ нихъ участіе, и продолжалъ настаивать на посылкѣ пословъ только въ Византію.

— Братья мои, сказалъ одинъ изъ старѣйшинъ, выслушайте и меня. Росскій царь настолько силенъ и могущественъ и въ такихъ братскихъ отношеніяхъ состоитъ съ нашими императорами, что однимъ словомъ приведетъ враговъ нашихъ въ трепетъ и мы выиграемъ отъ этого гораздо больше, чѣмъ отъ войска Константинопольскаго, которое проживетъ на нашъ счетъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратится обратно, не удовлетворивъ нашей надобности. Враги наши, послѣ ухода императорскихъ воиновъ снова будутъ безпокоить насъ и, что еще хуже, соединятся съ другими номадами степей и окончательно поработятъ нашу страну. Росскій же царь отыщетъ ихъ вожаковъ и накажетъ не подходить къ нашимъ землямъ. Такимъ образомъ, мы избавимся отъ нашихъ непріятелей.

— Мы согласны съ тобою и готовы избрать тебя посломъ нашимъ.

— Я охотно приму ваше порученіе и представлю подробный отчетъ въ поѣздкѣ, но для этого вы должны составить просьбу объ оказаніи намъ милости или покровительства и чтобы все духовенство приложило церковныя печати къ хартіи.

— Все это будетъ сдѣлано, нашъ достопочтенный Юргаки, отвѣчали члены собранія и немедленно приступили къ составленію посланія.

Три дня спустя Юргаки съ довѣренностію отъ Климатовъ прибылъ въ Херсонесъ къ патеру Анастасію, который въ свою очередь вручилъ ему пространное описаніе о всѣхъ событіяхъ, совершившихся въ Таврикѣ со времени выхода великаго князя, о служеніи его въ церкви, построенной княземъ, гдѣ покоится дорогой прахъ Эльпиды, въ заключеніе, рекомендуя Юргаки за честнѣйшаго и достойнѣйшаго изъ Климатовъ, убѣдительно просилъ оказать покровительство свое вѣрителямъ его.

Юргаки выѣхалъ. Два мѣсяца спустя онъ возвратил-

ся въ Херсонесъ и указывая на большую царскую грамоту и дорогія одежды, пожалованныя ему лично княземъ, объявилъ, что россійкій царь такъ милостиво принялъ ходатайство Климатовъ, что на другой же день послалъ многихъ гонцовъ въ пограничныя мѣстности къ степямъ Таврики съ заявленіемъ, чтобы немедленно составлялись рати и дружины для избавленія единовѣрныхъ братій въ Таврикѣ отъ безбожныхъ Хазаровъ, къ которымъ вождемъ прибудетъ престарѣлый, но еще бодрый Свенки и кромѣ этого, чтобы не обидѣть византійскихъ шуряковъ своихъ, просилъ и ихъ выслать войска свои противъ непріятеля, дерзавшаго безнаказно издѣваться надъ подданными ихъ, которыхъ онъ въ равной степени любитъ и сдѣлалъ уже распоряженіе объ оказаніи защиты.

— А видѣлъ ли ты царицу Анну и друзей, ушедшихъ изъ нашего города?

— Они съ восторгомъ бросились ко мнѣ, точно я былъ ихъ братомъ. Всѣ они наслаждаются счастіемъ и усердно трудятся надъ сооруженіемъ божьихъ храмовъ и народныхъ школъ.

— Спрашивали ли обо мнѣ эти добрые люди?

— Да, они постоянно вспоминали о тебѣ и въ особенности царь съ царицею, которые обѣщали въ непродолжительномъ времени прислать къ тебѣ нарочнаго посланника съ дарами для церкви своей и просьбою, чтобы ты переселился къ нимъ.

Священникъ тяжело вздохнулъ.

— Будь жива моя дочь, я съ удовольствіемъ исполнилъ бы ихъ желаніе. Но теперь, когда у меня ничего больше нѣтъ кромѣ праха моей Эльпиды, я не разлучусь съ нимъ и при жизни и послѣ смерти.

Изъ историческихъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ, намъ извѣстно только, что послѣ 988 года между Владиміромъ и его шурьями, Константинопольскими императорами, установились такія дружественныя отношенія, что онъ неоднократно присылалъ имъ вспомогательныя войска, а родственникъ его Свенки, въ 1016 году вмѣстѣ съ Византійцами уничтожилъ послѣдніе остатки хазарскаго владычества въ Тавридѣ.

КОНЕЦЪ.

2007041524